ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЯТЫЙ (ВОСЕМНАДЦАТЫЙ)

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 74347
Гиз № 17861. Тираж 2.500.

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г.

Печатаемые ниже документы начала 1900 года представляют огромный исторический интерес. Долгие годы господствовало мнение, что дальне-восточная и ближне-восточная политика Николая II — два отрезанных ломтя. «Увлекшись» Дальним Востоком, Николай «забыл» о Константинополе. А после дальне-восточной неудачи он к Константинополю «вернулся».

Все это — отрыжка старых оценок русской внешней политики, отправлявшихся от того, что сообщали в свое время газеты. Но если человеческий язык, по словам одного дипломата, служит для того, чтобы скрывать мысли своего обладателя, то газеты для буржуазной дипломатии служат средством скрывать действительную политику этой дипломатии. Крупные повороты внешней политики почти всегда бывают для наивной публики «внезапными», потому что этой публике всегда старательно отводят глаза от того, что должно случиться. Николай и его министры говорили «Порт-Артур», а думали в то же время: «Константинополь». И на Дальнем Востоке и на Ближнем преследовалась о д н а цель — нанести возможно более чувствительный удар Англии, «исконной, наиболее опасной сопернице» царской России.

Бурская война, казалось, создавала момент чрезвычайно благоприятный, «дабы извлечь возможные политические выгоды» в данном направлении, — и у русской дипломатии, что называется, глаза разбегались: и Босфор хорошо захватить, и в Корее есть лакомые куски, и в Персию недурно забраться, и к Индии, через Афганистан, следует подойти поближе. И, прикрываясь «общественным мнением», ловко инсценированным через печать, министр Николая II ставит все эти вопросы перед своими коллегами. Но коллеги, на долю которых выпадало практическое выполнение гениальных планов дипломатии, оказались на много градусов холоднее, чем автор планов, — и министр иностранных дел, вместо сочувствия встретил разные оттенки недоброжелательства, от явной насмешки до сухого отказа. При этом каждое ведомство подходило со своего конца. Адмирал Тыртов не прочь был от захватов на Дальнем Востоке, но с явной иронией относился к дипломатическим вожделениям насчет Босфора. Куропаткин интересовался в особенности именно последним, но заявлял, что, пока не построена Оренбурго-Ташкентская дорога, о войне с Англией нечего и думать. И, наконец, Витте без обиняков указывал Муравьеву, что поставленные себе дипломатами задачи могут быть разрешены лишь «ценою самой решительной европейской войны», а денег нет, и ждать их неоткуда. В конце концов все три ведомства оказывались «согласны в одном, а именно, в необходимости предоставить разрешение всех намеченных ими первостепенных задач — дипломатическому искусству», на каковую горькую иронию, граничащую с сарказмом,

ведомство иностранных дел не находило другого ответа, кроме восклицательных знаков.

Одобренные уже Николаем планы осуждены были остаться в архивах. А разразившееся через шесть месяцев «боксерское восстание» заставило позабыть о бурской войне, хотя последняя далеко еще не окончилась. Но как памятник вожделений царской дипломатии накануне русско-китайской войны 1900 года записка Муравьева сохраняет все свое значение. Может быть, ни один документ не дает такого ясного представления о том, каким унижением для царизма было соглашение с Англией в 1907 году. Условия этого соглашения в том, что касается Персии, обсуждаются здесь в самом пренебрежительном тоне: Россия уже и так всё это имеет; а семь лет спустя пришлось англичанам кланяться в пояс и за северную Персию, «которая и без того находится уже в руках России и является совершенно недоступной для иностранцев». И с неподражаемым, истинно эпическим, цинизмом записка Муравьева изображает, как это достигается: не позволяют персам строить у себя железных дорог — вот и все, что, конечно, нисколько не мешает постройке «нашей» стратегической железной дороги — к границам Персии.

М. Покровский.

Публикуемые документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в составе фонда «Секретного архива министра». Они заключены в папке с обозначением: «1900. Personnel et trés-secret. № 29» и объединены под общим инвентарным номером 808. Внутри обложки документы обернуты листом белой линованной бумаги с заголовком: «Задачи военной политики России на Дальнем Востоке. Отзывы министров». Документы воспроизводятся в том порядке, в каком они расположены в папке. Текст публикуемых документов подготовил к печати А. Л. Попов. *Ред.*

I. Копия всеподданнейшей записки министра иностранных дел [1]).

Разыгравшиеся на африканском материке с начала осени минувшего года события сосредоточили на себе всеобщее внимание и приобрели в глазах правительств почти всех государств особливую важность по тем неожиданным последствиям, к которым привело столкновение сравнительно ничтожных военных сил двух небольших южноафриканских республик с войсками могущественной Англии.

Война с бурами, которая по обстоятельствам, вызвавшим серьезные разногласия между сент-джемским кабинетом и правительством Трансвааля, казалось, должна была оставаться в рамках частного, эпизодического явления английской колониальной политики, — возросла до размеров события мирового интереса.

Со времени получения первых же известий об успехах оружия трансваальцев все симпатии и сочувствие общества как в континентальной Европе, так и в Америке явно выражались в пользу буров, выступивших в защиту своих прав, свободы и независимости; а на ряду с этим, несмотря на постигшие великобританские войска бедствия, все сильнее и резче сказывалось чувство неприязненного воз-

[1]) Записка была представлена Николаю II «на благовоззрение». На полях ее имеется помета: «Высочайше одобрено. 25 января 1900 г.».

буждения против англичан, затеявших неправое дело ради материальных целей и тотчас вслед за успешным завершением трудов созванной по великодушному почину русского царя Гаагской конференции, положившей основы мирного разрешения международных недоразумений.

Но, помимо этих чисто нравственных причин, столь определенно очерченное отношение к воюющим сторонам, повидимому, находило себе оправдание в историческом прошлом последних десятилетий.

Действительно, за истекшие полвека Англия вследствие своей алчной, корыстной и эгоистической политики успела возбудить против себя неудовольствие почти во всех государствах континентальной Европы; пользуясь своим исключительным островным положением, первыми по силе и могуществу военным и коммерческим флотами, англичане сеяли раздор и смуту среди европейских и азиатских народов, извлекая для себя из этого всегда какую-либо материальную выгоду. Почти все государства в большей или меньшей степени испытали на себе неблагоприятные последствия таковой политики, и неудивительно посему, что известия о неудачах, понесенных английскими войсками в борьбе с бурами, вызвали повсюду чувство нравственного удовлетворения, чтобы не сказать — удовольствия; по мере же того, как дальнейшие осложнения в Африке требовали от Великобритании большего напряжения сил, — общественное мнение и печать за границею все определеннее стали проповедывать необходимость для государств Европы воспользоваться благоприятною минутою, дабы извлечь возможные политические выгоды и, пока Англия поглощена войною, вознаградить себя там, где при других условиях пришлось бы несомненно натолкнуться на «великобританские интересы».

Отголосок такого настроения Европы обнаружился и в среде русского общественного мнения, широко поддержанного всеми органами как столичной, так и провинциальной печати. Высказанная у нас в виде разнообразных, но смутных пожеланий мысль о соответственных приобретениях для России приняла, как это всегда бывает, в заграничных и главным образом английских изданиях более определенную форму: иностранные газеты спешили поведать о готовых уже обширных планах занятия нами Кабула, Герата, портов Персидского залива и пр., в уверенности, что Россия, считающая Англию своею исконною, наиболее опасною соперницею, неминуемо должна воспользоваться ее затруднениями, дабы нанести ей чувствительный удар в Средней Азии либо на Дальнем Востоке.

Нет сомнения, что с принципиальной точки зрения подобные выводы не находят себе оправдания в историческом прошлом России, несогласны ни с духом, ни с заветными преданиями ее политики, направляемой державною волею русских государей. Россия, не раз поднимавшая меч в защиту угнетенных единоверных народов, никогда не руководствовалась теориями «оппортунизма» и не прибегала

к оружию с целью достигнуть не вызываемой насущною потребностью материальной выгоды, пользуясь лишь невзгодами своего соседа. Россия всегда и повсюду смело становилась лицом к лицу со своим врагом или соперником в ту именно минуту, когда того требовали ее государственные интересы, либо когда приходилось победоносно отражать воздвигаемые против нее козни. С другой стороны, нельзя признать основательными и те доводы, которые высказываются в пользу желательности непосредственного участия России в борьбе Великобритании с малосильными бурами, отстаивающими свою независимость. В самом деле, может ли Россия прямым вмешательством в чуждое ей дело итти навстречу осложнениям, которые в конце концов, вероятно, привели бы ее к необходимости жертвовать жизнью и благосостоянием ее сынов. Впрочем, императорское правительство оказало уже возможную в настоящее время поддержку африканским республикам как в виде щедрой помощи раненым и больным бурам, так и при посредстве соответствующих военных распоряжений, долженствующих ограничить свободу действий Англии.

При обсуждении настоящего положения дел, вызванного кровавыми событиями на африканском материке, нельзя, однако, терять из виду того обстоятельства, что некоторые из континентальных держав, пользуясь именно отвлечением сил и внимания Англии, успели заручиться более или менее значительными выгодами, могущими повлиять на общее политическое положение и современем отразиться до некоторой степени на интересах России.

В виду таковых соображений, само собою разумеется, императорское правительство не могло долее, без риска впасть в противоположную ошибку, уклоняться от тщательного рассмотрения и обсуждения настойчиво возбуждавшегося и общественным мнением, и печатью вопроса: не следует ли, действительно, России воспользоваться благоприятно сложившимися обстоятельствами, если не с целью каких-либо территориальных захватов, в коих ей надобности не представляется, то, по крайней мере, в видах достижения с возможно меньшею затратою сил одной из стоящих на очереди политических задач? А в случае утвердительного разрешения этого вопроса, то в какой именно сфере интересов должны быть направлены действия России и, наконец, в союзе ли с другими державами, либо вполне независимо от постороннего соучастия?

Отношение европейских держав к событиям в Африке.

При ближайшей оценке положения, занятого в настоящем случае наиболее заинтересованными державами, — нельзя было не притти к заключению, что мысль об участии России в каком бы то ни было союзе или коалиции этих держав против Англии должна быть совершенно исключена из обсуждаемой программы действий России. В самом деле:

1. Правительство Северо-Американских Соединенных Штатов, невзирая на всеобщее неприязненное по отношению к Англии настроение американских общественных сфер, открыто заявило, что. при современном направлении ее политики, Америка отклоняет всякие союзы по делам, непосредственно ее не касающимся.

Таковое рещение, не связывая рук вашингтонского правительства, дает северной республике возможность спокойно выжидать последующего хода событий в Африке.

2. Во Франции, где и общество и печать особенно резко нападают на Англию, под влиянием воспоминаний о Фашоде, правительство, однако, слишком озабочено как вопросами внутренней политики, так и приготовлениями к предстоящей всемирной выставке, чтобы решиться на какие-либо открытые, даже в союзе с Россиею, действия против Великобритании. Тем не менее, затруднительное положение Англии представило для Франции удобный случай достигнуть выгодного соглашения с Англией в давнишнем спорном деле о расширении ее концессии в Шанхае и без всяких опасений приступить к решительным мерам в целях закрепления территориальных приобретений своих в бухте Гуан-шан-ван.

3. Есть основание полагать, что римский кабинет успел заручиться какими-либо обещаниями Англии поддержать домогательства Италии в ее владениях в Северной Африке, так как иначе трудно было бы объяснить полученные в последнее время из Берлина известия о намерении великобританского правительства, в случае отозвания войск из Египта, поручить оккупацию этой области войскам короля Гумберта.

4. Австрийское правительство, всецело поглощенное внутреннею парламентскою борьбою, придерживается нейтрального по отношению к Англии положения. Для Австро-Венгрии это представляется тем естественнее, что, при отсутствии у нее заморских колоний, интересы названной монархии нигде не приходят в соприкосновение с английскими.

Руководствуясь, повидимому, этими соображениями, граф Голуховский, при объяснениях в комиссии венгерской делегации, выразил твердую уверенность, что возникшая в Африке борьба сохранит местный характер и что посему нет основания опасаться, чтобы из-за нее могли произойти более обширные осложнения.

5. Наконец, что касается Германии, — то образ действий ее верховного главы показал, что, вопреки общественному мнению, господствовавшему в среде всех немецких партий, открыто ратовавших за оказание помощи бурам, император признал более выгодным для Германии, сохраняя наружный нейтралитет, войти в непосредственные, вполне самостоятельные соглашения с Англиею.

В расчетах своих император Вильгельм, повидимому, не ошибся: Англия, имевшая более всего основания опасаться неприязненных действий со стороны своей главной соперницы в области колониаль-

ной и торговой политики, не замедлила вступить в полюбовные сделки с Германией.

Купив, тотчас вслед за открытием в Трансваале военных действий, острова Самоа ценою дружбы своей, Германия за время пребывания императора Вильгельма в Лондоне могла легко заручиться и какими-либо иными обещаниями со стороны великобританского правительства.

Как бы то ни было, в конце минувшего года германскому Анатолийскому Обществу удалось получить концессию на продление Конийской железной дороги чрез Багдад на Бассору, сооружение коей с давних пор составляло предмет домогательств самой Великобритании. Поступаясь, в виду серьезного для нее оборота африканских событий, своими торговыми интересами в Малой Азии в пользу немцев, Англия, по всей вероятности, не чужда была при этом расчета возбудить серьезное неудовольствие России против Германии и таким образом обострить их взаимные отношения на почве Турецкого Востока.

Отношение России к событиям в Африке.

Из этого беглого обзора с очевидностью обнаруживается, что о союзных действиях России с кем бы то ни было против Англии, как сказано выше, не может быть и речи: наиболее заинтересованные державы поспешили обеспечить за собою в настоящем или в недалеком будущем возможные, при испытываемых Англиею затруднениях, политические выгоды.

Само собою разумеется, что именно совокупность этих обстоятельств и возбудила в России — надежды, а в Европе — уверенность, что императорское правительство в свою очередь не замедлит заручиться — если уже не заручилось — какими-либо соответствующими «компенсациями».

В чем же, однако, могли бы заключаться желанные для России компенсации? Не достигнуто ли ею уже что-либо в этом направлении, и чего следует ей еще добиваться?

Печать указывала на возможность, во-первых, приобретения портов в Средиземном и в Черном морях либо в Персидском заливе; во-вторых, насильственного занятия пунктов в Малой Азии, оккупации северной части Персии, Герата, Афганистана либо, наконец, каких-нибудь стратегических позиций на Дальнем Востоке.

Небесполезно остановить внимание на каждом из этих предположений, дабы определить, в какой степени осуществление оных может представить действительные политические либо стратегические выгоды для России.

В числе портов Средиземного моря, долженствующих для России иметь значение, как общественное мнение, так и газетные органы указывали, главным образом, на бухту Цеуты, которая, благодаря географическому положению вблизи Гибралтара, приобрела бы для России первостепенную стратегическую важность на случай

войны ее с Англией. Покупка этого порта у Испании должна была, по весьма распространенному мнению, вместе с тем служить ответом России на занятие Англией Вей-хай-вея, вблизи Порт-Артура.

Оставляя в стороне далеко не выясненное обстоятельство, в какой мере можно рассчитывать на готовность испанского правительства продать имеющую для державы этой немаловажное значение Цеутскую бухту, нельзя прежде всего не задаться более существенным вопросом о том: действительно ли России необходимо иметь, на случай войны с какою бы то ни было европейскою державою, морскую станцию в бассейне Средиземного моря?

Казалось бы, что на этот вопрос имеется уже вполне определенный ответ со стороны наиболее компетентного в этом деле ведомства; по мнению нашего морского министерства, для военного времени угольные станции, конечно, имели бы важное значение, служа базами для действия наших крейсеров и даже эскадр; но, чтобы эти станции могли оказать такую услугу нашему флоту, будет необходимо их у к р е п и т ь и о х р а н я т ь в о е н н о ю с и л о ю, иначе ничем не защищенные станции в самом начале войны станут б е з н а к а з а н н о л е г к о ю д о б ы ч е ю н е п р и я т е л я. Создание таких опорных пунктов п р е д с т а в л я е т в е с ь м а с л о ж н у ю з а д а ч у и в ы з о в е т з а т р а т у б о л ь ш и х д е н е ж н ы х с у м м.

Приведенные соображения, очевидно, в одинаковой степени применимы ко всем другим угольным станциям и не только в Средиземном море, но даже и в бассейне Персидского залива до тех пор, пока последний не будет связан прямым путем с нашею операционною базою в Закавказье или в Средней Азии.

Что касается, наконец, портов на Черном море и, в частности, указанного печатью Бургаса, то едва ли приобретение его достигло бы предполагаемой цели. В самом деле, утверждение наше на Румелийском берегу могло бы иметь для нас значение лишь как ближайший пункт по пути к занятию проливов; но для этого пришлось бы в Бургасе содержать не 2—3 судна, а целую эскадру.

Оставляя в стороне все технические и материальные затруднения, с которыми сопряжено было бы осуществление означенного плана, нельзя, прежде всего, не заметить, что переселение нашей эскадры из Севастополя в Бургас имело бы ближайшим результатом поспешное и, конечно, весьма существенное укрепление турками проливов, именно в целях преграждения нам доступа к Босфору. Помимо сего, весьма вероятно, что и другие державы не замедлили бы занять какой-либо порт в ближайшем расстоянии от Дарданелл.

Б л и ж а й ш и е з а д а ч и Р о с с и и в Т у р ц и и.

Совершенно иное значение имело бы осуществление заветного исторического призвания России — утвердиться на берегах Босфора. Необходимость и неизбежность этого события настолько укоренились

в сознании всех, что представляется излишним доказывать выгоды для России обладания проливами.

Однако последствия такового утверждения России в проливах были бы настолько многозначительны, что обсуждение вопроса о том, в какой степени занятие Босфора ныне осуществимо и действительно ли оно вызывается современными политическими обстоятельствами, должно быть предметом особого совещания представителей всех подлежащих ведомств.

Одно соображение ныне же является неоспоримым: это — безусловная необходимость для нас быть готовыми предупредить наших соперников на берегах Босфора и принять все меры к тому, чтобы в каждую данную минуту, когда обстоятельства будут признаны к тому особенно благоприятными либо вероятность чужого занятия станет очевидною, мы могли бы внезапно, с верным залогом на успех, сами утвердиться на берегах Босфора.

Подвергая самому тщательному изучению этот важный вопрос, подлежащие ведомства прежде всего должны озаботиться выяснением:

1. В чем должны заключаться средства полной подготовки в военном и морском отношениях плана занятия Босфорского пролива;

2. каковы наиболее верные способы благополучного и, в случае надобности, внезапного осуществления этого предприятия и

3. не следует ли ныне же приступить к устройству между Одессою и Болгарией прямого телеграфного провода, который и находился бы вполне в наших руках.

Далее, в целях ограждения интересов России в Малой Азии указывалось на необходимость занятия нами каких-либо укрепленных пунктов в этой области.

Уже не говоря о том, что подобное решительное мероприятие равносильно было бы открытию военных действий против Турции и могло бы повлечь за собою самые опасные и непредвиденные осложнения, нельзя не заметить, что поставленные нами ныне в Константинополе условия, в случае принятия их султаном, будут несомненно служить более верным обеспечением ближайшей к Черному морю и нашей кавказской границе части Малой Азии от нашествия иностранцев.

В самом деле, если мы добьемся согласия султана на отграничение определенного района по южному берегу Черного моря, в пределах коего ни одной иностранной державе не будет даваемо ни железнодорожных, ни иных концессий, и если одновременно возможно будет заручиться обязательством Турции не укреплять Босфора, то таковые результаты до поры до времени представят для нас достаточное удовлетворение за выданную немцам концессию на сооружение Багдадской дороги и дадут нам возможность спокойно выжидать дальнейшего хода событий на Турецком Востоке.

Соображения эти, повидимому, имеют за собою тем более оснований, что, по полученным в последнее время данным, осуществление на практике Багдадской концессии встретит многообразные и сложные препятствия как в материальном, так и в техническом отношениях; сами администраторы Анатолийского Общества убеждены, что будущая железная дорога еще не скоро окажется доходною и что к постройке ее невозможно приступить, если турецкое правительство не обеспечит за Обществом соответствующую километрическую гарантию.

Все это указывает на то, что значение достигнутого Германиею успеха было на первых порах слишком преувеличено.

Во всяком случае, дабы в этой области не оставалось никаких недоразумений, мы сочли необходимым открыто поставить в Берлине вопрос о том, в каких условиях мы признаем возможным ближайшее соседство наше с немцами у Черного моря; не встречая возражений против стремления Германии заручиться в Турции новыми рынками для сбыта произведений ее промышленности, мы ни под каким видом не можем допустить попыток ее играть первостепенную роль на берегах Босфора, где у нас имеются неоспоримые исторические задачи.

Император Вильгельм, как явствует из его неоднократных разговоров с нашим послом, старался заверить, что в планы Германии никогда не входило оказывать какое-либо препятствие к осуществлению Россиею ее политических целей в Турции и что посему о какомлибо столкновении наших взаимных интересов, столь разнящихся по существу, не может быть и речи.

В том же приблизительно смысле высказывался не раз и германский статс-секретарь по иностранным делам. Но так как в столь важном вопросе мы, очевидно, не можем довольствоваться одним платоническим признанием германским правительством наших первостепенных политических интересов в Турции, то нашему послу в Берлине поручено было, при дальнейших объяснениях по сему предмету, подготовить почву к соглашению, которое ясно подтверждало бы данное в свое время дедом императора Вильгельма, его родителем и им самим заверение в том, что Германия действительно признает исключительно за Россиею право ограждения, а в случае необходимости, и фактического занятия Босфора.

Задачи в Персии.

В связи с вопросом о поступательном движении немцев в Малой Азии в печати возбуждался и вопрос о тех задачах в Персии, скорейшее осуществление коих желательно именно как противовес вышепомянутому явлению; при этом предполагалось, что так как Германия затеяла постройку дороги к Персидскому заливу с за-

п а д а, то мы должны бы немедля начать сооружение дороги к тому же проливу с с е в е р а.

Вопрос о пользе постройки нами железных дорог в Персии подвергался тщательному обсуждению императорским правительством и разрешен был в о т р и ц а т е л ь н о м с м ы с л е как по финансовым, так и по политическим соображениям.

В самом деле, главные затруднения к осуществлению железнодорожных предприятий в Персии заключаются в приискании строительного капитала, ибо при современном разоренном состоянии Персии трудно допустить, чтобы торговля ее с Россией могла обеспечить доходность более или менее значительного протяжения железного пути; затем, наша государственная казна едва ли в состоянии принять на себя столь непроизводительное бремя; а русские капиталисты, если бы пришлось прибегнуть к их содействию, потребовали бы гарантий, истребование коих от персидского правительства было бы несогласно с нашими интересами в Персии.

Помимо сего, в случае получения нами концессий на железные дороги в северной Персии, мы не в силах были бы помешать англичанам добиться права постройки железного пути от Персидского залива к центру Персии, т.-е. такой дороги, которая облегчила бы доступ английских произведений на север Персии в ущерб сбыту наших продуктов.

Все эти соображения и побудили императорское правительство еще в 1890 году истребовать от покойного шаха Наср-Эддина обязательство, в силу коего он обещал в течение 10 лет не разрешать иностранцам постройки дорог в Персии под условием, чтобы и мы не строили таковых.

Так как подобная постановка вопроса представляла для нас во многих отношениях существенные выгоды, то, в виду истекавшего в конце настоящего года срока помянутого соглашения, мы признали безусловно необходимым потребовать от шаха продления данного его отцом обязательства на новый 10-летний срок. Возбужденные по сему поводу переговоры на-днях увенчались полным успехом.

Однако на этом нам отнюдь не следует успокаиваться и, в предотвращение возможных случайностей, не медлить [1]) долее сооружением дорог на нашей собственной территории по направлению к границам Персии.

По представлению нашего министерства путей сообщения, выбор направления русских дорог для подхода к персидской границе имеет связь с предположениями о дальнейшем продолжении их современем в глубь Персии, вследствие чего необходимо было бы произвести соответствующие исследования в пределах этого государства.

Во исполнение таковых предположений министерством иностранных дел сделаны были надлежащие сношения, и персидское прави-

[1]) Так в оригинале.

тельство согласилось допустить производство железнодорожных изысканий. Надо надеяться, что командированные в минувшем году с этою целью в Персию русские инженеры успешно выполнили возложенное на них поручение и что в ближайшем времени возможно будет приступить к соединению Закавказья с границами Персии столь необходимыми железными путями.

Но если в силу вышеупомянутого, недавно продленного, соглашения с шахским правительством мы отказываемся от сооружения дорог в Персии, которое лишь в будущем явится средством закрепления нашего исключительного влияния в стране, то само собою возникает вопрос, не должны ли мы, пользуясь благоприятною минутою, принять теперь же неотложные меры в виду обнаруживаемого Англиею стремления прочно утвердиться на берегах Персидского залива?

В числе таковых мер указывалось, между прочим, на необходимость либо: 1) занятия нами порта в Персидском заливе, либо 2) формального заявления о том, что мы не допустим нарушения неприкосновенности персидской территории; либо, наконец, 3) полюбовного соглашения с Англиею о разделе сфер влияния в Персии.

По первому пункту приведены уже выше общие соображения, указывающие на бесцельность занятия нами портов, защита коих не может быть вполне обеспечена; к сказанному следует прибавить, что устройство стратегических позиций и угольных станций, отрезанных дальним расстоянием от операционной базы, разбрасывает силы государства и обходится настолько дорого, что выгода от них в большинстве случаев не искупает вызванных ими материальных жертв.

Официальное заявление императорского правительства о том, что оно не допустит какого бы то ни было и кем бы то ни было нарушения целости и неприкосновенности персидской территории, казалось бы, может иметь несомненно хорошие, но вместе с тем и опасные последствия; а посему к окончательному решению по этому вопросу надлежит приступить с большою осторожностью.

В самом деле, открытое заявление наше в вышеизложенном смысле, очевидно, произвело бы благоприятное для нас впечатление в Персии и, быть может, несколько умерило бы поступательные замыслы Англии, особливо в настоящее время, когда все силы и внимание ее сосредоточены на африканском материке.

Но, с другой стороны, обещание наше во всякую минуту выступить в защиту территориальных прав Персии возложило бы на нас весьма тяжелую необходимость держать в постоянной боевой готовности войска на нашей границе и, во всяком случае, лишило бы нас свободы действий на севере Персии, где мы в настоящее время являемся единственными и полными хозяевами.

Казалось бы, что при данных обстоятельствах более существенное значение имело бы не официальное заявление в вышеизложенном смысле, а совершенно доверительное предупрежде-

н и е шахского правительства о том, что если бы слухи о попытках англичан занять какой-либо порт или часть территории у Персидского залива подтвердились, то Россия ни в каком случае не останется безучастною зрительницею подобного попустительства со стороны шаха и должна будет принять соответствующие меры для восстановления своих интересов в Персии.

Что касается, наконец, раздела сфер влияния между Россиею и Англиею, го, не говоря уже о том, что подобное, противное традициям русской политики в Персии, соглашение с Англиею могло бы вызвать самые невыгодные для нас толки в Тегеране, нельзя не заметить, что разделение сфер влияния и на практике не принесло бы нам никакой пользы.

Действительно, единственно возможная в данном случае граница была бы, конечно, географическая, при чем северная Персия поступила бы в сферу России, а южная — в сферу Англии; но, как сказано выше, север Персии и без того находится уже в руках России и является совершенно недоступным для иностранцев; признавая же официально за Англиею право распоряжаться единолично на юге, где ее влияние далеко не укрепилось исключительно за нею, мы тем самым заранее добровольно ставим преграду к дальнейшему вполне возможному для нас движению за пределы северных провинций Персии.

Казалось бы, что лучшим и наиболее верным, хотя медленным, средством борьбы с Англиею на персидской почве представляется возможно широкое поощрение русских торговых и промышленных предприятий; сооружение колесных путей к ближайшим от нас рынкам Персии; развитие мореходных сообщений на Каспийском море; устройство Энзелийского порта; улучшение почтовых и телеграфных сношений.

Состоявшееся на-днях заключение в России персидского займа, обеспеченного почти всеми ее таможенными доходами, будет, несомненно, служить сильным орудием в наших руках для развития нашего экономического положения и вящшего укрепления политического обаяния России в Персии.

Задачи в Афганистане.

По весьма распространенному мнению, неудачи, постигшие Англию на африканском материке, будут иметь наиболее опасные последствия для ее значения и могущества в пределах Индии и в средне-азиатских ее владениях. А посему предполагалось, что России надлежит воспользоваться именно настоящею минутою, чтобы выдвинуть свою средне-азиатскую границу по направлению к северному Афганистану с целью занятия Герата, как одного из важнейших стратегических пунктов для будущего нашего наступления в Индию.

Хотя до сих пор ни в Индии, ни в Афганистане не замечается каких-либо неблагоприятных для Англии отголосков, несмотря на полную вероятность проникновения туда подробностей о ходе афри-

канской войны, все же нельзя оспаривать справедливость предположения, что известие о неудачной борьбе Англии с горстью буров в конце концов должно будет способствовать подъему духа в среде индийских и среднеазиатских народностей, недовольных владычеством Великобритании. Но выводить из этих весьма вероятных последствий необходимость для России предпринимать крайне сложное и рискованное завоевание целой области — едва ли основательно.

Впрочем, вопрос о том, насколько в стратегическом и военном отношениях завладение Гератом представляется необходимым, подлежит, конечно, решению компетентного военного ведомства.

С политической же точки зрения — занятие этой провинции представляется отнюдь нежелательным: оно произвело бы неблагоприятное для России, удручающее впечатление во всей Средней Азии, вызвало бы тревогу в Бухаре и сразу поставило бы нас в открыто враждебное положение по отношению к эмиру афганскому, которому мы, напротив, особливо в виду приведенных в начале главы соображений, должны стараться внушить полное доверие к миролюбивой политике России.

До сих пор этому служило большим препятствием принятое нами в семидесятых годах по соглашению с великобританским правительством решение, во избежание недоразумений, не вступать в прямые сношения с Афганистаном, а обращаться по делам этой страны к содействию лондонского кабинета.

Ненормальность этих условий, создававшая немало затруднений со времени изменившегося в Средней Азии взаимного положения России и Англии, ставших почти пограничными, не ускользнула от должного внимания, и ныне с высочайшего государя императора соизволения послу нашему в Лондоне поручено заявить Великобританскому правительству, что мы не признаем более возможным воздерживаться от непосредственных сношений с владетелем Афганистана.

Воздерживаясь от завоевательных замыслов и установив вполне дружеские, доверчивые отношения с правителем Афганистана, мы, несомненно, приобретем преобладающее в политическом и экономическом отношениях влияние в этих частях Средней Азии. Таковое положение, по всем вероятиям, даст нам возможность в будущем иметь своих представителей не только в Кабуле, но и в Герате и Мазари-Шерифе.

Задачи на Дальнем Востоке.

Что касается, наконец, вопроса о том, следует ли нам при настоящих обстоятельствах искать каких-либо компенсаций на Дальнем Востоке, то, казалось бы, на такой вопрос может быть дан только один отрицательный ответ.

В самом деле, за последние годы все стремления России были направлены к приисканию на Дальнем Востоке удобного незамерзаю-

щего порта, который мог бы отвечать всем условиям, необходимым для главного базиса российского флота в Тихом океане.

Таковые стремления благополучно осуществились заключением в 1898 году соглашения с китайским правительством, в силу коего в арендное пользование России поступила целая территория Квантунского полуострова с двумя портами — военным и торговым, которые в ближайшем времени будут соединены железнодорожными ветвями с великою сибирскою магистралью.

На этой вновь приобретенной территории нам предстоят еще весьма сложные задачи по укреплению военного порта, углублению и расширению бухты, усилению вновь строящимися судами нашей тихоокеанской эскадры и пр. и пр.

Само собою разумеется, что осуществление этих задач возможно лишь при условии мирного течения событий и полного воздержания с нашей стороны от решительных действий, могущих вызвать какие-либо политические осложнения.

А посему рискованные предприятия, вроде занятия острова Каргодо только на том основании, что будто бы стратегическое значение его имеет преимущества пред Порт-Артуром, должны быть исключены из военно-политической программы России.

Если даже допустить, что великобританское правительство, поглощенное африканскою войною, не в состоянии будет оказать препятствия исполнению задуманного нами плана, то не следует терять из виду, что Япония, для которой остров Каргодо имеет не менее стратегическое значение, по всем вероятиям не останется безучастною зрительницею наших завоевательных попыток на Корейских островах.

Спрашивается, можем ли мы итти навстречу осложнениям с Японией, которую мы соглашением 1898 года обязали признавать целость и неприкосновенность Кореи, в полном сознании, что положение наше на берегах Тихого океана еще не обеспечено и что мы легко можем потерять все плоды понесенных уже нами жертв и усилий в целях укрепления этого положения?

На этот вопрос имеется уже определенный ответ военного ведомства, по мнению коего всякие военные действия в Корее, при настоящих условиях, составят для России т я ж е л у ю, д о р о г о с т о я щ у ю и е д в а л и п л о д о т в о р н у ю з а д а ч у.

Только прочно укрепившись в Порт-Артуре и связав его железнодорожною ветвью с Россией, мы можем твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддержать ее силою.

З а к л ю ч е н и е.

Резюмируя все изложенное, нельзя не притти к нижеследующим выводам и заключениям:

А. Настоящее общее политическое положение вещей н е в ы з ы в а е т необходимости со стороны императорского правительства

принятия каких-либо неотложных, чрезвычайных мер ни в виде приобретения путем соглашения какой-либо стоянки для нашего флота, ни при посредстве военного занятия какой бы то ни было территории или стратегической позиции.

Б. В целях ограждения наших первостепенных интересов на турецком Востоке, в Средней Азии, Персии и Дальнем Востоке представляется безусловно необходимым:

1. Сделать все возможное, чтобы побудить султана принять предъявленные ему требования как относительно прекращения работ по укреплению Босфора, так и по отграничению района у побережья Черного моря с железнодорожными обязательствами.

2. Заявить английскому правительству о решении нашем восстановить непосредственные сношения с Афганистаном, что должно послужить первым шагом к более тесному, в интересах наших в Средней Азии, сближению с этою областью. Лишь впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, возможно будет озаботиться учреждением дипломатического представительства в Кабуле.

3. Продолжать начатое военным министерством в минувшем году приведение в состояние боевой готовности войск как Туркестанского округа, так и Закаспийской Области. Таковые мероприятия всегда производят внушающее действие на великобританское правительство, сознающее уязвимость своих пограничных с Россиею владений и непрочность политического владычества своего над свободолюбивыми индийскими племенами, неприязненное отношение коих к Англии, по всем вероятиям, возрастет после неудачной для нее войны в Трансваале.

4. Ускорить исполнение поручения, возложенного на русских инженеров, командированных в Персию для железнодорожных изысканий, и в связи с этим приступить в ближайшем по возможности времени к проведению в Закавказье тех железных путей, которые впоследствии должны служить связующим звеном между русскими и персидскими железными дорогами, а равно ускорить постройку проектированной железной дороги от Оренбурга до Ташкента, в виду особенно важного политического, стратегического и торгового значения этого пути.

5. Поощрять и содействовать развитию русских торговых и промышленных предприятий в Персии; озаботиться сооружением колесных дорог, которые, по указанию военного ведомства, представляют наибольшую важность в стратегическом отношении.

6. Озаботиться устройством порта и пристани в Энзели, развитием мореходных сообщений на Каспийском море, правильных почтовых и телеграфных сношений.

7. Продолжать начатое военным министерством в минувшем году приведение в боевую готовность войск Приамурского военного округа и на Квантунском полуострове.

8. Озаботиться скорейшим оборудованием Порт-Артура и проведением на Квантунском полуострове железных путей, долженствующих связать этот полуостров с сибирскою магистралью.

9. Не терять из виду, что для поддержания на должной высоте могущества России в Тихом океане главным условием является содержание сильной и снабженной всеми боевыми запасами эскадры.

В. Наконец, представляется безусловно необходимым окончательно выяснить весьма серьезный — оставленный в настоящей записке открытым — вопрос о лучших средствах подготовки плана занятия Россиею Босфорского пролива.

Всестороннее обсуждение и постепенное осуществление всех выше перечисленных задач, по существу своему не могущих вызвать каких-либо осложнений на почве международной либо нарушить направляемое высочайшею государя императора волею мирное течение русской политики, несомненно, будет служить вернейшим залогом вящшего преуспеяния России.

2. Письмо управляющего морским министерством министру ин. дел

от 14 (27) февраля 1900 г. № 341.

В. секретно.

Милостивый государь
Граф Михаил Николаевич.

Возвращая при сем препровожденную мне при письме вашего сиятельства записку о задачах нашей политики на Востоке, я не могу не признать высказанных в ней принципов в полном соответствии с направлением нашей политики, за последние десятилетия всеми мерами стремящейся к мирному разрешению международных отношений и выразившейся так определенно в созыве Гаагской конференции.

Высочайшее одобрение записки само по себе узаконивает эти принципы, и они не подлежат обсуждению, тем не менее нельзя не высказать сожаления, что Россия ничего не выигрывает от нынешнего затруднительного положения Англии, которая, конечно, никогда не упустила бы и менее благоприятного стечения обстоятельств для увеличения своих вездесущих интересов. Записка прямо указывает, что другие державы успели заручиться более или менее существенными приобретениями, затрудняющими и уменьшающими так или иначе степень влияния Англии в будущем на их интересы; одна Россия не оградила себя ничем и в будущем, при возникновении затруднений, остается по отношению Англии в таком же положении, как и до сих пор, будучи, однако, уверенной всегда найти Англию на стороне своих противников, а потому всякое обеспечение или упрочение нашего положения на окраинах, совместимое с мирным направлением поли-

тики, служит к ограждению нас от помыслов Англии. С другой стороны, всякая мера, ведущая к ослаблению Англии в каком бы то ни было отношении, есть прямая польза России; на основании же записки в окончательном результате все остается по-старому, и никаких воздействий со стороны России не предполагается, кроме открытия прямых сношений с Афганистаном и стремления обязать Турцию не укреплять Босфора. Последнее требование, однако, представляется несколько непонятным: заставляя Турцию не усиливать укреплений Босфора или даже приостановить работы по устройству укреплений, мы этим самым прямо высказываем наше намерение занять Босфор, так как укрепления его ни против кого, кроме России, значения не имеют.

Переходя затем в отдельности к высказанным в записке взглядам, я вполне разделяю бесполезность приобретения нами угольных станций или каких-либо опорных пунктов вне границ империи, не оправдывающих расходы на их укрепление и содержание там флота, без чего они будут представлять только легкую добычу для неприятеля; равно ничего не имею возразить или дополнить относительно намеченных действий в Персии и Афганистане.

Что же касается необходимости быть всегда в полной готовности предупредить наших соперников на берегах Босфора и принять все меры к тому, чтобы в каждую данную минуту быть готовым внезапно и с верным залогом на успех самим утвердиться на берегах Босфора, то вопрос этот неоднократно разбирался и подробно разрабатывался в различных комиссиях, тем не менее нельзя считать его вполне оконченным вследствие неосуществления, по недостатку средств, мероприятий, намечавшихся комиссиями, почему заключения комиссий не могли быть проверяемы на деле соответственными маневрами или поверочными испытаниями. Внезапное занятие Босфора, составляя вполне самостоятельную и, если можно так выразиться, специальную операцию, вызывает и заготовление специальных средств, как, например, постройки особых транспортов для перевозки артиллерии и кавалерии, изготовление минных заграждений как пассивных, так и активных, последние — в виде большого числа миноносцев и т. п., что из нормального бюджета морского министерства не могло быть пополнено и требовало особых кредитов; а так как весь вопрос велся военным ведомством, и морское министерство привлекалось к нему, собственно, с технической стороны, то испрашивание кредитов на подготовление этой операции также легло на военное же ведомство, которое в этом, повидимому, встретило затруднения, так как заказов на изготовление морских средств экспедиции пока не последовало. В виду этого, если необходимость полной готовности для внезапного занятия Босфора признается в настоящее время настоятельной, то следовало бы безотлагательно вновь обсудить в смешанной военно-морской и сухопутной комиссии настоящее положение вопроса, как указанно в записке, так как обстоятельства могли уже измениться,

средства обоих ведомств, вероятно, увеличились и могли быть получены новые указания; во всяком же случае, необходимо точно определить и ассигновать потребные средства, чтобы иметь возможность в действительности достигнуть той готовности, которая указана в записке.

Боевой черноморский флот, согласно высочайшему повелению, содержится в постоянной готовности для выхода по назначению, и если бы, подобно тому, как перед последней греко-турецкой войной, было признано готовность флота поставить не в рамки боевого резерва (12 часов), а иметь его готовым к выходу во всякую данную минуту, то препятствий этому нет, и требуется только отпуск необходимых денежных средств для содержания судов в кампании.

Обращаясь затем к нашим задачам на Дальнем Востоке, я не могу не высказать еще раз моего твердого убеждения, что до приобретения нами опорного пункта в южной Корее положение наше в Тихом океане нельзя считать покоющимся на прочных основаниях.

Порт-Артур имеет, несомненно, очень важное стратегическое значение для нашего влияния на Северный Китай и Пекин; владея из него Печилийским заливом, мы становимся там хозяевами положения; но для влияния на Японию стратегическое значение его несравненно ниже (если не ничтожно) как вследствие отдаленности от Японии, так и вследствие существования великолепных бухт на юге Кореи, позволяющих неприятельскому флоту там прочно обосноваться и прекратить всякое сообщение между Владивостоком и Порт-Артуром, удаленными один от другого на 1100 миль.

Необходимость не дать Японии возможности приобрести в Тихом океане такое преобладающее значение, которое представляло бы ей агрессивные действия желательными и имеющими шансы на успех, и вызывает требование иметь опорную точку вблизи ее, т.-е. на юге Кореи. Считаться же в настоящее время приходится именно с Японией, непреклонно усиливающей, преимущественно против нас, свой флот и армию.

Япония относительно Кореи близко находится в том же положении, как мы относительно Босфора, а потому весьма вероятно, что в Японии составлены подобные же соображения и подготовления относительно внезапного занятия Кореи, какие обсуждаются относительно Босфора у нас; помешать же этому из далекого Порт-Артура нам будет гораздо труднее, чем английской эскадре из Безикской бухты захвату Босфора; для того же, чтобы поставить себя в возможность своевременно разрушить такой план захвата и чтобы Япония не решилась на это предприятие, в сознании риска неудачи и неизбежных громадных потерь, необходимо иметь опорную точку на юге Кореи. База эта, помимо удержания Японии в рамках благоразумия, нужна, сверх того, как связующее звено Владивостока с Порт-Артуром, без чего не только в военное время, а даже при сомнительных обстоятельствах всякий пароход, идущий в Порт-Артур из Владивостока или обратно, рискует быть задержанным, или же придется

снаряжать конвоиров на далекие расстояния, а это, помимо соблазна для японцев захватить таких конвоиров и ослабить главнейшую угрозу для них, т.-е. нашу эскадру, вызовет такие траты денег на уголь, которые теперь даже трудно предсказать. Станция же в южной Корее являлась бы сильной угрозой гораздо более многочисленному японскому торговому флоту и этим заставила бы Японию сильно призадуматься раньше, чем решиться на какие-либо вызывающие действия.

При всем своем быстром движении вперед на поприще военном, торговом и промышленном японцы тем не менее остались азиатами во взгляде на нравственные основы, и на них убедительно действует только угроза наличной действительной силы; такая угроза, остановившая в зарождении всякие агрессивные замыслы, этим самым предотвращает возникновение недоразумений, могущих совершенно неожиданно повлечь за собой усложнения, которые, в свою очередь, заставят обратиться к разрешению их силою оружия и повлекут все бедствия и разорения современной войны.

России, конечно, нет никакой надобности в территориальных захватах, как это справедливо указано в записке, и агрессивной политики мы на Дальнем Востоке держаться не будем; но Японию от этого можно удержать только угрозой действительной силы.

Для этой мирной цели государю императору благоугодно было открыть особый кредит на сооружение флота, который был бы на 30% сильнее японского в водах Тихого океана; для этой цели необходим и порт в южной Корее, который и намечен в бухте Мозампо с прилегающим к ней островом Каргодо.

Если занятие такого порта по основательным причинам, указанным в записке, в настоящее время нельзя признать возможным, то приобретение его постепенно путем дипломатическим и покупкою должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно; к сожалению, однако, прошлогодние случаи неоказания Кореей должного уважения к нашим правам в Мозампо показали, что влияние Японии в Корее, повидимому, сильнее нашего.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

П. Тыртов.

3. Письмо военного министра министру ин. дел

от 16 (29) февраля 1900 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Приложенная к письму вашему № 69 записка о задачах России по отношению к Турции, Персии, Афганистану и на Дальнем Востоке затрагивает в[есьма] важные для России вопросы не только политического, но и военно-стратегического характера.

Наиболее важною задачею России в настоящем XX веке я признаю прочное военное занятие Босфора. Поэтому все меры, способствующие к выполнению сего важного предприятия, должны быть приняты.

Не касаясь мер военного характера, я придаю огромное значение подготовке турецкого правительства к уступке нам Босфора. Первым шагом к тому должно, как мне кажется, служить прекращение турками дальнейшего укрепления берегов Босфора. Но наиболее важною в сем деле мерою надлежит признать поставленное в записке вашей заявление о необходимости определенного по сему вопросу соглашения нашего с Германиею, дабы, как значится в записке: «Германия действительно признала исключительно за Россиею право ограждения, а в случае необходимости, и фактического занятия Босфора».

Перед этою задачею все прочие задачи, изложенные в записке, имеют для России, в ближайший исторический период, относительно малое значение.

Относительно задач в Персии, Афганистане и на Дальнем Востоке я разделяю высказанные в записке взгляды. Не вполне только для меня ясно: достаточно ли указанных в записке средств, дабы удержать Англию от занятия на южном побережьи Персии тех или других пунктов. Эти пункты, ныне не имеющие для нас значения, приобретут таковое в будущем. Мне представляется, что без соглашения, при удобной обстановке, по этому вопросу непосредственно с Англиею нельзя будет обойтись.

Долгом своим считаю прибавить, что, пока не окончится постройкою сплошной рельсовый путь, связывающий Европ. Россию с Среднею Азиею, переговоры по этому вопросу с Англиею не могут быть в полной мере поддержаны со стороны военного ведомства.

Примите уверение в совершенном моем к вам уважении и преданности.

А. Куропаткин.

4. Письмо министра финансов министру ин. дел

от 10 (23) февраля 1900 г. № 28.

В. секретно.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Имею честь сообщить вашему сиятельству, что я вполне присоединяюсь к общему взгляду, выраженному в препровожденной при письме от 27 минувшего января за № 68 записке о задачах внешней политики императорского правительства на Востоке, и к той, полной спокойствия, оценке настоящего положения вещей, которая содержится в соображениях этой записки. При этом я нахожу, что эти руководящие взгляды нашли себе вполне точное выражение в отделе А заключительной части записки.

Переходя к следующим отделам Б и В, в которых означены подлежащие осуществлению задачи нашей восточной политики, я не могу не обратить внимания вашего на то, что главнейшие из намеченных мер связаны с весьма крупными расходами. Между тем к нашим государственным финансам и кредиту в последнее время предъявлены и предъявляются весьма усиленные требования. Крупное увеличение флота, сооружение Сибирской и усиление Закаспийской железных дорог, прокладка линии через Манчжурию до Владивостока, занятие Порт-Артура, вызвавшее спешную постройку Южно-Манчжурской ветви и весьма большие издержки на оборону занятой территории, предположение о постройке дороги от Оренбурга до Ташкента или от Уральска до Чарджуя — все эти важные, но крайне дорогие предприятия, притом едва ли могущие в скором времени окупиться, лежат и будут ложиться немалым бременем на русском народе и русском производителе. Нельзя забывать, что средства доставляются, в конце концов, одним источником — народным трудом; если, чрезмерным напряжением платежных сил населения или вызванной отвлечением на другие цели задержкой в удовлетворении внутренних потребностей страны, развитие производительности народного труда будет ослаблено, то и общее политическое положение наше окажется также ослабленным, несмотря на отдельные успехи. Руководствуясь этой точкой зрения, я нахожу, что о связанных с расходами мерах и предположениях, изложенных в отделе Б заключения, следовало бы упомянуть в форме менее категорической, поставив осуществление их в зависимость от состояния средств государственного казначейства.

В частности, усиление наших военных сил в Туркестане и Закаспийской области (п. 3), по моему мнению, не только соединено с немалыми расходами в настоящее время, в ущерб многим насущным потребностям армии и страны, но и повлияет в значительной степени на увеличение Великобританиею своих вооружений, что может в будущем вызвать нас на новые крупные военные затраты. Это опасение подтверждается происходящими на наших глазах событиями. Уже в настоящее время Англия занята увеличением своей армии вследствие затруднений в войне с южно-африканскими республиками. Но пока вопрос этот не ставится еще на почву того крайнего развития военных сил, которого достигли другие европейские державы. Усилением же наших войск в Средней Азии мы создадим серьезные основания для Англии стремиться к еще большему развитию своего военного могущества. Отсюда может оказаться, что к необходимости усиливать наши вооружения, дабы не отстать в военном отношении от великих континентальных держав, прибавится новая, весьма невыгодная для нас в денежном отношении, конкуренция с богатою Англиею. Таким образом, хотя абсолютно военное могущество наше, а вместе с тем и затраты на содержание армии и будут возрастать, но соотношение между вооруженными силами нашими и соперников наших едва ли изменится. В общем результате для нас и для всего цивилизованного мира еще

более отдалится осуществление той возвышенной цели, которая провозглашена в достопамятном циркулярном сообщении 12 августа 1898 года—«Le maintien de la paix générale et une réduction possible des armements excessifs, qui pesent sur toutes les nations se présentent, dans la situation actuelle du monde entier, comme l'idéal auquel devraient tendre les efforts de tous les Gouvernements» [1]).

Приведенные соображения могут всецело относиться и до пунктов 7 и 9, касающихся войск Приамурского военного округа и Квантунского полуострова, а равно содержания сильной эскадры в Тихом океане. Чем более мы станем увеличивать боевую готовность наших войск и флота на Дальнем Востоке, тем быстрее там будут развивать свои силы Япония, Англия, а может быть, и другие державы. Во всяком случае для обороны занятой территории нами сделано уже очень многое, а содержание на Квантуне войска в 12.000 человек ваше сиятельство, в совещаниях под председательством статс-секретаря Сольского, неоднократно изволили находить чрезмерным. Неужели же теперь, после того как эта новая двенадцатитысячная армия сосредоточена в Квантунской области и усилены войска Приамурского округа, следует еще более развивать наши боевые силы на берегах Тихого океана?

Поднятый в отделе В вопрос об окончательном выяснении плана занятия Босфорского пролива весьма важен. Подготовка к нему представляется делом полезным; но я, с своей стороны, сомневаюсь, чтобы подобного рода, весьма изменчивая во времени, задача могла быть заранее выяснена с достаточной точностью. Мне представляется, что эта цель может быть достигнута или ценою самой решительной европейской войны, или же для закрепления достигнутых результатов придется пролить много крови и, быть может, пойти на серьезные уступки в других местах.

По поводу некоторых других пунктов отдела Б позволяю себе заметить, 1, что упомянутое в пункте пятом содействие развитию торговых и промышленных предприятий в Персии и сооружению там колесных дорог имеется в виду министерством финансов; 2, что мореходные сообщения на Каспийском море (п. 6) достигли уже ныне значительного развития и 3, что соединение Квантунской области рельсовым путем с Сибирской магистралью (п. 8) производится со всею возможною быстротою и энергиею.

В заключение не могу еще раз не высказать вашему сиятельству, что, разделяя общий взгляд ваш, я, однако, не думаю, чтобы надлежало большинство из намеченных мер сводить к необходимости денежных затрат. Конечно, без денег трудно что-либо создать; но в сфере политики можно многого достигнуть дипломатическим искусством,

[1]) «Поддержание всеобщего мира и возможное сокращение чрезмерных вооружений, ложащихся тяжелым бременем на все нации, в условиях современной международной конъюнктуры являются той целью, к осуществлению коей должны быть направлены усилия всех правительств».

что и доказывает вверенное вашему сиятельству министерство. С этой точки зрения, я позволяю себе по поводу п. 1 отдела Б (о побуждении султана принять предъявленное ему требование по отграничению района у побережья Черного моря с железнодорожными обязательствами) обратить внимание ваше на крайнюю желательность отклонения Портою домогательства немецкой железнодорожной компании о получении гарантии дороги на Бассору, по каковому вопросу между нами уже происходила переписка с декабря минувшего года (письма 12 и 20 декабря, за №№ 276 и 285 и др.).

Возвращая при сем приложение к письму от 27 мин. января № 68, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном уважении и искренней преданности.

С. Витте.

Всеподданнейшая записка министра иностранных дел [1]).

Приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества замечания на полученные мною отзывы министров финансов, военного и управляющего морским министерством по поводу записки о политических задачах императорского правительства на турецком Востоке, в Средней Азии, Персии и крайнем Востоке.

Граф Муравьев.

Записка, составленная в министерстве иностранных дел, по поводу отзывов министров [2]).

Записка о задачах внешней политики России препровождена была на заключение военного министра, управляющего морским министерством и министра финансов.

Ныне от генерал-лейтенанта Куропаткина, вице-адмирала Тыртова и статс-секретаря Витте получены по содержанию ее отзывы, сущность коих сводится к нижеследующему:

1. Министр финансов вполне присоединяется к общим руководящим взглядам министерства иностранных дел, которые, по его мнению, нашли себе точное выражение в «отделе А» заключительной части записки, где проводится мысль, что «настоящее общее политическое положение вещей не вызывает необходимости со стороны императорского правительства принятия каких-либо неотложных, чрезвычайных мер ни в виде приобретения какой-либо стоянки для нашего флота, ни при посредстве военного занятия какой бы то ни было территории или стратегической позиции».

Но статс-секретарь Витте идет далее этого общего положения и находит, — в виду предъявляемых к нашим государственным фи-

[1]) На полях имеется приписка: «С.-Петербург, 27 февраля 1905 г.».

[2]) На полях рукою Николая II поставлен знак рассмотрения. Другою рукою приписано: «С.-Петербург, 29 февраля 1900 г.».

нансам усиленных требований, — нежелательным выполнение даже тех военно-морских мероприятий, которые намечены в «отделе Б», в целях ограждения наших интересов как на турецком и крайнем Востоке, так и в Средней Азии. Осуществление таковых мер, по мнению министра финансов, вызовет чрезмерное напряжение платежных сил, которое ослабит развитие производительности народного труда.

Наконец, поднятый в «отделе В» вопрос об окончательном выяснении плана занятия Босфора министр финансов признает весьма важным; подготовку к нему считает делом полезным, но сомневается в возможности выяснения этой задачи заранее и полагает, что эта цель может быть достигнута или «ценою самой решительной войны», или же для закрепления достигнутых «результатов» придется пролить много крови и, «быть может, пойти на серьезные уступки в других местах».

2. Управляющий морским министерством прежде всего высказывает сожаление, что Россия ничего не выигрывает от затруднительного положения Англии; всякая мера, ведущая к ослаблению Англии в каком бы то ни было отношении, есть прямая польза России. Между тем, на основании «записки», — говорит вице-адмирал Тыртов, — все остается по-старому, и никаких воздействий со стороны России не предполагается, кроме открытия прямых сношений с Афганистаном и стремления обязать Турцию не укреплять Босфора; последнее требование, — присовокупляет управляющий морским министерством, — «представляется, однако, несколько непонятным: заставляя Турцию не усиливать укреплений Босфора, мы этим прямо высказываем наше намерение занять Босфор, так как укрепления его ни против кого, кроме России, значения не имеют».

Вице-адмирал Тыртов высказывает твердое убеждение, что до приобретения нами опорного пункта в южной Корее положение наше в Тихом океане нельзя считать покоющимся на прочных основаниях. «Необходимость не дать Японии возможности приобрести в Тихом океане такое преобладающее значение, которое представляло бы ей агрессивные действия желательными и имеющими шансы на успех, и вызывает требование иметь опорную точку вблизи ее, т.-е. на юге Кореи». «Если занятие такого порта, по основательным причинам, указанным в записке, в настоящее время нельзя признать возможным, то приобретение его постепенно путем дипломатическим и покупкою должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно».

По вопросу о подготовке плана занятия Босфора управляющий морским министерством приходит к заключению о необходимости заготовления для этой цели специальных средств, как, например, постройки особых транспортов для перевозки артиллерии и кава-

лерии, изготовления минных заграждений, миноносок и т. п. А для всего этого является необходимость ассигнования особых кредитов по военному ведомству, на которое уже однажды возлагалось подготовление указанной операции, не выполненной, именно, вследствие недостатка денежных средств.

3. Военный министр признает, что из всех задач, затронутых в записке, наиболее важною для России в наступающем XX веке является прочное военное занятие Босфора. Поэтому, все меры, способствующие к выполнению сего важного предприятия, должны быть приняты.

В этих видах генерал-лейтенант Куропаткин придает огромное значение подготовке турецкого правительства к уступке (!) нам Босфора, а первым шагом к тому считает прекращение турками дальнейшего укрепления берегов Босфора.

Относительно задач в Персии, Афганистане и на Дальнем Востоке военный министр разделяет высказанные в записке взгляды. Он полагает лишь, что для удержания Англии от занятия пунктов на юге Персии нельзя обойтись без непосредственного соглашения с нею; но присовокупляет, что до окончания постройки сплошного рельсового пути между Европейскою Россиею и Среднею Азиею переговоры по этому вопросу с Англиею не могут быть в полной мере поддержаны со стороны военного ведомства.

Из сопоставления вышеизложенных отзывов трех заинтересованных ведомств нельзя не притти прежде всего к следующему общему выводу:

Министерство финансов признает нежелательным осуществление задач, требующих ассигнования специальных кредитов, либо усиления бюджетов военного и морского ведомств.

Военное министерство считает самым важным для России принятие всех мер, способствующих к прочному военному занятию Босфора, что, по мнению морского ведомства, должно, именно, повлечь за собою ассигнование достаточных сверхсметных кредитов.

Наконец, морское министерство видит главную задачу в занятии порта на юге Кореи, каковое потребовало бы, помимо отказываемых министром финансов кредитов, и соответствующего содействия военного ведомства в виду неминуемых осложнений с Японией и Англией; а последнее, как выше было замечено, до постройки сплошного рельсового пути не считает возможным в полной мере поддержать даже переговоры с одною Англиею по персидским делам.

Впрочем, все три ведомства согласны в одном, а именно — в необходимости предоставить разрешение всех намеченных ими первостепенных задач — дипломатическому искусству;

дипломатический путь признается самым подходящим даже для подготовки Турции... к уступке России Босфорского пролива!

При этом упускается, конечно, из виду, что приобретение исключительно мирными дипломатическими переговорами целой территории, наподобие Квантунского полуострова, с двумя портами — военным и коммерческим, с правом постройки железных дорог и разработки богатств, представляет собою в области истории столь выдающееся, исключительное событие, на ближайшем повторении коего едва ли можно основывать какие бы то ни было политические расчеты. Если Англия за последние 30 лет совершила несколько удачных захватов, хотя далеко не мирным путем, то она для таковых целей никогда не щадила денежных средств и всегда содержала наготове самый могущественный в мире флот.

Переходя к отдельным, частным выводам и, прежде всего, к замечаниям министра финансов, взгляды коего наиболее согласуются с высказанными в записке, следует, во избежание недоразумений, обратить внимание на следующее обстоятельство:

Говоря в отделе Б о способах ограждения наших интересов на турецком Востоке и указывая на необходимость, между прочим, продолжать начатое военным министерством приведение в боевую готовность войск Туркестанского, Приамурского округов и на Квантунском полуострове, министерство иностранных дел отнюдь не подразумевало под этим, как полагает статс-секретарь Витте, увеличение вооруженных сил России, вызывающее новые ассигнования государственной казны; министерство имело в виду лишь начатые в минувшем году внутренние распоряжения военного ведомства по передвижению имеющихся в наличности частей войск с тем, чтобы мы не были застигнуты врасплох в местах, где представляется наибольшая вероятность политических осложнений.

Такового же характера распоряжения предполагались и в § 9 отдела Б — относительно российской эскадры в Тихом океане, усиление коей имеющимися у нас первоклассными, стоящими на уровне современной техники, судами, является тем более целесообразным, что морское ведомство признает необходимым современем занять стратегический порт на юге Кореи.

По поводу высказанного морским министерством мнения, что на основании записки все остается по-старому, кроме открытия прямых сношений с Афганистаном и стремления обязать Турцию не укреплять Босфора, нельзя не заметить, что в названной записке упоминалось также: 1) о полученном обязательстве шаха не строить дорог в Персии; 2) о заключенном, благодаря всестороннему содействию министерства финансов, персидском займе в России; 3) о полученном согласии персидского правительства допустить железнодорожные изыскания в стране и, наконец, 4) о близящихся к благополучному окончанию переговорах с турецким правительством по отграничению района у южного берега Черного моря.

Открытие прямых сношений с Афганистаном всегда признавалось одною из важных задач наших в Средней Азии, более существенною, чем скороспелое занятие Герата.

Полученные от шаха — обязательство не строить дорог в Персии и согласие допустить наши железнодорожные изыскания — дают нам возможность заблаговременно подготовить все стратегические пути для подхода к границам Персии, а затем и вглубь этой страны.

Заключение персидского займа, как сказано в «записке», должно служить орудием в наших руках для развития нашего экономического положения и укрепления политического обаяния России в ущерб Англии.

Наконец, ожидаемые от Турции обязательства не строить железных дорог у побережья Черного моря и не укреплять Босфора явятся существеннейшими условиями политической подготовки плана занятия пролива. В самом деле, вменить соседнему иностранному, вполне независимому, государству в обязанность не сооружать железных путей вдоль его морской границы и не укреплять важнейший для него стратегический пункт, занятие коего сосед открыто провозглашает своею историческою миссиею, казалось бы, составляет тот крайний предел, до которого может дойти дипломатическое искусство. За этою гранью должна уже стоять готовая вооруженная сила.

В виду всего изложенного и принимая во внимание, что все ведомства признали будущее занятие Босфора одною из главных задач России, ныне представляется безусловно необходимым заранее обсудить все подготовительные меры к успешному ее осуществлению, как скоро это признано будет неизбежным.

При обсуждении настоящего вопроса, казалось бы, не следует терять из виду, что, если бы какая-либо из великих держав предупредила нас появлением своим на Босфоре, вследствие внутренних потрясений в Турции или иных политических осложнений, возможных в каждую данную минуту вследствие нынешнего состояния Оттоманской империи, то грозное событие это повело бы к неисчислимым бедствиям и опасностям для России. Не говоря уже о нравственных и политических последствиях такового поражения, Россия принуждена была бы для ограждения государственной безопасности в несколько раз усилить ныне блестящий Черноморский флот свой и беспрерывно расходовать десятки миллионов на укрепление крымского и кавказского побережий.

Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину.

(1900 — 1901 г.г.)

Публикуемые пятнадцать писем Витте сохранились в составе фонда бумаг Д. С. Сипягина, бывш. министра внутр. дел (20 окт. 1899 г. — 2 апр. 1902 г.). За исключением первого письма (№ 1), точную дату которого определить трудно, прочие 14 писем легко датируются, так как относятся ко времени двух отлучек Сипягина из Петербурга: №№ 2—13 к первой — с начала июля по конец октября 1900 г., по времени совпавшей с боксерским восстанием в Китае, и №№ 14—15 — ко второй, длившейся с 23 июня по 24 июля 1901 г.

Двенадцать первых писем (№№ 2—13) Витте, почти целиком посвященные китайским делам, дают своеобразный яркий отчет о происходившей тогда в Петербурге борьбе из-за вопроса о политике, какую следует усвоить России по отношению к Китаю, и уже по одному этому являются не только памятником «дружеской» связи между этими, столь различными во всех отношениях людьми предпоследнего поколения русской имперской бюрократии. Повидимому, и сам Витте был склонен придавать своим письмам значение такого источника, который запечатлел иначе никак не восстановимые детали в истории политики тех годов, годов наметившегося уже в некоторых отношениях перелома во властной политической роли Витте. Недаром Витте, устраненный от дел, готовясь писать политическую автобиографию и подбирая «документальные» материалы для «своего» архива, вспомнил об этих письмах и просил их у вдовы Сипягина для прочтения, а, может быть, и для снятия копий [1]). Значение этих писем нисколько не умаляется тем, что текстуальное сличение соответствующих страниц «Воспоминаний» не устанавливает прямой во всем между ними зависимости. Благодаря публикуемым письмам легко снять ту подчас весьма тонкую, а иной раз и грубую, заштриховку, которой сознательно или бессознательно подвергал Витте в своих «Воспоминаниях» изложение фактов; кроме того, они ценны, как комментарий к «Воспоминаниям», сплошь и рядом страдающим неточностями в подробностях и датах [2]).

---

[1]) Публикуемые письма были возвращены А. П. Сипягиной при благодарственном письме Витте от 18 марта 1907 г. Они «навеяли» на него «грустные воспоминания»: «Куда мы с тех пор зашли? Сколько мы с тех пор потеряли?».

[2]) В этом смысле любопытно, напр., письмо от 7 июля 1900 г. В «Воспоминаниях» Витте, строго выдерживая пацифистскую зарисовку своей политики на Д. Востоке, обвиняет Куропаткина в том, что тот мобилизовал слишком много войск и вызвал этим чрезмерные расходы казны. Эта версия была пущена Витте, как только выяснилась необходимость военного вмешательства России. В «Дневнике» Половцова рассказано (8 сентября 1901 г. «Кр. Архив», т. III, стр. 104), как Куропаткин показывал автору запись слов, сказанных Куропаткину Витте при начале китайской войны о необхо-

Письма печатаются с подлинников, писаных чернилами на почтовой бумаге обычного формата. Из знаков препинания Витте употреблял только точку и тире, которое заменяло ему в большинстве случаев запятую, и очень часто не ставил никакого знака вовсе. Точное воспроизведение этой особенности подлинника затруднило бы чтение текста точно так же, как и простая замена тире запятыми, почему пришлось ввести обычную пунктуацию, сохранив лишь первоначальное разделение фраз точками. Старая орфография заменена новой. В остальном все особенности начертания подлинника, в том числе и описки, удержаны. Пропуски букв отмечаются прямыми скобками. Свои письма Витте датировал обычно только числом, иногда просто названием дня, редко указывая месяц, и никогда не проставлял года: все дополнения в датах заключены в прямые скобки и обоснованы в примечаниях.

Б. Романов.

1.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Я прочел ваши объяснения по поводу возражений министров и с горечью предвижу, что объяснения эти не только неспособны устранить остроту и неприятный характер спора, но совершенно обратно. Я говорю с горечью — потому что я не могу уклониться от участия в этом деле, между тем мне приходится и придется двоиться между моими убеждениями и личными сердечными и искренними влечениями (симпатиями). Неприятный же характер спора происходит и будет происходить от вашей постановки вопроса. Вы говорите: царь самодержавен — он создает законы для своих подданных, а не для себя, я — ничто, я — только докладчик, царь будет решать, ergo никаких правил не нужно; тот, кто требует правил, желает ограничить царя; тот, кто сомневается, что царь, а не я, будет решать, полагает, что, значит, царь сам не может решать; тот, кто будет сомневаться в правильности решений, сомневается, что царь будет решать дела неправильно; тот, кто хочет ограничить численно и формально решения, хочет отделить царя от подданных; тот, кто со мною не соглашается, сомневается в царе. Вот сущность ваших суждений и возражений. Согласитесь, что вы ставите вопрос на такую точку, которая сама по себе закрывает рты у малодушных. И те, которые вас не знают, будут всегда говорить—

димости послать как можно более войска с оговоркой: «какая беда, что они совершат морскую прогулку», и Куропаткин жаловался при этом, что на него «сыплятся обвинения за то, что он послал не 50 т., а 150 т., придав войне преувеличенные размеры». Указанное письмо Витте целиком подтверждает запись, сделанную в свое время Куропаткиным. Всячески затушевывая милитарность всей политики России на Д. Востоке, проводившейся в основных чертах именно Витте, Витте до того склонен валить вину за ее результаты в 1900 г. на голову других, что, вопреки прямым хронологическим указаниям, утверждает, что поход русских войск на Пекин, действительно затеянный Куропаткиным, вызвал вспышку боксерского восстания в Манчжурии: между тем поход на Пекин был решен и начат 20 июля, а о вводе войск в Манчжурию сам Витте вынужден был просить Куропаткина еще 24 июня — для спасения служащих К.-В. ж. д. и самой дороги.

такой прием нехорош. А нам говорили, что Д. С. Сипягин, положим, (чтобы не обижать других) не Витте. Это для меня, по моим к вам отношениям, наиболее неприятное во всем этом деле. Но, конечно, вы не только ставите вопрос неудобно для ваших противников (берете в руки точеную шпагу и даете противникам тупую), а, следовательно, и нехорошо для Д. С. Сипягина, — но, кроме того, не правы по существу. Если стать на вашу точку, то каждый министр будет т а к ж е у б е д и т е л ь н о, как и в ы, доказывать, что никакие законы для него не нужны, ибо он только исполнитель, а решает царь. Но ведь тогда будет не самодержавие, а хаотическое правление. Царь самодержавен, потому что от него и только от него зависит установить машину действия, но так как царь — человек, то для управления страною в 130 м. подданных ему машина нужна, ибо его человеческие силы не могут заменить машину. Царь самодержавен, а потому он может менять по своему усмотрению сию машину и все части ее, когда только он захочет, но все-таки может менять, но физически не может действовать без машины. Ваша теория, дорогой, милый и крепко любимый Димитрий Сергеевич, имеет много аналогии с непогрешимостью папы. Ведь папа также говорит: я — ничто, я — только исполнитель велений бога, следовательно, кто критикует меня, критикует бога, кто хочет предписывать законы мне, дерзает предписывать законы богу, кто сомневается во мне, сомневается в боге. Но мы, православные, в эту теорию не верим и убеждены в том, что через это чтим не менее бога, чем католики, и преданы ему не менее католиков, а потому самому, не соглашаясь с вами, мы тем не менее остаемся столько же сторонниками самодержавия, как и православные — детьми бога.

Вы, конечно, дорогой Димитрий Сергеевич, не придадите этим строкам иного значения, как излиянию моих сердечных дружеских чувств.

Ваш *С. Витте*.

11-го.

2.

7-го [*июля 1900 г.*].

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вчера получил вашу телеграмму о благополучном приезде в Aix les Bains (кажется, так пишется). Уверен, что теперь вы уже себя чувствуете гораздо лучше.

Китайские дела все в том же мраке, как были, когда вы выезжали. Одно несомненно, что в о в с я к о м с л у ч а е будет стоить много денег и много жизней. Главная беда в нашей неготовности: ни Сибирская дорога еще не кончена, ни Манчжурская дорога уже совсем не кончена, ни коммерческого флота у нас нет, и потому при исполинской силе мы там сравнительно слабы. Я советовал на всякий случай сосредоточить побольше войск. Лучше деньги потерять, чем престиж. Мобилизировали, кроме Амурского, часть Сибирского округа, из

России назначили около 25 тысяч человек. А доставить очень трудно. В Стретенске на Шилке, точно узкое горлышко, приходится проходить каплями. Морем из России 25 тысяч доставим (последняя партия) только в начале октября Таким образом, приходится действовать горстями. Теперь говорят: смотрите, как Китай силен. Это пропагандирует и воен[ное] ведомство. Китай так же слаб, как и был, только лучше вооружился. 100—150 тысяч наших войск, если бы были на месте, его разгромили бы. Не Китай силен, а сильны стихии, дистанции, океаны и моря, а мы на это не обратили внимания.

Бедный государь, видимо, тревожится, но замечательно себя сдерживает. Эта выдержка весьма ободряющим образом действует на окружающую атмосферу. Дай ему бог хладнокровно перенести наступившие события, а также дай ему бог, чтобы его не сбили дурными советами! У нас теперь шах. Его очень чествуют, и хорошо делают. Вообще государю теперь не до того, но он исправно несет себе службу. Я покуда отделался только одним обедом.

Урожай будет, кажется, хороший. По чуме и холере покуда покойно. По докладу П. Н. Дурново [3]) приостановлено движение переселенцев. В виду китайских дел студенты теперь еще больше боятся указа (сегодня мне об этом говорили два ректора). Немножко газеты пошаливают, ну, это не важно.

Таким образом у вас все обстоит благополучно. Сердечный поклон Александре Павловне [4]).

Ваш *С. Витте* *).

3.

Дорогой и милый Димитрий Сергеевич.

Не скрою от вас, что меня очень огорчает, что как в телеграмме П. Н. Дурново, так и в письме, которое я сегодня имел удовольствие получить, вы сообщаете о том, что ваше здоровье сравнительно с последними петербургскими днями хотя не хуже, но не лучше. Тем не менее я безусловно уверен, что, когда вы будете читать эти строки, вам будет уже гораздо лучше. Всетаки переезд для больного не легкая штука. Мат[ильда] Ив[ановна] [5]) тоже две недели по приезде в Болье не чувствовала никакого облегчения, и потом сразу с часа на час делалось лучше. Не говоря уже о лечении, один воздух и обстановка должны вас скоро восстановить.

Китайские дела сами по себе все в такой же неопределенности. Но в наших к нему отношениях в последнюю неделю были большие перипетии. Ал[ексей] Ник[олаевич] [6]), как всегда, зарывается — сам начал вести переговоры с дипломатами, мобилизировал до 150 тысяч войск и все хочет лезть вперед, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и даже под шумок залезть в Корею. Гр. Ламздорф [7]), конечно, всему этому не сочувствует и хочет действовать успокои-

*) На первой странице письма приписка: «Благовещенск бомбардировали. Это неважно. Мы, по крайней мере, будем иметь случай разгромить Айгунь, для примера».

тельно, но покуда довольно безуспешно. Ему оказывают мало внимания. Взявши Тянь-цзин, пришлось решать — итти ли в Пекин, или нет? [8]). Кур[опаткин], конечно, итти — и всех разгромить. Ламздорф — нет. Наконец, гр. Ламздорф пришел ко мне и объяснил, что его положение невозможно как для дела, так и лично для него, — что он хочет заявить, что здоровье его заставляет оставить (совсем) службу. Вследствие сего я прежде всего имел крупный разговор с Ал. Ник. Куро-[паткиным], объясняя ему, что он в[оенный] м[инистр], а не м[инист]р и[ностранных] д[ел] и не м[инист]р ф[инанс]ов, а потому или пусть он назначит вместо нас своих генералов, или пусть не выходит из своей роли. Я также старался разъяснить ему, что все подобные увлечения только приведут Россию к новым бедам. Что, не говоря о том, что китайская история будет стоить нам массу денег и много жертв, но, что самое главное, если мы из этого дела скоро не выпутаемся и ослабим Россию, то, несомненно, этим воспользуется Европа и поднесет нам самые неожиданные сюрпризы, — и что таким образом мы пустим на смарку все цар[ствование] Александра III. Повидимому, мой разговор ему был неприятен, но произвел впечатление, хотя, конечно, на несколько часов. Ему быть корпусным командиром на войне, а не министром. Хотя я сегодня имел всеподд[аннейший] доклад, но тем не менее вчера написал его ве[личеству] длинное письмо, высказав мое мнение по разногласию — итти ли в Пекин, или нет. В этом письме я напомнил весь ход событий — от коронации до Тянь-цзина — и пришел к заключению, что нам следует итти в Пекин т о л ь к о т о г д а, е с л и в с е д р у г и е м е р ы н е п р и в е д у т к у с п о к о е н и ю, что несомненно, как только мы подойдем к Пекину, все оставшиеся христиане там будут избиты, а законная власть подвергнется той же участи или уйдет вглубь. Значит, мы получим стены и цели не достигнем. Тогда Кур[опаткин] скажет, нужно идти далее. Европа нас науськивает, а сама посылает туда горсти и только поддерживает наши фалды. Необходимо не зарываться, а стараться локализировать болезнь, и, установивши порядок в нашем районе (Манчжурии), удалиться во-свояси. Сегодня же во время доклада я решился прямо говорить о м[инист]ре и[ностранных] д[ел]. Я высказал ту мысль, что теперь необходим м[инист]р и[ностранных] д[ел], что положение гр. Лам[здорфа] невозможно. Если есть кандидат, нужно его немедленно назначить, а гр. Лам[здорфа] освободить, — если нет, то назначить гр. Лам[здорфа]. Затем я высказал мое мнение о гр[афе] — это не Бисмарк, не Салисбюри, но он никогда государя не подведет, и из всех дипломатов я его считаю наиболее соответствующим. В результате его в[еличест]во сказал, что на-днях назначит гр. Лам[здорфа] [9]). Это Кур[опаткину] будет неприятно, так как он думает, что совсем престиж Лам[здорфа] уничтожил.

Нам очень интересно знать, что сделалось с гр. Шереметевым [10]). Что ему сказал Лессар? [11]) Сегодня видел на дежурстве его брата, но он ничего не знает.

В городе многие говорят, что я ввел государя в Порт-Артур и что я виновник всего этого несчастья. Я даже побаиваюсь, что это говорили е[е] в[еличеству] Марии Федоровне. Я, конечно, беззащитен — не могу же я оглашать все имеющиеся у меня несомненные документальные доказательства. Кстати я их теперь собрал — для истории — и покажу вам по приезде [12]).

Матильда Ивановна ужасно вам кланяется и крепко целует высокоуважаемую Александру Павловну. Сердечный ей от меня привет и глубокое уважение.

Крепко жму вашу руку. Ваш *С. Витте.*

14 [*июля 1900 г.*] [13]).

4.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Письмо графа Шереметева при сем возвращаю [14]). Я сообщил Сергею Димитриевичу, что вознаграждение владельцам балтийских имений будет выдаваться, вероятно, не ранее, как года через два. Сперва нужно решить очень трудную задачу, каким способом вознаграждать, какие принять основания, — что должны сделать на месте переходные комиссии, затем нами [будет] пересмотрено и представлено в Гос. Совет. Когда основания будут утверждены, тогда придется производить расчет с каждым владельцем отдельно.

Посему я предложил графу Шереметеву получить 50 тысяч из гос. банка по векселю за 2 подписями на 6-месячный срок.

У нас ничего нового нет. Теперь можно думать, что большинство дипломатического корпуса в Пекине живо. Думаю также, что Югович с большинством своих сотрудников будут спасены [15]). Вопрос о движении к Пекину все еще окончательно не решен. Очевидно, во всяком случае, что, если мы пойдем, то не будем играть в этом движении доминирующей роли. Покуда все являются двойственные решения. О графе Ламздорфе еще решения не последовало, но я его ожидаю с дня на день. Повидимому, императрица Мария Федоровна не сочувствует движению в Пекин и вообще воинствующим тенденциям.

Сердечный поклон Александре Павловне.

Ваш *С. Витте.*

Матильда Ивановна шлет привет.

19 [*июля 1900 г.*] [16]).

5.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Наконец, кризис с м-ром и. д. разрешился. Вчера его в[еличест]во объявил гр. Ламздорфу, что его назначает уп[равляющим] м[инистерст]вом и[ностранных] д[ел], с добавлением «не временно, а постоянно». Вчера же гр. Ламздорф просил назначить кн. Оболенского товарищем [17]). Я всему этому очень рад. Вчера же государь несколько

осадил пыл А. Н. Куропаткина, высказавши, что спешить итти в Пекин не следует. Вместе с тем он согласился, чтобы командующим отрядом был граф Вальдерзе, т.-е. немец, а значит, во всяком случае, не мы пойдем в голове. Кроме того, гр. Вальдерзе будет ехать дней 40, а к тому времени может быть (дай бог) дело совсем поуспокоится. Таким образом вчера произошел хороший поворот, а то в последнюю неделю А. Н. Куропаткин совсем ошалел, все и всех хотел громить и страшно интриговал против назначения гр. Ламздорфа. Ему, очевидно, хотелось это трудное время быть хозяином положения. Признаюсь, я был в отчаянии и несколько раз словесно и письменно старался отвратить его величество от этого опасного пути. Под этим влиянием даже написал маленькую заметку, которая будет напечатана кн. Мещер[ским] в «Гражданине» в четверг (если получаете «Гражданин», обратите внимание) и которая, наверно, вызовет бурю негодования у Ал[ексея] Ник[олаевича], который, в е р о я т н о, будет требовать репрессалий. Но кн. Мещерский в данном случае рассчитывает на снисходительность нашего милого м[инист]ра вн[утренних] дел, так как его товарищи вряд ли рискнут что-либо сами по себе предпринять.

Я еще с государем окончательно не говорил о моих предположениях не пользоваться отпуском, поехать на 2 недели в Париж на выставку и затем недель на 6 в Ялту. Буду говорить в пятницу. Не знаю, как он отнесется к поездке в Ялту. Может быть, подумает, что я хочу к нему лезть. Мне же кажется, что для дела будет удобнее, если я буду в Ялте, и, кроме того, это нас устраивает. Я не могу, чтобы Матильда Ивановна не отдохнула в теплом месте. Она опять начала прихварывать, хотя покуда, слава богу, не серьезно. Если мы поедем в Крым, это ее устроит. Если же я останусь в Петербурге, то я должен буду настаивать, чтобы она поехала куда-нибудь на юг. А вы знаете, как это трудно и неудобно. Что же касается поездки в Париж, то государь сам сказал гр. Ламздорфу, что я туда поеду и чтобы до того времени посол не уезжал в отпуск. Государь решил также послать Андрея [18]), но как еще не знаю. Гр. Ламздорф думает, что при письме через посла, но это еще не решено.

По вашей части, насколько мне известно, все благополучно, по крайней мере, чума, холера, голод — все это спокойно. Кажется, и по полиции нет ничего серьезного. Вот финляндский вопрос меня беспокоит, как бы там не вышло что-либо дурного.

Привет Александре Павловне. Жена крепко кланяется.

Ваш *С. Витте.*

25 [*июля 1900 г.*] [19]).

6.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

В пятницу я говорил с государем о моих поездках. Повидимому, его величество принял без неудовольствия мое предположение — часть сентября и октября пробыть в Ялте. Таким образом, если не случится

что-либо непредвиденного, около 15-го я поеду на 10—14 дней в Париж, затем вернусь в Петербург, пробуду здесь с неделю, а потом поеду в Ялту. Матильда Ивановна из Парижа прямо проедет в Ялту.

Что касается китайских дел, то они все-таки еще путанные. Но, слава богу, назначение гр. Ламздорфа представляет в этом деле очень успокоительный факт. Я и гр. Ламздорф, серьезно говоря, более боимся Куропаткина, нежели китайцев. Он меня просто поражает своею государственною или недобросовестностью, или же ограниченностью. Не говоря уже о высылке массы войск, о громадных расходах, об ежедневных новых излишних мерах и по телеграфу и по путям сообщения и проч., — меня также возмущают все его реляции, все описания каких-то битв, в коих всегда у нас никто не убит и не ранен, или пострадали десятки человек, в то время когда китайцев убито сотни, всегда они бегут и бросают все оружие и доспехи. И, чтобы воевать или драться с таким противником, он поднял чуть ли не всю Россию, собрав более 200 тысяч войск. Если это глупость, то еще бог с ним, но я боюсь, что не затевает ли он чего-либо. В последнее время я имел с ним несколько раз неприятные объяснения, но без толку — говорит одно, а делает другое. Может быть, разгадкою его действий служит следующее. На-днях он у нас обедал, и во время объяснений с ним после обеда он мне, между прочим, высказал, что в вопросе о нужном количестве войск компетентен лишь один главнокомандующий. Когда же я его спросил, кто же главнокомандующий, он ответил, что хотя многие (в том числе Ванновский, специально для сего сюда приехавший) и настаивают на необходимости назначения главнокомандующего, но что им и государем с самого начала дела решено, что главнокомандующий есть государь, а он его начальник штаба, и что теперь уже нельзя отменить это решение. Судите сами, что все это значит. После сего я понял жалобы гр. Ламздорфа, что он не имеет времени делать доклады — так как военный министр засиживается у государя, занимаясь военною игрою на карте. Конечно, это не игра, а расставление и перемещение войск в Китае. Вчера кн. Мирский [20]), которого я очень часто вижу, мне говорил, что, вследствие покушений на короля итальянского и шаха, вы хотели сюда приехать. Хорошо, что этого не сделали. Вам необходимо, и безусловно необходимо, себя поправить. Иначе будет большая беда для России. Поправить же себя после вашей болезни нельзя в несколько недель. Будьте терпеливы. Ваше вступление в действие полубольным принесет больше вреда, чем пользы. Покуда будете в состоянии кой-как заниматься, будете покойнее, и дело может быть пойдет живее, а потом? Опять выйдете из строя на несколько месяцев. Тогда горько бы пожалели о том, что, совсем не поправившись, опять взялись за дело. — Я, конечно, в тайны полиции не посвящен. Но, по моему мнению, его величество в России безопасен от покушений итальянцев и вообще иностранцев, не живущих в России. Эти последние тоже не опасны. Мне почему-то представляются более всего опасными евреи (вследствие гонения на них — и,

признаться, часто бесцельного) и, в особенности, финляндцы—по известным вам причинам. Вообще финляндцы народ особенно лояльный и законный, но везде есть сумасшедшие. Вообще, со всяким может случиться несчастье. Но я не вижу никаких особенных к тому обстоятельств именно в настоящее время. Уверен, напротив, что бог милостив и не допустит, чтобы какое-либо несчастие (а особенно такое ужасное) пало бы на голову России... Кроме того, думаю, что государь известен всем как человек весьма добрый, благожелательный и мягкий и в душе за различные прегрешения по справедливости винят не государя, а его советников.

Если буду в Париже и буду иметь малейшую возможность, то непременно заеду к вам повидаться на несколько часов.

Жена и я крепко кланяемся Александре Павловне и вам.

Ваш *С. Витте.*

31 [июля 1900 г.] [21]).

7.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вот взяли и Пекин [22]). Оказывается, что шли-шли, не встречая сопротивления, и дошли. Таким образом история с Вальдерзе, вероятно, обратится в комический инцидент — конечно, прискорбный для герм[анского] имп[ератора]. Французы очень не хотели принять Вальдерзе, покуда гр. Ламздорф не шепнул им, что из этого командования ничего не выйдет, ибо до приезда его и войск или мы дойдем до Пекина, или явится китайское п[равительст]во и начнутся переговоры. Все миссии остались почти невредимы; итак, оказывается, что, в сущности, у китайцев никаких войск нет, что все это — выдумки военных и преимущественно А. Н. Куропаткина. В последние 10 дней он, впрочем, стал податливее, и, по моему настоянию, его величество отменил отправку двух бригад (16 батальонов) из России морем. В общем потери наши самые пичтожные. Но все-таки у нас и теперь назначено под ружье более 200 тысяч человек. Все умоляю, чтобы поуменьшили.

Теперь, собственно, с Китаем кончено. Начнутся тяжкие переговоры. Ужасно боюсь, что разыграются аппетиты. Очень хлопочу, дабы мы показали пример сговорчивости и искреннего исполнения нашего обещания, громогласно заявленного государем, что мы ничего не хотим, кроме восстановления порядка. Опять гр. Ламздорфу придется бороться с А. Н. Куропаткиным, который предъявляет невозможные требования, приводящие, в сущности говоря, к уничтожению Манчжурии как провинции Китая. Это особенно опасно потому, что в таком случае японцы могут потребовать, да и потребуют, себе Корею. Вообще в этом деле будет труднее всего разделаться с Японией. Она играла выдающуюся роль — шла за европейцев — и по справедливости захочет вознаграждения, и если свои вожделения направит на север Китая, то мы можем с нею столкнуться.

15-го я выезжаю за границу—должен заехать на 12 часов, по желанию государя, чтобы повидаться с принцессой Марией Датской, в Копенгаген, и думаю 19-го быть в Париже (остановлюсь Avenue Kopp, 33). Правда ли, что в начале сентября вы будете в Петербурге? Если правда, то так как я тоже вернусь в это время в Петербург и проездом хотел заехать к вам, то, может быть, удобнее увидаться в Петербурге. Если же это неправда, если вы приедете в Петербург после того, как я оттуда выеду в Ялту, то я непременно постараюсь к вам заехать хотя на несколько часов. Я бы вам не советовал приезжать в Петербург, покуда совсем не поправитесь.

Целую ручку Александре Павловне. Сердечный привет от Матильды Ивановны.

Искренно вам преданный *С. Витте.*

6 [августа 1900 г.] [23]).

8.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Неладно все идет у нас. Поход на Пекин явился неожиданностью для гр. Ламздорфа. А. Н. Куропаткин все уверял, что Пекин теперь брать нельзя, что можно начать улажение только в начале сентября и что к тому времени будет и достаточно войск. Успокаивая все гр. Ламздорфа, который соответственно сему вел все переговоры, оказалось, что А[лексей] Н[иколаевич] устранил от дела адмирала Алексеева [24]), коему все время Ламздорф давал инструкции, назначил Линевича [25]) и давал ему инструкции (сам или по повелению?) итти в Пекин, по секрету от гр. Ламздорфа. Вы можете себе представить, как теперь гр. Ламздорф взбешен и в каком он глупом положении. Что даст нам Пекин? Граф Ламздорф смотрит на это, как на большую ошибку, ожидает массу осложнений. Признаюсь, что если я не смотрю на это так пессимистически, то все-таки предпочитал бы, чтобы Пекин не был взят. Думаю, что тогда дело уладилось бы скорее *). Но это не все. Не смотря на самые гласные формальные уверения, что нам ничего не нужно, кроме порядка, вдруг Гродеков [27]) объявляет, что правый берег Амура наш. Государь благодарит, и это публикуется. Затем берут важнейший порт, Нью-чжан, и водворяют там русский флаг и русское управление [28]). То же делают в Харбине. Все это возбуждает злобу и недоверие к нашим словам китайцев, ревность, злорадство Европы и тревогу в Японии. А тут А[лексей] Н[иколаевич] призывает к себе еже-

*) Я говорил и писал его в[еличест]ву, что не вижу цели взятия Пекина. Послы оказались целыми, в последнее время с ними установились сношения, и наверное при терпении кончилось бы тем, что или в Пекине все умиротворилось бы, или они были бы нам сданы. С этой целью можно было бы подойти к Пекину и взять их. Что же касается китайского п[равительст]ва, то, как я писал, оно ушло [26]). Что же теперь итти далее? А между тем, войдя в Пекин и без нужды разгромив его, нелегко оттуда уйти. Но все-таки нужно ожидать благоприятного случая, чтобы уйти. Не ожидать же нам Вальдерзе и его погрома. *(Прим. в оригинале.)*

дневно иностранных военных агентов и, бог знает, что им рассказывает, что мы воюем, что мы хотим забрать весь север, что мы не допустим Японию в Корею и будем с ней воевать. Наконец, начинаются протесты англичан из-за Нью-чжана, и Япония говорит: вы берете Манчжурию, мы в таком случае возьмем Корею. На это резолюция: в таком случае итти в Корею. При таких обстоятельствах я вчера снова решился написать его в[еличеств] у, что Куропаткин его ведет к беде. Что нельзя государю от м[инист]ра и[ностранных] д[ел] говорить одно, а делать другое[sic]. Что мы не должны преследовать никаких корыстолюбивых целей. Что нам нужно только водворить в наших пределах порядок и уйти обратно. Что, громя мечом и огнем Китай, мы себе в нем приготовляем вечных врагов. Что нам нужно как можно скорее покончить с беспорядками на В[осточно]-К[итайской] дороге и уйти обратно. Что если мы туда втянемся, то нам наверное что-нибудь поднесут на западной или азиатской границе. Что все происходящее на Дальнем Востоке не встречает увлечения в русском самосознании. Что это очень опасно — могут развиться внутренние психические эпидемии. Что это обыкновенно так бывает. В заключение я умолял государя приказать военному ведомству бесхитростно и без честолюбивых замыслов выполнять его программу, с самого начала начерченную, а не вводить нас все в большие усложнения. Так как письмо это очень решительное, то я прочел его Победоносцеву. Он мне сказал, что мой долг его послать. Я послал третьего дня вечером. Вероятно, вследствие моего письма е[го] в[еличество] в тот же вечер приказал гр. Лам[здорфу] приехать на другое утро. Гр. Ламз[дорф] развивал ему то же, жалуясь на Ку[ропатк]ина, то, что мы влезаем в чреватые события. Особенно жаловался на факт и способ занятия Пекина. Его в[еличество] был милостив, но перебивал гр. Л[амздорфа], выражая, что всетаки азиатов нужно было проучить. В конце концов он согласился, дабы гр. Ламздорф подтвердил, что несмотря на последние события государь остается верным своей первоначальной программе. Гр. Лам[здорф] особенно настаивал на том, что нельзя говорить одно, а делать другое, что слова государя священны, что нельзя говорить именем государя неосторожно, но раз что-либо сказано, должно быть исполнено. Государь просил гр. Л[амздорфа] приехать еще в субботу (сегодня четверг) во время доклада в[оенного] м[инист]ра и сказал, что все, что вы мне говорите, вчера написал мне м[инист]р ф[инанс]ов. На это гр. Л[амздорф] заметил (что совершенно верно), что ему неизвестно, что писал м[инист]р ф[инанс]ов. Сегодня герм[анский] и[мперато]р (Вильгельм) заявил, что он не хочет посредничества Ли Хунчана, так как он ему не верит (потому, конечно, что он к нам расположен) [29]). Мы послали за ним крейсер везти его в Таку, а герм[анский] и[мперато]р заявляет, что если Л[и] Х[ун]-ч[ан] приедет в Тянь-цзин, он его предупред[ит], что он накажет китайцев, когда Вальдерзе приедет. Далее Кур[опаткин] подал длинную записку г[осуда]рю о всех китайских событиях и о причинах и следствиях: нужно окупировать

северный Китай. Записка гладко написана, но, по моему мнению, показывает полное незнание дела. Я ему составил ответ, думаю завтра передать го[суда]рю [30]). Как видите, все не утешительно. Нет линии, нет твердости, нет слова, а Кур[опаткин] бесится. Все это наводит на грустные размышления. Государь уезжает в среду, не беря с собою ни Лам[здорфа], ни Кур[опаткина]. Я уеду [во] вторник вечером и приеду [в] Париж 19-го. Думаю, что государь будет рад от нас, а о с о б е н н о от меня, отвязаться. Я уезжаю с спокойною совестью. Все, что я мог сделать, чтобы Россию не впутать в беды, я сделал, я все сказал, хотя это и не нравится. Затем не от меня зависит ход дела. Что будет, того, значит, не миновать. Тяжкое время!

До свидания. Целую ручку Александре Павловне. Привет от Матильды Ивановны.

Ваш *С. Витте.*

10 [августа 1900 г.] [31]).

Если бы еще не было такого разумного м[инист]ра и[ностранных] д[ел], то совсем бы была беда.

9.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вчера у нас, наконец, было совещание у его в[еличест]ва (я, гр. Ламздорф и Куропаткин). Были приняты решения, подтверждающие программу, с самого начала беспорядков заявленную его в[еличест]вом, т.-е. полное бескорыстие, восстановление порядка, скорейшее возвращение домой и решение не соблазняться никакими соблазнами [32]). Кур[опаткин], видя настояние его в[еличест]ва, во всем уступал, но я ему глубоко не верю. Он положительно сорвался с цепи и ежедневно без удержу юродствует. Как высказала императрица М[ария] Ф[едоровна], — хочет себе при жизни монумент Петра I.

[Во] вторник выезжаю и [в] воскресенье буду в Париже, буду стремиться скорее вернуться. Боюсь, очень боюсь, что Куропат[кин] в это время натворит.

Крепко кланяюсь.

Ваш *С. Витте.*

13 [августа 1900 г.].

10.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Китайские дела, как вам это видно из газет, идут хорошо. По крайней мере, острый период окончился — от китайцев ничего серьезного, в особенности на севере, ожидать нельзя. Как я всегда говорил, у них никакого серьезного войска не оказалось. Таким образом после взятия Мукдена (что, вероятно, последует на-днях), вероятно, начнется демобилизация. Я это весьма прошу, и А. Н. Куропаткин обещает. Что касается переговоров, то они будут итти весьма и весьма долго. Очень

жаль, что пошли в Пекин. Благодаря этому п[равительст]во (гидра, по Куропаткину) ушло и, в сущности, не с кем говорить. Император, императрица — в руках шайки Двана [33]), и извольте теперь их освободить. Куропаткин хотел сию гидру захватить, а вышло, как Ламздорф и я предсказывали, совершенно обратное. Это — неприятная сторона дела, которая, в конце концов, не грозит бедами, но крайне затянет все дело.

Я также не боюсь компликаций с евр[опейскими] державами, но остается черная точка — Япония. Боюсь, что она влезет в Корею, и хотя государь сказал, что он и тогда не двинется, но все-таки это будет очень неприятно. Это по существу неприятно и, пожалуй, может нас возбудить. Я советую сделать предложение о нейтрализации Кореи.

Я имел уже доклад у его величества и был на обеде по случаю приезда сюда итальянского посольства. Со мною очень милы и любезны, к чему, как вам известно, я не привык. С непривычки я даже был смущен. Не знаю, что это означает? Государь и его семья здесь, видимо, чувствуют себя хорошо. Его величество отдыхает, и это отлично — дай бог ему сохранять свежесть нерв и мысли, вы знаете, как человек теряет равновесие, когда запутается в занятиях. Кажется, он отлично охранен.

Крепко целую руки Александры Павловны.

Ваш *С. Витте* *).

Пятница [ранее 18 сентября 1900 г.] [34]).

11.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

В тот же день, когда я вам дал телеграмму, я получил от вас письмо. У нас все тихо. Китайские дела приняли хронический характер. Этому много способствовало взятие Пекина и как следствие сего удаление оттуда двора. А без двора трудно надеяться на быстроту переговоров. Гр. Ламздорф и я это предвидели. Хронический характер событий не представляет ничего опасного, но затягивает на долгое время чрезвычайные расходы, а следовательно, стесняет всю нашу жизнь [35]). А. Н. Кур[опаткин] значительно успокоился, но всетаки по отдельным вопросам мы постоянно с ним в разногласии.

В Ливадии идет монотонная жизнь, в соку греческом и Михайловичей. Георг Критский наконец уехал, приехала греческая королева. В последние дни императрица перестала показываться. Прекратился общий стол, и императрица никуда не выезжает. Обыденная ли это месячная история, или что-либо посерьезнее, никто не знает. Государь на вопросы говорит, что у нее пустяки, голова болит.

Относительно телефонов мне телеграфировал П. Н. Дурново, и я, с своей стороны, телеграфировал Романову [36]), чтобы по всем во-

*) Приписка на первой странице текста письма: «Как вы себя чувствуете?».

просам шел с м[инистерст]вом в[нутренних] д[ел]. Сегодня Ром[анов] мне писал, что они долго спорили с Лобко о..... *) и наконец Лобко уступил. Скучный этот Лобко [37]). Серьезного дела от него едва ли выйдет, а лишь одни сентенции из науки военной администрации.

У нас, повидимому, начинает портиться погода. Хотя сегодня я купался в море, но теперь (2 ч.) сделалось довольно свежо. Думаю, что если сделается холодно, то пребывание здесь сделается не очень приятным.

Матильда Ивановна и я приносим усердный поклон Александре Павловне.

Крепко жму вашу руку.

Ваш *С. Витте.*

4 окт. [*1900 г.*].

12.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

У нас все по-старому. Что касается malaise ее в[еличества], то теперь совершенно ясно, в чем дело. Это обстоятельство может иметь то последствие, что здесь засидятся. Между тем министрам нужно будет ехать, и это очень усложняет положение. Через это положение в Ливадии все скучают — общения никакого. С гр. Ламздорфом был маленький инцидент. В нижнем этаже его дачи ребенок заболел дифтеритом. Хотя верхний совсем разобщен от нижнего, тем не менее он должен был по приглашению переехать в грязный так называемый Ливадийский дом в Ялте. Дом этот находится в самом грязном месте. Он там не мог ни спать, ни заниматься. Наконец, нашел себе дачу. Тогда случайно ли, или нет, его не звали. Он очень нервировался. Не звали не к обедам и завтракам (никого не зовут), а к докладам. Он начал рваться, хотел уезжать. Наконец я при докладе заговорил об этом, и наконец вчера он имел доклад.

Погода у нас было на два дня испортилась, а теперь опять хороша.

Нижайший поклон от Матильды Ивановны и меня Александре Павловне.

Ваш *С. Витте.*

8 окт. [*1900 г.*].

13.

Сегодня, дорогой Димитрий Сергеевич, получил ваше письмо. Я полагаю выехать отсюда в самом конце месяца, а следовательно, если вы приедете сюда между 25 и 27, то меня застанете. Но о выезде моем с государем ничего не говорил. Уверен, что не встречу возражений. Но я не знаю, как будет с гр. Ламздорфом и Куропаткиным; — скоро настанет момент формулировки наших условий по китайскому делу, и тогда мое участие почти по каждому пункту будет необходимо. Если мы будем врозь, будет большое замедление. Кур[опаткин] говорит, что в конце месяца выедет, гр. Ламздорф говорит, что ему надо

*) Одно слово неразобрано.

ехать, но не знает, что скажет его величество. Таким образом весь этот вопрос находится в неопределенном положении.

Вчера Гессе [38]) мне говорил, что Муравьев [39]) испросил разрешение приехать сюда для доклада особо важного дела (?). Вероятно, фокус какой-нибудь.

У нас погода пошаливает. Горы снегу. Частый дождь и тучи. То холодно, а особенно сыро. А появится солнце, как будто опять становится совсем хорошо. При решении вашем относительно переезда в Ялту имейте в виду, что на горах может быть очень холодно.

Сердечный привет Александре Павловне.

Ваш *С. Витте.*

15 [октября 1900 г.] [40]).

14.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Ничего тебе не писал потому, что нет ничего интересного. Вышло решение по финляндскому делу. Боюсь, что оно произведет дурное впечатление. По мысли и сердцу — отличные побуждения, по исполнению — точно желали государя подвести. В сущности, государь решил сохранить только финляндский баталион и драгунский полк и затем освободить финнов от другой повинности, денежной и натуральной, но так как, как основной закон, опубликован устав в неблагоприятном для Финляндии смысле, а остальное объявлено как временная мера, не ограниченная ни временем, ни формами, то милость государя едва ли будет и принята с искренней благодарностью. Очень жаль. То же самое можно было сделать так, чтобы привлечь сердца финляндцев к царю [41]).

По поводу предположений Голицына — относительно взятия в казну земской стражи — я буду очень спорить. Это с его стороны недостойный подвох. О твоем путешествии имеем мало сведений официальных. Фабричные инспектора Ярославской и Костромской губернии донесли, что в их районе ты серьезных несправедливостей не нашел, чему я был в[есьма] доволен. Я также очень доволен Треповым — по питейной монополии. Отлично направил это дело.

Об Александре Павловне мы ничего не слыхали. Где она? Наверное будешь видеть в Москве — поцелуй от меня ее руки.

Крепко тебе жму руки.

С. Витте.

У нас здесь все идут истории с Безобразовым [42]). Относительно моей поездки ничего не решено, хотя государь хотел уже решить в положительном смысле, но я просил отложить решение до 20-го [43]).

Урожай плохой. Большая беда. Если даже обойдется без кормежки насчет казны, то в экономическом отношении будет тяжелый год. И без того трудное время. Урожай мог бы многое поправить. Теперь эта надежда пропала.

7-го [июля 1901 г.] [44]).

15.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вот писал тебе, что у нас все тихо и что только что-то творит Безобразов. В последние дни то, что он творит, начало обнаруживаться из различных разговоров государя с Ер[моловым] [45]), гр. Ламзд[орфом], Гессе — и различных эпизодов. Безобразов, за спиною которого стоит Вонлярлярский, впутанный в целую массу промышленных дел (вероятно, теперь теряет деньги), и Альберт, пришли к заключению, что со мною кашу не сварить, а потому находят, что нужно прежде всего очистить дорогу [46]). Впрочем, кажется, Альберт в эту часть решения не посвящен. Так как Безобразов не менее двух раз в неделю сидит у государя, п о ч а с а м, то, конечно, он ему рассказывает всякую чепуху и всякие эфемерные планы. Эти разговоры и выливаются иногда в действия. Так, недавно вдруг государь встревожился, что будто я п р о д а л англичанам все ископаемые Сибири для того, чтобы этою ценою заключить с Ротшильдом заем. Сначала мы ничего не понимали, потом оказалось, что дело идет об одном английском об[щест]ве в Сибири, устав коего прошел в апреле. Государь два раза говорил об этом с Ермоловым, наводил через гр. Ламздорфа справки; встретив в них отпор и совершенно определительные объяснения, перестал говорить. Со мною же ни слова. Потом вдруг Безобразов объявил Ермолову высочайшее повеление (проект указа), чтобы все ископаемые Приамурского края передать В. А. Об-ву [47]), с тем чтобы существующие там компании признать уничтоженными. После объяснения с Ермоловым опять дело затормозилось. Но тем не менее государь все Ермолова не отпускает. Время экономическое переживаем мы дурное, вследствие известных причин много крахов, а тут еще неурожай. На эту тему государю внушают, что, мол, нужно в корне переменить политику финансовую — что вот, мол, результаты моей политики. А как переменить? Конечно, не знают. Вопрос для него [48]) только в том, чтобы очистить себе дорогу и в мутной воде рыбу половить. Тут на спину мне валят и земства. Под моим, мол, влиянием уничтожена самодеятельность России, мол, я хочу чтобы г о с у д а р ь б ы л о т д а л е н о т н а р о д а, а власть перешла к чиновникам и, следовательно, министрам. Государь со мною ничего не говорит. Отбарабаню доклады и баста, да во время докладов и времени для разговоров нет, но я чувствую, что он находится в каких-то смущениях. Выяснилось тоже, что то желание его, чтобы я ехал в Манчжурию, а то желание, чтобы я не ехал, основано на том же источнике. Кажется, ему внушено, что если я поеду, то приобрету еще больший ореол и значение и что нужно меня с Востока совсем устранить. Как-то раз государь мне мельком сказал: не следует ли передать В[осточно]-К[итайскую] дорогу м[инистерству] путей сообщения; я, не зная, откуда сие идет, ответил, что — да, года через три, может быть, это будет удобно [49]).— Одним словом, Безобразов творит какую-то

кашу, и благодаря характеру государя трудно выяснить правду. Государь же находится в смущении, и у него бродят какие-то мысли. Что же касается лично меня, то положением дела по существу нисколько не тревожусь. Нельзя ожидать, чтобы всегда все слагалось благоприятно. Теперь наступил вихрь, некоторые деревья будут сорваны, некоторые плотины повреждены, но я глубоко убежден, что, если мы будем держаться существующей экономической политики, то через года два все опять войдет в норму. Вот если свернем, начнем делать эксперименты, то подорвем наш кредит и может кончиться нехорошо.

В частности, меня беспокоит неурожай. Не придется ли кормить часть населения? Покуда еще это неясно. Но нужно скорее выяснить и заблаговременно принять меры. С нетерпением ожидаю твоего возвращения.

Крепко тебе жму руку.

Твой *С. Витте.*

12 [июля 1901 г.] [50]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Точно датировать это письмо не представляется возможным. Оно писано в бытность Сипягина уже министром вн. дел, т.-е. после 20 октября 1899 г., не в июле—октябре 1900 г., когда Сипягин находился на лечении за границей, и не позднее июля 1901 г., когда Витте и Сипягин были уже «на ты».

[2]) Настоящее письмо писано непосредственно по получении в Петербурге известия о бомбардировке Благовещенска, открытой китайцами 30 июня 1900 г.

[3]) П. Н. Дурново — тов. министра вн. дел.

[4]) Александра Павловна (урожд. кн. Вяземская) — жена Сипягина.

[5]) Матильда Ивановна — жена Витте.

[6]) Алексей Николаевич Куропаткин, военный министр (1898—1904 г.г.).

[7]) Гр. В. Н. Ламздорф, тов. министра ин. дел, после внезапной (8 июня 1900 г.) смерти министра ин. дел гр. М. Н. Муравьева *временно управлял* м-вом ин. дел более месяца. Вопрос о назначении его *управляющим* м-вом ин. дел решился лишь 25 июля т. г. *Министром* ин. дел гр. Ламздорф назначен 25 декабря 1900 г.

[8]) Тянь-цзин был занят иностранными войсками в несколько приемов в течение 11—30 июня.

[9]) Ср. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 144—145.

[10]) Гр. Сергей Дм. Шереметев, обер-егермейстер, член Госуд. Совета, был женат на сестре жены Сипягина.

[11]) Лессар — в 1900 г. советник русского посольства в Лондоне.

[12]) О составленной и отпечатанной по приказанию Витте особой исторической справке о ходе русской политики на Д. Востоке см. «Воспоминания», т. I, стр. 267—8.

[13]) Дата определяется по датам взятия Тянь-цзина (30 июня) и ожидаемого назначения гр. Ламздорфа управляющим м-вом ин. дел (25 июля).

[14]) Витте, «Воспоминания», т. II, стр. 251: «Когда я был министром финансов, то, конечно, Шереметев обращался ко мне с различными просьбами».

[15]) Югович — главный инженер по постройке Кит.-Вост. ж. д.

[16]) Линия Кит.-Вост. ж. д. была атакована китайскими войсками на протяжении 200 слишком верст 22—24 июня. Приказ, по просьбе Витте, о вводе русских войск в Манчжурию состоялся 26 июня. «Тяжелые опасения» за судьбу дороги и служащих

стали «быстро рассеиваться» с 15 июля (ср. Глинский, «Пролог русско-японской войны», стр. 115—116). Дата письма определяется, с другой стороны, тем, что оно писано до назначения Ламздорфа управляющим м-вом ин. дел (25 июля).

[17]) Кн. Оболенский, Валериан Сергеевич, директор канцелярии м-ва ин. дел.

[18]) Андрей — в. кн. Андрей Владимирович.

[19]) Дата письма определяется датой назначения гр. Ламздорфа.

[20]) Кн. Святополк-Мирский, тов. министра вн. дел, ком. отд. корпуса жандармов.

[21]) См. прим. 19.

[22]) Пекин взят иностранными отрядами 1 августа.

[23]) Дата письма определяется датой взятия Пекина.

[24]) Адм. Евг. Ив. Алексеев — командующий войсками Квантунской области.

[25]) Ген. Н. П. Линевич — с 20 июля командующий русским отрядом, участвовавшим во взятии Пекина.

[26]) При приближении иностранных войск к Пекину китайский двор выехал в Си-ань-фу.

[27]) Гродеков — командующий войсками Приамурского военного округа.

[28]) Нью-чжуан (Инкоу) — главный торговый порт Южной Манчжурии.

[29]) Ли Хун-чан, давний руководитель внешней политики китайского двора, удаленный от дел после частичного раздела китайской территории в 1898 г., был назначен уполномоченным по переговорам с иностранными державами, введшими свои войска в Пекин.

[30]) Почти дословное изложение записки Витте от 11 августа см. у Глинского — «Пролог русско-японской войны», стр. 119 и сл.

[31]) Дата письма определяется датою записки Витте, см. прим. 30.

[32]) Полный текст циркулярной телеграммы русским представителям за границей от 12 августа с изложением этой программы см. у Глинского — «Пролог...», стр. 121.

[33]) Принц Дуан, глава сторонников боксерского движения при дворе, по настоянию держав, был приговорен к смертной казни (ст. 11 заключительного протокола, подписанного Китаем и державами 25 августа (7 сентября 1901 г.).

[34]) Письмо писано в Ялте, по возвращении Витте из Парижа, в первой половине сентября: вступление отряда ген. Субботича в Мукден, ожидаемое Витте, состоялось 18 сентября.

[35]) Расходы, понесенные Россией, вполне оплачены были т. наз. «боксерским вознаграждением», уплаченным Китаем по ст. VI заключительного протокола.

[36]) Петр. Мих. Романов — тов. министра финансов.

[37]) Ген. Лобко — государственный контролер.

[38]) Ген. Гессе — дворцовый комендант.

[39]) Н. В. Муравьев — министр юстиции.

[40]) Дата письма определяется датой приезда Сипягина в Ялту (конец октября).

[41]) О военной реформе в Финляндии подробно рассказано у Витте в «Воспоминаниях», т. II, стр. 210, сл.

[42]) А. М. Безобразов, пресловутый советчик Николая II по дальне-восточным делам, летом 1901 г. настойчиво хлопотал об учреждении Восточно-Азиатской Промышленной Компании из особо подобранных подставных пайщиков с предоставлением ей монополии по эксплоатации естественных богатств русского Д. Востока. См. след. письмо, № 15.

[43]) Имеется в виду поездка Витте на Д. Восток для ознакомления на месте с ходом постройки К.-В. ж. д. и общим политическим положением. В 1901 г. поездка была отменена и состоялась в 1902 г. Любопытнейший доклад о ней см. у Глинского— «Пролог . . .», стр. 190—242.

[44]) Дата письма определяется датой поездки Сипягина для обозрения Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской губ., имевшей место летом 1901 г., с 22 июня по 24 июля.

[45]) А. С. Ермолов — министр земледелия и государственных имуществ.

[46]) В. М. Вонлярлярский, приятель Безобразова и его соратник по авантюре с концессиями в Корее.—М. О. Альберт — директор-распорядитель Невского судостроительного завода.

[47]) В. А. Общество — Восточно-Азиатская Промышленная Компания.

[48]) Для него — для Безобразова.

[49]) Доклад Витте по вопросу о невозможности передачи К.-В. ж. д. в казну, представленный им в 1903 г. в виду нараставшего напора в этом смысле Безобразова и К-о на Николая — см. в нашей работе «Лихунчанский фонд» (журн. «Борьба классов», № 1—2, Петр. 1924 г.).

[50]) Дата письма определяется датой поездки Сипягина, закончившейся 24 июля 1901 г., и датами летних эпизодов с Ермоловым и английским «Об-вом изысканий по Восточной Сибири» (о чем см. в нашей работе «Витте и концессия на Ялу», в Сборнике статей, посвященных С. Ф. Платонову. Петр., 1922, стр. 449—450).

Китайская революция 1911 года.

Печатаемые ниже официальные документы имеют непосредственную связь с ходом событий так называемой первой китайской революции. Говорим—так называемой первой, ибо революцию 1911 года, сбросившую династию манчжуров, отнюдь не приходится считать первой китайской революцией в буквальном смысле этого слова. На протяжении своей многотысячелетней истории Китай пережил немало великих революционных движений, из которых многие и по своей длительности и по своему размаху значительно превосходили движение 1911 года.

Великая жакерия — восстание Красных Бровей, имевшее место еще в начале нашей эры и нанесшее первый жестокий удар режиму крупного землевладения; еще более грандиозная жакерия конца II и начала III столетия, известная под именем восстания Желтых Тюрбанов, явившегося заключительным актом «римского периода» китайской истории, когда «великая и блестящая» восточная Ханьская империя, а вместе с нею и весь тогдашний режим, основанный на жестокой эксплоатации крестьянства, рухнул, не сумев разрешить аграрного вопроса; восстание Хуан Чао, опрокинувшее тоже «великую и блестящую» династию Тан (620—903); национальная революция, руководимая обществом Белого Лотоса, свергнувшая в половине XIV столетия монгольское иго и посадившая на престол «императора вселенной» знаменитого крестьянского вождя Чу Юанчана, основателя династии Мин; крестьянская революция начала XVII столетия, возглавляемая «бандитами» Ли Цзы-чэном и Чан Хьен-чуном, свалившая Минов, и, наконец, великое движение Тайпинов в начале второй половины XIX столетия (1851—1865) — таковы далеко не все, но наиболее примечательные восстания и революции, имевшие место за последние две тысячи лет. Очередная концентрация земельной собственности, очередной рост торгового капитала, очередное обезземеление широких масс крестьянства, острое противоречие интересов арендаторов и землевладельцев, налоги и поборы, тяжесть которых каждый раз усугубляется самоуправством и злоупотреблениями бюрократии и чиновничества, всегда более или менее тесно связанных с землевладением и торговым капиталом, — вот основные причины, которые бросаются в глаза при ознакомлении с вышепоименованными революциями. К сожалению, ни одна из этих революций еще не изучена, и это — несмотря на существование колоссального количества исторических документов, обширных мемуаров и энциклопедий, грандиозных по своим размерам официальных историй 24 династий, которые, несмотря на нередкую фальсификацию фактов и тенденциозность изложения, содержат в себе богатейшие материалы, ждущие научной обработки.

С историей революции 1911 года дело обстоит не лучше. До сих пор ни в западных странах, ни в самом Китае о ней не существует ни одной обстоятельной работы. Более

того, до сих пор колоссальные материалы, которые имеются в самом Китае, никем еще серьезно не собираются. Правда, уже на первом съезде (1924 г.) реорганизованного Гоминдана было постановлено образовать специальную комиссию — нечто в роде Истпарта—для собирания и разработки материалов по истории Гоминдана, а следовательно, и революции, однако о результатах работ этой комиссии пока еще ничего не слышно. А между тем в настоящий момент более детальное и глубокое ознакомление с революцией 1911 года, с причинами ее успехов и поражений является настоятельной необходимостью. Правда, со времени этой революции прошло уже около пятнадцати чрезвычайно богатых событиями лет, и национально-революционное движение 1926 года происходит в чрезвычайно изменившейся обстановке. Однако, несмотря на все изменения, ситуация, складывающаяся в настоящий момент в результате значительных достижений кантонской северной экспедиции, в некоторых отношениях разительно напоминает ситуацию 1911—1912 г.г. И теперь, почти так же стремительно, как в 1911 г., одна провинция за другой переходит на сторону национальной революции. Не только южный Китай, не только значительная часть бассейна Ян-Цзы, но и значительная часть бассейна Желтой реки начинают становиться под знамя революционного Кантона. Кантон во главе с гоминдановским правительством по существу уже противостоит Пекину Чжан Цзо-лина, как когда-то Нанкин с правительством, душой которого являлся предтеча Гоминдана—революционное общество Тун Мон Хуэй—противостоял правительству Юань Ши-кая. И теперь, как 15 лет тому назад, на очередь дня выдвигается дилемма: беспощадная война революции с реакцией или компромисс, хотя бы и «временный». Уже этих примеров достаточно, чтобы, повторяем, показать настоятельную практическую необходимость подробного ознакомления с уроками «первой революции».

В печатаемых ниже донесениях царских посланников, разумеется, не найти удовлетворительного анализа движущих сил революции 1911 г. В этом вопросе печатаемые документы лишний раз обнаруживают обычный для царских дипломатов диллетантизм.

Гвоздем печатаемых документов являются те документы, которые вскрывают закулисную сторону империалистической политики царской России в Китае. В этом отношении наиболее интересны: всеподданнейший доклад министра ин. дел Сазонова с одобрительной пометой Николая II от 10 (23) янв. 1912 г., доклад того же Сазонова касательно Урянхайского края, заключительная депеша Крупенского и, наконец, секретная телеграмма царского посланника в Пекине Коростовца от 2 (15) ноября 1911 г., сопровождаемая всеподданнейшей запиской управляющего министерством ин. дел Нератова. Три первых документа настолько ясно до циничности излагают захватническую политику царского правительства, что ни в каких дополнительных комментариях не нуждаются; что касается последних двух, т.-е. секретной телеграммы Коростовца и записки Нератова, то хотя и они не менее ясны и циничны, тем не менее на них следует остановиться. «Сила вещей может заставить иностранные державы, прежде всего в обеспечение финансовых интересов, именно платежей по займам, пойти далее деловых сношений с южными автономными властями и формально признать эти последние.., исходя из того основного факта, что в южном Китае у нас нет территориальных и прямых политических интересов, а лишь финансовые и отчасти торговые в долине Ян-цзе, признавал бы необходимым сделать все зависящее, чтобы установить с самого начала возможно дружеские отношения с южными властями. В данном случае было бы необходимым учесть неизбежный антагонизм между северным и южным Китаем, как только он станет независимым, — при чем, в силу географических условий, наши трения с китай-

цами будут почти исключительно сосредоточиваться на севере, — и, следовательно, тот факт, что южане будут являться естественными нашими союзниками».

Так телеграфировал царский посланник в Пекине в тот момент, когда предполагалось, что Китай разделится на две самостоятельных части: реакционный север и революционный юг. Мнение посланника Коростовца было поддержано упр. мин. ин. дел Нератовым, писавшим в своей докладной записке, что «с точки зрения наших интересов, распадение нынешней Китайской империи являлось бы во многих отношениях желательным. Между различными частями Китая, хотя бы они и не встали друг к другу во вполне независимые отношения, будет, несомненно, существовать соперничество, ослабляющее их. Обстоятельство это мы можем использовать, чтобы довершить дело заселения и укрепления наших окраин, на которых мы будем пользоваться значительно большею, чем теперь, свободою действий, так как внимание китайцев, ныне сосредоточенное на мысли спаять с внутренним Китаем лежащие к северу от Великой Стены области, будет тогда отвлечено в сторону внутренних вопросов, вызываемых взаимным недоверием и соперничеством между провинциальными правительствами».

С тех пор как Нератов писал эти строки, целиком одобренные Николаем II, прошло ровно пятнадцать лет. Нератов уже давно не министр, а Николай II стал Николаем последним. Россия царская превратилась в Россию Советскую, с точки зрения интересов которой желательно не распадение Китая, а, наоборот, сплочение всех его разрозненных частей в единое могучее целое, что возможно лишь в результате полной победы национально-революционных сил. Другое дело — Япония, империалистические цели политики которой за эти пятнадцать лет по существу ни в чем не изменились. Для нее и в 1926 году распадение Китая «являлось бы во многих отношениях желательным». Тот, кто хочет понять, почему в настоящий момент Токио так стоит за компромисс Кантона с Пекином, за политическое разделение Китая на реакционный север и революционный юг, должен внимательно вдуматься в аргументы, приводимые Коростовцом и Нератовым. Эти аргументы почти целиком являются теперь аргументами нынешних японских дипломатов. Конечно, у последних в их желании содействовать «компромиссу реакции и революции» имеются и другие основания. Во-первых, зная лучше, чем кто-либо, все слабые стороны показной силы Чжан Цзо-лина, они боятся полного его разгрома. Во-вторых, при существовании двух правительств, Японии, по их мнению, будет легче проводить свою политику, не вступая в острый конфликт с Америкой; в-третьих, вполне естественные симпатии Советского Союза к национально-революционным силам, возглавляемым южным правительством, они думают полностью использовать, пугая и разжигая к нам ненависть реакционного правительства севера; в-четвертых, исходя из неизбежности затяжных конфликтов юга с Великобританией, они надеются, что Японии, несмотря на материальную и моральную помощь, оказываемую ею Чжан Цзо-лину, удастся установить сносные отношения с кантонским правительством, что позволит японской торговле и промышленности использовать падение удельного веса Великобритании в бассейне Ян-Цзы.

Выше мы указывали на отсутствие в печатаемых документах удовлетворительного анализа движущих сил китайской революции. После прочтения всех этих депеш, докладов и докладных записок у читателя невольно может составиться несколько упрощенное представление о событиях 1911—12 годов. Конечно, армия и молодое офицерство, распропагандированное обществом Тун Мон Хуэй, сыграли в революции решающую роль, обратив ее, по существу, в какое-то грандиозное пронунциаменто, однако вместе с тем, —

по крайней мере в некоторых провинциях, — немалую роль играло и чисто народное движение. В Хубее, Хунане, а, особенно, в Сычуане и Шэньси народное тайное революционное общество Старших Братьев, о котором в документах упоминается лишь вскользь, проявляло необычайную активность. Что касается провинции Шэньси, напр., то в первый период революции она почти целиком находилась под контролем этого общества. Наряду со Старшими Братьями действовало немало и других народных организаций, из которых организации, имевшиеся в Южном Китае, обычно известны под общим наименованием — Триад. Изучение истинной роли и удельного веса тайных революционных обществ в революции 1911 г. должно составить одну из главных задач ее будущих историков.

В документах не раз упоминается и подчеркивается партикуляризм китайских провинций. Этим партикуляризмом объясняются как восстания в Сычуане в связи с попыткой правительства провести национализацию железнодорожного строительства, — в нем же видится одна из главных препон, с которой приходилось бороться и китайским революционерам. Нужно признать, что во всем этом заключена немалая доля истины. Однако вопрос о социальной природе этого партикуляризма — вопрос довольно сложный и трудный — царскими дипломатами совершенно обходится. Поверенный в делах Щекин указывает лишь на то, что в свое время пекинское правительство старалось «всячески обузить самостоятельные права, которые присваивали себе вице-короли» и что хунаньские войска не пожелали больше сражаться рядом с хубейскими «из-за исконной вражды, существующей между этими двумя провинциями». Отсталость экономики при обширности территории, неразвитости путей сообщения, а также иногда довольно сильное различие диалектов, как и ряд исторических причин, вот что, разумеется, лежало в основе обособленности и партикуляризма китайских провинций. Однако то, что зачастую принимается за обычный партикуляризм, было на самом деле отстаиванием господствующим классом своих прав и привилегий на эксплоатацию как местного населения, так и общественного достояния каждой данной провинции, каждого данного уезда. Это явление в настоящее время распространено не менее, чем и при манчжурской династии. Вот один из бесчисленных примеров. Енсинский уезд Цзянсийской провинции, которая в настоящее время является ареной борьбы кантонских войск и войск Сун Чуан-фана, издавна славится залежами железа, эксплоатация которых ничтожна, ибо, за неимением значительных местных капиталов, производится примитивным способом, при чем в самых скромных размерах. В то же самое время заправилы всей общественной, политической и экономической жизни уезда—всемогущее уездное джентри — не допускает к эксплоатации местных богатств никакую группу интересов не только из другой провинции, но и из другого уезда. Это джентри, понимаемое в данном случае не как должность, а как служилое полудворянское сословие, связанное с землевладением и торговым капиталом, и в настоящее время, как и при манчжурской династии, правит сотнями и тысячами китайских уездов. Ими захвачены все общественные учреждения в уездах, при их же согласии и содействии проводятся все более или менее важные меры, из них же вербуются большинство членов провинциальных собраний и самого парламента. Если с уездным джентри не мог не считаться ни один уездный начальник, то с провинциальным джентри не мог не считаться и вице-король. Более того, расправиться с тем или иным вице-королем было для манчжурской династии делом несравненно более легким, чем сломить сопротивление провинциального джентри, когда затрагивались его интересы.

Об обществе Тун Мон Хуэй в печатаемых документах даются лишь самые беглые сведения, хотя оно и являлось душой революции 1911 года. В виду этого будет, может

быть, нелишним в заключение более подробно остановиться на этой организации, являющейся, как мы уже сказали, предтечей нынешнего Гоминдана.

Тун Мон Хуэй был основан в 1905 г. в Токио путем, главным образом, слияния трех революционных организаций: Хин Чжун Хуэй (Общество возрождения Китая) или «Кантонской партии», с Сун Ят-сеном во главе, — Хуа Хин Хуэй, или «Хунаньской партии», руководимой знаменитым Хуан-сином, и, наконец, Гуань Фу Хуэй, или «Чжецзян-цзянсуйской партии», наиболее видным представителем которой являлся известный китайский ученый Чжан Пин-лин. Если последняя организация, т.-е. Гуань Фу Хуэй, была почти исключительно связана с китайской интеллигенцией и студенчеством, то первые две находились в самой тесной связи с народными тайными революционными обществами. Все главные попытки восстаний, организованные как Сун Ят-сеном, так и Хуан Сином в период, предшествующий образованию Тун Мон Хуэй, были по существу восстаниями «Триад» и «Старших Братьев». Таким образом, и Хуан Син и сам Сун Ят-сен являлись в этот период не столько инициаторами нового движения, сколько продолжателями народных революционных традиций, а организованные ими выступления — лишь более или менее яркими эпизодами в непрерывной серии революционных выступлений уже упомянутых нами тайных народных организаций.

В обществе Тун Мон Хуэй буржуазно-интеллигентское течение взяло верх. Правда, и Тун Мон Хуэй поддерживал связь с вышеуказанными обществами, однако вместо того, чтобы расширить эту связь и постараться втянуть в революцию широкие народные массы, он перенес центр тяжести своей работы на пропаганду среди китайского студенчества и молодого офицерства, а также среди заграничной китайской буржуазии, у которой ему приходилось черпать необходимые для революционной работы средства. Тун Мон Хуэй превратился, таким образом, в интеллигентско-военную организацию, поддерживаемую известным слоем китайской либеральной буржуазии. Неудивительно, если из «трех из'мов» Сун Ят-сена — «национализма, демократизма и социализма» фактически уцелело, в конце концов, лишь два первых, выразившихся конкретно в лозунгах, требовавших свержения манчжурской династии, ассимиляции всех населяющих Китай инородцев и установления парламентарной республики. В результате, несмотря на довольно сильное движение Старших Братьев, в некоторых провинциях, революция свелась, как мы уже сказали, в основном к какому-то грандиозному и своеобразному пронунциаменто, и когда Тун Мон Хуэй пришлось столкнуться с более могущественной в чисто военном отношении реакционной кликой северных генералов, он, не имея за собой поддержки широких народных масс, счел себя вынужденным пойти на компромисс, от которого выиграл лишь Юань Ши-кай и его сторонники.

А. Ивин.

1. Депеша посланника в Пекине на имя упр. мин. ин. дел Нератова [1]).

Пекин. 16 сентября 1911 г. № 83.

Милостивый государь
Анатолий Анатольевич.

В целом ряде донесений, посвященных вопросу о национализации магистральных железнодорожных линий, я имел честь подробно указывать на противодействие этой политике китайского правительства

[1]) Подлинники публикуемых документов хранятся в Моск. Архиве Револ. и Внешней Политики. Текст их подготовил к печати А. Л. Попов.

со стороны известных слоев населения провинций, пересекаемых Ханькоу-Кантонской и Ханькоу-Сычуаньской железными дорогами.

Агитация по этому поводу, имевшая главным образом денежную подкладку, была использована и либеральными элементами страны, для укоров правительству в нарушении конституционных форм при заключении Хугуаньского займа без согласия на то народных представителей, и националистами, в виде обвинения центральной власти в отдаче народного достояния в кабалу иностранным банкирам и промышленникам, чем нанесен надолго ущерб туземной культурной инициативе.

Так как вообще население отмеченных провинций, благодаря скученности своей, бедности, частым эпидемиям и голодовкам, представляет благодарную почву для всякого рода революционной пропаганды и противоправительственных течений, то и усиленная агитация за свободу в области железнодорожного хозяйства получила возможность обратиться в провинции Сычуань в открытый мятеж.

Сначала правительство относилось довольно безразлично к возникшему движению, рассчитывая, что оно уляжется само собой. В Пекине стали сознавать серьезность положения лишь впоследствии, когда возникла опасность, что мятеж перебросится в другие провинции и вызовет вмешательство иностранных держав. Указом от 30 августа сычуаньскому генерал-губернатору Чжао Эрр-фыню приказано действовать против мятежников военной силой, а директору железных дорог Дуань-фану предписано отправиться из Ханькоу лишь с двумя ротами эскорта, вероятно, чтобы не напугать бунтовщиков, так как, повидимому, у правительства была все еще надежда на возможность ограничиться одними увещеваниями, не отказываясь от завершения выкупной операции. Однако через три дня после издания этого указа выяснилась уже необходимость в принятии каких-либо других более решительных мер. Поэтому в указе 2 сентября предложено Дуань-фану, из политического и экономического деятеля обращенного в военачальника, вступить с войсками, вероятно, из учанского гарнизона, в Сычуань и освободить Чэн-ду. И, наконец, как ultima ratio, сановнику Цэнь Чунь-сюаню, пребывающему в Шанхае на покое, приказано немедленно выехать в Сычуань на помощь Чжао Эрр-фыню для водворения спокойствия в названной провинции.

Вашему превосходительству угодно будет припомнить, что Цэнь, личный друг министра почт Шэнь Суань-хуай, считается не только крупным администратором, но и известен тою ролью, которую он играл в Пекине в 1907 году. Пользуясь расположением покойной императрицы, Цэнь вел усиленную борьбу с Юань Ши-каем, князем Цином и Тан Шао-и, но благодаря усилиям князя Цина снова был назначен генерал-губернатором в Кантон, куда, однако, не поехал, а, выйдя в отставку, поселился в Шанхае. Настоящим своим назначением Цэнь обязан рекомендации сановника Сюй Ши-чана и военного министра Ин-чана, которые указали на него, как на лицо, обладающее необхо-

димой энергией и авторитетом. Выбор этот был подтвержден государственным советом.

Вместе с увеличением тревоги под влиянием известий из Сычуаньской провинции в столицу стали доходить более подробные сведения о ходе агитации и вызванных ею волнениях, каковые дают возможность дать ныне ясную картину событий на месте.

Собственно говоря, открыто мятеж начался в половине августа, но первые тревожные признаки появились гораздо раньше, когда во главе движения против национализации железных дорог стало местное общество или лига охраны прав населения в железнодорожном строительстве. Общество это благодаря бездеятельности или даже попустительству властей (провинцией управлял Ван Жен-вэнь, не принявший своевременно мер против агитации или даже относившийся сочувственно к притязаниям сычуаньцев) настолько усилилось, что стало действовать совершенно открыто, распоряжаясь в провинциальной столице Чэн-ду-фу по своему усмотрению. Деятельность лиги особенно усилилась после назначения директором Ханькоусской линии некоего Ли, заведывающего постройкой Ичанской дороги и считающегося ревностным исполнителем приказаний генерал-губернатора в деле выкупа Хугуанской сети. Этого Ли обвиняли также в злоупотреблениях, допущенных при выкупной операции и весьма невыгодно отразившихся на интересах акционеров и пайщиков.

Активные действия лиги начались с объявления стачки учащихся и купцов. Одновременно лига выпустила воззвания и прокламации, осуждающие образ действия правительства в железнодорожном вопросе и призывающие 70 миллионов сычуаньцев к стачке и к борьбе за свои права. Купечество и учащиеся, опасаясь мести лиги, поспешили подчиниться ее приказу и прекратили занятия и торговлю. За стачкой последовало распоряжение не платить налогов и податей и, в частности, ликина. Решение это также было исполнено беспрекословно. Порицая образ действия властей, члены лиги в своих воззваниях противополагали ему справедливость богдыхана Гуан-сюя, даровавшего Сычуани самостоятельное право сооружения дорог. На митингах, собиравшихся в провинциальной столице, произносились речи, направленные против членов правительства, особенно же против министра почт и сообщений Шэнь Суань-хуая и его ставленника Дуань-фана. Общее раздражение населения против властей было использовано революционерами, которые вызвали сначала уличные беспорядки, а затем открытый мятеж, в котором приняла участие местная полиция, состоящая главным образом из сычуаньских уроженцев. Мятежники напали на правительственные здания и на дворец генерал-губернатора, но были отбиты. После этого Чжао Эрр-фынь распорядился закрыть городские ворота, и Чэн-ду-фу оказался в осадном положении. Опасность от мятежа увеличилась еще тем, что часть регулярных войск объявила себя нейтральными и отказалась принимать участие в военных действиях против мятежников. В течение нескольких дней всякие сношения

с Чэн-ду-фу были прекращены, благодаря перерыву телеграфных и почтовых сообщений, при чем правительственные курьеры задерживались и даже убивались мятежниками.

В Пекине получались самые противоречивые и фантастические сведения о сражениях между войсками и мятежниками, об осаде Чэн-ду-фу, убийстве генерал-губернатора и главнейших чиновников и т. п. По одним сведениям, мятежники всюду терпели поражение и несли тяжелый урон, по другим — войска отступали перед восставшими или переходили на их сторону. Несмотря на тревожные известия, приходившие из Сычуани, пекинское правительство все время давало успокоительные заверения, утверждая, что мятеж не имеет серьезного значения (в течение нескольких дней здешние дипломатические миссии получали из вай-ву-бу бюллетени о ходе восстания). Что касается консулов и иностранной колонии, пребывавшей в Чэн-ду-фу, то, как теперь выяснилось, большинство европейцев осталось в городе, и, повидимому, не пострадало от происходившего междоусобия. Как известно, китайские бунты и мятежи, независимо от причин их возникновения, очень часто принимают антидинастический или антииностранный характер. Происходит это главным образом благодаря подстрекательству властей, которые стремятся таким путем отвратить от себя раздражение толпы, направив ее против иностранцев. На этот раз, однако, китайцы, вероятно по предписанию генерал-губернатора, не решились прибегнуть к своему излюбленному средству: властям было предписано защищать иностранцев, и лишь небольшое число миссионеров, особенно из отдаленных станций, спаслось бегством в Чункин, под защиту иностранных военных судов, поднявшихся по Янг-цзы до Киатинга.

Само правительство еще, повидимому, не решило окончательно, как выйти из настоящего затруднительного положения. Директор дорог Дуань-фан, уже находившийся в пути, в виду назначения Цэнь-Чунь-суаня чрезвычайным комиссаром, просил об освобождении его от возложенной на него задачи. Сановник Цэнь выехал из Шанхая, направляясь в Чункин, откуда поедет сухим путем в сопровождении небольшого отряда. Предпринимая свою карательную экспедицию, Цэнь обратился к населению Сычуани с прокламацией примирительного характера, обещая справедливый разбор дела. Передают, что вообще, вопреки свойственной ему суровости (он известен подавлением восстания в Кантоне), Цэнь стоит ныне за снисхождение и в целях успокоения населения предложил правительству следующие меры: 1) обменять частные железнодорожные акции на правительственные без убытка для владельца; 2) предписать Чжао-Эрр-фыню освободить арестованного им председателя сычуаньского совещательного комитета, подозреваемого в подстрекательстве к агитации; 3) издать указ о готовности правительства простить мятежников.

Предложение это, однако, не встретило сочувствия в высших сферах Пекина, особенно со стороны министра Шэнь Суань-хуая, опа-

сающегося, что подобная уступчивость лишь ободрит все оппозиционные элементы и побудит остальные провинции последовать примеру Сычуани. По газетным сведениям, в Кантоне уже идет агитация против выкупа Ханькоу-Кантонской линии. Таким образом правительству приходится действовать с большой осторожностью, избегая вступать в слишком снисходительные компромиссы. Положение правительства тем более щекотливо, что, в сущности говоря, настоящий конфликт является новым фазисом борьбы провинциального сепаратизма с централизацией, и то или иное решение Пекина, несомненно, повлияет на дальнейшее направление внутренней политики.

По последним сведениям, мятежники, осаждавшие Чэн-ду-фу, рассеяны, и генерал-губернатором принимаются меры к восстановлению нормального порядка.

С глубочайшим почтением и т. д.

Коростовец.

2. Телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 28 сентября (11 октября) 1911 г. № 602.

По частным сведениям, революционеры и часть взбунтовавшихся войск захватили Учан. Вице-король и власти выехали, ямыни сожжены; предлогом послужила казнь двух солдат. Ханькоу охраняется европейскими волонтерами, вызваны военные суда.

Коростовец.

3. Секретная телеграмма в Пекине.

Пекин. 29 сентября (12 октября) 1911 г. № 609.

Генеральный консул в Ханькоу телеграфирует:

«В числе бумаг, захваченных в революционной квартире на нашей концессии, найдена прокламация, излагающая программу партии, стремящейся к низвержению династии, обещающей неприкосновенность иностранцев; кроме того, заготовленные депеши консулам от нового демократического правительства с извещением о намерении оного поддерживать дружественные отношения со всеми державами, признавать существующие договоры, уплачивать займы, охранять иностранцев, концессии. Вновь заключенные договоры признаны не будут, державы, поддерживающие дайцинскую династию, признаются за врагов, оружие, поставляемое манчжурам, конфискуется. Об этом депеша просит довести до сведения иностранных правительств. Сегодня из Учана получены известия от миссионеров, что подобные депеши будут посланы консулам. Прошу указаний». Телеграфирую Островерхову: «В случае каких-либо официальных обращений революционеров, воздержитесь от ответа».

Коростовец.

4. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 1/14 октября 1911 г. № 615.

Из последних телеграмм Островерхова усматривается, что во главе временного правительства в Учане стоит председатель провинциального собрания Тана, войсками командует перешедший на сторону революционеров бригадный генерал Ли. Правительственные войска, в числе 700 человек, отошли к северу. Революционеры заняли без сопротивления Ханьянские заводы, арсенал и пороховой склад, а равно на десять километров железнодорожное полотно. Власти бежали, были попытки грабежей, грабители казнятся революционерами, к которым население относится доверчиво, опасаясь лишь нападения правительственных войск. Начинается недостаток риса, плату принимают лишь серебром. В виду отплытия из Шанхая в Учан китайской эскадры, из двух крейсеров и одной канонерки, под флагом адмирала Са, генерал Ли обратился к консулам в Ханькоу с известной министерству прокламацией и предложил для защиты концессий занять их своими войсками. Консулы через английского консула отклонили в неофициальной форме это предложение с благодарностью и обратились в Пекин к дипломатическому корпусу с просьбой добиться распоряжения китайского правительства у Са расположить при бомбардировке свои суда так, чтобы не пострадали концессии, в противном случае дать срок для эвакуации концессий. То же заявление будет сделано адмиралу Са японским адмиралом, командующим иностранными судами, ведающими защитой концессий. Сегодня состоится заседание дипломатического корпуса. По сведениям от японского офицера, командированного в Ханькоу, в распоряжении революционеров имеется 4 полка, 70 орудий, 50.000 снарядов и 16 миллионов патронов, равно как и полтора миллиона лан серебра.

Коростовец.

5. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 2/15 октября 1911 г. № 619.

По сведениям из заслуживающего доверия источника, новый контракт между четверной банковской группой [1]) и китайским правительством на проведение всей монетной реформы окончательно выработан, и подписание его задерживается лишь возникшим революцион-

[1]) Первоначально предоставление Китаю займов (одного — на предмет постройки Цзинчжоу—Айчунской ж. д., другого—на реформу денежной системы в Китае и Манчжурии) предполагалось лишь со стороны Соед. Штатов Сев. Ам. Затем (в октябре 1910 г.) в Лондоне по вопросу о финансировании Китая было достигнуто соглашение между представителями германских, французских, английских и американских банковских групп, и 1/XI 1910 г. подписано соответствующее соглашение. (См. секр. тел. Остен-Сакена из Берлина от 2 (15) XI 1910 г. № 79 и секр. тел. Нелидова из Парижа от 3 (16)/XI 1910 г. № 78.)

ным движением и пошатнувшимся положением Шэнь Суань-хуая. Дабы не оказаться опять лицом к лицу с совершившимся фактом, быть может, желательно установить нашу точку зрения на проектированную операцию и заранее ознакомить с ней французское и английское правительства. Казалось бы, что осуществление монетной реформы не может быть рассматриваемо исключительно как финансовая операция, по существу оно является актом чисто политическим, равносильным, особенно при нынешних условиях, установлению преимущественного положения четырех держав в Китае. Практически она приведет к гораздо более серьезным волнениям, чем выкуп железных дорог, так как неминуемо причинит материальный ущерб широким массам населения. В виду такого политического характера вопроса мы могли бы оставить за собою право на компенсацию, если дела будут разрешаться без нашего участия.

Коростовец.

6. Депеша посланника в Пекине на имя упр. мин. ин. дел Нератова.

Пекин. 5/18 октября 1911 г. № 91.

Милостивый государь
Анатолий Анатольевич.

Скудость известий из Ханькоу и невыясненность общего положения вещей заставляют меня в настоящем донесении ограничиться изложением лишь фактической стороны вспыхнувшго на юге Китая восстания, откладывая подробную оценку развивающихся ныне событий до того времени, когда с большей определенностью установится соответствие сил двух борющихся сторон.

Из многочисленных донесений моих ваше превосходительство осведомлены о возникшем в Сычуаньской провинции движении в связи с проектом выкупа правительством железных дорог. Уже с самого начала движение это вышло из первоначально поставленных инициаторами его рамок, сделавшись поводом для агитаций, ничего общего с выкупом железных дорог не имеющих. Это неизбежно должно было произойти, так как за последние годы китайское правительство, увлеченное своей реформаторской деятельностью и уверенное в своих силах, совершенно игнорировало исторически сложившиеся права отдельных провинций и мало обращало внимания на все увеличивающееся число революционных элементов в империи. При таких условиях достаточно было одного серьезного мероприятия пекинских властей, где было бы ярко выражено нежелание считаться с интересами и правами отдельных провинций, чтобы дать повод возникновению открытого протеста против централистических стремлений правительства, что, в свою очередь, при развитии революционной агитации, должно было перейти в более широкое и не прекращавшееся на юге Китая националистическое и антидинастическое движение. При этом, как и можно было предвидеть по предыдущим примерам, одной из причин успеха возник-

шего движения было то, что реформированные войска, на которые особенно рассчитывало центральное правительство, явились чуть ли не главными очагами и исходными пунктами восстания. Действительно, оставляя в стороне волнения в Сычуаньской провинции, ближайшим поводом к восстанию в Хубейской и Хунаньской провинциях были те бунты в учанском гарнизоне, о которых доносил наш генеральный консул в Ханькоу письмом от 19 прошлого сентября за № 532 (копия означенного письма была сообщена в первый департамент).

Согласно имеющимся сведениям, фактическая сторона нынешнего восстания представляется в следующем виде [1]). Дело началось с волнения среди солдат учанского гарнизона, недовольных увольнением двух своих товарищей и открыто выражавших порицание начальству. Последнее вначале хотело принять строгие меры, но не могло привести этого в исполнение, в виду вызывающего поведения большинства нижних чинов. Конечно, такое настроение среди солдат не было вызвано случайными причинами, а в значительной степени должно быть объяснено революционной пропагандой, особенно усилившейся в недавнее время, когда, как о том в свое время были предупреждены консулы, из Кантона в Учан прибыло до тысячи человек революционеров. Насколько деятельно последние подготовляли восстание, видно было, между прочим, при обнаружении на нашей концессии конспиративной квартиры, где найдены были весьма важные бумаги с изложением общего плана готовящегося восстания. Но, несмотря на это, в Пекине правительство, повидимому, совершенно не верило в возможность серьезных событий и деятельно готовилось к маневрам, на которых оно хотело удивить съехавшихся представителей иностранных армий образцовой выправкой своего реформированного войска. Поэтому дошедшее до Пекина 29 сентября известие о восстании в Учане и о том, что войска присоединились к революционерам и что вице-король бежал на стоявшую вблизи китайскую канонерку, повергло правительство в крайнее смятение, отразившееся как на принятых им решениях, так и на опубликованных в течение этих дней императорских указах.

Так в указе 28 сентября говорится, между прочим, что «поведение революционеров, пытавшихся произвести крупные беспорядки в провинции Хубей, поистине является вопиющим беззаконием. Жуйчэн (ху-гуанский генерал-губернатор), при подавлении мятежа в самом зародыше его, проявил свое умение действовать в высшей степени скоро и энергично. Равным образом заслуживает похвалы и поведение гражданских и военных чиновников, действовавших отважно и решительно». А 29 сентября вышел указ, в котором заявлялось, что, «ознакомившись с докладом Жуй-чэна (где говорилось о взятии революционерами Учана), мы были искренно изумлены и поражены.

[1]) Известно, что революционное движение в китайских войсках неоднократно проявлялось в течение предыдущих годов, так мы имеем: бунт бригады в Учане в 1907 г., восстание артиллеристов в Нанкине в 1908 г.; восстание войск в Кантоне в феврале 1911 года.

Войска и революционеры давно сговорились между собой, чтобы сообща произвести беспорядки. Между тем Жуй-чэн заблаговременно не принял никаких мер против этого и дал таким образом революционерам возможность овладеть главным городом провинции. Такой образ действий свидетельствует о небрежном исполнении возложенных обязанностей, что не может остаться без соответствующего наказания. Повелеваем немедленно лишить ху-гуанского генерал-губернатора чиновного звания, но, дабы дать ему возможность дальнейшими заслугами искупить свою вину, повелеваем ему временно остаться во главе провинций Хубей и Ху-нань и без малейшего промедления отбить главный город провинции от революционеров».

Далее в том же указе предписывается генеральному штабу и военному министерству послать в Хубей для борьбы с революционерами две дивизии Лу-цзюня. Одновременно морскому министерству отдается приказ направить в Учан значительное число боевых судов, под начальством адмирала Са-Чжень-бина. Командование экспедиционными войсками поручено военному министру Инчану.

На следующий день вышел другой указ, обвинявший начальника дивизии, командующего войсками Хубейской провинции, генерала Чжан-бяо в неумении поддерживать в вверенных ему войсках дисциплину, за что Чжан-бяо лишался чиновного звания. В то же время названному генералу предписывалось «выступить против мятежников и отбить от них главный город провинции, а также как можно скорее принять меры к тому, чтобы водворить порядок и дисциплину среди той части войск, которая неохотно примкнула к мятежникам, а сделала это лишь по принуждению».

Наконец, в указе 1/14 октября последовало назначение Юань Ши-кая ху-гуанским генерал-губернатором с возложением на него обязанности усмирить мятеж в провинциях Хубей и Ху-нань, а Цэнь Чунь-суаня — сычуаньским генерал-губернатором с теми же обязанностями по отношению к волнениям в Сычуаньской провинции. Зная обстоятельства, при коих, два слишком года тому назад, уволен был от службы Юань Ши-кай [1]), обращение к нему указывает на крайнюю растерянность правительства и на полное отсутствие среди пекинских чиновников лица, на которое могла бы быть возложена трудная и неблагодарная задача борьбы с возникшими волнениями. При этом с особою иронией звучит фраза названного указа, что «как Юань Ши-кай, так и Цэнь Чунь-суань все время пользовались нашим милостивым расположением».

Все находящиеся и прибывающие в Ху-гуан сухопутные и морские силы должны, согласно указу, находиться в совместном распоряжении Юань Ши-кая, генерала Инчана и адмирала Са.

Доходившие за последние дни до столицы сведения и слухи вызвали некоторую тревогу среди населения, выразившуюся глав-

[1]) Юань Ши-кай был уволен в январе 1909 г., в момент усиления в Китае партии крайней реакции и прихода к власти представителей маньчжурских феодалов.

ным образом в желании его избавиться от ассигнаций путем обмена на серебро; это сразу повело к затруднениям в банковских сферах, и правительство, которое уже приняло ряд предосторожностей в смысле усиления в самом Пекине охраны на улицах, закрытия по вечерам магазинов и увеселительных мест, издало затем запрещение печатать что-либо о революционном движении в китайской прессе. В то же самое время правительство сосредоточило свою энергию на том, чтобы отправить как можно более войска на юг. Вследствие сего все железнодорожное движение на линии Пекин—Ханькоу и отчасти Пекин—Мукден оказалось дезорганизованным. В первую очередь на юг отправляется 6-я дивизия из Боадинфу и 1-я из южного лагеря около Пекина. Кроме того, из Цзинань-фу в Таку, для следования оттуда морем к устью Янг-зы, отправляются около 10.000 человек. То же число предположено отправить из Куанченцзы, но назначение их неизвестно. Наконец, есть сведения об отправке 20-й дивизии чрез Цинвандао морем в Шанхай. Большое количество посылаемых войск свидетельствует, что правительство придает самое серьезное значение волнениям на юге и что под влиянием событий последних дней прежняя самоуверенность сменяется паникой.

Что же касается до положения вещей на месте, то, как вашему превосходительству известно из моих секретных телеграмм, революционерами захвачены в Ханькоу расположенные в прилегающем к иностранным концессиям китайском городе Ханьянские заводы и арсенал. Во главе объявленного временного правительства находится, по сведениям нашего генерального консула в Ханькоу, председатель провинциального совещательного собрания Тан Хуа-лун, а войсками командует перешедший на сторону революционеров генерал Ли-Юань-хун. В систему революционеров, очевидно, входит возможная предупредительность к иностранцам, чем и объясняется то, что на иностранных концессиях до сего времени порядок не нарушался и проживающие на них лица не подвергались прямой опасности. Некоторую тревогу среди иностранцев в Ханькоу вызвало прибытие флотилии адмирала Са и связанное с ним предположение бомбардировать Учан. Как известно по телеграмме старшины консульского корпуса в названном городе, сделано было в Пекине сношение с министерством иностранных дел, от которого получены заверения, что адмиралу Са будут даны инструкции не подвергать опасности концессии. На десятом километре железной дороги стоят оставшиеся верными правительственные войска во главе с генералом Чжан-бяо; силы эти, вначале не превышавшие 1.000 человек, постепенно подкрепляются приходящими с севера войсками. По последним известиям, революционерами начато обходное движение позиций Чжан-бяо. Считаю долгом упомянуть, что замедление, происшедшее в действиях революционеров по занятии китайской части Ханькоу и Ханьяна, объясняется мерами, принятыми французскими инженерами на Пекин-Ханькоуской дороге, распорядившимися заблаговременно оттянуть на север все

паровозы и вагоны, так что подвижной состав не попал в руки революционеров.

Что же касается до района, на который распространилось восстание, то пока в виду полного отсутствия точных сведений и разноречивых слухов не представляется возможным ясно его установить. Кроме того, несомненно, что движение в Сычуаньской провинции не прекращается. В таких крупных центрах, как Нанкин и Кантон, волнений пока не замечается, но это объясняется тем, что местные власти разоружили в названных пунктах новые войска лу-цзюнь [1]) и несение гарнизонной службы возложено там на войска внутренней охраны сюньфань-дуй [2]). Из Шанхая и Нью-чжуана получены известия о грозящих затруднениях на денежном рынке, что, несомненно, еще более осложнит общее положение вещей. Будущее зависит в значительной степени от результатов первых столкновений правительственных войск с революционерами, но если даже правительству, что весьма вероятно, и удастся подавить восстание, то этим далеко не будут устранены все возникшие ныне затруднения.

Во всяком случае, предстоящая борьба потребует большой затраты сил со стороны правительства и внесет еще большую дезорганизацию во все сферы государственного механизма. Все это не может не отразиться на общем положении Китая, так как события на юге ясно обнаружили всю шаткость преследуемой правительством политики, а равно крайнюю неспособность, слабость и непопулярность последнего.

С глубочайшим почтением и т. д. *Коростовец.*

7. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 5 (18) октября 1911 г. № 638.

Извлечение из телеграммы Островерхова: Революционеры вербуют солдат, поддерживают образцовые порядки, казня грабителей, а также манчжур поголовно. Иностранцы свободно и предупредительно допускаются в занятые революционерами города. У генерала Ли не менее 5.000 войска, орудий в арсенале захвачено 170. По просьбе консульств вооруженные солдаты не допускаются на концессии, которые Ли обещал щадить. Правительственные войска, под командою генерала Чжан-бяо, постепенно сосредоточиваются на 10-м километре железной дороги вблизи концессии, готовятся к наступлению и к переправе через реку. По последним сведениям, революционеры выступили в обход позиций генерала Чжан-бяо. В Ханькоу прибывает по сотне японской и германской пехоты. Французский консул обратился за присылкою колониальных войск из Тонкина. *Коростовец.*

---

[1]) Постоянная китайская армия, организованная на европейский лад, бывшая обычно очагом революционных движений.

[2]) Провинциальные войска, представляющие собой пережиток, не затронутый военной реформой.

8. Всеподданнейший доклад упр. мин. ин. дел Нератова [1].

Посетивший меня 6 сего октября японский посол передал мне повергаемую при сем на высочайшее благовозрение памятную записку, в которой заключаются уверения в намерении нынешнего японского кабинета, министр иностранных дел которого виконт Уцида только что вступил в управление министерством, продолжать солидарную с императорским правительством политику в Манчжурии в согласии с духом и буквою соглашения 21 июня 1910 года.

Передавая мне эту памятную записку, барон Мотоно на словах подчеркнул то особое значение, которое приобретают положенные в основу сказанного соглашения принципы в виду настоящих событий в Китае. Он прибавил, что, по мнению его правительства, России и Японии следует с пристальным вниманием следить за ходом происходящего в Китае движения, чтобы не быть застигнутыми врасплох, если оно примет размеры, угрожающие русским и японским интересам.

Тревожные известия, приходящие за последнее время с Дальнего Востока, и неизвестность относительно способности богдыханского правительства справиться с охватившим пока лишь центральные провинции Китая пожаром, который легко может перекинуться далее на север, побуждают меня полагать, что в интересах наших будет держаться, при настоящем положении вещей, по возможности в общении по китайским делам с Токийским кабинетом, дабы не пропустить могущей представиться удобной минуты для упрочения занимаемого нами в Китае положения. Руководствуясь этими соображениями и находя полезным закрепить сделанное нам заявление о желании Японии действовать солидарно с нами по отношению настоящих событий в Китае, я счел долгом поручить поверенному в делах в Токио выразить новому японскому министру иностранных дел благодарность за сделанное им, через барона Мотоно, сообщение и заверить его, что императорское правительство, с своей стороны, также стремится к проведению в жизнь положений соглашения 1910 года.

Повергая при сем на всемилостивейшее благовоззрение текст телеграммы, посланной по сему предмету ст. сов. Броневскому [2], приемлю смелость испрашивать указаний, благоугодно ли будет вашему императорскому величеству одобрить вышеизложенные соображения.

Нератов.

С.-Петербург.
8 [21] октября 1911 года.

---

[1]) На докладе помета рукой Николая II: «Одобряю высказанные вами соображения. Я всегда был, по окончании нашей войны, того мнения, что России следует итти с Японией рука об руку на Дальнем Востоке. Ливадия. 11 октября [ст. ст.] 1911 года».

[2]) Советник русского посольства в Токио.

9. Проект секретной телеграммы упр. мин. ин. дел послу в Париже.

С.-Петербург. 12 (25) октября 1911 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Французский поверенный в делах сообщил, что китайское правительство желает занять у известного четверного синдиката банкиров 12 миллионов лан, и осведомился, как мы относимся к такой финансовой операции.

Я ответил, что если предполагаемый заем не затронет вопросов о займе в 250 миллионов франков у того же синдиката и об отсрочке платежей по вознаграждению за боксерское восстание и если его гарантиями не будут служить какие-либо доходы Манчжурии, то мы не возражаем против выпуска синдикатов такого китайского займа в 12 миллионов лан.

Благоволите высказаться в том же смысле перед министром иностранных дел.

10. Копия телеграммы заведующего пекинским отделом правления Общества Китайской Восточной жел. дор. из Пекина от 14/27 октября 1911 года на имя правления общества названной дороги.

Во втором заседании конституционной палаты решено было требовать от трона увольнения всесильного Шэнь Суань-хуая, вызвавшего будто бы своим незаконным действием и железнодорожной политикой настоящие волнения в Китае. Требование палаты было удовлетворено, и указом богдыхана министром путей сообщения назначен ставленник Юань Ши-кая Тан Шао-и. Немедленное удовлетворение означенного требования ясно указывает, в каком критическом положении находится китайское правительство, которое, повидимому, будет готово и впредь удовлетворять требованиям палаты, надеясь этим путем предотвратить угрожающую династии опасность.

11. Телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 15 (28) октября 1911 г. № 669.

Указом 14 октября Юань Ши-каю присвоено звание командированного по высочайшему повелению сановника. В его распоряжение поступают все военные и морские силы, действующие против мятежников. Подлежащие генерал-губернаторы и губернаторы обязаны принимать участие в совместной с ним выработке необходимых мер. В деле водворения порядка Юань должен действовать быстро. Генеральный штаб и военное министерство освобождаются от руководства военными операциями в Хубее, которые поручаются Юаню. Другим указом Инчан вызывается в столицу для исполнения своих обязанностей военного министра, сдав командование первой армией Фынгочжану. Командую-

щим второй формируемой армией назначен Дуан Ци-чжуй. Оба этих генерала будут находиться в распоряжении Юань Ши-кая, с которым служили раньше.

Коростовец.

12. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 15 (28) октября 1911 г. № 254.

Я узнал, что Грэй заявил японскому поверенному в делах, что Лондонский кабинет держится того мнения, что, поскольку иностранцы не подвергаются притеснениям, иностранные державы никоим образом не должны вмешиваться в китайские дела. Японское правительство не предприняло здесь никаких шагов, в которых выявились бы его взгляды на существующее положение или его намерения.

Я полагаю, что свое выступление Грэй предпринял на основе союзного договора и вытекающей из него идеи о суверенитете Китая.

Бенкендорф.

13. Секретная телеграмма консула в Тянь-цзине.

16 (28) октября 1911 г.

Тревожное положение с каждым днем усиливается. Угрожающие письма к властям, ежедневные прибытия массами китайцев из Пекина, поселяющихся в иностранной концессии или уезжающих на юг, разбрасывание прокламаций с призывом к борьбе и изгнанию манчжур внушают серьезное опасение властям, которые растерялись и готовы убежать в любой момент. Даотай по иностранным делам заходил к французскому консулу передать «нот вербаль» от имени вице-короля: в виду отсутствия здесь войск, на основании протокола 1901 года, ввести таковые для поддержания порядка. В случае же несогласия консулов — разрешить делать это иностранным отрядам до умиротворения, за что китайцы будут платить им жалованье. — Французский консул ответил, что не считает себя компетентным решить вопрос. Даотай к другим консулам не заходил. Француз телефонировал это своему посланнику с просьбой известить дипломатический корпус. Английский и французский военноначальники выработали меры охраны концессий в случае восстания. Французы охраняют, между прочим, нашу по моей просьбе. Если революционеры подымут здесь восстание, Тянь-цзин сразу будет в их руках, ибо население всецело на их стороне, отсутствие войск облегчит их задачу. Кроме того, почти все чиновники — китайцы. Манчжуры убегают. Часть войск в Ланчжоу и окрестностях отказывается итти в Пекин или против революционеров, требуя немедленной конституции. Прошу дать охрану европейцам, живущим в нашей концессии, разделенной рекой от других, где имеются отряды, своим присутствием дающие моральное успокоение. Полная беззащит-

ность нашей [концессии] не может служить вообще привлечением (К. Н. Ц. И.) [1]), особенно в смутное время. Обращение резидентов в консульство о гарантиях их безопасности нравственно обязывает нас удовлетворить их прсьбу.

Кристи.

14. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 16 (29) октября 1911 г. № 672.

Получил телеграмму № 1608.

Не премину подвергнуть самому внимательному рассмотрению условия займа с манчжурским вице-королем, как только таковые будут мне сообщены. Было бы желательно также осведомиться об условиях заключаемого, судя по агентским телеграммам, для южной Манчжурии с Иокогамским банком займа в 5 миллионов иен. В связи с вопросом об утверждении проектированного нами займа центральным правительством считаю долгом доложить, что в ближайшем закрытом заседании конституционной палаты будет обсуждаться только что состоявшееся предварительное соглашение китайского правительства с четверной группой о займе в 30 миллионов лан на военные нужды, условия коего пока неизвестны. Только что представленный палатой доклад трону об образовании ответственного кабинета с исключением из него членов императорской фамилии, о немедленной амнистии всех эмигрантов и революционеров, не исключая действующих ныне с оружием в руках, и о выработке основных законов при участии палаты, ставя правительство пред дилеммой: либо конфликта с палатой, либо фактического изменения формы правления, значительно осложняет положение.

Коростовец.

15. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 18 (31) октября 1911 г. № 684.

Ответом на первый успех правительственных войск у Ханькоу послужила усилившаяся деятельность революционеров. Бунт войск в Тай-юань-фу, сопровождавшийся казнью губернатора, всей его семьи, поголовным избиением около двух тысяч манчжур, захват части Шансийской железной дороги, отказ войск в Баодинфу выступить против мятежников угрожает возможным перерывом пекинско-ханькоуской линии, отрезанием действующей армии от столицы. Захват Фучхоу революционерами и другие факты, например подача трону петиции о введении конституции от 20-й дивизии, назначенной в действующую армию и находившейся в районе отмененных маневров, лишь подтвердили силу движения, повсеместное сочувствие ему массы населения. —

[1]) Так в оригинале.

Полная растерянность и беспомощность правительства при такой обстановке повели к вчерашним указам, являющимся капитуляцией династии перед мятежом. Униженный тон указов едва ли оставляет сомнение в готовности правительства итти на дальнейшие уступки, включая смену министров, стоящих у власти. Во всяком случае, в настоящую минуту нельзя судить, какими средствами и путями было бы возможно овладеть движением. Главная опасность заключается в том, что мятеж мог бы затянуться или принять враждебный иностранцам характер. В этом отношении большой риск представляют последние займовые операции правительства, получившие широкую огласку, тем более что само доведенное до крайности правительство может попытаться направить антидинастическое движение против иностранцев, как оно это сделало в 1900 году.

Коростовец.

16. Депеша посланника в Пекине на имя управляющего мин. ин. дел Нератова.

Пекин. 20 октября (2 ноября) 1911 г. № 97.

Милостивый государь
Анатолий Анатольевич.

Как я имел честь сообщить телеграммой от 18 октября за № 683, правительство пошло на все уступки перед требованиями конституционной палаты. 17 октября опубликован был ряд знаменательных императорских указов, перевод коих при сем препровождается для сведения вашего превосходительства [1]). Один из этих указов, общего характера, знаменует собой полную капитуляцию правительства перед революционным движением. От имени императора войскам и народу дается торжественная клятва: ввести в Китае конституционный образ правления и во всех решениях считаться с общественным мнением страны; отменить все старые законы, несогласные с духом конституции, и совершенно уравнять в правах манчжур и китайцев. Вся вина за происшедшее принимается богдыханом на себя, и в заключении делается довольно странный призыв к населению с указанием «на современное тяжелое финансовое положение Китая и на грозящую ему извне серьезную опасность».

Одновременно с сим были обнародованы указы: о сформировании, по наступлении успокоения, ответственного кабинета, с исключением из него членов императорской фамилии; о внесении на рассмотрение конституционной палаты основных законов и о даровании амнистии политическим преступникам, как тем, которые принимали участие в перевороте 1898 года, так и всем участникам нынешнего революционного движения.

---

[1]) Тексты указов, содержание коих передается в депеше, в настоящей публикации опускаются.

Таким образом, ради спасения династии, правительство изъявляет готовность отказаться от всего того, что оно еще так недавно готовилось защищать. Ближайшим поводом к такой уступчивости было, кроме требований конституционной палаты, отказ 20-й дивизии, назначенной в действующую армию, отправиться на юг, если не будут немедленно исполнены предъявленные ею в 12 пунктах требования, перевод коих при сем прилагается. В связи с этим позволяю себе также препроводить к вашему превосходительству, для характеристики требований революционеров, перевод распространявшейся в Пекине прокламации с изложением программы от имени революционного правительства.

Какое впечатление произведут в стране перечисленные указы и остановят ли они революционное движение, сказать теперь невозможно. Несомненно, что если они и встретят одобрение более умеренных элементов борющейся с правительством стороны, то в то же время они не могут не произвести впечатления на посылаемые против революционеров войска, так как этими самобичующими указами создается самое исключительное положение вещей: войска должны бороться против лиц, оправдываемых императорскими указами.

Сделанные правительством уступки послужили предметом обсуждения на последних заседаниях конституционной палаты, при чем высказано было мнение, что для осуществления обещанных реформ нет надобности ждать успокоения страны и что ныне же управление государством должно быть изъято из рук тех министров, которые были признаны указами недостойными доверия трона. Точно так же, судя по отзывам китайской прессы, общественное мнение не удовлетворилось уступками правительства, признавая таковые запоздалыми и лишь частично удовлетворяющими выставленные требования. Кроме того, некоторые газеты сомневаются в искренности заверений правительства и указывают на тот факт, что главные виновники всего случившегося продолжают безнаказанно оставаться у власти, свалив всю вину на императора, который не может считаться ответственным в виду своего высокого положения и в силу принципа конституционных законов.

Все это побудило правительство сделать еще шаг в сторону уступок, и 19 октября был опубликован новый указ (перевод прилагается), в коем объявляется об увольнении всех членов нынешнего совета министров, с окончательным исключением из него членов императорской фамилии, и о назначении Юань Ши-кая на пост председателя совета министров. Последнему предписывается «по выработке необходимых мероприятий в Хубее немедленно прибыть в столицу, чтобы образовать настоящий ответственный кабинет и как можно скорее приступить к реформам в управлении страной».

Таким образом события последних дней привели к тому, что правительство, убедившись в невозможности рассчитывать на защиту военной силой, ищет выхода, во-первых, в поддержке конституционной палаты, надеясь, очевидно, на влияние членов ее на население отдельных провинций; во-вторых, в привлечении на свою сторону Юань Ши-

кая, который, несмотря на то, что в последнее время находился не у дел, продолжает пользоваться большим авторитетом в стране и по справедливости считается единственной крупной личностью среди современных китайских сановников.

Что же касается до военных действий близ Ханькоу, то известия о них попрежнему крайне скудны. Правительственным войскам удалось оттеснить революционные силы к Ханьяну и, по слухам из китайских источников, занять европейскую часть города. Однако последнее не подтверждается и кажется сомнительным, в виду того, что до сего дня телеграфное сношение с концессиями еще не восстановлено и никаких известий из Ханькоу от консулов за последние десять дней получено не было. Вай-ву-бу старалось раздуть значение победы правительственных войск и сообщало о полном разгроме мятежников и о потерях до 1.500 человек с их стороны. Однако, по данным агентства Рейтера, выяснилось, что потери революционеров не превысили 400 человек и что с их стороны в сражении принимали участие главным образом навербованные на месте рекруты. Ныне, по сведениям из вай-ву-бу, идут успешные операции правительственных войск и флота для отобрания у революционеров Учана.

Гораздо большее значение имеет захват 17 октября революционерами г. Тай-юань-фу в Шансийской провинции, о чем я имел честь сообщить телеграммой от 18 октября за № 684. Как известно, город этот соединен веткой с Пекин-Ханькоуской железной дорогой у станции Джен-дин-фу. Часть этой ветки оказалась в руках революционеров, каковое обстоятельство, в связи с отказом войск в Баодинфу итти в Шансийскую провинцию, не могло не произвести сильного впечатления в столице, так как сразу возникла возможность перерыва сношений между Пекином и правительственными войсками на юге.

Ныне, по имеющимся сведениям, Юань Ши-кай прибыл к месту стоянки правительственных войск в Ханькоу, и дальнейшее развитие событий зависит от тех шагов, которые будут сделаны названным сановником, и от отношения к нему революционеров. Юань Ши-кай, который уже высказался против междоусобной борьбы, хочет будто бы сначала попытаться войти в компромисс с революционерами на почве политических уступок и лишь в случае неприемлемых требований с их стороны возобновить военные действия.

С глубочайшим почтением и т. д. *Коростовец.*

17. Воззвание революционного правительства к населению столицы [1]).

Перевод с китайского.

Ныне в управление Китаем вступает новое правительство, которое ставит своей задачей благосостояние народных масс и наказание лиц, до сих пор нарушавших народные интересы. Завладев Пекином, новое правительство намерено действовать следующим образом:

[1]) Приложено к депеше Коростовца от 20 окт. (2 ноября) 1911 г. № 97.

1. Все манчжуры, заявившие открыто о своем происхождении, будут признаны не подлежащими казни.

2. Все манчжуры, которые признают новое правительство до фактического перехода столицы в его власть или окажут ему свое содействие, будут соответственным образом вознаграждены, и имущество их не будет конфисковано.

3. Все манчжуры, члены императорской фамилии, не понесут никакого ущерба, за исключением сановников, виновных перед народом, при чем эти сановники по постановлению парламента будут преданы суду новой судебной палаты и получат право взять себе защитников китайцев.

4. Император дацинской династии, императрицы и князь-регент получат право поселиться в Жэ-хэ, при чем им будет дана возможность взять с собой евнухов и дворцовую прислугу.

5. За императором и императрицами дацинской династии будут сохранены их титулы, и им будет ежегодно выдаваться определенное содержание. Звание князя-регента будет упразднено. Для сношения членов дацинской императорской фамилии с новым правительством будет назначен один из князей. Забота о членах дацинской императорской фамилии будет лежать на министерстве внутренних дел, которое будет вновь сформировано новым правительством.

6. Дворцовые постройки будут обращены в правительственные учреждения.

7. Храмы Неба и Земледелия, парки вдоль озер Запрещенного города, а также нынешний Летний дворец будут обращены в общественные сады.

8. Иностранный квартал попрежнему останется в распоряжении иностранных миссий, но охранные отряды будут выведены, и на нанимаемой ими теперь площади будут открыты иностранные банки и торговые фирмы, что будет способствовать развитию торговли.

9. Земли и поместья, пожалованные нынешним князьям манчжурского происхождения, будут конфискованы новым правительством и розданы наиболее отличившимся деятелям нового режима.

10. Обширные земли, захваченные манчжурами при завоевании ими Китая, будут конфискованы новым правительством для раздачи или отличившимся воинам, или другим лицам, оказавшим услуги народному правительству.

11. Недвижимое имущество, проданное родовитыми манчжурами после 28 сентября, будет также конфисковано новым правительством.

Не желая пока объявлять населению столицы о всех прочих важнейших мероприятиях нового правительства, дабы не обнаружить несвоевременно своих планов, мы находим нужным поставить его в известность еще относительно следующих двух принятых нами решений:

1. Монгольским, мусульманским и тибетским титулованным лицам будут сохранены их наследственные звания.

2. Все представители администрации в отдаленных провинциях, куда пока не может распространяться власть нового правительства, будут им впоследствии достойным образом вознаграждены, если сумеют отстоять национальные интересы Китая.

18. Секретная телеграмма упр. мин. ин. дел российским представителям в Париже, Лондоне, Вашингтоне.

С.-Петербург. 20 октября 1911 г. № 1654.

Сообщена посланнику в Пекине.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1654.

Генеральный консул в Шанхае телеграфирует, что местный китайский даотай отказался сделать очередной взнос вознаграждения за боксерское восстание. Китай оказывается, таким образом, неисправным плательщиком по сказанному вознаграждению, в котором нам принадлежит бóльшая по сравнению с любой державой доля.

Мы принуждены поэтому рассматривать всякие ссуды центральному китайскому правительству независимо от их официального назначения, как непосредственно затрагивающие наши интересы, и требовать, чтобы такие ссуды делались с нашего ведома и чтобы мы имели возможность, если пожелаем, принимать в них участие.

Благоволите объясниться в вышеизложенном смысле с министром иностранных дел, спросить, как его правительство относится к факту задержки очередного платежа по боксерскому вознаграждению.

Нератов.

19. Телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 20 октября (2 ноября) 1911 г. № 689.

Юань Ши-кай назначен председателем совета министров с возложением на него обязанности сформировать новый кабинет. Князь Цин, Натун и Сиу Ши-чан уволены от должностей с назначением: первый — председателем, а остальные — членами верховного тайного совета, вместе с бывшим председателем последнего Юн-цином. Князь Цза И-тао уволен от должности начальника главного штаба по прошению, с назначением на его место Инчана и с оставлением последнего временно во главе военного министерства. Князь Цзай Цзе-Цоу-Циалай и прочие уволены от должностей членов совета министров по прошению. Вей Гун-дао назначен ху-гуанским генерал-губернатором. Юань Ши-кай остается попрежнему во главе сухопутных и морских сил в долине Янг-цзы, но ему предложено, по выработке необходимых мероприятий, немедленно прибыть в Пекин, образовать кабинет и приступить к реформам. До того времени князь Цин и прочие временно оставлены на своих местах. Имеется основание предполагать, что Юань Ши-кай, выехавший вчера в Ханькоу, начнет переговоры с вождями революции, чтобы установить компромисс и прекратить дальнейшее кровопролитие.

Коростовец.

20. Секретная телеграмма советника посольства в Токио.

Токио. 21 октября (3 ноября) 1911 г. № 209.

Сейчас на завтраке во дворце Катцура, повидимому, продолжающий принимать самое деятельное участие в политических делах, сказал мне, что положение в Пекине настолько плохо и манчжурская династия в такой опасности, что надо быть готовым ко всем случайностям; по его мнению, желательно, чтобы обе соседние державы, наиболее заинтересованные в судьбах Китайской империи — Россия и Япония,— действовали в полном согласии. Полагая, что японское правительство, имеющее ныне в Китае много агентов, полнее нашего осведомлено о ходе революционного движения, он указал военному министру держать нашего военного агента в курсе получаемых здесь военными властями сведений. Я сказал, что, насколько мне известно, в интересующих Россию и Японию областях Китая все спокойно, и спросил, неужели он предвидит необходимость и возможность активного иностранного вмешательства в Пекине. Катцура от прямого ответа уклонился, повторив лишь, что нужно быть готовыми ко всему. Завтра вновь увижу Катцура, а также министра иностранных дел. Мое первое впечатление, что Япония опасается чьего-либо вмешательства в Пекине, решила оного не допустить и в каждый момент готова выступить, желала бы втянуть и нас в общие с нею действия.

Броневский.

21. Секретная телеграмма посла в Берлине.

Берлин. 21 октября (3 ноября) 1911 г. № 90.

Получил телеграммы № № 1654 и 1673.

Германский статс-секретарь по иностранным делам, с которым я не преминул войти в сношение по означенному вопросу, заявил мне, что, по имеющимся у него сведениям, англо-франко-германо-американский синдикат отказал китайскому правительству в денежном авансе. Деньги были ссужены последнему вновь образовавшимся англо-франко-бельгийским синдикатом. Революционеры, по словам Кидерлена, действительно, довели окольным путем до сведения консульских представителей в Ханькоу о том, что в случае установления в Китае нового государственного строя ими будут признаны все займы, заключенные нынешним правительством до начала настоящего революционного движения. Что касается до задержания очередного взноса по боксерскому вознаграждению, то, в виду того, что китайское правительство взяло обратно свою просьбу об отсрочке означенного платежа, берлинский кабинет не придает серьезного значения отказу шанхайского даотая и убежден, что уплата будет произведена в самом непродолжительном времени. Заявление относительно того, что мы будем рассматривать всякую ссуду китайскому правительству, как затрагивающую наши интересы, было принято германским статс-секретарем к сведению без каких-либо комментарий.

Остен-Сакен.

22. Секретная телеграмма упр. мин. ин. дел послу в Париже.

С.-Петербург. 25 октября (7 ноября) 1911 г. № 1711.

Телеграмма 24 сего октября получена.

По вопросу о нашем отношении к авансу китайскому правительству наш взгляд изложен в моей телеграмме 12 октября и от сего числа. Мы считаем, кроме того, всякие ссуды центральному китайскому правительству в настоящую минуту неудобными, так как недовольство революционеров за оказываемую династии помощь может повести к приданию происходящему в Китае движению характера, направленного против иностранцев.

По вопросу о способах удовлетворения протестов России и Японии против заключаемого Китаем у четверного синдиката займа в 250 миллионов франков мы стремимся к выходу из синдиката его французской группы и к последующей его перестройке на основаниях, более отвечающих нашим интересам. Допуская, что эта цель не может быть достигнута в настоящем случае, мы думаем, что в виду очевидной невозможности выпустить сказанный заем до весны будущего года, вопрос об удовлетворении нашего протеста будет оставлен открытым.

В частности, мы не считаем возможным ни действовать дипломатическим путем в Пекине, чтобы побудить китайское правительство отказаться от 16-й статьи контракта, ни удовольствоваться обязательством синдиката не распространять своей дальнейшей деятельности на Манчжурию, полагая, что весь Китай к северу от Великой Стены не должен входить в сферу четверного синдиката, имеющего столь враждебное нам направление.

Нератов.

23. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 2 (15) ноября 1911 г. № 767.

Повидимому, само пекинское правительство не рассчитывает вернуть под свою власть отторгнувшиеся южные провинции, и Юань Ши-кай не идет далее надежды достигнуть с ними компромисса, пока представляющегося проблематичным. Между тем сила вещей может заставить иностранные державы, прежде всего в обеспечение финансовых интересов, именно платежей по займам, пойти далее деловых сношений с южными автономными властями и формально признать эти последние. В предвидении подобной случайности считал бы необходимым заблаговременно установить нашу точку зрения. С своей стороны, исходя из того основного факта, что в южном Китае у нас нет территориальных и прямых политических интересов, а лишь финансовые и отчасти торговые в долине Янг-цзы, признавал бы необходимым сделать все зависящее, чтобы установить с самого начала возможно дружеские отношения с южными властями. В данном случае было бы необходимым учесть неизбежный антагонизм, который обнаружится между

северным и южным Китаем, как только он станет независимым, при чем, в силу географических условий, наши трения с китайцами будут почти исключительно сосредоточиваться на севере и, следовательно, тот факт, что южане будут являться естественными нашими союзниками. С другой стороны, считал бы крупной ошибкой давать распространительное толкование нашим соглашениям с Японией, захватывающим лишь Манчжурию и отчасти Монголию, и руководствоваться в отношении южного Китая точкой зрения токийского правительства, имевшего там свои особые интересы. По изложенным соображениям считал бы необходимым, при первой к тому возможности и надобности, признать южные власти, установить с ними правильные сношения и всячески использовать обстоятельства, чтобы сделать эти отношения возможно близкими. В частности, при таких условиях присутствие нашего консульского представителя в Кантоне представлялось бы весьма желательным. В отношении событий, происходящих на севере, получается такое впечатление, что манчжурская династия удерживается пока в Пекине в силу опасений революционеров вызвать резню как в столице, так и в Тянь-цзине, а главное, страхом перед занятием Японией Чжилийской провинции. Мне стало известно, что последнего особенно опасается Юань Ши-кай. Из других источников подтверждается слух что Юань Ши-кай будет искать помощи иностранных держав и будто бы имеет в виду предложить нам признание нашего положения в Манчжурии. В заключение считаю долгом отметить сегодняшний указ о назначении Силяна военным губернатором Жэ-хэ, являющееся как бы косвенным подтверждением возможности переезда двора в этот город.

Коростовец.

24. Всеподданнейшая записка упр. мин. ин. дел [1]).

В повергаемой при сем на высочайшее благовоззрение телеграмме посланник в Пекине излагает свои соображения о том направлении, которого императорскому правительству надлежит держаться в своей китайской политике, в случае отпадения от пекинского правительства южных областей Китая.

Приемлю смелость высказать, что с точки зрения наших интересов распадение нынешней Китайской империи являлось бы во многих отношениях желательным. Между различными частями Китая, хотя бы они и не встали друг к другу во вполне независимые отношения, будет несомненно существовать соперничество, ослабляющее их. Обстоятельство это мы можем использовать, чтобы довершить дело заселения и укрепления наших окраин, на которых мы будем пользоваться значительно большею, чем теперь, свободою действий, так как внимание китайцев, ныне сосредоточенное на мысли спаять с внутренним Китаем лежащие к северу от Великой Стены области, будет тогда отвлечено в сторону

[1]) На записке помета рукой Николая II: «Да». Другой рукой: «Ливадия. 9 ноября 1911 г.».

внутренних вопросов, вызываемых взаимным недоверием и соперничеством между провинциальными правительствами.

Этой мыслью я руководствовался при составлении ответной телеграммы д. с. с. Коростовцу, проект коей осмеливаюсь повергнуть при сем на всемилостивейшее благовоззрение, всеподданнейше испрашивая разрешения вашего императорского величества на ее отправку.

Нератов.

С.-Петербург.
5 ноября 1911 г.

25. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 10 (23) ноября 1911 г. № 790.

Продолжение моей телеграммы № 789.

От лица близкого к Юань Ши-каю мною получены доверительно нижеследующие сведения: Юань Ши-кай, князь Цин и некоторые другие сановники убеждали князя-регента и двор уехать на время из Пекина, дабы облегчить переговоры с революционерами и выработку соглашения.

Двор, под влиянием манчжурских партий и императрицы, особенно князя Цзя И-цзэ, отказывался, обвиняя Юань Ши-кая в желании захватить власть и устранить династию. Прибыв в Пекин, Юань Ши-кай для личной охраны привел около 2.000 верных ему китайских солдат, расположив их вблизи дворца в занятом им квартале и потребовав, во избежание конфликта, удаления манчжурских войск, расквартированных в городе. Ныне, по секретным сведениям, во дворец тайно введен манчжурский полубатальон с пулеметами. Часть манчжурских солдат окружила квартал, где проживает Юань Ши-кай. Внезапное нападение манчжур на китайцев возможно и поведет к осложнениям, особенно, если будет убит Юань Ши-кай, возбуждение против коего со стороны манчжур очень велико. Допуская возможность самых неожиданных случайностей в виду крайнего безволия и нерешительности князя-регента, принимаю меры к проверке этих сведений.

Коростовец.

26. Депеша поверенного в делах в Пекине на имя упр. мин. ин. дел Нератова.

Пекин. 22 ноября (5 декабря) 1911 г. № 108.

Милостивый государь
Анатолий Анатольевич.

Основные черты разыгравшегося в Китае революционного движения, а равно слабые и сильные его стороны в настоящее время достаточно определились и поддаются уже некоторому учету. Объединяющим элементом служит, конечно, общая ненависть к манчжурской династии

и к манчжурам, как к правящей и привилегированной касте, подогреваемая тем ярым национализмом, который составляет силу китайцев, пока не переходит в самонадеянность, граничащую с манией величия, или не вырождается в обособленность отдельных провинций. В отношении этого последнего явления стоит отметить, что главарям революции приходится бороться с ним едва ли не более настойчиво, чем в свое время пекинскому правительству, старавшемуся всячески обузить самостоятельные права, которые присваивали себе вице-короли. Партикуляризм провинций играет действительно иногда решающую роль, чему примером может служить взятие Ханьяна благодаря измене хунаньских войск, не пожелавших больше сражаться рядом с хубейскими из-за исконной вражды, существующей между этими двумя провинциями. Другой слабой стороной революционного движения является недостаток материальных средств; впрочем, и со стороны пекинского правительства денежные ресурсы почти на исходе, и начинает также чувствоваться недостаток оружия и боевых припасов.

Что касается недочетов организации, то обстоятельство это сказывается не столько на подготовительной работе революционеров, которая, напротив, проводится весьма обдуманно и планомерно, сколько в делах управления, как только власть где-либо действительно переходит в их руки. Наследуя в таких случаях старый более чем несовершенный административный механизм и, за редкими исключениями, пустые правительственные кассы, представители новой власти, которым приходится еще создавать свой авторитет, сразу же наталкиваются на почти непреодолимые трудности, и им остается на первых порах сосредоточивать все усилия лишь к тому, чтобы предотвратить анархию. Несомненно, что между революционными деятелями неизмеримо больше людей убежденных и энергичных, готовых на материальные жертвы и даже на самопожертвование, чем в среде, остающейся верной правительству, но удерживать в повиновении себе массу населения им, при крайней импульсивности китайцев, труднее, чем вывести ее из повиновения правительству, массе ненавистного.

Горькие опыты, быть может, не менее, чем страх японского вмешательства, внушили революционерам ту крайнюю осторожность, с которой они ведут свое дело на севере, особенно в Манчжурии и в Чжили. Что касается Пекина и Тянь-цзиня, то, располагая сочувствием громадного большинства населения и имея многочисленных сообщников в охраняющих столицу войсках, не исключая императорской гвардии, они, несомненно, могут попытаться достигнуть здесь своих целей насильственными путями и если что их останавливало до настоящего времени, то скорее не опасение кровопролития или вмешательства Японии, а неуверенность в конечном успехе.

Согласно полученным мною строго доверительным сведениям из весьма хорошо осведомленного источника, общая численность активных членов пекинского революционного комитета достигает тысячи человек, распределенных по отделам, сообразно кварталам города. Глав-

ное руководительство принадлежит нескольким членам заграничных революционных организаций, между ними особой энергией отличается некто Ли Юй-ин, владелец завода в окрестностях Парижа, вложивший, по примеру некоторых других своих единомышленников, все состояние на поддержку революционного движения. Среди членов комитета насчитываются люди самых разнообразных профессий, включая, например, начальника главного полицейского управления внутреннего города, т.-е. одного из старших чинов пекинской полиции, в доме которого и находили себе вполне безопасное пристанище приезжие главари революционеров. Имевшиеся уже ранее сведения о принадлежности к революционерам некоторых офицеров главного управления генерального штаба ныне вполне подтверждаются; между прочим, в числе видных членов комитета числится один офицер, на которого была возложена правительством специальная задача — следить, чтобы революционная пропаганда не проникла в императорскую гвардию! Теперь офицер этот послан в Ханькоу с особым поручением, повидимому, доверительного характера. Один мелкий, анекдотический факт может дополнить картину: во время недавней паники в Пекине брат регента, князь Цзай-сюнь, просил и получил разрешение переехать на время в помещение французской миссии; доверенный, приближенный князя, ведший по этому поводу переговоры с моим французским коллегой, признался последнему в своей принадлежности к революционной партии.

К сожалению, мне не удалось получить сколько-либо определенных сведений о численности единомышленников, которых революционеры насчитывают среди расквартированных в Пекине войск. Повидимому, однако, революционный комитет верит в свои силы и не отчаивается достигнуть успеха мирными путями; такое впечатление находит себе косвенное подтверждение в том обстоятельстве, что до настоящего времени здешними революционерами не совершено ни одного террористического акта, несмотря на полную к тому возможность и на крайнее озлобление их против Юань Ши-кая.

Причины, вызвавшие такое отношение к председателю совета министров, стали известными лишь теперь, но они не утратили своего значения для характеристики положения. Оказывается, что вслед за прибытием в Пекин Юань Ши-кай вступил в переговоры со здешним революционным комитетом, при чем переговоры эти явились как бы продолжением объяснений с генералом Ли в Учане, а темою их служил основной, стоящий ныне на очереди, вопрос об устранении от дел манчжурской династии. Дважды Юань Ши-кай принимал делегатов комитета лично и затем поручил своему сыну Юань Ян-таю продолжать обмен мнений; тем временем пришло известие о взятии Ханьяна, и явившимся на условленное свидание делегатам было объявлено одним из секретарей Юань Ши-кая, что последний, осведомившись о заверениях, которые давал революционерам его сын без надлежащего якобы на то полномочия, категорически отказывается от этих заве-

рений и в наказание отправляет Юань Ян-тая под арест в свое хэнаньское поместье около Чан-дэ-фу. Сын Юань Ши-кая, действительно, выехал еще в тот же день утром под воинским конвоем на юг.

Вообще практическая ловкость Юань Ши-кая и уменье его пользоваться обстоятельствами обнаруживаются на каждом шагу: вся контр-революция в Шаньдуне, вернувшая эту провинцию в подчинение пекинскому правительству, свелась к тому, что два доверенных лица Юаня во-время выплатили жалованье войскам 5-й дивизии, чего не в состоянии была сделать опустевшая касса автономной Шаньдунской республики. Насколько прочны подобные успехи, это, конечно, — вопрос, но для поколебленного престижа правительства они все-таки имеют значение, так как китаец по натуре преклоняется перед силой и сочувствует ей.

Продолжая всячески обеспечивать свое положение, Юань Ши-кай за последние дни проводит в Чжили, Шаньдуне, Шаньси и Хэнани на самые разнообразные административные и военные должности своих личных друзей и сторонников, несмотря на весьма темное прошлое некоторых из них. С неменьшей энергией добивается он и реализации законтрактованного с бароном Коттю займа, пока, однако, без результата. Оставшимся еще в Пекине членам конституционной палаты, почти исключительно по назначению от правительства, было выплачено ежемесячное содержание в 400 долларов, так как требовалось собрать депутатов для утверждения контракта о займе. Хотя при чтении этого документа обнаружилось существенное разногласие двух текстов, последовательно сообщенных депутатам (гарантией, по одной версии, служили все свободные доходы Китая, а по другой — все доходы дайцинской династии), палата тем не менее утвердила контракт, видимо, для проформы, распределив на нужды разных провинций ожидавшуюся от реализации его сумму. Послушания этого хватило, однако, лишь на одно заседание, и уже на следующем было решено потребовать от правительства ежемесячного представления палате отчета о приходе-расходе по суммам, которые будут получаться от займа.

Взятие Нанкина революционными войсками, несколько восстановившее равновесие между борющимися сторонами, и последовавшее затем 20 ноября заключение трехдневного перемирия в Учане генералом Ли, признанным собравшимися в Шанхае делегетами провинций главнокомандующим всеми республиканскими войсками, вновь выдвинули на первый план вопрос о компромиссе. Повидимому, объединение между восставшими провинциями пока еще поддерживается, и на особую их уступчивость рассчитывать едва ли есть основание. С другой стороны, можно думать, что Юань Ши-кай будет продолжать отстаивать монархический принцип, хотя революционерами и распускаются слухи о готовности его принять президентство республики. Крайним пределом уступок Юань Ши-кая, если судить по некоторым признакам, было бы полное устранение от дел князя-регента и двух его братьев и назначение кого-либо из китайских сановников опекуном малолет-

него императора; здесь называли даже кандидатом на эту роль бывшего манчжурского генерал-губернатора и министра сообщений, Сюй Шичана. Однако потребовалось бы немало труда, чтобы осуществить даже такой план без особых потрясений. Возможно также, что будут приложены старания отложить урегулирование династического вопроса, передав его на обсуждение национального собрания, в котором были бы представлены все провинции Китая. Во всяком случае, при постоянных переменах в настроении как правительства, так и революционеров в зависимости от хода событий, и при отсутствии уверенности в своих силах с обеих сторон, предсказать ход переговоров не представляется возможным.

По всему вероятию результат их станет известен вашему превосходительству по телеграфу еще до получения в С.-Петербурге настоящего донесения.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

27. Депеша поверенного в делах в Пекине на имя мин. ин. дел Сазонова.

Пекин. 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.). № 119.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

В телеграфных донесениях я уже имел честь докладывать вашему высокопревосходительству о состоявшемся в Шанхае временном компромиссе между пекинским правительством и республиканцами, в силу коего решение о форме правления в Китае было предоставлено созываемому национальному собранию, при чем до принятия этого решения обе стороны обязались не прибегать к внешним займам; кроме того, правительственные войска должны были отступить в пятидневный срок на 50 верст от занимаемых ими позиций, а республиканские войска — сохранить занятое ими расположение, оставляя, таким образом, нечто в роде нейтральной зоны между противниками.

Условия эти сами по себе уже были крупной победой для республиканцев, лишая правительственную армию такого важного в стратегическом отношении пункта, как Ханькоу-Ханьян. Однако Тан Шао-и, повидимому, без ведома Юань Ши-кая, пошел на дальнейшую уступку, в сущности, уже предрешавшую исход дела, согласившись в принципе на созыв национального собрания в кратчайший срок, при чем выборы в 13 провинциях должны были пройти под исключительным контролем республиканцев, что обеспечивало бы заранее преобладание тех самых провинциальных депутатов, настроение коих вполне определилось выбором Сун Ят-сена на должность временного президента республики. В результате Тан Шао-и был лишен звания уполномоченного, и Юань Ши-кай заявил о своем намерении продолжать переговоры по телеграфу непосредственно с Ву Тин-фаном; одновременно последнему

был передан по телеграфу утвержденный советом министров проект избирательного закона, на основании коего предлагалось произвести выборы в национальное собрание. Главный интерес дальнейших переговоров и сосредоточится, вероятно, на этой стороне дела. Текст закона прилагается.

Осуществление другого, принятого в Шанхае, условия сопровождалось инцидентом в Ханькоу: в день окончания перемирия, когда должен был начаться отход правительственных войск, республиканцы открыли по ним огонь и начали атаку на Ханьян, — впрочем, отбитую. Случай этот был объяснен несвоевременным получением республиканцами указаний из Шанхая, однако самый факт нападения, приписанный вероломству противников, произвел значительное впечатление на командный состав правительственной армии. Многие из старых, преданных Юань Ши-каю офицеров, с прославившимся защитою Нанкина генералом Чжан-сунем во главе, стали обращаться к председателю совета министров с просьбами перейти в наступление, в расчете, якобы, на верное поражение республиканцев. Тем временем Юань Ши-кай с обычною ловкостью использовал обстоятельства: на протяжении двух дней ему были представлены — доклад конституционной палаты о продаже дворцовых сокровищ для удовлетворения насущных государственных надобностей и петиция высших офицеров северной армии о понуждении князей императорской крови внести в казну скрытые ими в иностранных банках суммы, которые в петиции оценивались от 30—40 миллионов лан. В результате бывших по этому поводу личных объяснений между Юанем и вдовствующей императрицей последняя внесла в пустые кассы министерства финансов 3 миллиона лан из золотого запаса, оставшегося после ее покойной предшественницы, и лежащая в корне всех здешних событий острая нужда в деньгах оказалась на несколько недель устраненной.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

P. S. Настоящее донесение было уже написано, когда состоялось опубликование представляемых у сего в переводе двух телеграмм Юань Ши-кая на имя Ву Тин-фана, свидетельствующих о намерении премьера вести переговоры в более энергичном темпе [1]).

Щекин.

28. Телеграмма Юань Ши-кая на имя представителя народной армии Ву Тин-фана

от 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.) [2]).

Вы уже изъявили свое согласие на то, чтобы вопрос о будущей форме правления передан был на разрешение народного собрания.

[1]) Одну из указанных телеграмм помещаем ниже.

[2]) Приложена к депеше № 119.

В настоящее время как раз идут переговоры по вопросу о выработке необходимых мероприятий, предшествующих созыву этого собрания. Само собою разумеется, представляется необходимым, чтобы все население империи приняло участие в разрешении вопроса о будущей форме правления. Между тем, по дошедшим до меня сведениям, в Нанкине организовано уже правительство, и Сунь-вэнь [1]), в день вступления своего в исправление обязанностей президента, дал клятву о низвержении манчжурского правительства. Такой образ действий явно идет в разрез с данным уже согласием передать вопрос о форме правления на разрешение народного собрания. В виду сего покорнейше прошу вас по телеграфу уведомить меня, какое значение имеет избрание президента, а также, откажутся ли члены вновь организованного правительства, с президентом во главе, от своих должностей в случае, если народное собрание решит ввести в Китае конституционно-монархическую форму правления.

29. Нота французского министерства ин. дел на имя русского посла в Париже.

Париж. 4 января (нов. ст.) 1912 г.

Господин посол.

Ваше превосходительство изволили 4 минувшего ноября выразить от имени и по повелению русского правительства уверенность в готовности Франции выявить в отношении России, в некоторых вопросах, особенно интересующих нашу союзницу, столь же благоприятные намерения, как и выявленные русским правительством в вопросе о переговорах и при недавнем соглашении относительно Марокко.

Вопросы, точно поставленные в упомянутом мною сообщении вашем, относятся в Европе — к управлению проливами, а в Азии — к положению России в северных провинциях Китайской империи.

Я счастлив вновь подтвердить вашему превосходительству заверения, сделанные французским правительством в связи с событиями 1908 г. относительно компенсаций, на которые могло бы претендовать русское правительство в связи с вопросом о Босфорском проливе и Дарданеллах. Французское правительство попрежнему готово обменяться мнениями по этому вопросу с русским правительством, если бы новые обстоятельства сделали необходимым пересмотр вопроса о проливах.

Что касается интересов России на севере Китая, то ваше превосходительство сами изволили отметить, что правительство Республики постоянно выражало готовность поддержать Россию в защите ее интересов в Манчжурии и дало реальное доказательство своих добрых намерений не так давно, отказав Китаю в реализации на французской бирже 250-миллионного займа до упразднения или переработки примени-

[1]) Сун Ят-сен.

тельно к русским интересам статьи 16-й договора относительно Манчжурии.

Выявленная при этом готовность французского правительства поддержать Россию во всем, что касается ее законных прав и интересов на севере Китая, простирается не только на север Манчжурии, но и на Монголию и на Китайский Туркестан: политика, неизменно проводившаяся нами в этом отношении, может служить верной гарантией той политики, которую мы намереваемся проводить и в дальнейшем в этих странах, представляющих особенный интерес для наших союзников.

Прошу вас верить, господин посол, моему глубокому уважению.

Де-Сельв.

30. Депеша поверенного в делах в Пекине на имя мин. ин. дел Сазонова.

Пекин. 27 декабря 1911 г. (9 января 1912 г.). № 121.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Считаю долгом представить при сем список личного состава образовавшегося в Нанкине временного республиканского правительства, остановившись несколько подробнее на более выдающихся и известных лицах, вошедших в его состав.

Президентом республики и одновременно председателем совета министров избран Сун Ят-сен (по кантонскому произношению), или Сунь-вэнь, уроженец города Сян-шань провинции Гуан-дун (родился в 1866 году). Тринадцати лет от роду сопровождал свою мать на Гавайские острова, где получил первоначальное образование (в одном из учебных заведений г. Гонолулу). Спустя три года вернулся в Китай, при чем поступил в Queen's College в Гонконге. После вторичной поездки на Гавайские острова он посвятил себя изучению родного языка и литературы, а затем (21 лет от роду) стал заниматься медициною сперва в кантонском госпитале (1 год), а затем в медицинском институте в Гонконге (5 лет). Замешанный затем в политическое движение (в Кантоне), имевшее целью низвержение манчжурской династии, он бежал из пределов Китая сперва в Нью-Йорк, затем в Лондон, где (в 1896 году) был арестован и заключен в китайской миссии для отправки на родину для суда и наказания. Лишь благодаря заступничеству своего друга, доктора Кантли, предавшего это дело гласности, а также энергичным представлениям лорда Сольсбэри, Сун Ят-сену удалось спасти свою жизнь. С тех пор в течение 15 лет Сун неустанно занимался пропагандою революционных идей, постоянно меняя свое местопребывание и сосредоточивая свою деятельность преимущественно в Америке и Японии. В этой последней стране он познакомился с другими революционными деятелями Китая: Ху Янь-

хуном, Ван Чжао-мином, Чэнь Тянь-хуа, Сунь Цзяо-жэнем и Хуан сином и, несомненно, явился их вдохновителем в их активной революционной деятельности. Результатом этих свиданий, а также вообще пропаганды Сун Ят-сена, явился целый ряд террористических актов последнего времени (убийство губернатора Энь-мин в 1907 году, военный бунт в Аньцине в 1908 году, военный бунт в Кантоне в 1910 году, убийство цзян-цзюней Фу-ци и Фын-шаня и покушение на адмирала Ли-чжуня в 1911 году и др.), завершившихся последним вооруженным восстанием в Хубее. Когда последнее приняло столь широкие размеры, что, повидимому, можно было надеяться на скорое падение манчжурской династии и введение республиканского правления, Сун Ят-сен решил, после продолжительного отсутствия, вернуться снова в пределы Китая. Прибыв в первой половине декабря с. г. в Шанхай, он был избран находящимися там республиканскими делегатами 16 провинций первым президентом Китайской республики, после чего проследовал в Нанкин, где принес присягу и немедленно же образовал временное правительство.

Вице-президентом избран генерал Ли Юань-хун, командующий республиканской армией в Учане, о личности коего в императорском министерстве имеются уже достаточные сведения.

Из других членов кабинета заслуживают упоминания: министр внутренних дел Чэн Дэ-цюань, бывший губернатор провинции Цзянь-су, избранный в самом начале революционерами главою временного военного правительства в Су-чжоу. Министр иностранных дел Ван Чун-хуй был делегатом со стороны республиканской партии на мирной конференции в Шанхае. Он уроженец провинции Гуан-дун (родился в 1882 году) и в 1895—1900 г.г. изучал право в тянь-цзиньском университете. После боксерского восстания отправился в Японию для ознакомления с политическою жизнью последней. В 1905 году получил ученую степень D. C. L. (magna cum laude) в Yale'ском университете, а в 1908 году сделался присяжным поверенным (Barrister at Law) в коллегии прав (Middle Temple) в Лондоне. Затем продолжал изучать право в Парижском и Берлинском университетах, при чем в 1907 году издал в Лондоне первый английский перевод германского гражданского уложения. Далее был соиздателем Annual Bulletin of the American Bar Association, писал статьи во многих европейских юридических журналах, состоял членом Internationale Vereinigung für Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre zu Berlin, а также многих других юридических обществ в Европе и Америке. В 1910 году был представителем Китая на международной вексельной конференции в Гааге.

Министр земледелия, промышленности и торговли Чжан-цянь — уроженец провинции Цзянь-су, академик, председатель местного совещательного комитета. Сын бедного уличного торговца, Чжан-цянь является теперь одним из наиболее богатых негоциантов родной провинции, стоя во главе более чем 12 крупных предприятий. Большой

сторонник сближения с Америкой, он первый поднял вопрос об организации Сино-Американского банка и Сино-Американской пароходной компании. Интересуясь вопросами колонизации, Чжан-цянь ездил летом текущего года в Манчжурию для ознакомления на месте с условиями колонизации последней, при чем был усиленно рекомендован генерал-губернатором Чжао Эрр-сюнем на пост главнозаведующего колонизационным делом в Манчжурии. Состоял председателем заседавшей летом 1911 года в Пекине комиссии по делам народного образования.

Министр почт и сообщения Тан Шоу-цянь получил известность благодаря своей горячей поддержке протеста населения провинции Чжэ-цзян против заключения иностранного займа на постройку железной дороги, при чем ездил даже в качестве делегата от провинции в Пекин для доклада трону по означенному вопросу. Широкая популярность среди населения Тан Шоу-цяня как поклонника конституционного строя и отличного председателя общественных собраний и организаций побудила правительство принять меры к удалению его из знакомой обстановки; — Тан Шоу-цянь дважды получает назначение сперва комиссаром по судебным делам в Юн-нань (июль 1909 года), затем комиссаром по делам народного просвещения в Цзянь-си (ноябрь 1909 г.), но отказывается от обоих назначений и скоро получает разрешение выйти в отставку (февраль 1910 года). Но, не пожелав оставаться на государственной службе, Тан Шоу-цянь продолжал интересоваться местными вопросами, особенно железнодорожными, в качестве председателя Шанхай—Хан-чжоу—Нинбоской железной дороги, при чем представил в августе 1910 года трону доклад, в котором указывал на Шэнь Суань-хуайя, как на главного виновника неудовлетворительного состояния Чжэ-цзянских и Цзянсуских железных дорог, и просил удаления последнего из министерства почт и сообщений в целях успокоения общественного мнения. За этот доклад Тан Шоу-цянь получил строгое порицание со стороны трона и лишен был чиновного звания, с запрещением ему принимать впредь какое-либо участие в железнодорожных делах. В октябре 1911 года, когда революционеры овладели г. Хань-чжоу, они поставили Тан Шоу-цяня во главе новой администрации. Указом 1/14 ноября 1911 года Тану было предложено в качестве умиротворителя успокоить население провинции Чжэ-цзян и возвестить последнему об истинном желании правительства осуществить обещанные реформы.

Министр финансов (был назначен товарищем министра финансов в кабинете Юань Ши-кая) Чэнь Цзинь-тао, уроженец провинции Гуандун, воспитывался в Америке; всю службу провел главным образом в министерстве финансов в Пекине. Он состоял членом конституционной палаты по назначению и помощником управляющего дайцинского государственного банка. Как знаток финансового дела ездил летом 1911 года в Париж и Лондон в качестве делегата от Китая на конференцию, посвященную рассмотрению вопроса о реформе мо-

нетной системы в Китае, в связи с так называемым «займом четырех держав».

Военный министр Хуан-син — уроженец Хунаньской провинции города Чан-ша; первоначальное имя его Хуан-чжэнь. Образование получил в основанной покойным канцлером Чжан Чжи-дуном школе, по окончании курса которой сделался рьяным пропагандистом демократических идей. В 1899 году в провинции Хунань некто Тан Цай-чан пытался организовать восстание, в подготовке которого и Хуан-син принимал участие. Когда попытка потерпела фиаско, Хуан-син отправился (в 1910 году) для завершения образования в Японию, где и стал слушать лекции в учительской семинарии. В это время китайскими студентами в Токио было организовано общество патриотов-добровольцев (И-юн-дуй), целью которого было поставлено всячески бороться против притязаний России. Хуан-син не замедлил сделаться одним из наиболее энергичных членов этого общества. По возвращении (по окончании курса в названной семинарии) на родину он тотчас основал в Хунани школу, в которой стал весьма усердно проповедывать учащимся разные революционные идеи. В 1903 году он вместе с хунаньскою молодежью крайне прогрессивного направления организовал революционную партию под названием «Общество прогресса Китая». Сделавшись главным лидером этой партии, Хуан-син вошел в тесные сношения с главою другой революционной партии «Общество старших братьев» — Ма-фу-и—и, одновременно, установил прочную связь партии с гуансиской добровольной дружиной. В 1904 году, в 10-й луне, должно было быть торжественно отпраздновано 70-летие покойной вдовствующей императрицы Цы-си. Хуан-син замышлял устроить в этот день беспорядки, но покойному Чжан Чжи-дуну удалось своевременно открыть нити заговора, почему Хуан-сину ничего другого не оставалось, как спасаться бегством в Шанхай. Там как раз некто Вань Фу-хуа организовал убийство Ван Чжи-чуня. Хуан-син также был замешан в этом деле. Будучи арестован, он, однако, вскоре выпущен был на свободу, при чем вторично отправился в Японию, где в следующем (1905) году задумал, вместе с Сун Ят-сеном и другими, произвести объединение всех революционеров в одну партию. Затем оба (Хуан и Сун) отправились вместе в Гуан-дун, Гуан-си и другие провинции южного Китая, при чем всюду старались укрепить положение революционеров. Затем они последовательно старались поднять вооруженное восстание в провинциях: Гуан-дун (Цинь-чжоу, Лянь-чжоу, Чао-чжоу), Гуан-си (Чжэнь-нань-гуань), Юн-нань (Хэ-коу), но все их попытки не увенчались успехом. К числу неудачных выступлений могут быть также отнесены такие события текущего года, как убийство и. об. цзянь-цзюня Фу-ци, поджог генерал-губернаторского дворца, покушение на жизнь адмирала Ли-чжунь. Хуан-сину 39 лет от роду, весьма сосредоточенный в себе человек, скупой на слова, но храбрый и решительный. В горячих прениях, неоднократно возникающих у его партизанов по тем или другим вопросам,

он никогда не принимает активного участия и только молча прислушивается. Поставив себе единственной целью свержение нынешнего правительства и не задаваясь никакими другими замыслами, Хуансин не принадлежит, конечно, ни к мыслителям, ни к ораторам, а просто является наиболее активным членом революционной партии. За это он пользуется среди своих приверженцев такою же репутациею, как и Сун Ят-сен.

Резюмируя приведенные выше данные, следует констатировать, что в состав нанкинского временного правительства вошли все выдающиеся вожди революционеров и затем несколько известных практических деятелей, получивших воспитание за границей или всецело сочувствующих иностранным идеям. Такой состав может быть охарактеризован как выдающаяся революционная организация; будет ли он соответствовать, однако, понятию «правительства», остается еще невыясненным. В республиканской армии удалось установить нечто вроде дисциплины мерами беспощадной строгости; какими мерами намерено временное правительство фактически установить в южных провинциях свою власть и осуществлять все формы управления страной в несомненно очень трудных и своеобразных условиях, из каких источников оно будет черпать средства для своего существования, а главное, сколько времени продержится достигнутое ныне среди республиканцев полное объединение — все эти вопросы в настоящую минуту еще остаются открытыми.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

31. Телеграмма Ву Тин-фана на имя Юань Ши-кая

от 31 декабря 1911 г. за № 1 (ответ на телеграммы Юань Ши-кая). Шунь-Тянь-Ши-Бао. 3 января 1912 г.

Перевод.

Все ваши телеграммы от 29 декабря получены. После возникновения вооруженного восстания в Учане весь китайский народ самым сочувственным образом отнесся к идее о введении в Китае республиканского строя. Такое настроение создалось не только в провинциях, объявивших себя независимыми от Пекина, но и среди населения Чжи-ли, Хэнани и других северных провинций, хотя они остаются до сих пор еще под гнетом тирании. Доказательством этого служат телеграммы, посланные совещательными комитетами Чжилийской, Хэнаньской и прочих провинций, с ходатайством о введении в Китае республиканского строя, а также то обстоятельство, что население северных провинций отправило своих делегатов на Нанкинский конгресс. Если в настоящее время и существуют противники республиканского строя, то они составляют ничтожное меньшинство, привыкшее покорно терпеть гнет абсолютизма. В вашей телеграмме говорится о каком-то озлоблении населения южных провинций против северных.

Между тем подобного озлобления на юге Китая не существует и не может существовать, так как республика признает одинаковые права как за китайцами, так и за манчжурами, монголами, тибетцами и мусульманами и уж во всяком случае не делает никакого различия между населением южных и северных провинций. В виду сего ваше заявление о враждебном отношении южан к северянам совершенно неосновательно и может лишь возбудить смех, ибо ссылка ваша на казнь немногих шпионов не может, конечно, служить подтверждением вашего заявления.

Когда в тревожную минуту манчжурское правительство дало вам диктаторские полномочия, все население Китая искренне надеялось, что вы используете эти полномочия исключительно лишь с целью умиротворения и успокоения 400-миллионного китайского народа. Надежды эти, однако, не оправдались, ибо, послушавшись генерал-губернаторов и губернаторов нескольких провинций во главе с Чжао Эрр-сюнем, вы хотите уничтожить всех преданных отечеству лиц, проживающих в северных провинциях, выдавая их за разбойников. Таким же образом вы думаете действовать и по отношению к революционным отрядам, находящимся в Шаньсийской провинции. Таковое ваше намерение не может внушать к вам никакого доверия и должно покрыть вас позором. Резкий и враждебный тон полученной мною телеграммы, а также указанные в ней жестокие меры, которые вы думаете принять (в отношении) известных групп населения, свидетельствуют о том, что телеграмма эта была составлена человеком, не заботящимся о народном благе. В заключение позволяю спросить вас, действительно ли вы намерены рассматривать как разбойников всех представителей республиканской партии, находящихся в северных провинциях, а также шаньсийские революционные войска, отказавшись соблюдать по отношению к ним соглашение от 7 мин. декабря. На этот вопрос ожидаю от вас ответа в самом непродолжительном времени.

32. Всеподданнейший доклад министра ин. дел Сазонова [1]).

С.-Петербург: 10 (23) января 1912 г.

Полученные из Пекина известия о предстоящем отречении от престола дайцинской династии и поручении Юань Ши-каю организовать новое правительство в Китае ставят вопрос о признании этого нового правительства со стороны держав. Наш поверенный в делах уже выяснил путем частных объяснений, что представители в Пекине наиболее заинтересованных в китайских делах держав считают необходимым обставить признание правительства Юань Ши-кая условиями, гарантирующими права иностранцев в Китае. Можно полагать, что Юань Ши-кай будет вынужден в той или другой степени итти навстречу

[1]) На докладе помета рукой Николая II: «Одобряю». Другой рукой: «Царское Село. 10(23) января 1912 г.».

означенным требованиям гарантий, ибо прочность положения его правительства, не могущего рассчитывать на общее и безусловное сочувствие китайцев и нуждающегося прежде всего в деньгах, то-есть в иностранном займе для подавления внутренней смуты, будет в значительной степени зависеть от отношения к нему держав.

Из последних особое значение для Юань Ши-кая имеют Россия и Япония, как соседки Китая, имеющие в нем политические интересы, по своей важности далеко превосходящие политические интересы других держав. Россия и Япония поэтому должны использовать настоящий исключительно благоприятный момент, чтобы закрепить свое положение в Китае и положить конец политике, которую преследовало за последние годы китайское правительство и которая была направлена против сказанных русских и японских первостепенных политических интересов.

Эта политика уже приводила императорское правительство к мысли о желательности силою оружия и отторжением некоторых китайских областей упрочить настолько наше положение на Дальнем Востоке, чтобы не рисковать осложнениями в этих областях в такое время, когда наши силы должны быть сосредоточены в других сферах нашей внешне-политической деятельности. Отторжение от Китая и присоединение обширных территорий признавалось, однако, императорским правительством крайнею мерою, и мы постоянно искали решений, не связанных с столь многочисленными и серьезными отрицательными последствиями. Именно для таких решений, достигаемых дипломатическим путем и не нарушающих неприкосновенность китайской территории, настоящий момент, когда в Китае образуется новое правительство, нуждающееся в нашем признании и поддержке, представляет столько выгоды, что нам нельзя пропустить его, не сделав, по крайней мере, попытки достигнуть сказанных решений.

На первом месте среди политических вопросов, занимающих нас в Китае, стоит манчжурский вопрос. В сторону борьбы против занятого нами в Манчжурии положения особенно деятельно шло китайское правительство. Воспользовавшись минутой, нам надлежит прежде всего попытаться оградить себя в Манчжурии от этой враждебной нам деятельности китайцев. А так как в Манчжурии наши интересы совпадают с японскими и относительно Манчжурии мы имеем с Японией политические соглашения 1907 и 1910 годов, то в этом вопросе нам предстоит действовать совместно с японским правительством, что, очевидно, облегчает нашу задачу. Надо заметить также, что и Юань Ши-кай и революционеры делали нашему посланнику в Пекине намеки на возможность признания нашего положения в Манчжурии. Почва для этого, таким образом, имеется, повидимому, уже налицо.

Такое признание положения, несомненно, удобнее всего могло бы осуществиться путем предварительных переговоров с Японией для установления наших и японских пожеланий по этому вопросу. Эти пожелания с нашей стороны, казалось бы, должны сводиться к сле-

дующему: к получению обязательства Китая действовать по соглашению с нами в вопросах: 1) о железнодорожном строительстве в Манчжурии и в прилегающей к ней Внутренней Монголии и 2) о количестве и дислокации китайских военных сил. Затем, из признания нашего положения в Манчжурии должно вытекать 3) — признание китайским правительством права Общества Китайской Восточной железной дороги заведывать единолично не только железнодорожным хозяйством, как утверждают китайцы, но и всей администрацией в полосе отчуждения. Все три пункта должны быть ясно формулированы до их предъявления Китаю.

Из этих трех пунктов, японцев, в применении к их сфере влияния в Манчжурии, может интересовать только железнодорожное строительство: китайские вооружения не вызывают в них опасений, а на положение в полосе отчуждения Южно-Манчжурской железной дороги они не имеют причин жаловаться. Надо ожидать, что японцы свяжут признание правительства Юань Ши-кая с более существенным для них вопросом о сроке аренды Квантуна и пожелают добиться ее продления на срок, превышающий 25 лет, на которые пользование Квантуном было уступлено России. Такое требование нисколько не затрагивает наших интересов. Поэтому мы не имеем оснований ему противиться.

Другим вопросом, который желательно решить в связи с признанием нового китайского правительства, является вопрос о пересмотре С.-Петербургского договора. Если нам удастся добиться обязательства Китая сохранить при пересмотре этого договора его основные черты, делающие его орудием нашей политической деятельности в Застенном Китае, то мы не столько обеспечим в этой области наши торговые интересы, но и в значительной степени предрешим желательную нам постановку монгольского вопроса, в смысле сохранения Монголии автономною областью в составе Китайской империи. Окончательное же решение этого вопроса, слишком сложного и затрагивающего лишь специально русские, чисто политические и идущие вразрез с принципом неприкосновенности китайской территории интересы, может быть отложено до последующего времени, ибо без соглашения с нами китайцы не могут восстановить свою власть над Монголией и от нас будет зависеть продиктовать условия восстановления этой власти.

Предварительно предъявления вышеизложенных требований Китаю мы должны столковаться с японским правительством и установить с ним все пункты требований, которые будут предъявлены как нами, так и японцами, дабы затем совокупными усилиями настаивать на их принятии китайским правительством, предварительно его признания Россиею и Японией. Действуя в согласии с японцами, мы можем рассчитывать на успех наших переговоров, особенно если нам удастся заручиться сочувственным отношением нашей союзницы Франции, а японцам — их союзников англичан.

Сазонов.

33. Письмо поверенного в делах в Пекине на имя мин. ин. дел Сазонова.

Доверительно.

Пекин. 17 (30) января 1912 г.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Если истекшая неделя и не ознаменовалась ожидавшимся отречением династии, то по нервности настроения, упорству борьбы разных влияний, а главное — по обилию самых невероятных, злонамеренно распускавшихся слухов она заслуживает особого упоминания в развитии революционных событий в Китае.

Разбираясь в этом сложном материале, приходится признать, что Юань Ши-кай оставался центральной фигурой и успел сохранить в своих руках все нити переплетавшихся интриг, хотя ему пришлось считаться одновременно как с новыми требованиями нанкинского временного правительства, так и с манчжурской оппозицией в Пекине.

В субботу 7 января отречение казалось вопросом решенным, как вдруг в Нанкине было получено известие о данном будто бы английским посланником, в качестве декана, обещании ускорить признание временного правительства, которое должен был образовать в Тяньцзине Юань Ши-кай. Известие это исходило от американских корреспондентов, исказивших полученные, как утверждают, благодаря нескромности американского посланника в Пекине, сведения о доверительном разговоре декана с председателем совета министров, о котором представлен был отчет в телеграмме моей за № 29. На следующий день из Нанкина было пущено в газеты сведение о готовящемся вмешательстве Англии в пользу династии и одновременно Сун Ят-сен предъявил новые требования Юань Ши-каю относительно условий образования и местопребывания временного правительства. Хотя эти требования были тотчас же вслед за тем смягчены, они несомненно значительно обострили сопротивление некоторых манчжурских князей проекту отречения. Есть все основания думать, что Юань Ши-кай не принял сначала никаких мер для противодействия этой усиливавшейся оппозиции, а, напротив, всячески содействовал распространению о ней преувеличенных слухов. 12 января появился императорский указ, составленный в туманных выражениях, коим опровергались «вздорные слухи» (видимо, об отречении) и упоминалось лишь о переговорах по поводу условий созыва национального собрания. Указ этот, казалось, подтверждал намерения двора продолжать борьбу. Вместе с тем ближайшие сотрудники Юаня и служащие в вай-ву-бу дали ход последовательно двум ложным известиям о выступлениях японского посланника, подготовлявшего, якобы, почву для вмешательства. Известия эти приобрели самую широкую огласку, не на шутку встревожив даже некоторых коллег, и я счел долгом доложить истинное положение вашему высокопревосходительству телеграммами за №№ 57 и 67.

Нужное впечатление в Пекине было во всяком случае произведено, и 13 января Сун Ят-сен заявил о своей готовности выйти в отставку и уступить президентство во временном правительстве Юань Ши-каю, если состоится отречение; о местопребывании временного правительства умалчивалось. Заявление это было одобрено формальным голосованием заседающих в Нанкине представителей примкнувших к республике провинций. В ночь с 13 на 14 января и на следующий день произведены были покушения на двух известных своей преданностью манчжурам генералов Лянь-би (бывшего начальника гвардейской бригады) и Чжан Хуай-чжи, заведующего войсками внутренней обороны в Тянь-цзине. Наконец, в этот же день вечером была разослана министрам и князьям, для доклада трону, коллективная телеграмма высших военных начальников императорских войск, полученная мною в копии от монгольских князей и в главных чертах доложенная вашему высокопревосходительству по телеграфу. Документ этот, о котором пока в печать проникли лишь отрывочные сведения, представляет, несомненно, выдающееся значение уже в силу стоящих под ним подписей командующих 1-й армией (у Ханькоу) и войсками провинции Чжи-ли, генерала Чжан-Сюня, бывшего защитника Нанкина и ныне руководящего войсками на Тянь-цзинь—Пукоуской линии, а также семи начальников дивизий и почти всего высшего командного состава северных войск. Переходя к содержанию телеграммы, считаю долгом прежде всего отметить приведенные в ней условия соглашения между пекинским правительством и республиканцами относительно отречения династии:

1. Императорский титул сохраняется на вечные времена.

2. Императору ежегодно выплачивается содержание в размере не менее 3 миллионов лан.

3. Для обеспечения существования знаменных [войск] (получающих ныне содержание от казны) изыскиваются особые средства; все специальные повинности, существовавшие исключительно для манчжур, монголов, мусульман и тибетцев, отменяются.

4. Манчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане уравниваются в правах с китайцами.

5. Княжеские и прочие титулы сохраняются и

6. Имущество всех титулованных лиц остается за ними.

Соответствующее обязательство республиканцев должно было храниться в архиве международного трибунала в Гааге.

Установив выгодность этих условий для правящего ныне класса, авторы телеграммы переходят к подробному разбору стратегического положения, сложившегося весьма невыгодно для северных войск, перечисляются успехи, достигнутые республиканцами, констатируют продолжающуюся дезорганизацию и брожение среди подчиненных им частей. Предвидя, что национальное собрание, безусловно, выскажется за провозглашение республики, телеграмма заканчивается советом признать теперь же республиканский строй и издать указ

об оставлении временно у власти нынешнего кабинета, который до созыва национального собрания будет руководить «решением вопросов государственной политики, имеющих отношение к иностранным державам». Едва ли проскользнула случайно в заключительную часть телеграммы излюбленная Юань Ши-каем тема, но, не касаясь пока этого пункта, а равно ближайшего влияния на политическое положение указанного выступления начальников армии, приходится заключить, что истекающее перемирие придется продолжить, так как возобновление военных действий представлялось бы при подобном настроении чрезвычайно рискованным.

Переходя к противодействию некоторых манчжурских князей, которое я в телеграмме позволил себе охарактеризовать как преувеличенное слухами, следует заметить, что борьба для князей затруднительна не только за недостатком материальных средств и сторонников, но и благодаря невозможности открыто взять власть в свои руки. Чисто манчжурское правительство едва ли было бы в состоянии удержать большинство северных войск от мятежа, ни тем более заставить их сражаться с республиканцами, — это обстоятельство я и счел долгом подчеркнуть, давая в телеграммах отчет о попытках крайней манчжурской партии перейти к активным действиям.

Среди самих князей, отстаивающих династию, только один, бывший министр финансов Цзай-цзе, является сколько-либо выдающимся по способностям. Его инициативе приписывают последний маневр двора — пожалование Юань Ши-каю титула маркиза 1-й степени. Несмотря на троекратные отказы Юаня, при чем в последнем докладе он «умоляет в знак особой милости отменить изданный указ», вдовствующая императрица упорно настаивает на принятии им этой заслуженной награды «за преданность и особые труды по охранению целости империи». Хотя Юань Ши-кай тщательно воздерживался от каких-либо официальных советов в пользу отречения, высокая милость двора, особенно с точки зрения психологии китайцев, придающих такое значение внешнему соблюдению своего достоинства и нравственных устоев, скомпрометировала и стеснила председателя совета министров, поставив подневольного маркиза в весьма щекотливое положение, из которого ему еще нужно найти выход.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

34. Депеша поверенного в делах в Пекине на имя мин. ин. дел Сазонова.

Пекин. 24 января (6 февраля) 1912 г. № 7.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

В дополнение к телеграмме от 21 сего января за № 93 считаю долгом представить вашему высокопревосходительству, в переводе

из китайской прессы, текст врученного в этот день вдовствующей императрицей Юань Ши-каю повеления принять притязания республиканцев. Документ этот гласит следующее: «Из телеграмм Цэнь Чунь-сюаня, Юань Шу-сюня, а также китайских представителей за границей во главе с Ван Да-се и военачальников во главе с Дуань Ци-чжуем, которые ходатайствовали перед верховной властью о признании республиканского строя, ясно видно единодушное стремление народа. Не желая ради сохранения величия царствующего дома создавать бедствия для своего народа, мы возлагаем на Юань Ши-кая обязанности нашего уполномоченного по ведению с представителями национальной армии переговоров относительно условий, на которых мог бы последовать отказ императора от всякого участия в деле государственного управления. Лишь только национальная армия официально выразит согласие на принятие этих условий, немедленно же будет издан указ об отказе императора от участия в деле управления государством».

Упоминаемые в вышеприведенном тексте телеграммы китайских представителей за границей, с обращенными к династии ходатайствами признать республиканский строй, воспроизводились в здешних газетах. Для примера считаю долгом приложить в вырезке перевод подобной телеграммы китайского посланника в С.-Петербурге; не берусь судить ни о достоверности, ни об искренности ее, но местная пресса, видимо, прониклась уважением к республиканскому рвению Лу Чжен-цзяна и прочит его в министры иностранных дел будущего коалиционного республиканского правительства под главенством Юань Ши-кая.

В заключительной части повеления вдовствующей императрицы говорится об официальном признании республиканцами условий, на которых император устраняется от управления страной, из чего можно было заключить, что негласно условия эти уже приняты. Однако из слов старшего советника вай-ву-бу, сообщившего мне по поручению Юань Ши-кая о принятом 21 января решении, явствовало, что некоторые подробности требовали еще окончательного урегулирования; в частности, размеры ежегодного отпуска средств на содержание императора вызывали еще спор, — соглашение, впрочем, ожидалось в ближайшие дни. На мой вопрос, насколько достоверны сведения печати об условиях, поставленных двором, г. Цзай ответил, что сведения эти более или менее приближаются к действительности, хотя в некоторых деталях могут еще подвергнуться изменениям.

Воздерживаясь пока от приведения не окончательно установленных подробностей, тем более что об основных условиях я уже имел случай упомянуть, считаю долгом высказать, что наиболее интересующая нас сторона этих условий уже вполне выяснилась и сводится, как неоднократно отмечалось мною в телеграммах и донесениях, к стремлению Юань Ши-кая придать установлению нового строя характер законного перехода власти от династии к республиканскому правительству.

Что речь будет итти ныне именно о «переходе», а не об «унаследовании», можно заключить из того обстоятельства, что слово «отречение» старательно обходится во всех официальных и официозных версиях. Пока, конечно, прежде всего имеется в виду этим путем добиться с наименьшими затруднениями признания держав. Нужно ли сохранение носителя императорского титула от каких-либо других затаенных целей [sic] или же эта уступка вызывалась необходимостью добиться скорейшего компромисса с двором, и, в таком случае, насколько этот компромисс окажется долговечным — покажет будущее.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

35. Телеграмма Сунь-вэня из Нанкина на имя Юань Ши-кая.

(Получена 1/14 февраля 1912 г. [1])

Из телеграмм: вашей от 29 января (11 февраля), а также переданной через посредство Тан Шао-и, от того же числа, узнал, что Цинский император отказался от престола (Цы-вэй) и что вы заявили о своем сочувствии республиканскому строю. Отныне можно ожидать наступления успокоения в государстве. Несказанно радуюсь и торжествую, видя в этом залог счастья и благоденствия для всего населения. Я намерен немедленно представить в совет (Цань-и-юань) свой отказ от должности и рекомендовать вас на мое место. С другой стороны, Цинский император не мог делегировать власть сформирования республиканского правительства. Если бы такое поручение действительно было осуществлено, то можно опасаться, что возникли бы величайшие осложнения. Вам самому это, наверно, прекрасно известно. Посему прошу вас как можно скорее прибыть в Нанкин, чтобы пойти навстречу общим желаниям. Если вы опасаетесь, что на это время не останется никого, кто бы мог поддерживать порядок в северных областях, то можете избрать кого-нибудь и затем уведомить о сем по телеграфу временное правительство, которое снабдит это лицо полномочиями по поддержанию спокойствия в северных областях. В ожидании ответа на вышеизложенное выражаю заранее радость по поводу встречи с вами.

Сунь-Вэнь.

36. Всеподданнейший доклад министра ин. дел [2]).

Японский посол сообщил мне о намерении своего правительства выступить перед державами с предложением обставить некоторыми условиями признание нового китайского правительства, когда оно будет образовано, потребовать от него подтверждения его иностранных

[1]) Приложена к депеше Щекина № 10 от 1912 года; перевод с китайского сделан в русском посольстве в Пекине.

[2]) На докладе помета рукой Николая II: «С (огласен) ъ». Другой рукой: «Царское Село. 12 (25) февраля 1912 года».

долговых обязательств и гарантий, соблюдения тех общих прав и привилегий, которыми иностранные государства пользуются в Китае отчасти в силу трактатов, отчасти же на основании установившейся практики.

Полагая, что такое совместное выступление держав было бы действительно наилучшим средством для ограждения общих интересов иностранцев в Китае от тех неожиданностей, которыми им может угрожать установление в этой стране нового государственного строя, я счел возможным ответить барону Мотоно, что с нашей стороны не встретится препятствий к одобрению сказанного предположения японского правительства.

Не менее важное значение для нас будет иметь, однако, заставить китайское правительство уважать наши особые права в Северном Китае. Так как другие державы, например, Англия, Франция, Германия, Япония, также имеют особые интересы в различных областях Китая, то казалось бы возможным привлечь их к совместному выступлению перед новым китайским правительством, в видах внушения ему необходимости признавать сказанные особые интересы держав. Предварительно обмена мнений по этому поводу с прочими заинтересованными правительствами мне представляется нужным зондировать токийский кабинет, с которым мы, в виду общности наших интересов в Манчжурии, поддерживаем особую близость в касающихся настоящего положения в Китае вопросах, — чтобы убедиться, не встретит ли такое предложение с его стороны противодействия, которое нарушило бы наш согласный образ действий.

Всеподданнейше докладывая вышеизложенное, приемлю смелость повергнуть при сем на высочайшее одобрение вашего императорского величества проект соответствующей памятной записки, которую я полагал бы передать японскому послу.

Сазонов.

С.-Петербург. 12 (25) февраля 1912 года.

37. Всеподданнейший доклад министра ин. дел. [1]).

Приемлю смелость повергнуть при сем на высочайшее благовоззрение вашего императорского величества депешу поверенного в делах в Пекине от 29 мин. января, № 8, в которой стат. сов. Щекин высказы-

[1]) На докладе помета рукой Николая II. «Я, напротив, совершенно согласен с мнением поверенного в делах в Пекине. Со времени обсуждения вопроса об Урянхайском крае прошло более 3-х месяцев, в Китае произошли крупные перемены, нам необходимо более активно заняться разрешением этого дела, иначе мы нигде вдоль китайской границы не добьемся пользы для себя. Вспомните историю занятия нашего Приамурского края». Другой рукой: «Царское Село. 15 (28) февраля 1912 г.».

вается в пользу немедленного занятия нами Урянхайского края, мотивируя эту меру, с одной стороны, несомненностью наших юридических прав на сказанный край, а с другой стороны — наличием подходящей для того политической обстановки.

По поводу первого из этих двух соображений почитаю долгом доложить, что доводы полковника Попова, доказывавшего принадлежность России Урянхайского края, которым сам он не придавал исчерпывающего и окончательного значения, опровергаются недавно законченною работою делопроизводителя московского главного архива д. с. с. Белокурова, который на основании изучения подлинных документов и картографического материала, относящегося к концу XVIII столетия, т.-е. ко времени заключения Буринского договора с Китаем, приходит к следующему выводу: граница по Саянскому хребту установлена в 1727 году русскими и китайскими комиссарами при разграничении согласно Буринского договора; то же подтверждается составленной после разграничения, под наблюдением графа Владиславича, пограничной картой.

Таким образом приходится признать, что юридических прав на Урянхайский край Россия не имеет и побудительной причиной для занятия нами земель между Саянами и хребтом Танну-Ола могла бы быть лишь необходимость этой меры с точки зрения наших там интересов. Однако мне неизвестно, чтобы в этих местностях произошли такие события, которые требовали бы от нас защиты военною силою находящихся в Урянхайском крае русских подданных и отказа от программы, намеченной советом министров и высочайше одобренной вашим императорским величеством третьего сего февраля.

Сазонов.

С.-Петербург. 15 (28) февраля 1912 года.

[38. Телеграмма консула в Тянь-цзине.

Тянь-цзинь. 19 февраля (3 марта) 1912 г.

Телеграфирую поверенному в делах.

Экстренное консульское собрание обсуждало просьбу полицейского даотая, председателя провинциального собрания и представителей купечества о помощи иностранных отрядов к поддержанию в городе порядка, предотвращению грабежей. Решено оказать таковую, если, однако, военачальники найдут это возможным при наличии имеющихся сил. Консулы просят свои правительства прислать еще войска. По слухам, несколько тысяч мятежных войск — окрестных и из Пекина — вышли на грабеж Тянь-цзиня и для нападения на концессии. Власти бессильны. Европейцы ропщут на вывод иностранных отрядов.

Кристи.

39. Депеша поверенного в делах в Пекине на имя мин. ин. дел.

Пекин. 28 февраля (12 марта) 1912 г. № 16.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

В дополнение к телеграмме от 25 сего февраля, за № 237, считаю долгом представить при сем, в газетной вырезке, описание церемонии принесения присяги Юань Ши-каем и вступления его в исполнение обязанностей временного президента Китайской республики. Рассылая по сему поводу официальное извещение иностранным представителям в Пекине, вай-ву-бу не решилось письменно пригласить их на это торжество, но хувэй-де обратился к декану дипломатического корпуса с просьбою предупредить коллег, которые пожелали бы присутствовать «неофициально», что для них будут заготовлены особые места в зале, где должна была происходить самая церемония. Желающих, однако, не нашлось.

Дабы ознаменовать событие, в день принесения присяги было издано пять «мин-линов» — распоряжений, заменивших прежние указы. Переводы этих документов у сего прилагаются на благоусмотрение вашего высокопревосходительства. Два из них представляют собой весьма бесцветное воззвание к армии и гражданским властям, третий дарует амнистию преступникам, четвертый слагает недоимки с населения (взымать которые власти не могут), и, наконец, пятый, наиболее короткий, сохраняет в силе все действовавшие законы, за исключением тех статей, которые противоречат республиканскому строю. Кто должен решать, какие именно статьи законов несовместимы с республиканским строем, — это никому неизвестно, и смысл всего распоряжения остается загадочным. В общей сложности «манифесты», как их здесь называют, временного президента обнаружили скорее бессилие и растерянность, чем какие-либо задатки творческой силы. К банкротству власти присоединяется и банкротство финансовое — на покрытие недостач по текущим неотложным расходам остается лишь один источник — авансы, получаемые от четверного синдиката банков.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

40. Секретная телеграмма мин. ин. дел. российским послам в Париже и Лондоне.

С.-Петербург. 5 (18) марта 1912 г. № 475.

Французский поверенный в делах сообщил мне, что четверной консорциум на собраниях в Лондоне 12 и 13 марта нового стиля решил ныне же выдать Юань Ши-каю еще один аванс в 13 миллионов лан

и затем авансировать ему по 6 миллионов лан в месяц в течение пяти месяцев, с апреля по август. Тем временем будут обсуждаться условия проектируемого большого китайского займа. Одновременно английский посол сообщил, что сказанный заем предполагается в сумме 60 миллионов фунтов стерлингов, из которых 80% предназначается на культурные предприятия и 20% на вооружения. Россия приглашается участвовать в сказанных авансах и займе в шестой доле. Такое же предложение делается Японии.

Я ответил английскому и французскому представителям, что буду в состоянии сообщить им решение императорского правительства по этому вопросу лишь по его изучении совместно с министром финансов. Однако уже теперь я не могу не высказать удивления тому направлению, которого держится четверной консорциум. Наше согласие участвовать в его авансах Китаю испрашивается, когда эти авансы уже выданы, и мы не успеваем дать ответ относительно одного аванса, как узнаем о выдаче следующего. Китайское правительство не только не признано державами, но даже еще не образовано. Между тем ему уже решено выдать сумму в 45 миллионов лан, и с ним ведут переговоры об огромном займе в 60 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом вопрос о признании Китайской республики уже предрешается, хотя для ее признания предполагалось поставить известные политические условия, и интересы государственные приносятся в жертву частным интересам банкиров, которые руководят действиями своих правительств.

Результатом такой деятельности консорциума будет вооружение азиатского государства против держав Европы. России, как ближайшей соседке Китая, предстоит прежде других испытать на себе все невыгодные последствия этого и, следовательно, надолго сосредоточить свое внимание на Дальнем Востоке. Нам приходится, поэтому, спросить себя: не выгоднее ли для нас отстраниться от этого дела и потребовать от Китая отказа от таких финансовых операций, которые мы сочтем для нас вредными, а в случае его упорства поддерживать эти требования вооруженной силой.

На замечание французского поверенного в делах, что Китайско-Бельгийский банк также ведет переговоры об авансе Юань Ши-каю, я ответил, что если это так, то я не могу осуждать действия бельгийцев, в виду образа действий четверного консорциума, пользующегося к тому же дипломатической поддержкой четырех великих держав, которой нет у Китайско-Бельгийского банка.

Благоволите в вышеизложенном смысле объясниться с министром иностранных дел и просить его обдумать, соответствует ли интересам держав тройственного согласия, чтобы внимание и силы России были отвлечены на Дальний Восток грозящею ей там опасностью.

Сазонов.

41. Депеша поверенного в делах в Пекине на имя мин. ин. дел.

Пекин. 15 (28) марта 1912 г. № 21.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Зародыши раздоров в республиканской партии не только на почве партикуляризма отдельных провинций или погони за личными выгодами, но и в вопросах программных, начинают все более и более заметно обнаруживаться. Официально республиканской организацией до сих пор считалось тайное революционное общество, известное под именем Тун Мын Хуй (партия союзников), основанное Сун Ят-сеном и Хуан-сином в Японии и впоследствии легализированное в качестве политической партии в Китае. Оппозиция этой организации издавна существовала, однако, среди других революционных деятелей, признававших себя республиканцами, и наиболее видным из них считался некто Чжан Бин-линь, несколько сторонников коего были включены в состав нанкинского временного правительства. В вопросе о будущей столице Чжан Бин-линь высказался энергично в пользу Пекина и вообще настолько проявил солидарности с Юань Ши-каем, что Сун Ят-сен решительно восстал против допущения в состав организуемого коалиционного правительства как самого Чжана, так и главных его единомышленников из числа нанкинских министров, особенно Чжан-цяна и Чэн Дэ-цюаня (бывшего цзянсусского губернатора и соперника Сун Ят-сена при первых выборах президента).

Особенное значение личность Чжан Бин-линя стала приобретать благодаря основанной им политической партии, названной Тун И Дан (Союз Единения), около которой не замедлили сгруппироваться все более умеренные, враждебные Сун Ят-сену и Хуан-сину, республиканцы, между прочим, председатель хунаньского комитета Сюнь Си-линь, считающийся кандидатом на должность министра финансов в коалиционном кабинете, а равно сам председатель последнего — Тан Шао-и.

Задачей своей Союз Единения ставит упрочнение государственного единства, создание сильного центрального правительства и усовершенствование формы государственного устройства, основанного на республиканских принципах. Опубликованная программа Союза включает нижеследующие 11 пунктов:

1) Защита государственной территории и точное разграничение пределов компетенции тех или иных административных органов.

2) Создание ответственного правительства.

3) Объединение всех населяющих край народностей и распространение среди них просвещения.

4) Защита народных интересов путем развития общественных организаций.

5) Упорядочение государственного денежного хозяйства и правильное распределение налогов между всеми гражданами.

6) Развитие кредитных учреждений и поднятие производительных сил страны.

7) Развитие армии и флота и введение всеобщей воинской повинности.

8) Развитие сети общеобразовательных и специальных школ.

9) Развитие железнодорожной сети.

10) Развитие переселенческого дела.

11) Поддержание всеобщего мира и охрана суверенных прав Китая.

Пункты эти, хотя и установленные в довольно общей форме, носят несомненно более практический характер, чем программа Сун Ят-сена. Следует, однако, оговорить, что в Китае изложенные на бумаге программы никого не стесняют. Те же сторонники Сун Ят-сена, довольно определенно заявившие, в поисках за симпатиями иностранцев, о своем намерении открыть для них весь Китай, в настоящее время добавляют: «конечно, под условием отмены принципа экстерриториальности». Поэтому и к программе Союза Единения, несмотря на значительное число примкнувших к нему видных политических деятелей, лучше всего отнестись выжидательно, чтобы не сказать — скептически.

С глубочайшим почтением и т. д.

Щекин.

42. Секретная телеграмма мин. ин. дел поверенному в делах в Пекине.

С.-Петербург. 22 марта (4 апреля) 1912 г. № 614.

Телеграмма № 334 получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 431.

Английское правительство сообщило нам, что консорциум предполагает заключить для Китая заем в 60 миллионов фунтов стерлингов, распределяемых на пять лет, который явится естественным последствием выдаваемых Китаю авансов, и предложило нам участвовать в этом займе. Вследствие наших возражений, что таким образом государственные интересы держав подчиняются частным выгодам банкиров, французское и английское правительства предложили нам, чтобы дело финансирования Китая было взято в руки шести наиболее заинтересованных правительств — русского, французского, английского, германского, американского и японского, исполнителем предначертаний которых был бы консорциум банкиров этих держав.

Признавая такую постановку дела для нас приемлемой и не считая возможным не участвовать в такой комбинации держав, сносимся в этом смысле с министром финансов.

Сазонов.

43. Депеша посланника в Пекине на имя мин. ин. дел.

Пекин. 28 апреля (11 мая) 1912 г. № 30.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Насколько я могу до сих пор судить, положение дел в Китае представляется в довольно мрачных для нынешнего правительства красках. Со времени моего приезда в Пекин я не слышал ни от одного из моих коллег, не исключая даже бывших столь искренне расположенными к Китайской республике, как сэр Джон Джордан и г. Кальхун, иного мнения, как то, что на скорое водворение спокойствия и порядка и на установление прочного и внушающего к себе доверие режима никак нельзя рассчитывать. Этот пессимистический взгляд разделяется и большинством проживающих здесь иностранцев.

Действительно, состав нового китайского правительства, настроение большинства его членов и некоторые из принимаемых им мер заставляют думать, что ему трудно будет справиться с предстоящей ему тяжелой задачей. В настоящее время в Китае нет необходимой для такого огромного государства центральной власти, обладающей достаточной силой и авторитетом, чтобы внушить уважение и страх всем неспокойным и недовольным элементам в стране. Престиж Юань Ши-кая, в значительной степени созданный иностранцами и сильно ими раздутый, потерпел за последнее время большой ущерб, особенно после солдатского бунта в Пекине. Во многих провинциях царствует анархия, а в некоторых идет открытое восстание. В среде самого правительства уже начинаются раздоры и разные происки. Так, например, первый министр Тан Шао-и, человек чрезвычайно ловкий и умный, но не гнушающийся ничем для достижения своей цели, с некоторых пор сблизился с крайней так называемой кантонской партией и ведет подпольные интриги против временного президента республики и его сторонников из партии хунанцев. Сам Юань Ши-кай чувствует, повидимому, что он постепенно все более теряет под собой почву и начинает сознавать, что революционеры, использовав его в своих целях для свержения династии, теперь готовы отвернуться от него. На всех, кто, как я, видел его в последнее время, Юань производит впечатление человека совершенно удрученного и упавшего духом. Среди остальных членов правительства, как вашему высокопревосходительству известно, преобладают люди молодые, получившие поверхностное образование в Америке или Японии и отличающиеся огромным самомнением и заносчивостью. Упоенные легко доставшеюся им властью и будучи в денежном отношении столь же мало безупречными, как и пресловутые мандарины старой школы, эти незрелые политические деятели, надевшие европейское платье и считающие себя ни в чем не уступающими европейцам, спешат воспользоваться нынешним — вероятно, лишь мимолетным—своим положением в целях личной наживы. Вслед

за ними в Пекин явилось в качестве искателей мест множество южан, требующих принятия их на государственную службу, как лиц, послуживших делу революции. В угоду им в некоторых министерствах началось уже массовое увольнение служащих с целью замены их южанами. Так в министерстве путей сообщения из 400 чиновников на своих местах осталось только 51. Понятно, что все таким образом уволенные примкнут к числу врагов нынешнего режима. Характеристика лиц, стоящих здесь теперь у власти, будет неполной, если не отметить выказываемый ими при всяком случае яркий национализм. Желая заслужить популярность в народе и показать, насколько они лучше защищают интересы своего отечества, чем прежнее манчжурское правительство, эти представители молодого Китая открыто проповедуют теорию так называемого «rights recovery», т.-е. возвращения себе Китаем всех прав суверенитета по отношению к проживающим в нем иностранцам. Преследуя эту задачу, они уже теперь всячески стараются по возможности урезывать те экстерриториальные права, коими иностранцы всегда здесь пользовались, и те наивные люди, которые приветствовали китайскую революцию, считая поборников республики искренне расположенными к иностранцам людьми, теперь не могут не сознавать, как глубоко они в этом отношении ошибались. При таком настроении людей, входящих в состав китайского правительства, вести с ними дела для иностранных миссий труднее, чем когда-либо, и все без исключения мои коллеги горько жалуются на невозможность добиться чего бы то ни было от нынешних китайских министров.

Вышеизложенная неотрадная картина становится еще мрачнее, если обратить внимание на являющееся главным затруднением для нового правительства финансовое положение страны. Обыкновенных доходов не хватает на уплаты по внешним долгам; деньги, полученные от консорциума в виде авансов и от реализации бельгийского и других мелких займов, все израсходованы самым безрассудным, а отчасти и неблаговидным образом, государственная касса совершенно пуста, а между тем правительству необходимы деньги на самые неотложные государственные нужды, на первом месте среди коих стоит необходимость уплаты жалованья огромному количеству излишних и подлежащих теперь увольнению солдат. Продолжительная задержка в производстве этой уплаты неминуемо приведет к новым беспорядкам среди войск, легко могущих принять пагубный для нынешнего режима оборот. Столь неотложно необходимые ему денежные средства китайское правительство может теперь получить только путем авансов от консорциума шести держав. Но для этого оно должно было бы согласиться на известные условия контроля и надзора по отношению к расходованию авансируемых сумм, подчиниться коим нынешним китайским министрам не позволяет их самомнение и их шовинизм. Если они, с одной стороны, и видят всю безвыходность теперешнего положения, то, с другой, они—вероятно, не без основания—

опасаются, что принятие ими иностранного финансового контроля может возбудить со всех сторон негодование, дать удобный повод к обвинениям против них и, равным образом, привести к ниспровержению теперешнего правительства. В этой трудной дилемме у них явилась было даже мысль прибегнуть к отчаянному средству заключения принудительного внутреннего займа, что, несомненно, также привело бы к какой-нибудь катастрофе.

Все вышесказанное заставляет признать, что положение Юань Ши-кая и его правительства представляется крайне непрочным и что в Китае можно ожидать новых смут. Что́ придет на смену нынешнему режиму в случае его падения, сказать, конечно, трудно. О возвращении дайцинской династии вряд ли можно думать, так как манчжуры не имеют более под собой никакой почвы и даже в случае минутного успеха не были бы в состоянии удержать за собою власть. Более вероятным представлялось бы образование правительства с нанкинским наместником Хуан-сином или находящимся в Учане нынешним вице-президентом генералом Ли Юань-хуном во главе. Оба они люди весьма энергичные и, как говорят, пользуются большою популярностью на юге, но ни тот, ни другой, равным образом, не располагают денежными средствами, столь необходимыми для достижения успеха.

Как бы то ни было, все указывает, что до водворения снова в Китае порядка и спокойствия пройдет еще много времени. Жалеть об этом с точки зрения наших интересов, мне кажется, не приходится.

С глубочайшим почтением и т. д.

В. Крупенский.

К истории Ясского совещания.

Ниже печатается один из журналов совещаний русской делегации в Яссах. Идея так называемого «Ясского совещания», как съезда представителей всех антибольшевистских политических течений, появилась впервые у союзных дипломатов в Яссах еще до перемирия с Германией с целью изыскать способы восстановления восточного фронта [1]). Большую энергию в деле организации совещания проявил пресловутый французский консул в Киеве «с особыми полномочиями» — Энно. По его инициативе 17 октября 1918 г. в Яссах состоялось совещание под председательством российского посланника в Румынии Поклевского-Козелл, в составе: русского консула Савинова, ген. Новицкого, полк. Ильина (представителя Красного Креста) и ген. Щербачева (командующего русской армией на румынском фронте).

Это заседание, могущее считаться формально исходной точкой Ясского совещания, избрало «организационный комитет по установлению связи между Россией и ее союзниками» [2]). Большинство делегатов на совещание выехало из Киева 14 (1)—XI 1918 г. Первое заседание в Яссах состоялось 16 (3) XI.

О характере Ясского совещания лучше всего может сказать состав его русской делегации (как мы дальше увидим, к заседаниям именно русской делегации и свелось, по существу говоря, все Ясское совещание).

Вот полный список всех членов русской делегации, разбитый на группы применительно к пославшим их организациям и с обозначением их официальной партийной принадлежности и занимаемых должностей: члены Совета государственного объединения России — М. В. Брайкевич (член партии нар. свободы, инженер, тов. министра торговли во Временном Правительстве, член Союза Возрождения, гор. голова г. Одессы и представитель одесского военно-промышленного комитета), В. И. Гурко (беспарт., тов. министра земледелия в царском правительстве, член Госуд. Совета), А. В. Кривошеин (беспарт., тов. председателя Сов. госуд. объединения России, б. министр земледелия, член Госуд. Совета, впоследствии у Врангеля — председатель «Совета», М. С. Маргулиес (беспарт., председ. Центр. Военно-Пром. Комитета, впоследствии — член «Северо-Западного Правительства», В. В. Меллер-Закомельский (беспарт., председатель русской делегации, председат. Совета госуд. объединения России, член Госуд. Совета, председатель петроградской губернской земской управы), П. Н. Милюков (член партии народной свободы, тов. председ. Совета госуд. объедине-

[1]) Гурко. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу «Архив русской Революции», т. XV. Берлин. 1924 г. Стр. 47.

[2]) Астров. Ясское совещание. «Голос минувшего на чужой стороне». № 3 1926 г. Стр. 41.

ния России, тов. председ. Национального Центра, б. министр иностранных дел Врем. Правительства). Состояли членами Национального Центра: М. М. Федоров (к.-д., председатель Национ. Центра, гласный петроградской гор. думы, член «Особого Совещания» Деникина, управляющий министерством торговли при Витте), П. Н. Милюков, А. Я. Чемберс (беспарт., директор банка, тов. председ. Московского Торг.-Пром. Комитета). Состояли членами Союза Возрождения: М. В. Брайкевич, И. И. Бунаков-Фундаминский (с.-р., генеральный комиссар Черноморского флота), К. Р. Кровопусков (беспарт., кооператор, уполномоченный министерства продовольствия в Одессе), А. А. Титов (нар. соц., тов. министра продовольствия Временного Правительства).

Кроме того, персонально были приглашены: И. М. Новиков (полковник ген. штаба), А. И. Пильц (беспарт., тов. министра внутр. дел, иркутский ген.-губернатор, могилевский губернатор и гражданский губернатор в Одессе), С. Н. Третьяков (беспарт., председатель Моск. Биржевого Комитета, тов. председателя Центрального Военно-Пром. Комитета, председатель Высшего Экономического Совета при Временном Правительстве, министр торговли у Колчака), Н. А. Хвостов (беспарт.), Н. В. Савич (земец, октябрист, член Госуд. Думы). 20/7 ноября присоединился к совещанию представитель Красного Креста, С. Н. Ильин и с 5/XII — гр. П. М. Толстой (н.-с.), прибывший из Екатеринодара в Яссы. В. В. Шульгин заболел и участия в совещании не принимал.

Что касается нерусской части Ясского совещания, то она проявила себя чрезвычайно слабо. Это были дипломатические представители союзных стран в Румынии: посланники — английский сэр Барклей, французский — гр. Сент-Олер, Соединенных Штатов — Вопичко и итальянский поверенный в делах — Ауритти.

С их участием состоялось всего 2 заседания. На первом заседании — 17 (4) XI — английский посланник сэр Барклей заявил, что «союзники желают знать от представителей России, что, по их мнению, нужно сделать», чтобы «помочь России в борьбе с большевиками восстановить свое единство, свое политическое и экономическое существование», — и что державы согласия сделают для этого «все, что в их силах».

Французский посланник гр. Сент-Олер присоединился к словам сэра Барклея.

Этими заявлениями исчерпывается роль союзных дипломатов в совещании. Потом они лишь принимали меморандумы, вырабатывавшиеся русской делегацией совещания. Впрочем, и значение всех трех поданных меморандумов довольно сомнительно. Союзники стали относиться более чем «сдержанно» к ими же придуманному совещанию. Такая перемена будет вполне понятной, если вспомнить, что мысль о совещании возникла еще до заключения перемирия с Германией, — собралось же это совещание не сразу, а только в ноябре месяце, когда идея восстановления восточного фронта потеряла всякое значение в виду окончания войны.

Чем занималось Ясское совещание? Первым и основным вопросом, поставленным на совещании, был вопрос о форме союзной помощи. Ответ на этот вопрос был дан чрезвычайно единодушный, без всяких колебаний. Все, начиная от «беспартийного» монархиста Гурко и старо-режимных губернаторов и министров и кончая «государственно мыслящими социалистами» (Титов, Фундаминский), безоговорочно и с поразительным единодушием решили, что только военное вмешательство союзников может помочь делу.

Уже в первом обращении совещания к союзникам говорилось: «Только немедленный приход союзных вооруженных сил может предупредить восстание антисоциальных и узко-националистических элементов, которые повергнут страну в хаос анархии, сде-

лают ее легкой добычей большевиков и лишат русские союзные силы необходимой базы для развития операций против Советской власти. Для поддержания бодрости среди русских сил, способных к организованному сопротивлению, необходима уверенность, что помощь союзников не замедлит. В ожидании, пока посылка более крупных сил станет возможной, некоторое количество судов, появившихся немедленно в гаванях Черного моря, как Одесса и Николаев, несколько отрядов войск в больших городах и в главнейших стратегических железнодорожных узлах было бы достаточно, чтобы на первое время поддержать эту надежду и удержать от выступления беспокойные элементы. Но нужно, чтобы эти первые проявления союзной помощи появились теперь же, в ближайшие дни».

Итак, с первого дня было безоговорочно признано необходимым добиваться союзной интервенции, как единственного спасения.

Тем не менее было бы большим преувеличением считать, что Ясское совещание сыграло сколько-нибудь серьезную роль в деле организации интервенции. Союзники пошли по пути интервенции не потому, что их «призвала на помощь» русская буржуазия, а потому, что это соответствовало их собственным интересам, их собственным планам по отношению к своей недавней «союзнице». Интервенция началась вне зависимости от Ясского совещания. Максимум, что можно здесь приписать совещанию, это то, что ему, быть может, удалось несколько ускорить момент отправки в Россию первых десантов.

Интерес совещания поэтому не в том, что оно вызвало интервенцию, но в том, что на нем с полнейшей откровенностью русская буржуазия при участии «государственно мыслящих социалистов» продемонстрировала свое отношение к вопросу об интервенции.

Не лишены также интереса и другие вопросы, разбиравшиеся русской делегацией.

На первых же заседаниях единодушно было решено, что должно быть восстановлено единство России и что «подлежит непризнанию независимость и отдельное представительство государственных образований, созданных под германским влиянием с целью раздробления России». Решен также был вопрос о единстве командования. Но по ряду вопросов в составе делегации обнаружились непримиримые разногласия. Это прежде всего был вопрос об организации власти и о лице, которое должно было бы возглавлять движение.

Главные споры, так и не закончившиеся никаким соглашением, велись вокруг вопроса об организации власти. Здесь было предложено много различных схем, но все они в общем сводились к двум основным взаимноисключающим вариантам: единоличная и независимая диктатура или власть коллегиальная (директория). Последняя точка зрения отстаивалась главным образом членами Союза Возрождения, — первую же, в различных формулировках, отстаивало большинство членов делегации. Однако и среди членов этого большинства выявились значительные разногласия, когда стал вопрос о персональной кандидатуре диктатора. 9 человек «большинства» высказалось за кандидатуру на пост верховного главнокомандующего ген. Деникина, четверо же приверженцев диктатуры склонились в пользу вел. князя Николая Николаевича. Очень при этом характерно, что при обсуждении кандидатур указывалось (в заседании 20 (7) XI, что «реально вопрос о признании того или иного лица верховным главнокомандующим будет решен тем, кому из генералов, по нашему указанию, союзники дадут военные материалы» [1]).

[1]) Астров, стр. 53 и 66.

В бесплодных разговорах о форме временной государственной власти протекали все заседания делегации в Яссах. Последнее заседание состоялось 23 (10) ноября, после чего делегация выехала в Одессу.

Здесь делегация некоторое время продолжала свое существование. Официально вопрос сводился к чисто техническому продолжению дела, начатого в Яссах, но у многих делегатов было стремление сохранить в руках делегации руководящую роль и в жизни Одесского участка белого царства и даже в более широком, «всероссийском масштабе».

Еще 22 (9) ноября В. В. Меллер-Закомельский внес предложение, чтобы «по возвращении делегаций в Россию они сохранили свое существование и имели в Одессе и при высшем командовании союзных войск своих представителей, которые отражали бы все политические течения, представленные в делегации». В том же духе высказывался и А. В. Кривошеин, по мнению которого делегация — «непосредственный моральный центр русского дела» [1]).

Всем этим широким планам не суждено было осуществиться.

Союзные власти в Одессе довольно мало интересовались вопросами высокой политики. Им гораздо важнее было найти реальную военную силу, на которую можно было бы опереться для осуществления намеченного плана оккупации края. Внимание французов (они стояли во главе союзных войск в Одессе, и одесский район входил в их «зону влияния») было сосредоточено на выяснении вопроса: чьи военные силы значительнее и надежнее — добровольцев или петлюровцев? Что же касается всяческих политических организаций, которые сами не располагали военной силой, то французы считались с ними довольно мало. Это делало существование делегации в Одессе бесцельным, и она довольно скоро распалась (последнее заседание состоялось 23 (6) декабря 1918 г.). Впрочем, организации, входившие в состав русской делегации, продолжали еще периодически собираться на совместные совещания с целью договориться по вопросу о форме государственной власти.

В Одессе, занятой французами, этот вопрос все время висел в воздухе, пока французы сами не взяли всю полноту не только военной, но и гражданской власти в свои руки. Французы сделали это, в конце концов, именно потому, что бесконечно совещающиеся «4 центра» (Совет государственного объединения России, Национальный Центр, Союз Возрождения и Союз Земств и Городов) никак не могли между собой столковаться и в итоге, в марте 1919 года, на десятом заседании постановили: «В виду обнаружившегося непримиримого расхождения точек зрения по столь важным вопросам, как происхождение власти путем сговора или путем установления военной диктатуры, а также по вопросу земельному, признать, что в данных условиях соглашение на определенной платформе невозможно, и дальнейшие переговоры прекратить» [2]).

Так бесславно кончила существование русская делегация Ясского совещания и сменившие ее периодические заседания «четырех центров».

Приводимый ниже протокол № 21 от 30 (17) ноября и 1 декабря (18 ноября) 1918 г. относится к одному из последних заседаний русской делегации и почти целиком посвящен заслушанию доклада Гришина-Алмазова. Но в этом протоколе содержится и одно небольшое постановление, содержание которого, однако, чрезвычайно характерно.

---

[1]) Там же, стр. 41.

[2]) «Дело», № 1. Одесса. 23/III 1919 г.

Это постановление о включении в состав так называемой «малой делегации» двух новых представителей.

Эта «малая делегация» была выбрана еще в Яссах для поездки в Париж с целью информации и воздействия на союзные правительства. В ее состав первоначально входили: В. И. Гурко, С. Н. Третьяков и Н. Н. Шебеко.

Такой состав делегации, даже отдаленно не напоминающий демократических организаций, был чрезвычайно неподходящим для французского «общественного мнения». Еще в Яссах французский посол Сент-Олер прямо указывал, что представительство русских интересов в Париже должно быть поручено не только присяжным дипломатам типа Сазонова, но и представителям демократии и даже социалистам [1]). С этой точки зрения, выбор таких махровых реакционеров и монархистов, как Гурко или Шебеко, был явной ошибкой, которую надо было как-нибудь исправить.

Союз Возрождения, включавший в себя, кроме левых кадетов и «государственно мыслящих социалистов» (эн-эсы, эс-эры и эс-деки группы «Единство»), взял на себя инициативу рассеять тот неприятный привкус, который создавался первоначальным составом «малой делегации». Народный социалист Титов и «беспартийный кооператор» Кровопусков должны были наложить на делегацию демократическую печать. Впрочем, и демократический лоск не придал значения и силы делегации. С трудом преодолев все паспортные затруднения и еле-еле добравшись до Парижа, «малая делегация» чуть ли не в первый же день была выслана из столицы Франции. В таком неожиданном фиаско обвиняли (например, Гурко и другие) Милюкова (он был кооптирован в число членов делегации), недавнее германофильство которого сильно возбудило французов против делегации.

Как бы там ни было, «малая делегация» не играла сколько-нибудь заметной роли. С ней на Западе не считались.

Что касается доклада Гришина-Алмазова, посвященного состоянию белого движения на востоке, то он не дает полной и верной картины. В нем много неточностей и просто неверных сообщений. Но отдельные характеристики, делаемые Гришиным-Алмазовым, очень интересны. Документ представляет интерес и тем, что показывает, какими глазами смотрели руководители белого движения на события, происходившие на соседних участках гражданской войны.

Довольно подробная запись об этом заседании имеется в дневнике Маргулиеса [2]). В наших примечаниях к протоколу даются некоторые выписки из этого дневника, дополняющие официальную запись. Здесь же приведем характеристику, даваемую Маргулиесом Гришину-Алмазову: «38 лет, покатый узкий лоб, свободная речь, пристрастие к «ученым» словам. П. Н. Милюков говорит: помните Епиходова в «Вишневом саду» — Вы читали Бокля?».

В зарубежной литературе подробное описание Ясского совещания имеется у Маргулиеса в I томе его трехтомной работы: «Год интервенции», Берлин, 1923 г. (в виде выдержек из воспоминаний отрывок о Ясском совещании был впервые распубликован в т. I Гржебинской «Летописи Русской Революции»). См. также воспоминания Гурко «Архив Русской Революции», т. XV. Новейшая работа — А с т р о в Ясское совещание («Голос Минувшего на чужой стороне», № 4, 1926 г.).

---

[1]) Маргулиес. Год интервенции. Т. I, стр. 140.

[2]) Год интервенции. Т. I, стр. 47—48.

В советской литературе основные сведения о совещании даются в статье Рябинина (сборник «Черная книга»), где приводятся и некоторые документы, касающиеся этого совещания.

Ал. Гуковский.

Журнал № 21 совещаний русской делегации в Яссах.

Секретно. Не подлежит оглашению в печати.

(Заседание 30(17) ноября и 1 декабря (18 ноября) 1918 г. (в Одессе).

Присутствовали: управляющий вице-консульством в Киеве Е н н о, бывш. военный министр сибирского Временного Правительства ген. А. Н. Г р и ш и н-А л м а з о в, члены делегации: М. В. Б р а й к е в и ч, И. И. Б у н а к о в-Ф у н д а м и н с к и й, В. И. Г у р к о, А. В. К р и в о ш е и н, К. Р. К р о в о п у с к о в, М. С. М а р г у л и е с, бар. В. В. М е л л е р-З а к о м е л ь с к и й, П. Н. М и л ю к о в, А. И. П и л ь ц, Н. В. С а в и ч, А. А. Т и т о в, С. Н. Т р е т ь я к о в, А. Я. Ч е м б е р с и участвующие с совещательным голосом: В. Я. Д е м ч е н к о, Н. Ф. ф о н-Д и т м а р и Н. Н. Ш е б е к о.

По открытии заседания в 11 час. 45 мин. утра совещание заслушало сообщение г. Е н н о о положении дел в Киеве и о мерах, принятых им для воздействия в желательном смысле на поведение расположенных там германских воинских частей. Г. Е н н о сообщил затем, что в ближайшем будущем в Одессу прибывает ген. Бертело, получающий назначение начальника края союзных сил на юге России. В связи с известием об ожидаемом приезде ген. Бертело в совещании возник вопрос, не следует ли отложить отъезд отправляемой в Париж «малой делегации» до свидания с ген. Бертело, в целях взаимного осведомления. По обмене замечаний по этому предмету совещание, однако, признало желательным возможно скорейший отъезд «малой делегации» и наметило днем такового вторник 3 декабря (20 ноября).

А. А. Т и т о в сообщил, что Союз Возрождения желал бы ввести в состав делегации не одного, как первоначально предполагалось, а двух своих представителей, именно: его, А. А. Титова и К. Р. Кровопускова, и поставил совещанию вопрос, не встречает ли оно препятствий против такого расширения представительства. Совещание единогласно постановило считать К. Р. Кровопускова и А. А. Титова представителями Союза Возрождения в отправляемой делегации.

Председателем было затем предоставлено слово ген. А. Н. Г р и ш и н у-А л м а з о в у для сообщения о положении дел в Сибири, где он до сентября с. г. занимал должность военного министра в Сибирском Временном правительстве.

Генерал А. Н. Г р и ш и н-А л м а з о в заметил, что его сообщение распадается на 3 части: 1) историю освобождения Сибири от большевиков, 2) освещение политического положения Сибири, 3) впе-

чатления поездки из Сибири в Добровольческую армию. Обращаясь к первой части сообщения, ген. А. Н. Гришин-Алмазов подчеркнул, что большевизм в Сибири к началу года был в полном расцвете, с тем, однако, существенным отличием от общерусского образца, что сибирское зажиточное и крепкое крестьянство его почти не испытало, так как временная его волна, нахлынувшая с возвращением солдат с фронта, очень быстро спала. Попытка избавиться от большевизма шла с двух сторон: Комитета членов Учредительного Собрания, располагавшего вооруженными силами из офицеров, и сибирских правительств, которых насчитывалось одно время не менее шести и которые пребывали в Харбине. Сам генерал Гришин-Алмазов, бежавший в то время из большевистской тюрьмы, задался целью создать военную силу из офицеров и затем при ней учредить власть, но задача эта оказалась невыполнимой вследствие полной невозможности найти общий для офицеров политический лозунг. Пришлось поэтому сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное ее содержание и представлялось неприемлемым. Такой властью явилось Временное Сибирское правительство [1]), избранное областной думой в Томске на основе популярной тогда формулы «от народных социалистов до большевиков включительно». В действительности, большевиков в нем не было, и возглавлялось оно социалистом-революционером Дербером, человеком весьма изменчивых взглядов.

Офицерские дружины удалось организовать на всем пространстве от Каинска до Челябинска. Средства были получены от кооперации, а торгово-промышленный класс отзывчивости не обнаружил. Организация была закончена к середине мая, но еще не успела приступить к действиям, как на политической сцене появился новый, весьма важный фактор в лице чехо-словаков, заслуживающий особого внимания. Чехо-словацкий корпус образовался еще во время войны из пленных, но высшие, а частью и средние командные должности в нем занимали русские. Корпус очень отличился при защите в последнем периоде войны юго-западного фронта и по заключении мира намеревался покинуть Россию через Владивосток, чтобы принять участие в борьбе на западном фронте. Весьма вероятно, что это намерение осуществилось бы, если бы не систематическая провокация большевиков. Последние еще при выходе чехо-словаков из Киевской губернии потребовали снятия погон у офицеров; затем в Пензе чехо-словакам был поставлен ультиматум о выдаче оружия. По указанию чехо-словацкого национального совета с проф. Массариком во главе, руководившего политическим поведением корпуса, требование было частью исполнено. Но в конце апреля со стороны Советской власти последовало новое распоряжение: остановить на месте все чехо-словацкие эшелоны, которые к этому времени растянулись по всей линии Пенза—Владивосток, за исключением небольшой части, уже успевшей сесть на суда. Под влиянием этих повторных вызовов у чехо-словаков начал складываться план показать большевикам свою силу, чтобы заставить

их, таким образом, пропустить корпус на родину. Учитывая это настроение чехо-словаков, ген. Гришин-Алмазов вошел в сношение с их командованием, но последнее неизменно отвечало ссылкой на проф. Массарика, запретившего всякое вмешательство во внутренние русские дела. Однако, в низах и среди части офицерства ген. Гришин-Алмазов встретил более сочувственное отношение, которым и решил воспользоваться для совместной борьбы с большевиками. Первое выступление состоялось в ночь с 25 на 26 мая в гор. Новониколаевске и увенчалось неожиданно легким успехом, одновременно произошло свержение Советской власти и в Мариинской [2]). После этих первых удач началось постепенное движение на запад, юг и восток, приведшее к занятию Томска и другим успехам, несмотря на первоначальный подавляющий численный перевес большевиков. Одно время казалось, что на чешскую помощь больше нельзя будет рассчитывать. Как уже было упомянуто, среди чехо-словаков все время наблюдалось общее настроение против вмешательства, сменившееся противоположным вследствие провокации большевиков. Учтя это обстоятельство возможностью пропуска на родину с оружием в руках [?]. С другой стороны, этому же всячески способствовала приехавшая из Владивостока американская железнодорожная миссия, неизвестно почему взявшая на себя дипломатическую роль, и американский консул Гаррис. Однако, после встречи с последним ген. Гришина-Алмазова, консул, пораженный, повидимому, выправкой дисциплины офицерской дружины, которой ген. А. Н. Гришин-Алмазов произвел на его глазах смотр, изменил свой взгляд и обещал, что чехо-словаки останутся, пока в них будет надобность для поддержания порядка [3]). Насколько это было необходимо, показывают примеры Иркутска и Верхнеудинска, где после ухода чехо-словаков были устроены погромы офицерства и интеллигенции. После упомянутого разговора с Гаррисом совместные действия офицерских дружин и чехо-словаков не нарушались и привели, после ряда легких побед, к полному очищению Сибири от большевиков. Роль чехо-словацкого корпуса в этом деле представляется очень значительной, и можно сказать, что успех наполовину достигнут благодаря им. Надо, однако, сказать, что содействие чехо-словаков в известной степени ослаблялось, а под конец свелось почти на-нет, благодаря причинам политического свойства. Их поведение все время определялось исключительно двумя мотивами:

Во-первых их собственными мыслями и соображениями, а во-вторых, болезненным опасением прослыть за контр-революционеров. Эти обстоятельства, в связи с общим, довольно левым политическим уклоном корпуса, толкали чехо-словаков на путь вмешательства во внутренние дела, с одной стороны, а с другой, побудили их предпринять замену русского командования своим [4]), мало опытным в военном деле, и частичное проведение так называемой демократизации в устройстве корпуса. Неопытность командования имела последствием ряд необдуманных военных операций, вроде занятия крупных пунктов без доста-

точной опоры в тылу и вне связи с общим планом, а демократизация вызвала постепенное разложение в самом корпусе, в настоящее время уже далеком от первоначальной безупречной дисциплины.

Все изложенные данные заслуживают, по мнению генерала Гришина-Алмазова, особого внимания делегации, в виду того, что чехословаки находятся в тесной связи и пользуются поддержкой и расположением союзников, которые на многое происходящее на восточном фронте склонны смотреть глазами чехо-словаков.

После перерыва заседание продолжается от 1 час 15 мин. до $9^1/_2$ час. дня. Ген. А. Н. Гришин-Алмазов перешел ко второй части своего сообщения, а именно к характеристике политического положения и власти в Сибири. К моменту образования Уфимской Директории на пространстве за восточным фронтом существовало 5 правительств.

Первое Временное Сибирское [5]), в состав которого вошел и ген. А. Н. Гришин-Алмазов в качестве военного министра, являлось официально социалистическим, в действительности же вело весьма разумную и..... политику. Первыми шагами его были: аннулирование всех советских декретов, упразднение всяких советов и восстановление частной собственности. После этих мер поднялось настроение офицерства, впервые за время революции увидевшего, что ему есть за что сражаться и страдать. Положение правительства представлялось прочным благодаря поддержке Добровольческой офицерской армии, достигшей численности в 50 тысяч человек [6]). Только после окончательной организации этих сил и восстановления действий воинских присутствий ген. А. Н. Гришин-Алмазов счел возможным приступить к набору, при чем призванные были лишь незараженные большевизмом сроки 1919—1920 г.г. и обеспечением принудительности набора служили и офицерские пулеметные отряды; всякие призывы и уговаривания были категорически запрещены. В финансовом же отношении положение правительства было также вполне благоприятно, благодаря разрешению свободной торговли. В города нахлынула масса сельских продуктов, и обнаружился сильный приток вкладов в государственный банк.

Екатеринбургское правительство [7]) возникло после освобождения Екатеринбурга, по почину к.-д. члена Учредительного Собрания Л. А. Кроля, для обслуживания территории горного Урала, в виду, якобы, своеобразия местных условий. Представители Сибирского правительства были против этого новообразования, но, считаясь с поддержкой, оказанной ему чехо-словаками, вынуждены были пойти на компромисс. Все же было выговорено, что военное дело, финансы и пути сообщения остаются в ведении сибирской власти.

На востоке Европейской России действовало правительство, организованное комитетом членов Учредительного Собрания [8]). В него первоначально входили Авксентьев, Аргунов и даже Оренбургский атаман Дутов, но вскоре оно свелось к однородному с.-р. составу Черновского [толка?]. В соответствии с этим правительство

занялось дальнейшим углублением революции во всех направлениях. Созданная им армия комплектовалась путем воззваний, при чем были призваны сроки 1917—1918 г., т.-е., самые большевистские, и была организована на демократических основаниях, имела комиссаров, красное знамя с надписью «За землю и волю» и т. п. Вполне естественно, что такая армия не могла представить реальной силы, и что в борьбе с большевиками она терпела жестокие поражения, сдавалась целыми полками и была вынуждена отдать ряд важнейших пунктов, как Казань, Сызрань, Кинель и др. Мало-по-малу армия распалась, и сейчас ее вовсе не существует.

Оренбургское правительство [9]) обладает крепкою властью, возглавляемой Дутовым, и войсковой круг оказывает ей полное доверие и поддержку на Урале, единственном месте, вовсе не испытывающем большевизма, [где] можно видеть курьезный факт наличности социалистического правительства при явно-монархическом настроении казачьей массы, состоящей из крепких и твердых староверов. Обстоятельство это объясняется, повидимому, полным безлюдием в войске, не выдвинувшем ни одной сильной личности.

Из всех перечисленных правительств самым сильным являлось, разумеется, Сибирское, поэтому к нему и обратился Комитет членов Учредительного Собрания, когда задумал создание общерусской власти. Для переговоров, происходивших в Челябинске, из Сибири был отправлен ген. Михайлов, выдвинувший идею единоличной военной диктатуры при Добровольческой армии. Однако ввиду непримиримости другой стороны и, главным образом, вследствие настояния чехо-словаков, пришлось сойти с этой позиции и согласиться на созыв предварительного государственного совещания, имевшего определить структуру будущей власти. Означенное совещание состоялось в конце июля в Челябинске [10]). На него съехались не только представители выше перечисленных областных правительств, но и уполномоченные таких экзотических образований, как Башкирия, Киргизия и т. д., привлеченные Комитетом членов Учредительного Собрания для придания себе большего веса. Кроме того в совещании приняли участие делегаты всех партийных комитетов. Решено было для окончательного образования власти создать новое государственное освещание, при чем по вопросу о месте его голоса разделились поровну: правое крыло отстаивало Челябинск, левое — Самару. В результате как компромисс намечена была Уфа.

Делегатами на новое совещание Сибирское правительство вновь назначило ген. А. Н. Гришина-Алмазова и Михайлова, добавив к ним Патушинского. Последний, впрочем, отказался, в виду очевидной невозможности сговориться с товарищами по вопросу о характере будущей власти. Вызванные этим разногласия, однако, не улеглись, а только обострились, и долго сдерживавшая себя левая часть правительства повела определенный поход против военного министра, который однако решительно отказался выйти в отставку. Одновре-

менно против ген. А. Н. Гришина-Алмазова повел интригу английский консул Продстон, роль которого вообще представляется довольно загадочной. Кончилось тем, что к военному министру явился ген. Иванов и заявил, что он, Иванов, вступил на его место. Генералу А. Н. Гришину-Алмазову оставалось только признать факт и уйти со сцены [11]).

После указанного эпизода и представительство Сибирского правительства было изменено. Делегатами его на Уфимском совещании, начавшемся 7 сентября, явились Сапожников и Серебрянников. В виду этого ослабления представительства самой прочной до того власти и растерянно-пассивного отношения к делу казачьих делегатов правое крыло совещания было поставлено в невыгодные условия. Левое, напротив, весьма энергично готовилось к совещанию и, заручившись косвенной поддержкой мелких консульских чинов союзных держав, успешно провело свою точку зрения. Совещание закончилось образованием директории из 5 лиц и правительства с участием Авксентьева, Савинкова и др.[12]). Вместе с тем было принято и известное решение о созыве Учредительного Собрания прежнего состава.

Насколько можно судить, вновь образовавшаяся власть вряд ли располагает реальной силой. Характерны в этом отношении двухнедельные колебания правительства в выборе местопребывания: в Омск оно не решалось ехать из опасения ареста, а Уфа представлялась слишком неудобной в смысле размещения учреждений. Такие же затруднения наблюдались и при распределении портфелей, в виду отсутствия подходящих людей.

Что касается Сибирского правительства, то оно к этому времени распалось. Описанные плачевные результаты совещания сильно повлияли на правое его крыло и стоящие за ним круги. Офицерство и большая часть интеллигенции убедились в том, что все так называемые демократические опыты устройства власти, за которые им уже не раз приходилось расплачиваться своею кровью, ни к чему доброму не приведут и что единственная надежда на возрождение России может заключаться лишь в Добровольческой армии.

В виду необходимости для докладчика покинуть совещание, заседание было прервано в $5^1/_2$ час. дня.

По возобновлении заседания 1/18 декабря в $10^1/_2$ часов утра генерал А. Н. Гришин-Алмазов коснулся вкратце отношения союзников к событиям в Сибири. Надо заметить, что державы Согласия были представлены там очень слабо, располагая кроме генеральных консулов — французского и американского в Иркутске, лишь второстепенными консульскими агентами, притом мало осведомленными и не авторитетными. Это же мешало им временами играть видную роль, благодаря, главным образом, чехо-словакам, всецело основавшим свое поведение на союзнической ориентации. На Уфимском совещании присутствовали все союзные представители, при чем их закулисное влияние способствовало образованию директории. С освобо-

ждением Владивостока все силы, боровшиеся против большевизма, связывали надежды на помощь снаряжением и вооружением, но эти надежды оказались обманутыми. Союзники ограничились присылкой своих небольших отрядов. Что касается японцев, то высаженные ими войска, в составе 5 дивизий, растянулись от Владивостока до Читы и действовали так, как будто они находились в оккупированной местности.

Образовавшаяся в Уфе директория в стремлении укрепить свое положение всеми способами добивалась хотя бы косвенного признания со стороны союзников. Однако, повидимому, им это плохо удалось, так как действия и заявления второстепенных союзных агентов не могут иметь большого значения в этом отношении. Когда же в Сибирь прибыл чрезвычайный английский посол сэр Чарльз Эллиот, то он, соединившись прямым проводом из Омска с генералом Болдыревым, ограничился вопросом, где находится генерал Алексеев и как вступить с ним в сношение [13]).

Переходя к впечатлениям своего 38-дневного путешествия из Сибири на Кубань ген. Гришин-Алмазов, указал, что на дороге ему пришлось столкнуться с целым рядом разнообразных властей и режимов, начиная с Оренбургского и Уральского казачества, продолжая диктатурой старшины Бичерахова в Петровске и кончая Терским казачеством и кавказскими горцами. Всюду вступая в беседы с властями и населением ген. А. Н. Гришин-Алмазов задавал вопросы об отношении к директории и Добровольческой армии. Результат этой анкеты безусловно в пользу последней. Представители власти, правда, не везде склонны ее поддерживать. Так Уральское социалистическое правительство относится к ней довольно холодно. Бичерахов, действующий в согласии с англичанами против турок, считает эту борьбу своей существенной задачей, а выступать вместе с Добровольческой армией против большевиков не желает, видя в таком выступлении гражданскую войну. Наконец, в некоторых случаях сочувствие того или иного руководителя целям Добровольческой армии не выказывается откровенно по политическим соображениям. Но совершенно несомненно, что всюду есть множество элементов, которые всю свою надежду возлагают на Добровольческую армию и только ждут ее призыва, чтобы подняться и организоваться. К числу этих элементов относятся казачьи массы на Урале и на Тереке, что особенно курьезно, потому что во главе управления этими областями стоят левые элементы, явно не отвечающие настроению населения. Интересно отметить, что всюду наблюдается интерес к тому, кто будет царем в России. Самый же вопрос о том, возобновится ли у нас монархия, считается как бы предрешенным.

Все сказанное приводит ген. А. Н. Гришина-Алмазова к заключению, что уже сейчас Добровольческая армия располагает огромным числом сторонников и сочувствующих, но число это во много раз возрастет и превратится в мощную силу, когда вожди армии выступят с решительным призывом к спасению России. Что же касается элементов

ей враждебных, то нет сомнения, что они быстро успокоятся и покорятся, как только увидят проявление твердой и уверенной в себе власти.

По предложению председателя, Совещание выразило [признательность] ген. А. Н. Гришину-Алмазову за его интересное и содержательное сообщение [14]).

Заседание было закрыто в 12 час. дня.

Председатель делегации *бар. Меллер-Закомельский.*

Ген.-м. Гришин-Алмазов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Сибирское Временное Правительство было выбрано Сибирской Областной Думой 9—11 [27—1] 1918 г. Выборы были произведены нелегально, так как большинство членов Сибирской Областной Думы было накануне арестовано Томским Советом Депутатов. первым актом Временного правительства было объявление о созыве Всесибирского Учредительного Собрания (в мае 1918 г.). До чехо-словацкого выступления 25—26 (12—13) мая Правительство находилось на нелегальном положении.

[2]) Гришин-Алмазов рисует выступление чехо-словаков в Новониколаевске и Мариинской, как результат его, Гришина-Алмазова, воздействия на чехо-словаков, склонившихся к выступлению, благодаря провокации большевиков. И то и другое совершенно не соответствует действительности. План выступления был давно и подробно разработан чехо-словацким командованием и по указаниям англо-французских представителей (совещание в Челябинске 14 (I) IV) и уже по одному этому не может быть речи о «провокации большевиков». Гришин-Алмазов был в Новониколаевске в момент переворота во главе боевой организации, созданной Сибирским Правительством. Такие же организации были созданы по всем главнейшим пунктам Зап. Сибири.

[3]) Хвастливое утверждение Гришина-Алмазова, что чехо-словацкий корпус был оставлен в Сибири в результате его беседы с Гаррисом, ослепленным выправкой офицерской дружины —образчик исключительной ограниченности самого Гришина-Алмазова.

[4]) Замена командования произошла в Челябинске 15 (2) июля на совместном заседании представителей Временного Сибирского Правительства и Самарского Комитета членов Учредительного Собрания. Гришин-Алмазов, в качестве военного министра Сибирского Правительства, и полк. Галкин, в качестве управляющего военным ведомством Комуча, подписали, по настоянию чехо-словаков и французов, соглашение о своем подчинении поручику Сыровому, командиру чехо-словацких войск, который тогда же был произведен в генерал-майоры и назначен верховным главнокомандующим.

[5]) Неточность: в составе первого Временного Сибирского Правительства Гришина-Алмазова не было. Когда 30 (17) VI это правительство переконструировалось в связи с объединением его с «Западно-Сибирским Комиссариатом» Гришина-Алмазова тоже еще не было в Правительстве. Он вступил в него лишь в начале июля.

[6]) Цифра 50 тысяч человек — преувеличена.

[7]) Так называемое «Уральское Правительство» было организовано 6 — VIII (24—VII) не вопреки воле Сибирского Правительства, а по его инициативе с целью ослабить власть правительства Комуча. Уральское Правительство возглавлялось председателем Екатеринбургского биржевого комитета П. Ивановым при заместителе Л. А. Кроле.

[8]) Самарский Комитет членов Учредительного Собрания сконструировался 9 — V (26 — IV). Его первоначальный состав: Вольский, Брушвит, Климушкин, Нестеров и Фортунатов.

[9]) Войсковое Правительство Оренбургского казачьего войска объявило о своем существовании в качестве правительства особой области 12—VIII (30—IX) 1918 года.

[10]) Всего состоялось 2 предварительных совещания. Первое — 15 (2) июля в Челябинске только между представителями Комуча и Сибирского Правительства, в при-

сутствии чехо-словаков и союзников. Второе тоже в Челябинске, состоялось 23—25 (10—12) августа в гораздо более широком составе (свыше 150 делегатов: от отдельных областных и казачьих правительств, члены Учредительного Собрания, представители центральных комитетов партии, чехо-словацкого национального совета, союзных миссий и др.).

[11]) Гришин-Алмазов ушел в отставку 5—IX (23—VIII) 1918 г.

[12]) Уфимское государственное совещание избрало директорию в составе следующих лиц и их персональных заместителей: Авксентьев (заместитель Аргунов), Астров (заместитель — Виноградов), Вологодский (заместитель — Сапожников), Чайковский (заместитель — Зензинов) и ген. Болдырев (заместитель — ген. Алексеев). Савинков в состав директории избран не был.

[13]) Этому месту протокола в дневнике Маргулиеса соответствует такая запись: «вся борьба с большевиками ведется в Сибири под знаком союзнической ориентации. Представители союзников генеральные консулы в Иркутске: северо-американский Гаррис и французский Буржуа; есть еще французский консул — какой-то учитель танцев и гимнастики. Почет им со стороны чехо-словаков беспредельный; заносчивость их — такая же. Все они, — и танцор тоже, — были на государственном совещании в Уфе и заявили, что Уфимская директория будет поддержана союзниками; между тем, вся борьба за Сибирь велась до сих пор без единого солдата или единого сантима от союзников. Сношения с серьезными представителями союзников — с послами, не удавались. Ближайшие были в Пекине, но телеграммы к ним не доходили. ...Директория из сил выбивалась, чтобы добиться признания со стороны союзников. Генерал Болдырев даже говорил Гришину, что она признана, но кем и когда, сказать не мог.

Союзнических войск очень мало в Сибири; к началу октября было англичан — 2.000, итальянцев — 500, французов — 1.000 человек с генералом Жанэн во главе; у японцев — один жандармский дивизион, один кавалерийский и три пехотных полка. Японцы высадились во Владивостоке и пошли на запад, высылая вперед жандармов, учреждавших комендатуры и печатавших расплывчатые воззвания. Заявляют, что дойдут до Читы, где будут зимовать.

Теперь ждут прибытия 10.000 американцев» (Маргулиес, стр. 47).

[14]) Конец заседания в записи Маргулиеса изложен следующим образом:

«Отношение к добровольцам на востоке России таково:

1. Атаман Дутов сказал Гришину — «пусть только придет добровольческая армия, и для меня Уфа не будет существовать». 2. На Урале — для казачьих низов. Добровольческая армия — святыня. Правительство же социалистическое холодно сказало: «будем рады когда Добровольческая Армия придет». Атамана у уральцев нет. 3. Из Гурьева Гришин поехал в Петровск — сатрапию Лазаря Бичерахова (осетин, православный, действовал в Персии с партизанским отрядом, хорошо с англичанами). Командует кавказской армией в 7.000 штыков; штаб в Петровске. Флаг — наш национальный, красным вверх. Денег масса — вывез 120 миллионов из Баку; оружия и патронов мало—англичане не дают, говоря, чтобы перешел к ним на помощь в Туркестан. Бичерахов заявил, что политики не знает, в гражданской войне участия не принимает, борется только с турками; блокируется, когда надо, с большевиками. 4. В Туркестане — англичане, оккупировавшие Красноводск, Мерв, Асхабад, Мугань. Командует Стокс — руссофоб, относится к русским, как к туземцам Индии. 5. В Темир-Хан-Шуре — Закаспийско-кавказское Краевое Правительство с полковником кн. Тарховским во главе. Объявил себя диктатором Туркестана. Бессилен, ничтожен, к добровольцам благоволит. 6. На Тереке — Георгий Бичерахов (брат Лазаря, председатель Терской республики. Во главе местного рабочего и крестьянского Совета офицер Саул Букановский. Совет значительно правее правительства (в России все возможно). В Терской области в военном и гражданском деле — кошмар. Во главе вооруженных сил был генерал Мистулов — застрелился. Бичерахов заявил, что против прихода добровольцев протестовать не будет. По мнению Гришина, Терская область должна быть базою для добровольцев». (Маргулиес, т. I, стр. 48).

Продуголь.

(К вопросу о финансовом капитале в России.)

Вопрос о финансовом капитале, темпе его развития в дореволюционной России и характере отношений с основными финансово-капиталистическими странами мира стал за последние годы предметом обсуждения нашей экономической литературы. Значительность вопроса, необходимость тщательного выяснения не только общих тенденций, но и учета удельного веса элементов финасового капитала в системе народного хозяйства России привели исследователей вопроса к диаметрально-противоположным выводам. От утверждения т. Крицмана, что «происходило не создание системы русского финансового капитала, а расширение сферы эксплоатации иностранного капитала» [1]), до уверения Фин-Енотаевского, что «беспристрастный анализ должен показать всякому исследователю совершенную ошибочность взглядов, что «накануне войны франко-английский и в некоторой степени германский финансовый капитал монополизировал» и тем самым денационализировал русскую промышленность, распоряжаясь и руководя главными отраслями нашего производства [2])»,— дистанция огромного размера.

Дать правильную ориентировку в этом сугубо важном для понимания характера Октябрьской революции вопросе должно не только разбором тенденций развития всей системы российского капитализма, но и анализом форм развития отдельных отраслей крупной индустрии. Печатаемый ниже материал о крупнейшем каменноугольном синдикате в России — «Продуголь» [3]) — во многом проливает свет на основной вопрос — были ли в России налицо не только элементы роста финансового капитала, но и были ли сложившиеся формы финансово-капиталистической системы.

По распоряжению исп. об. обер-прокурора судебного департамента Сената, в начале 1914 года была составлена «Записка об организации, деятельности и значении Продуголя в связи с производившимися в департаменте делами этого общества». Записка, составленная весьма подробно, с привлечением обширной литературы о трестах и синдикатах, является любопытным документом, характеризующим бессилие царского правительства перед выросшими новыми организационными формами

---

[1]) Ронин. Иностранный капитал и русские банки. Предисловие Крицмана, стр. IV.

[2]) Фин-Енотаевский. Финансовый капитал и производительный, стр. 138.

[3]) Архив Рев. и Внешней политики. Фонд Чрезв. След. Ком. мин. юст., дело № 3947.

капиталистической индустрии, упорно дробившими старые догмы и правовые нормы. Вместе с тем в «Записке» находим значительное дополнение к печатаемым ниже прокурорским донесениям.

Как сообщает «Записка»,

Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна» (Продуголь) учреждено в 1904 г. (собр. узак. и распор. правит. 1904 г., отд. II, № 33), и некоторые изменения его устава введены в 1911 г. (собр. узак. и распор. правит. 1911 г., отд. II, № 73).—Цель и деятельность Общества определяются параграфом первым как старого, так и нового устава; согласно этому параграфу, для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна как за собственный счет, так и по поручениям учреждается акционерное общество под наименованием: «Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна».

По своему уставу Продуголь есть обыкновенная акционерная компания с основным капиталом в 1.000.000 рублей, разделенным на 4.000 именных акций (§§ 6, 14 устава), управляемая советом, правлением и общим собранием акционеров и руководствующаяся во всех случаях, не предусмотренных уставом, общими узаконениями и правилами, для акционерных компаний постановленными (§§ 23, 75 устава).

В той же «Записке» находим сведения о составе фирм, входивших в синдикат «Продуголь».

В дополнение к договору от 10 марта 1909 г. Продуголя с Государево-Байракским Обществом перечислены следующие фирмы, состоящие контрагентами Продуголя: Рутченковское Горнопромышленное Общество, Голубовское Берестово-Богодуховское Горнопромышленное Общество, Екатериновское Горнопромышленное Общество, Общество для разработки каменной соли и угля в Южной России, Общество Никитовских каменноугольных копей, Общество Южно-Русской каменноугольной промышленности, Русское Донецкое Общество каменноугольной и заводской промышленности, Российское Общество водных, шоссейных и второстепенных рельсовых путей (бывшее Маркова), Ирминское Каменноугольное Общество, Акционерное Общество Криворогских железных руд, Франко-Русское Общество Берестово-Крынских каменноугольных копей, Донецкое Каменноугольное Товарищество «Коренев и Шипилов», Русско-Бельгийское Металлургическое Общество (повидимому, вышло из синдиката), Акционерное Общество Брянских каменноугольных копей и рудников, Анонимное Общество Государево-Байракских копей, рудников и заводов, Акционерное Общество доменных печей и фабрик на Ольховой в Успенске (Донец), Акционерное Общество Сулинского завода.

Из поступившего в Правительствующий Сенат дела (№ 92, 1913 г.) Продуголя с Южно-Русским Днепровским Металлургическим Обществом и из представленной присяжным поверенным Козловым при апелляционной жалобе «ведомости» видно, что сделанный перечень следует добавить еще следующими фирмами: Южно-Русское Днепровское Металлургическое Общество, Алексеевское Горнопромышленное Общество, Бельгийская Арендная Компания Прохоровских каменноугольных копей, Селезневское Общество каменноугольной и заводской промышленности, Фенинское Каменноугольное Товарищество, «Рудник Я. Л. Малкина».

Согласно имеющимся в экономической литературе указаниям, к этому списку следует еще прибавить: Николо-Михайловское Общество стекольной и каменноугольной промышленности и Общество русских каменноугольных копей (бывш. Максимова).

Приведенный список требует расшифровки—выяснения удельного веса фирм, входивших в синдикат.

Если сопоставить, — читаем дальше, — указанный список контрагентов Продуголя с «таблицами учета всей добычи каменного угля по отдельным фирмам Донец-

кого бассейна за 1912 год» и сделать приблизительный подсчет добычи предполагаемых участников Продуголя, то окажется, что за 1912 год ими было добыто свыше 600 миллионов пудов угля, что при общей добыче года в 1028—1086 миллионов пудов, составит около 60%.

Из представленных XXXVIII Съезду горнопромышленников юга России «Сведений» о добывной способности и предполагаемой производительности каменноугольных и антрацитовых копей Донецкого бассейна на 1914 год, можно с приблизительностью вычислить, что и в 1913 году добыча контрагентов Продуголя превышала 600 миллионов пудов угля, при общей добыче свыше миллиарда пудов, а в 1914 году добыча Продуголя предполагается в 765 миллионов пудов (при общей 1493 миллионов), т.-е. во всяком случае превысит половину всей добычи угля Донецкого бассейна. При таком положении дела вряд ли можно признать роль Продуголя в каменноугольной промышленности незначительной, а, напротив того, казалось бы, следует придти к тому выводу, что Продуголь получил в Донецком бассейне преобладающее значение, а поскольку уголь Донецкого бассейна является самым распространенным в России, постольку Продуголь оказывает влияние и на все каменноугольное дело России.

Необходимо отметить вместе с тем, что, объединив предприятия, дававшие до 60% общей добычи Донецкого бассейна, Продуголь объединял почти исключительно крупные фирмы с продукцией свыше 5 миллионов пудов. Подсчет продукции фирм, вошедших в Продуголь, показал, что в синдикат входили: фирмы с продукцией до 5 милл. пуд. — 1 (4, 31 милл. п.), от 5—10 милл. пуд.—2, от 10—до 20 милл. пуд.—10 и свыше 20 милл. пуд. — 11. Эти же фирмы в значительной мере находились в связи с банками, вовлеченными в орбиту влияния французского и бельгийского капиталов. Таким образом, Продуголь представлял организацию, в состав коей входили крупнейшие каменноугольные фирмы Донецкого бассейна, либо работавшие на основании иностранных уставов и тем самым непосредственно подчиненные влиянию западно-европейского финансового капитала, либо работавшие на основании русских уставов, но связанные с русскими банками, в свою очередь связанными с западно-европейскими центрами финансового капитала.

Вопрос о том, какую организацию представлял собою Продуголь, весьма занимал довоенную печать. Клятвенными заверениями, что Продуголь далеко не синдикат, была полна пресса углепромышленников. Один из делегатов Съезда горнопромышленников, успокаивая народ помельче, вопил на XXXVIII Съезде горнопромышленников юга России (ноябрь—декабрь 1913 г.): «Я понимал бы борьбу потребителя с производством в том случае, если бы было безвыходное положение, если бы вся донецкая промышленность представляла один сплоченный синдикат. Тогда я еще понимал бы такую цель. Но когда мы видим по добыче и отправке, что никакого синдиката здесь нет, если мы вспомним цифры, что в прошлом году вывоз равнялся 1 миллиарду 39 миллионам пудов, а группа, именующая себя «Продуглем», отправила 30—40%, то это не значит, что Донецкий бассейн представляет из себя синдикат. Донецкий бассейн представляет из себя конкурирующих между собою промышленников» [1]).

Успокаивая публику заверением, что еще не вымерла порода капиталистических предпринимателей, конкурентной борьбой тягающихся на рынке за свое бытие, И. П. Яковенко вынужден был привести заведомо неверные цифры (вместо 60%—

[1]) Из речи И. П. Яковенко. Труды XXXVIII Съезда горнопромышленников Юга России. Стенограф. отчет, т. III, стр. 52.

30—40%). Но, как сообщает харьковский прокурор, «из осмотренных протоколов заседаний, общих собраний акционеров Общества, а также заседаний совета Общества, явствует, что сами участники общества Продуголь, в лице акционеров-представителей контрагентов и членов совета, в своих совещаниях и взаимных сношениях не только именуют это общество синдикатом, но и ставят ему при обсуждении плана своих действий именно цели синдиката: объединить возможно большее количество каменноугольных предприятий, сосредоточить в распоряжении общества возможно больший % вывоза, добиться для Продуголя положения «сильного синдиката», установить высокие цены, всячески устраняя перепроизводство и свободные запасы угля, способствующие понижению цен».

Эту, безусловно верную, характеристику Продуголя дополняют страницы уже цитированной «Записки».

В 1911 году два каменноугольных предприятия: Южно-Русское Днепровское Металлургическое Общество и Общество Государево-Байракских копей, препоручивших продажу своего угля Продуголю, предъявили к нему в СПБ. коммерческом суде иски о признании недействительности договоров, заключенных ими с Продуголем 9 мая и 10 марта 1909 года. — Южно-Русское Общество основывало свое исковое требование на нарушении неизбранием представителя Общества в правление Продуголь параграфа 42 договора, а Государево-Байракское Общество на непредоставлении ему Продуглем поставок на 6 миллионов пудов кокса. Кроме того, оба истца просили суд признать их договоры с Продуглем недействительными как противоречащие уставу «Продуголь» и направленные на создание воспрещенной законом стачки торговцев и промышленников.

На рассмотрение суда были представлены договоры, именуемые Продуглем «комиссионными», в коих Общество, т.-е. Продуголь брало на себя комиссионную продажу угля и кокса своих «контрагентов». Из договоров Продугля с контрагентами выясняется истинная организация и роль Продуголя, совершенно несвойственная обыкновенной торговой акционерной компании, коей является Продуголь по своему уставу.

Договоры Продугля с Южно-Русским Днепровским Металлургическим Обществом и с Обществом Государево-Байракских копей, хотя и отличаются несколько друг от друга, но в основных своих положениях представляются аналогичными [1]).

Обращаясь к рассмотрению договора Продугля с Южно-Русским Днепровским Обществом от 9 мая 1909 г., оказывается, что, хотя в пунктах 1, 10, 11 отношения сторон именуются комиссионными, в пунктах 1, 4, 5 Продуголь принимает на себя заключение торговых сделок за счет контрагента-препоручителя, в п. 34 устанавливается в пользу Продуголя комиссионное вознаграждение «за труды по продаже каменного угля», однако нельзя не отметить, что, кроме присущих сделке комиссии условий, в договоре Продугля с контрагентами имеется целый ряд других пунктов, устанавливающих существенные для договора соглашения, отнюдь не свойственные комиссии, как таковой. Согласно п. 1 контрагент передает Продуглю исключительное право на продажу всего количества и всех сортов каменного угля и кокса, добываемого из всех рудников, которые эксплоатируются контрагентом.

Согласно п. 11 контрагент прекращает непосредственную продажу помимо Продугля каменного угля и кокса и прием на таковые заказов, направляя все полученные им запросы и заказы Продуглю. На основании п. 5 Продуголь «по своему усмотрению» назначает продажные цены и условия платежа, имея право (п. 28) изменять основные цены на уголь и кокс, при условии одновременного изменения в том же

---

[1]) На полях надпись карандашем в скобках: «точно так же, как и договоры по д. Жилловск. каменноугольных копей, Прохоровского и Екатериновского горнопромышленного О-ва». *Ред.*

размере основных цен всех остальных контрагентов Общества... По п. 7 покупка Южно-Русским Обществом угля или кокса даже для собственных потребностей может иметь место не иначе, как с разрешения Продугля. Согласно пп. 14, 15, 16, устанавливаются доли контрагента (квантум), коими и определяется заранее, сколько именно угля и кокса может продать Южно-Русское Общество в каждом году при посредстве Общества торговли топливом Донецкого бассейна, по п. 9 контрагент обязан передать Обществу все принадлежащие ему склады угля и кокса, находящиеся вне его копей. Согласно п. 37, «Общество имеет право каждый раз, когда признает это нужным, производить фактическую проверку всех записей по книгам контрагента. В силу указанных условий договора, контрагент Продугля, лишившись естественного права каждого хозяина самому назначать цену на свой товар и определять количество продажи товара, не имея права без разрешения Продугля покупать уголь даже для собственных потребностей, подчиняется постоянному контролю Продугля и перестает быть самостоятельным хозяином в собственном предприятии; каковые последствия — хозяйственное подчинение «препоручителя» «комиссионеру»— отнюдь не являясь целью договора комиссии, противоречат природе сего договора и превращают сделку сторон в иную форму договорного соглашения. Обращаясь к дальнейшему рассмотрению сего соглашения и преследуемых им целей, видно, что в многочисленных пунктах договора от 9 мая 1909 г. (пп. 6, 7, 8, 13, 14, 17 прим., 23, 25, 26, 28, 30, 36, 37, 43), а также в приложенной к договору таблице основных цен имеются весьма определенные указания на то, что в зависимости от Общества торговли минеральным топливом Донецкого бассейна находятся и другие каменноугольные предприятия — «контрагенты Общества», при чем все они передают Обществу исключительное право продажи угля и назначения цен на него. Пункты: 17, 18, 14, 23, 28, 36, 42 устанавливают некоторую совместную деятельность контрагентов, как участников объединенного предприятия; п. 17 предоставляет большинству контрагентов решение вопроса о принятии в Продуголь новых контрагентов, пп. 26, 36 устанавливают известное участие в общих прибылях (фонд переходных сумм) и общую собственность всех контрагентов (остаток фонда делькредере), п. 34 предусматривает некоторое участие контрагентов в покрытии убытков Продугля, п. 23 предоставляет одному из контрагентов выполнять заказы другого контрагента, если последний их не может выполнить в срок. Если принять к сему во внимание, что, как видно из имеющегося в деле Правительствующего Сената письма Продугля от 15 апреля 1910 г. и из пункта «а» ответа Продуголя на восьмой вопрос анкеты, произведенной министерством торговли и промышленности, все акции Продугля принадлежат только контрагентам Продугля и распределяются между ними соответственно долевому участию контрагента в торговле углем и коксом, — то становится несомненным, что Продуголь путем заключения с каждым контрагентом договора, именуемого «комиссионным», совокупностью сих договоров образует объединение хозяйственных предприятий, на организацию коего Продуголь отнюдь не управомочен своим уставом. Указанное объединение хозяйственных предприятий с юридической точки зрения является особого рода соглашением торговцев и промышленников, а со стороны экономической представляет собою союз предпринимателей».

Охарактеризовав таким образом Продуголь как «союз предпринимателей», «Записка» останавливается на его деятельности и целях его организации.

Договоры Продугля со своими контрагентами вряд ли могут оставить сомнение в том, что Продуголь стремился сосредоточением в своих руках исключительного права продажи угля (п. 1) монополизировать донецкий рынок, устранив конкуренцию. Абзац третий пункта 2 договора Продугля с Государево-Байракским Обществом даже прямо на это указывает; согласно сему абзацу, Продуголь по постановлению своего совета имеет право взять в исключительное свое распоряжение продажу брикетов», «если производство брикетов достигнет количества, могущего вызвать конкуренцию на рынке»...

Мало того, из имеющихся в экономической литературе указаний усматривается, что Продуголь не ограничивается монополизированием Донецкого района, а стремится захватить и иные, напр., Московский район. Об этом свидетельствует договор, заключенный Продуглем в 1909 г. с одной крупнейшей фирмой NN, охватывающей $^2/_3$ всего сбыта угля в Московском районе.

Защитники деятельности Продугля [1]) утверждают, что Продуголь и не мог возвышать цен на каменный уголь и никогда не содействовал их повышению.

Фертнер даже уверял, что благодаря Продуглю потребитель... «получает уверенность, что ему не придется платить бешеных цен», что Продуголь вызовет «устойчивость цен с постоянной тенденцией к понижению», что «в дни государственной нужды будут налицо готовые производительные аппараты, кои всякую потребность страны в топливе будут в силах удовлетворить с избытком». Все эти утверждения, однако, не соответствуют истинному положению вещей. Продуголь, захватив в свои руки около 60% добычи угля всего Донецкого бассейна, имея по договорам со своими контрагентами исключительное право продажи, назначения цен и их изменения, не мог, конечно, своим «регулированием» цены не оказать влияния на каменноугольный рынок. Влияние это, повидимому, выразилось так же, как влияние рейнско-вестфальского угольного синдиката, Продаметы и других синдикатов, т.-е. повышение цен на уголь.

Из «Свода товарных цен на главных русских и иностранных рынках» (изд. министерства торговли и промышленности 1904, 1906, 1913 гг.) видно, что цены на уголь рядовой в 1903, 1904, 1905, 1906 гг. были: 6, 6 (коп. за пуд) 7,0; 7,3; 7,8; и на мытый сортированный уголь в те же годы—7,0; 7,1; 7,9; 9,4. В 1906 г. (основанное в 1904 г.) Общество Продуголь начинает, по словам поверенного Продуголь, свое активное действие, и с этого времени мы имеем в 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 гг. цены на уголь рядовой (паровичный—Юзовск. район)—9,8; 9,1; 8,4; 8,5; 9,3; 9,5, и на уголь мытый (грохоченный паровичный Мушкет. Макеев. район)—10,3; 10,4; 9,6; 9,3; 9,5; 10,9. В бюллетенях же Харьковой каменноугольной биржи за 1912 и 1913 г. значатся следующие, между прочим, цены: 1912 г. уголь рядовой паровичный—7—$10^1/_2$, специальный—12, грохоченный, сортировочный паровичный—$8^3/_4$—12, мытый орешек—$13^1/_2$; 1913 г. — уголь рядовой паровичный 8—14, специальный—17, грохоченный сортированный паровичный—10—$14^1/_2$, орешек—20. Другими словами, в 1906 году, с началом действий Продугля цены сразу поднялись, и засим расширению деятельности Продугля сопутствовало увеличение цен на уголь. Представители Продугля, правда, говорят, что цены на уголь были подняты не Продуглем, а обусловливались экономической конъюнктурой, однако они забывают объяснить, в какой мере сама эта конъюнктура была вызвана деятельностью Продугля и ограничением им предложения угля. Насколько Продуголь был прикосновенен к поднятию цен, можно проследить по «Обзору цен и рынков каменноугольной и железной промышленности» (изд. Бюро Съезда горнопромышленников Юга России № 300) за 1906 г., т.-е. за год, который признается Продуглем началом активного его выступления на Донецком каменноугольном рынке. При обозрении цен за январь на стр. 6 мы читаем: «Цены на уголь высокие... Возможно дальнейшее повышение. Причиной этому является... организуемое ныне «Общество для продажи минерального топлива», сосредоточившее в своих руках около 50% производства Донецкого бассейна..., и крайний недостаток рабочих рук»...

В обозрении августа (стр. 8) напечатано: «каменноугольный рынок оживленный. Запасов угля на копях мало. Свободные от соглашения углепромышленники выражают тенденцию к понижению цен».

В перечисленном выше списке цен на уголь показана стоимость угля на рудниках и франко станция отправления, в действительности же донецкий уголь обходился потребителям гораздо дороже. По данным издаваемой Бюро Горнопромышленников статистики («Количество и стоимость топлива», 1914, № 521), железным дорогам уголь

[1]) О. Верт. Дополнительное к апелляционной жалобе прошение. Фертнер. Нужен ли Донецкой угольной промышленности синдикат? стр. 43, 47 и сл.

обходился в 1907 году 8,3, 15,5, 18,8 коп. пуд, в 1908 г.—9,3, 16,0, 21,0, а в 1912 году—9,9, 14,6, 23,8 коп. Промышленные предприятия платили за уголь еще дороже: так, напр., в 1908 г. в Смоленской губернии—20 коп., в Московской губ.—22,3, в Тверской—26,8 коп. Столь высокие цены на уголь отражаются очень невыгодно на потребителях. По приблизительному подсчету, Московская городская станция, снабжающая электричеством трамваи, в 1912 г. переплатила на топливе, несмотря на своевременные массовые закупки, 400.000 руб. Одна из крупнейших текстильных мануфактур Московского района переплатила на топливе до 195.000 руб., что составляет 30% выплаченного в прошлые годы дивиденда.

От высоких цен на уголь, на этот «хлеб» для промышленности, страдают как конечные потребители, так и вся обрабатывающая промышленность, принужденная иметь сырье за дорогие цены, а в особенности металлургическая промышленность, требующая массу твердого минерального топлива...

Апологеты Продугля утверждают, что Продуголь все же непричастен к переживаемому Россией угольному кризису [1]), что Продуголь никогда не уменьшал предложения и добычи угля, а, напротив того, в настоящее время увеличивает добычу угля своих контрагентов. То обстоятельство, что теперь, при громадном спросе на топливо, Продуголь стремится увеличить свою добычу и использовать высокие цены — представляется весьма вероятным, но столь же вероятно, что в свое время он искусственно сокращал добычу угля и сам способствовал созданию теперешней печальной конъюнктуры. Подтверждением правильности этого взгляда могут служить договоры Продугля со своими контрагентами.

Параграф 14 договора Продугля с Государево-Байракским Обществом (один из «красных» договоров [2]), аналогичный по содержанию § 14 договора с Южно-Русским Днепровским Обществом, ограничивает то количество угля, которое имеет право вывезти в данном году контрагент Продугля.

Это ограничение выражается «квантумом», т.-е. процентным участием, на которое контрагент имеет право в общем количестве топлива, вывозимого всеми контрагентами в совокупности. Продуголь заранее ежегодно определяет «совокупный условный тоннаж», т.-е. предполагаемый вывоз всех контрагентов, и условный тоннаж каждого контрагента. Отношение условного тоннажа к совокупному условному тоннажу — есть квантум контрагента. Увеличение добычи угля контрагентами несомненно затруднялось условным тоннажем.

Согласно же параграфу 15, условный тоннаж отдельного контрагента мог быть увеличен Продуглем лишь тогда, когда выставленное Продуглем на рынок количество топлива превысило бы совокупный условный тоннаж. Относительно же повышения условного тоннажа кокса § 17 устанавливал еще бо́льшие затруднения: даже превышение вывоза над общим условным тоннажем до 5% не влечет увеличения условного тоннажа отдельного контрагента. Если принять во внимание постоянный контроль Продугля над своими контрагентами и крупные штрафы (10 коп. с пуда) за несоблюдение условий контрагентских договоров, то станет более чем понятным, какое влияние оказывал «Продуголь» на предложение топлива Донецкого бассейна. Это становится еще более достоверным по прочтении представленной в Правительствующий Сенат прис. пов. Ледницким копии протокола заседания совета Продугля от 31 августа 1913 г. В этом заседании председатель совета Н. С. Авдаков прямо заявил: «Оставление красного договора в настоящей неподвижной редакции приведет к усилению конкуренции копей, не входящих в Продуголь и свободно уве-

---

[1]) Недостаток топлива достигает таких размеров, что управление железных дорог вынуждено было в 1912 и 1913 гг. прибегать к отчуждению угля частных лиц для надобностей жел. дорог. (Доклад Совета XXXVIII Съезду горнопромышленников Юга России.)

[2]) «Красным» называется этот договор, равно как и некоторые с ним тождественные, по цвету обложки.

личивающих у себя добычу каменного угля, тогда как контрагенты стеснены в увеличении добычи» [1]).

Насколько Продуголь содействовал не увеличению, а именно ограничению добычи и предложения угля, свидетельствует ответ его, данный на вопросные пункты анкеты министерства торговли и промышленности. В пункте «е» этого ответа Продуголь признает, что в контрагентские договоры включалось условие об установлении премий за отказ от производства: «За отказ от выпуска договорных продуктов на внутренний рынок контрагенту может быть назначено Обществом особое по взаимному соглашению вознаграждение».

Такая же роль Продугля в ограничении добычи угля явствует из имеющегося в деле СПБ. коммерческого суда (№ 365 I отд.) договора Продугля с Жилловским Обществом каменноугольных копей и рудников от 9 октября 1909 г.

В виду всех изложенных данных представлялось бы правильным высказать взгляд, что Продуголь деятельностью своею повлек возвышение цен на уголь и ограничением добычи угля содействовал созданию той конъюнктуры угольного рынка, которая несомненно является вредной для всего русского народного хозяйства и крайне нежелательной с точки зрения государственных интересов России.

Переходя к рассмотрению деятельности синдиката Продуголь и к влиянию ее на экономическую жизнь России, надо отметить, что, за отсутствием достаточно полных официальных данных для освещения означенной деятельности, последующее изложение основывается частью на «Своде товарных цен», изд. мин. торг. и пром., отчасти же на представленных по судебным делам Продугля документах, на статистических сведениях Бюро Совета Съезда горнопромышленников Юга России, а также на имеющейся экономической литературе.

Защитники Продугля говорят, что добываемые им в год 477—605 миллионов пудов угля, при всем количестве выпускаемого на русский рынок минерального (жидкого и твердого), а также древесного топлива до 2000 миллионов пудов, являются величиной настолько незначительной, что о каком бы то ни было захвате Продуглем рынка говорить не приходится.

Однако апологеты Продугля упускают из виду, что в употребляемом для промышленности топливе каменный уголь занимает первенствующее место, в добыче же русского каменного угля главную роль играет Донецкий бассейн, в Донецком бассейне — Продуголь.

Из прилагаемой таблицы видно, что промышленное потребление каменного угля с каждым годом возрастает и увеличивается гораздо быстрее потребления дров и нефти:

ЦИФРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПЛИВА.

В переводе на каменный уголь в миллионах пудов.

ГОДЫ.	Древесное топливо.	Каменный уголь.	Нефть.	Торф.
1892	469,7	483,8	168,2	42,6
1900	482,5	756,3	382,8	81,2
1908	495,6	1128,6	311,2	63,6

В отдельных районах России преобладание каменного угля еще больше. (Только в Московском центральном районе потребляется больше дров.)

[1]) О том же свидетельствует напечатанный 5 марта 1914 г. в «Русском Слове» циркуляр правления Продугля. Из этого циркуляра видно, что совокупный условный тоннаж никогда еще не покрывался совокупным вывозом Продугля и что посему условный тоннаж ни разу еще не увеличивался.

1908 г. Потребление промышленного топлива в миллионах пудов.

Районы.	Каменный уголь.	Дрова.	Нефть-мазут.
Южный район	326,8	3,6	2,2
Московский центральный	37,8	115,9	61,8
Польский район	194,0	11,2	0,2
Прибалтийский район	121,1	36,8	4,9

Насколько первенствующее место во всей добыче угля Европейской и Азиатской России занимает Донецкий бассейн, видно из следующей таблицы:

Добыча твердого минерального топлива России в 1912 году.

Р. айоны.	Добыто миллионов пудов.	%% относительно всей добычи.
Донецкий бассейн	1.304,56	68,51
Домбровский	394,53	20,72
Урал	57,50	3,02
Замосковная горная область	13,80	0,72
Кавказ	4,27	0,22
Итого по Европ. России	1.774,66	93,19
Восточная Сибирь	80,59	4,23
Западная Сибирь	43,21	2,27
Туркестан	5,99	0,31
Итого по Азиатской России	129,79	6,81
Всего в России	1.904,45	100

Донецкое минеральное топливо составляет, таким образом, больше 68% всего минерального топлива, добываемого в Европейской и в Азиатской России. Для отдельных же промышленных районов, напр. Южный район (Статистика Бюро Съезда горнопромышленников, № 421, стр. 18), донецкий уголь является монопольно господствующим, а в потреблении железных дорог — преобладающим.

В 1900, 1911 и 1912 гг. железными дорогами было потреблено.

	1900 г.	1911 г.	1912 г.
	Миллионов пудов.		
Донецкого угля	100,2	244,5	290,1
Домбровского	41,0	64,1	60,5
Подмосковного	7,2	3,4	5,4
Английского	28,2	2,5	3,2
Немецкого	4,9	—	0,1

Поверенный Продугля Верт заявляет, что контрагентные Продуглю фирмы никогда не дают рынку более 54,76% всего добываемого в год топлива Донецкого бассейна и что поэтому Продуголь не захватил даже одного Донецкого каменноугольного рынка.

Другой поверенный Продугля — Козлов (в своей апелляционной жалобе по делу с Южно-Русским Обществом) определял добычу Продугля в 60% всей добычи каменного угля Донецкого бассейна. Возможно, что эта последняя цифра более или менее близка к истине.

Захватив в свои руки до 60% каменноугольной продукции Донбасса, Продуголь сумел использовать создавшуюся монополию, ведя «разумную» с точки зрения членов синдиката политику цен. Управляющие делами синдиката писали в своем докладе к заседанию совета Продугля 30 ноября 1907 года: «Политика, которая является теперь целесообразной, есть политика борьбы путем временного понижения цен для преграждения пути развивающимся свободным фирмам до тех пор, пока присоединение к Продуглю новых участников не позволит нам возвратиться к политике высоких цен». Эта политика достигла цели, и управляющие констатируют, что «мы достигли или почти достигли цен, к которым стремились».

Но монопольное положение в одной из основных отраслей промышленности не могло не отразиться на состоянии других отраслей. «Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» [1]). Вопль, шедший со всех сторон в годы промышленного подъема, о недостатке топлива, о непомерных ценах на него, нехватка каменного угля даже для железных дорог, приведшая к бессистемным попыткам реквизиции угля железными дорогами, вынудили царское правительство заняться вопросом о влиянии на усиление промышленного хаоса Продугля. Старое законодательство мало благоприятствовало легальному существованию синдиката, ибо «в России новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать; особенно густой сетью отношений до-капиталистических» [2]).

Благоприятным поводом для вмешательства дали раздоры внутри Продугля, приведшие к выходу двух крупных членов из синдиката.

В 1911 году два участника угольного синдиката Продуголь: Южно-Русское Днепровское Металлургическое Общество и Общество Государево-Байракских копей

[1]) Ленин.—Собр. соч., т.XIII, стр. 256.

[2]) Там же, стр. 299.

предъявили в СПБ. коммерческом суде к Обществу для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна (Продуголь) иски о признании их свободными от исполнения синдикатского договора.

Рассмотрев 19 января 1913 г. означенные дела, СПБ. коммерческий суд нашел, что Продуголь сам нарушил § 42 договора с Южно-Русским Днепровским Обществом, не избрав представителя этого Общества в члены правления Продугля, но независимо от сего коммерческий суд признал обоих истцов свободными от исполнения их договоров с Продуглем, ибо в этих договорах СПБ. коммерческий суд нашел «все признаки воспрещенной 1180 ст. улож. о наказ. сделки». Коммерческий суд усмотрел, что под фирмою комиссионных договоров между Продуглем и контрагентами было заключено соглашение о преступном товариществе, «единственная цель которого заключается в том, чтобы путем совместного регулирования цен на добываемое минеральное топливо, а также и регулирования и самого производства этого продукта устранить всякую конкуренцию и, сделавшись таким образом хозяином рынка, устанавливать по своему произволу цену на этот продукт».

По апелляционным жалобам Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна (Продуголь) дела его с Обществами—Южно-Русским и Государево-Байракским перешли на рассмотрение Правительствующего Сената. Но 24 февраля 1914 г., в день, назначенный для слушания означенных дел, обе стороны подали через своих поверенных прошения о прекращении дел производством навсегда, при чем истцы отказались от своих исковых требований, а апеллятор ходатайствовал об оставлении апелляционной жалобы без рассмотрения.

Приняв во внимание, что в виду указанных прошений сторон и согласно ст. 4 уст. гражд. суд. к дальнейшем упроизводству дел оснований не имеется и дела Продугля с Обществом Южно-Русским и Государево-Байракским должны быть прекращены, Правительствующий Сенат нашел, однако, что С.-Петербургский коммерческий суд, усмотрев в договорных соглашениях сторон признаки преступного деяния, ст. 1180 улож. о наказ. предусмотренного, должен был постановить о передаче о сем прокурорскому надзору, чего, однако, им сделано не было, и что такое постановление не может быть поставлено в зависимость от воли частных лиц и их взаимных соглашений. В виду сего Правительствующий Сенат, признав, что сущность определения С.-Петербургского коммерческого суда о наличности в договоре сторон преступного деяния должна быть, независимо от прекращения дела, сообщена надлежащей власти, от которой и будет зависеть разрешение в том или ином смысле вопроса о возбуждении уголовного преследования, — резолюциями от 24 февраля 1914 года о п р е д е л и л: прекратить производством дела Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна с Обществами Южно-Русским и Государево-Байракским, предоставить обер-прокурору судебного департамента представить на благоусмотрение господина министра юстиции об усмотренных С.-Петербургским коммерческим судом в договорах сторон признаках преступного деяния, ст. 1180 улож. о наказ. предусмотренного.

Делом ретиво занялся прокурор Харьковской судебной палаты, быстро перешедший в наступление. Уже 11 апреля 1914 года он доносит министру юстиции, что, «имея в виду, что документы, наиболее компрометирующие общество Продуголь, могут быть легко и бесследно скрыты и уничтожены», следователь счел необходимым 1 апреля в харьковском отделении общества Продуголь и 3—4 апреля в правлении того же общества в Петербурге «сделать выемку всех документов, касающихся истории возникновения этого общества, его организации, задач и достигнутых результатов» и целый ряд других важных документов. Результаты осмотра этих документов не замедлили убедить прокурора в том, что Продуголь никогда не был самостоятельным коммерческим комиссионным предприятием, а являлся распорядительным органом для ряда крупнейших угольных предприятий Донецкого бассейна, вступив-

ших «путем заключения тождественных договоров с Продуглем в соглашение между собой с целью установления возможно более высоких цен на уголь путем ограничения добычи этого предмета первой необходимости и устранения конкуренции». Все это, как и дальнейший просмотр документов, привело охранителя самодержавных основ к заключению, что дело пахнет «уложением о наказаниях».

Но тут вмешиваются силы повыше: управляющий министерством юстиции Веревкин шифрованной телеграммой требует к себе товарища прокурора судебной палаты Ющенко, рекомендуя ему «воздержаться от каких-либо действий по делу Продугля до получения (его) инструкций». По приезде в Петербург Ющенко получает инструкцию — «производить экспертизу и допрос несущественных свидетелей в России», ибо увлекшийся прокурор видел уже себя допрашивающим не только российских тузов, но и «находящихся вне досягаемости» 20 французов-капиталистов.

Застопорившееся следствие вскоре было направлено по «соответствующему» руслу официальным обращением французского посла Палеолога в министерство иностранных дел «с представительством в пользу общества Продуголь». Министерство иностранных дел в свою очередь поспешило обратиться в министерство юстиции «с покорнейшею просьбою... не представлялось ли бы возможным пойти навстречу пожеланиям г. Палеолога». Финал дела виден из письма Щегловитова, министра юстиции, к Горемыкину, председателю совета министров, с извещением, что «определением харьковского окружного суда... дело прекращено... за недостаточностью собранных улик». Так на деле одного из крупнейших русских синдикатов подтвердилось утверждение т. Ленина, что «финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе, и в действительности подчиняет, даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью» [1]).

Причину официозного представительства французского посла отчетливо вскрывает прокурорский рапорт от 10 мая, весь посвященный доказательству полного подчинения Продугля «особой заграничной организации названных предприятий — парижскому комитету». В этой любопытной сводке документов характерно все: и тщательное скрытие связей с Парижем, и степень подчинения, приводящая к беспрекословному принятию к сведению таких весьма существенных решений, как вопрос о продаже угля казенным железным дорогам, назначения основных цен и квантумов, реорганизации комитета Продугля, и т. д. и т. д. Все это говорит не о платонических отношениях, а о зависимости, подчиненном положении российского комитета Продугля по отношению к парижской бирже, финансовому капиталу. Такое подчинение основным директивам, шедшим из Парижа, не могло не вызвать внутри Продугля попытки протеста. И протоколы сохранили язвительно-бессильное заявление директора Ирминского каменноугольного общества Рабиновича, особенно сетовавшего на то, что «большинство членов собрания получило, как это всегда бывает, директивы от парижского комитета, который с начала действий Продугля взял в свои руки всю инициативу и руководство делами этого Общества, не считаясь вовсе с мнением членов совета».

Так выступает форма организации крупнейшей отрасли тяжелой индустрии — каменноугольной — в эпоху развития финансового капитала. Являясь организацией

[1]) Ленин.— Собр. соч., т. XIII, стр. 300.

наиболее крупных производителей угля, концентрацией подведенных вплотную к монополии, Продуголь сумел, сконцентрировав в своих руках сбыт каменного угля, использовать свое господствующее положение, диктуя цены. Это же привело и к влиянию на производственную структуру предприятий, задержке в развитии их производительных возможностей, задержке в технической реорганизации, всему тому, что характеризует «загнивание» данной отрасли промышленности. Вместе с тем этот монополистический на русском рынке синдикат оказался, в силу развития финансового капитала, частью парижского синдиката, включаясь этим в мировую систему финансового капитала.

В заключение следует отметить еще одну черту деятельности Продугля, к сожалению, пока мало освещенную. § 24 договоров Продугля признавал среди уважительных причин, препятствовавших контрагенту выполнить договор, — стачки. Этим самым перед рабочими бастующего предприятия выростал не только предприниматель, у коего шла борьба, но и вся организация каменноугольных промышленников. Буржуазия из революции 1905 года вынесла урок: необходимость взаимострахования для усиления сопротивления рабочему классу. Эта весьма существенная черта синдиката Продуголь дополняет картину и вскрывает место синдикатских объединений в классовой борьбе в капиталистическом мире.

А. Гайстер.

I. Рапорт прокурора харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 11 апреля 1914 г. № 3067.

В дополнение к рапорту от 27 марта сего года за № 2658 имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующие сведения о положении и ходе расследования о деятельности общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна, известного под наименованием Продуголь.

Задача предварительного следствия, производимого по признакам преступления, предусмотренного ст. 1180 ул. о нак., по самому существу этого дела сводится главным образом к собранию и исследованию документальных данных, характеризующих природу и цели этого общества, а также результаты его деятельности.

Имея в виду, что документы, наиболее компрометирующие общество Продуголь, могут быть легко и бесследно скрыты и уничтожены, без нарушения в чем-либо правил о торговых книгах и, вообще, о торговом делопроизводстве, исправляющий должность судебного следователя по особо важным делам при харьковском окружном суде коллежский советник Гирчич, немедленно по ознакомлении с существом данного дела, произвел, под наблюдением товарища прокурора харьковской судебной палаты статского советника Ющенко, обыски: 1 апреля — в Харьковском отделении общества Продуголь и 3—4 апреля — в правлении того же Общества, в Петербурге, при чем, по намеченному заранее плану, сделана выемка всех документов, касающихся истории возникновения этого Общества, его организации, задач и достигнутых результатов: отобраны списки учредителей

и акционеров общества, членов совета, правления, ревизионных комиссий и непредусмотренных уставом комиссий по установлению цен, отчеты, балансы оборотов, сметы и планы действий, конфиденциальный доклад на французском языке заграничным участникам Общества о положении дел Продугля, журналы общих собраний акционеров, заседаний совета, правления и комиссий, инструкции, циркуляры, договоры, переписки с контрагентами и другие документы, имеющие существенное значение для дела.

Эти первоначальные следственные действия по результатам оказались, повидимому, целесообразными, так как даже при беглом обозрении отобранных документов, составляется убеждение в том, что акционерное Общество Продуголь, при основном капитале в 1.000.000 рублей ежегодно терпевшее убытки от 300.000 до 750.000 рублей и тем не менее продолжавшее существовать, — вопреки утверждениям его представителей, никогда не было самостоятельным коммерческим комиссионным предприятием, а являлось распорядительным органом для ряда крупнейших угольных предприятий Донецкого бассейна, вступивших, путем заключения тождественных договоров с Продуглем, в соглашение между собою с целью установления возможно более высоких цен на уголь путем ограничения добычи этого предмета первой необходимости и устранения конкуренции.

Однако отобранными документами далеко не исчерпывается весь материал, необходимый для полного и всестороннего расследования деятельности Продугля: после систематизации и осмотра этих документов предстоит собрание документальных данных, находящихся частью у контрагентов Продугля, частью у некоторых углепромышленников, не участвующих в синдикате, и затем освещение их путем допроса свидетелей, а для выяснения результатов деятельности Продугля, в смысле повышения цен на уголь, потребуется собрание статистических сведений о ценах на уголь и вообще о положении угольного рынка за время существования Продугля.

К изложенному вменяю себе в обязанность доложить, что предварительное следствие по данному делу производится непрерывно, при постоянном наблюдении с моей стороны.

Прокурор харьковской судебной палаты *А. Крылов.*

2. Рапорт прокурора харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 26 апреля 1914 г. № 3470.

В дополнение к рапорту от 11 апреля сего года за № 3067 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время производятся беспрерывно разборка и осмотр документов и переписок, отобранных и. д. судебного следователя по особо важным делам при харьковском окружном суде Гирчичем в правлении Общества Продуголь и в харьковском его отделении, при чем уже рассмотрены жур-

налы общих собраний акционеров названного Общества за все время существования его, протоколы заседаний совета Общества и правления, договоры с контрагентами и дела общества, возникшие в С.-Петербургском коммерческом суде. Одновременно с этим переводятся через сведущее лицо некоторые документы на французском языке.

Осмотром приобщенных к делу документов выяснено следующее:

По уставу, высочайше утвержденному 11 мая 1904 года, акционерное Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна, известное более под названием Продуголь, имеет своей целью торговлю минеральным топливом Донецкого бассейна как за собственный счет, так и по поручениям (§ 1 устава).

Согласно договорам, заключенным Продуглем с входящими в состав его (в качестве акционеров) крупнейшими каменноугольными предприятиями, эти предприятия-контрагенты:

а) лишают себя права совершать помимо Общества Продуголь какие бы то ни было продажи добываемого или производимого ими минерального топлива (п. 1 договора);

б) передают обществу все принадлежащие им права и полномочия по отношению к своим клиентам (п. 1);

в) передают Обществу принадлежащие им склады топлива (п. 9);

г) для отправок каждого контрагента ежегодно устанавливается так называемый квантум, т.-е. процентное участие в общем количестве топлива, вывезенного всеми контрагентами в совокупности (п 14);

д) заказы распределяются обществом между контрагентами соответственно их квантумам (п. 22);

е) все поставки, произведенные контрагентами, оплачиваются Обществом по установленным условным ценам, именуемым основными, а излишки или недоборы, происходящие от разницы между основными и продажными ценами, записываются в счет так называемых «переходных сумм» всех контрагентов, которые распределяются между последними два раза в год, пропорционально поставленному общему количеству угля (п. 25 и 29);

ж) все контрагенты сообща образуют фонд взаимной гарантии (делькредере) путем специальных взносов, устанавливаемых советом Общества; этот фонд, составляющий общую собственность всех контрагентов, возвращается им по истечении срока их договоров, пропорционально внесенным ими суммам, но на участие в распределении этого фонда контрагент теряет право, если он, по какой бы то ни было причине, договором не предусмотренной, прекращает договорные отношения с Обществом до 31 декабря 1918 года (срок всех договоров) (п. 35), и

з) все споры между Обществом и контрагентами, возникшие из договора и не прекращенные миролюбиво, разрешаются третейским судом, под страхом для контрагентов неустойки в 5000 р. (п. 40).

Таким образом, путем заключения однородных договоров с рядом каменноугольных фирм, Общество Продуголь из самостоятельного

комиссионного и торгового общества, каким оно представляется по уставу, превратилось в организацию указанных фирм, обязавшихся действовать, в течение общего для всех срока, по продаже минерального топлива, сообща, единообразно и солидарно, по распоряжениям, исходящим от объединяющего их Общества Продуголь.

Каменноугольные фирмы, предъявившие в 1911 году иски о расторжении договоров их с Обществом Продуголь, в лице своих поверенных признали, что Общество Продуголь, в котором они до того состояли и в котором остались и ныне за примирением, является синдикатом, преследует противозаконную цель — искусственное повышение цен на минеральное топливо путем стачки производителей и ограничения добычи топлива, и это признание положили в основание исков о расторжении договоров.

Общество Продуголь, в лице своих представителей, категорически отрицало это признание своих контрагентов.

Из осмотренных протоколов заседаний общих собраний акционеров Общества, а также заседаний совета Общества, явствует, что сами участники Общества Продуголь, в лице акционеров-представителей контрагентов и членов совета, в своих совещаниях и взаимных сношениях не только именуют это Общество «синдикатом», но и ставят ему, при обсуждении плана своих действий, именно цели синдиката: объединить возможно большее количество каменноугольных предприятий, сосредоточить в распоряжении Общества возможно больший % вывоза, добиться для Продугля положения «сильного синдиката», установить высокие цены, всячески устраняя перепроизводство и свободные запасы угля, способствующие понижению цен.

При самом открытии действий Продугля, 25 марта 1906 года, в заседании совета, один из членов его, указывая на то, что «некоторые предприятия затрудняются войти в соглашение с Обществом Продуголь на общих условиях, а между тем возможно скорейшее привлечение названных обществ было бы весьма желательно для поддержания цен и избежания конкуренции», — предлагает заключить с этими Обществами «хотя временные и частичные с о ю з ы н а ц е н ы и к о л и ч е с т в о».

Совет согласился с этим предложением и постановил допустить такие соглашения.

В заседании от 30 сентября 1906 года совет Общества, как значится в протоколе, «ознакомившись с ходом переговоров с свободными фирмами, приходит к заключению, что особенно желательно поступление в Общество Продуголь следующих фирм: Алексеевского горнопромышленного Общества, Общества б. Маркова и Анонимного Общества Государево-Байракских копей, рудников и заводов... Поступление означенных трех Обществ дало бы Обществу Продуголь возможность первенствовать на рынке и регулировать цены».

30 ноября 1907 года в заседании совета Общества был заслушан доклад управляющих делами Общества по вопросу «о директивах, кото-

рыми должен руководствоваться Продуголь при дальнейших продажах». Высказанные в этом докладе соображения резюмируются так:

«Мы должны преследовать три цели: 1) Защищаться против развития свободных фирм. 2) Привлечь к себе, по возможности, новых и крупных участников для увеличения нашего участия в общем вывозе и вообще достижения вывоза, обеспечивающего нам выгоды синдиката. 3) Завоевать новые рынки».

В том же докладе управляющие, развивая приведенные выше положения, говорят:

«Политика, которая является теперь целесообразной, есть политика борьбы путем временного понижения цен для преграждения пути развивающимся свободным фирмам до тех пор, пока присоединение к Продуглю новых участников не позволит нам возвратиться к политике высоких цен, которой мы держались в течение двух последних лет»...

«Чтобы завладеть $^4/_5$ общей добычи, ему (Продуглю) необходимо оказать на свободные фирмы влияние, способное привлечь их к участию в Продугле. Такое влияние он сможет оказать лишь, если свободные фирмы почувствуют нашу силу на рынке, если они убедятся, что в случае необходимости мы способны пойти на жертвы».

Точно также и в записке представителя одной из фирм, входящих в Продуголь, Л. Рабиновича, приобщенной к протоколу общего собрания акционеров от 30 июня 1910 года, рассуждения о положении дел Продугля резюмированы так:

«Желая укрепить и сохранить синдикат, общее собрание должно поручить совету: 1) Сделать попытку привлечь к участию в Продугле еще фирмы до размера 80%. 2) Войти в соглашение об изменении договорных отношений с контрагентами, для чего выработать общий одинаковый для всех договор», и т. д.

За отсутствием сведений о себестоимости угля в Донецком бассейне, в настоящее время еще нет возможности с точностью определить, насколько высоки, в отношении % прибыли, цены, которые были устанавливаемы Продуглем, но в осмотренных документах имеются указания на то, что даже некоторые из участников Продугля признавали их чрезмерно высокими.

Так, в заседании совета Общества 28 мая 1906 года председатель совета Н. С. Авдаков, докладывая о своей беседе с министром торговли и промышленности по вопросу о положении рынка и о возможности уничтожения существующей пошлины на иностранный уголь, указал, между прочим, на то, что, по его мнению, Обществу Продуголь необходимо «действовать с величайшей осторожностью и избегать чрезмерного повышения цен, что могло бы повести к нежелательным осложнениям как со стороны министерства, так и со стороны Государственной Думы».

Но такую осторожность г. Авдаков находил нужным рекомендовать своим сотрудникам, повидимому, лишь под угрозою уничтожения пошлины, так как не далее как через 4 месяца, в заседании

совета от 30 сентября 1906 года, по вопросу о соглашении с свободными фирмами на предмет установления цен на предстоявших торгах казенных железных дорог, один из членов совета г. Енакиев находил, что «цены, назначенные управляющими делами, преувеличены и что следовало бы, по возможности, не восстановлять против Общества Продуголь казенных железных дорог, т.-е. лучших клиентов Общества, которые притом в состоянии ему отомстить»... Председатель (г. Авдаков), как сказано в протоколе, «не разделяет этого мнения. Он считает, что увеличение цен против прошлогодних вполне обосновано вздорожанием рабочей силы вследствие частых прекращений работ и содержанием войск, ложившимся тяжелым бременем на предприятия. Такое положение дел следует просто изложить г.г. министрам путей сообщения, финансов и государственному контролеру и подготовить почву в С.-Петербурге. Г. председатель также не сомневается, что свободные фирмы не согласятся на предлагаемые управляющими цены, но спрашивает совет, — какого образа действий он намерен держаться, если по любой причине соглашение не состоится».

Что цены, назначаемые Продуглем, высоки, признал в заседании совета 29 — 30 октября 1907 года другой сторонник высоких цен г. Оланьон, представитель одного из угольных предприятий, входящих в синдикат: «Со дня основания Продуглю удалось выручить от продажи более высокие цены, нежели выручали свободные фирмы. Его тактика состояла в предоставлении конкуренции продавать по пониженным ценам, чтобы проводить затем свои собственные. Этим он достиг высоких средних цен»...

Продажи, совершенные Продуглем, несомненно, дали очень высокий % прибыли, так как управляющие делами Общества в докладе совету 30 ноября 1907 года признают, что «за время с 1 мая 1906 года по 1 июля 1907 года средняя продажная цена выразилась в 9,15 к. для угля и 13,37 к. для кокса, что дало для счета переходящих сумм приблизительно 6.500.000 р., и это в период времени, когда, собственно говоря, недостатка в угле не ощущалось».

Таким образом, Продуглем получено лишь за 14 месяцев 6.500.000 руб. одних излишков сверх основных цен, а эти цены, конечно, были назначены не в убыток.

В том же докладе управляющие говорят: «Мы достигли или почти достигли цен, к которым стремились».

Для поддержания цен по продаже главному потребителю — казенным железным дорогам — Продуголь, со времени открытия своих действий, вступал предварительно, до торгов, в соглашение с свободными фирмами как по вопросу о ценах, так и по вопросу о распределении заказа между Продуглем и свободными фирмами, при чем неизменно стремился захватить бóльшую часть заказа и удержать возможно высокие цены. Для этого в заседании совета 15 мая 1906 года была назначена даже особая комиссия. При этом назначались такие цены, что, как уже сказано, в самом совете раздавались голоса о преувели-

чении их (мнение Енакиева в заседании совета от 30 сентября 1906 года). В том же заседании, как уже сказано, председатель совета заявил, что он «также не сомневается, что свободные фирмы не согласятся на эти цены». Но опасения эти были напрасны: как видно из протокола от 5 октября 1906 года, свободные фирмы согласились вместе с Продуглем на цены 9 и 10 к., вместо предложенных свободными фирмами 9 и 9,9 коп.

Главное и серьезнейшее препятствие к удержанию желательных высоких цен Продуголь в лице его представителей всегда видел в некотором перепроизводстве угля, в свободных запасах его, и поэтому принимал систематические меры к устранению этого препятствия, т.-е. к ограничению производства.

Так, в докладе совету в заседании 30 ноября 1907 года управляющие делами как бы с сожалением указывают, между прочим, на то, что «при изучении положения добычи угля в Донецком бассейне первое, что привлекает внимание, это—удивительное свойство бассейна увеличивать добычу, как только топливо находит себе сбыт, чем объясняется, что периоды угольного голода бывают очень редки и непродолжительны, а с ними периоды высоких цен».

В том же докладе управляющие, указывая на достижение Продуглем цен, к которым он стремится, в то же время признают, что тактика Продугля «страдает, бесспорно, некоторыми недостатками. Она вызывает усиление добычи и поощряет свободные фирмы оставаться вне нашего О-ва».

На перепроизводстве останавливается и Рабинович в помянутой выше записке, составленной в 1910 году. «За последние 20 лет,—говорит он,—в каменноугольной промышленности, на ряду с постоянным увеличением производства, наблюдалось несколько периодов колебания цен на уголь, которые падали ниже 6 коп. и поднимались до 10 коп. за пуд на ст. отправления. Для лиц, близко стоящих к этой промышленности, ясно было, что на кризис в ту или другую сторону влияла недостача или перепроизводство угля в размере от 5 до 10% добычи предыдущего года. Казалось, что с устройством синдиката, при хорошей статистике потребления и производства как Донецкого угля, так и других сортов топлива, можно будет регулировать добычу и сбыт угля и продавать его всегда по цене достаточно высокой и, по возможности, одинаковой в течение многих лет»...

Чтобы устранить это зло в виде перепроизводства, Продуголь систематически стремился к ограничению и сокращению добычи угля теми угольными предприятиями, с которыми Продуголь вступал в соглашения. В отношении контрагентов, т.-е. предприятий, вступивших в Продуголь, эта цель достигалась, прежде всего, установлением тоннажей и квантумов. Но иногда ограничение добычи угля ставилось, как условие соглашения, и без всякой маскировки.

Так, в протоколе заседания совета Общества Продуголь от 5 августа 1906 года сказано, что, по докладу управляющих делами

о переговорах с Донецким Обществом, это последнее «обязывается, с одной стороны, не покупать кокса в течение 4 лет у обществ, не вошедших в соглашение с Обществом Продуголь, с другой — не увеличивать собственного производства кокса». Совет разрешил «кончить с Донецким Обществом на приведенных выше условиях».

Точно также при обсуждении в заседании совета Общества 30 сентября 1906 года вопроса о присоединении Алексеевского Общества, один из членов совета, Буроз, высказался так: «Для Общества было бы несомненно выгодно купить всю выработку Алексеевского Общества по определенной цене, при условии, конечно, что названное Общество обяжется не добывать угля помимо купленного у него количества и третьим лицам не продавать. Такого рода комбинация обеспечила бы Обществу Продуголь назначение рыночных цен»...

Совет одобрил это предложение Буроза и решил: «Применить все усилия для продолжения переговоров с Алексеевским горнопромышленным Обществом».

Особенно же резко выразилось стремление Продугля к сокращению добычи угля в договоре его с Жилловским Обществом каменноугольных копей и рудников, заключенном 9 октября 1909 года. Договор этот, как видно из § 1, имеет своим предметом подряд по изготовлению Жилловским Обществом для Продугля, в течение 10 лет, с 1 января 1910 года по 31 декабря 1918 года, из угля, антрацита и полуантрацита, доставляемого исключительно Продуглем, каменноугольных брикетов,—первые два года от 12 до 14 миллионов пудов, а во все остальное время — по 14 миллионов пудов в год.

Но в том же договоре имеется на первый взгляд, по конструкции договора, как бы дополнительное, а в действительности — главнейшее по существу условие о полном прекращении Жилловским Обществом добычи угля для рынка.

§ 16 договора гласит: «С момента вступления в действие сего договора Общество обязуется:

«1) прекратить, в порядке нижеуказанном, добычу каменного угля как на своем руднике, так и на арендованном им руднике Родаковых, находящихся в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии, за исключением лишь добычи для своей надобности, как-то: на отопление сушильных аппаратов, брикетной фабрики, для паровых котлов на фабрике и руднике, для отопления помещений служащих и рабочих и т. п.»;

«2) ни возобновлять работ по добыче угля на своих и арендованных им рудниках во все время действия сего договора, ни продавать, ни сдавать в аренду или иным образом не уступать права разработки угля на принадлежащих ему участках и концессиях без согласия на то Продугля и, вообще, ни прямо, ни косвенно, не участвовать в каких-либо предприятиях, добывающих или торгующих каменным углем, коксом, антрацитом, полуантрацитом и брикетом, а равным образом и самому нигде не производить таковой добычи или торговли»;

«3) не принимать на себя поставок каменного угля и брикетов и вообще минерального топлива, а все имеющиеся контракты как на купленный, так и на проданный по сие 9 октября 1909 года уголь, антрацит, полуантрацит, брикеты и вообще минеральные топлива передать в собственность Продугля к 31 декабря 1909 года».

Истинный характер договора с Жилловским Обществом весьма резко был подчеркнут в докладе управления общему собранию акционеров Общества Продуголь 30 июля 1910 года.

«Соглашение с Жилловским Обществом, — говорится в этом докладе, — имело целью снять с рынка определенное количество угля и для производства брикетов сбывать уголь контрагентов».

Что сущность договора Продугля с Жилловским Обществом заключается именно в условии о прекращении добычи угля на рудниках Общества, видно, между прочим, из приобщенной к протоколу заседания совета Общества Продуголь от 24 сентября 1909 года записки члена совета, директора-распорядителя Ирминского Общества, Дворжанчика.

«Относительно предполагаемого договора с Жилловским Обществом,— говорится в этой записке, — необходимо прежде всего заметить, что закрытие рудника, вырабатывающего до 30 миллионов пудов и имеющего более 3000 рабочих, вызовет столько нареканий и протестов против Продугля, что правительство, пожалуй, найдет нужным принять меры против его «вредной» деятельности, воспользовавшись 1180 ст. улож. о нак. К сожалению, проект этого договора становится уже известным лицам посторонним, мелкие служащие Жилловского Общества уже обращаются с просьбами предоставить им места, в виду того, что рудники Жилловского Общества с переходом в синдикат прекращают добычу угля».

Таким образом еще задолго до возникновения данного дела участники Продугля, повидимому, совершенно ясно сознавали, что договорные отношения Продугля с контрагентами предусмотрены не столько X т. ч. I свода законов, сколько уложением о наказаниях, и тем не менее развивали и расширяли эти договорные отношения.

Прокурор харьковской судебной палаты *А. Крылов.*

3. Рапорт прокурора харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 мая 1914 г. № 3942.

В дополнение к рапорту от 25 апреля с. г. за № 3470 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время продолжается осмотр документов, отобранных в правлении и харьковском отделении Общества Продуголь, при чем выясняется, между прочим, что это Общество, являясь распорядительным органом синдиката каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, находится в полном подчинении особой заграничной организации названных предприятий — парижскому комитету.

Так, в протоколе заседания совета Общества Продуголь от 30 сентября 1906 года, между прочим, упоминается:

«Председатель излагает совету результаты своей поездки в Париж. В последнем заседании парижского комитета специально обсуждались следующие вопросы: а) о закупке английского угля, б) предстоящие торги для поставки угля казенным железным дорогам» и т. д.

«Председатель доводит до сведения совета о желании парижского комитета получать статистические данные, отчеты, протоколы и программы заседаний и все вообще сведения, представляемые на заседаниях совета Общества непосредственно, а также еженедельные сведения, излагающие в краткой форме, но обстоятельно, все отрасли его деятельности»

Совет постановил посылать сведения ежемесячно.

Затем, в заседании совета 25/26 января 1907 года председатель доложил, что «комитет парижских акционеров, желая познакомиться с подробностями выработанного г.г. управляющими проекта бюджета, просил обсуждение такового отложить на одно из следующих заседаний. Совет, принимая во внимание просьбу парижских акционеров, постановляет обсуждение бюджета отложить до заседания 19 марта, так как председатель и К. Э. Оланьон выезжают в Париж для участия в занятиях парижских акционеров».

В заседании совета от 22 мая 1907 года было доложено письмо председателя комитета парижских акционеров Грюнера «о предварительном представлении ему проекта сметы на 1907—1908 г.г.», и совет принял это письмо к сведению и исполнению.

Что Общество Продуголь находилось в полном подчинении парижскому комитету, видно как из формы, так и из существа сношений этих двух организаций. Так, в заседании совета от 29 сентября 1907 года, при обсуждении вопроса о продаже угля казенным железным дорогам на предстоящих торгах, г.г. управляющие, как сказано в протоколе заседания, доложили совету, что «согласно предписаниям, полученным через председателя парижского комитета Грюнера, с каковыми предписаниями они знакомят совет, и с согласия свободных фирм, подписавших соглашение, Общество Продуголь подало заявление на 98 миллионов пудов по ценам $^1/_2$ коп. выше против прошлогодних»...

В этом заседании совета было высказано председателем опасение, «чтобы повышение цены не вызвало немедленного повышения тарифов»... По этому вопросу один из членов совета, Оланьон, обратил внимание совета «на то, что решение парижского комитета является окончательным, так как оно принято по рассмотрении всех возможных последствий».

Как видно из протокола заседения совета от 10 июля 1908 года, парижский комитет назначал и сроки для основных цен и квантумов.

Такая зависимость Продугля от парижского комитета, видимо, тяготила некоторых членов совета. Так, в особом мнении директора Ирминского каменноугольного Общества Рабиновича, по вопросу

о договоре с Днепровским Обществом, приложенном к протоколу заседания совета 23 июля 1909 года, говорится:

«Ни для кого не тайна, что большинство членов собрания получило, как это всегда бывает, директивы от парижского комитета, который с начала действий Продугля взял в свои руки всю инициативу и руководство делами этого Общества, не считаясь вовсе с мнением членов совета как русских, большею частью опытных деятелей, так и французов, которые, прожив в Донецком бассейне много лет, приобрели уже достаточный опыт и знания в русских делах»...

Это мнение Рабиновича находит себе полное подтверждение и в протоколе заседания комитета дирекции Общества Продуголь от 25 февраля 1909 года, где говорится, между прочим:

«Выслушав письмо г. председателя совета от 19 февраля 1909 года, адресованное г. вице-председателю совета, в каковом письме, на основании решения парижского комитета, г. председатель предлагает комитету Продугля: «1) Установить новую организацию из 4 управляющих: г.г. Прядкина, Ферро, Бортковского и Леблана, создав из них совет управляющих, и возложить на этот совет полную ответственность за заведывание делами Продугля, и 2) действия комитета прекратить».

Комитет постановил: исполнить предложение.

Особенно же рельефно значение парижского комитета для Общества Продуголь выясняется из доклада председателя совета Общества Н. С. Авдакова к заседанию совета 1 февраля 1908 года.

«С глубокой благодарностью,—говорится в этом докладе,—мы, деятели южной каменноугольной промышленности, должны обратиться к просвещенным деятелям всех тех каменноугольных обществ, правления которых находятся в Париже и которые дружно и энергично содействовали учреждению в Донецком бассейне нашего Общества».

Эта же просвещенная деятельность парижских акционеров, как оказывается из дальнейшего доклада г. Авдакова, являлась серьезным препятствием к развитию Общества Продуголь, в смысле вступления новых контрагентов каменноугольных предприятий. Высказывая сожаление по поводу того, что количество углепромышленников, не вошедших в Продуголь, еще большое и что они конкурируют с Продуглем, г. Авдаков указывает на две причины этого явления: «в период стояния высоких цен диссиденты, пользуясь этими ценами, не стремились вступить в Продуголь, и, кроме того, у них сложилось мнение, что совет Продугля не составляет самостоятельного учреждения, а находится в полной зависимости от тех инструкций, которые получает от комитета в Париже, и что если они вступят в Продуголь в меньшинстве, то должны будут подчиниться тем распоряжениям, которые мы, члены совета в настоящем составе, получаем из Парижа. Они же никаких отношений к нашим правлениям в Париже не имеют, так как их правления, акционеры и распорядители-администраторы находятся в России. Само собою разумеется, что мы, члены совета, представители существующих контрагентов, не можем не сноситься по всем главным делам Прод-

угля с парижским комитетом, отношения к которому остаются необходимыми, но, тем не менее, надо поставить деятельность совета Продугля в такие условия и дать ему такую власть, чтобы можно было рассеять сложившееся среди диссидентов-углепромышленников указанное предубеждение»...

В дальнейшем г. Авдаков совершенно ясно мотивирует необходимость вступления в Продуголь новых контрагентов: «Продуголь не достиг еще такого положения, чтобы быть хозяином рынка и диктовать продажные цены, к чему именно мы и должны стремиться и что будет достижимо, когда мы приобретем новых контрагентов, особенно крупных, и будем стремиться сделать совет Продугля популярным среди невошедших фирм, дабы они не боялись вступать в Продуголь из опасения, что будут поставлены в зависимости от решения большинства имеющихся в Продугле контрагентов... Мое мнение направлено исключительно к тому, чтобы держать продажные цены на рынке выгодными для всех каменноугольных обществ и получать хорошие прибыли, а равно не допустить падения продажных цен».

Прокурор харьковской судебной палаты *А. Крылов.*

4. Рапорт прокурора харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 7 июня 1914 г. № 4850.

В дополнение к рапорту моему от 10 мая с. г. за № 3942 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что по делу о Продугле до сего времени продолжается осмотр документов, при чем подтверждается в деталях та характеристика деятельности Продугля, которая уже дана в предыдущих моих донесениях. При этом выяснено, между прочим, следующее:

В заседании совета общества Продуголь 31 августа 1913 года председателем совета Н. С. Авдаковым было сделано заявление по вопросу о желательности изменения договора с контрагентами, так называемого «красного». В этом заявлении председатель совета указывал на то, что в виду изменения условий угольного производства и рынка в сторону, благоприятную для углепромышленников, все каменноугольные предприятия стремятся развить у себя, насколько возможно, добычу угля, а в частности, контрагенты Общества Продуголь желают развить у себя добычу угля в размере, превышающем их «квантум». — «При таком положении донецкой каменноугольной промышленности,—говорит г. Авдаков в своем заявлении,—не только своевременно, но и необходимо приступить к пересмотру красного договора, дабы копи контрагентов были поставлены в благоприятные условия, соответствующие благоприятным условиям угольного рынка и возрастающему спросу на каменный уголь. Оставление красного договора в настоящей неподвижной редакции приведет к усилению конкуренций копей, не входящих в Продуголь и свободно увеличивающих у себя добычу каменного угля, тогда как контрагенты стеснены

в увеличении добычи. Конкуренция все более и более будет забирать рынок, оттесняя с рынка контрагентов, стесненных красным договором в увеличении их квантума. Оставаться в таком положении status quo коммерчески неправильно; допущение усиления конкурирующих копей приведет к изменению конъюнктуры рынка в сторону неблагоприятную».

Совет, выслушав это мнение председателя, постановил: «присоединиться к этому мнению».

В том же заседании было доложено заявление Прохоровского Общества об увеличении его тоннажа до 30.000.000 пудов, при чем в докладе было отмечено, что Прохоровское Общество по ходу своих работ несомненно в состоянии добыть заявленное количество. Однако совет, несмотря на существовавший в то время угольный голод, отклонил это заявление Прохоровского Общества как противоречащее договору.

Таким образом, совет Общества Продуголь, присоединившись к изложенному мнению председателя совета, признал, что договор Продугля с контрагентами стесняет их производство и отправки, и сейчас же подтвердил верность этого мнения своим решением по вопросу об увеличении тоннажа Прохоровского Общества. Но в следующем же заседании, 12 октября 1913 года, совет, под председательством того же Н. С. Авдакова, как бы спохватился и, заслушав заявление правления о том, что в постановлении совета, в заседании 31 августа, по вопросу о пересмотре основного договора с контрагентами, вкралась неточность, признал утверждение, будто бы контрагенты стеснены в своих отправках существующим договором, неточным и несоответствующим действительности.

К средине истекшего мая месяца были осмотрены главнейшие и существеннейшие документы по данному делу, и с 20 мая приступлено к вопросу свидетелей по обстоятельствам, обнаруженным осмотром. До сего времени допрошены в г. Харькове и в г. Луганске: 20 мая учредитель и бывший член совета Общества Продуголь А. И. Фенин, 22—24 мая член того же совета С. К. Лазарев, 29 мая член того же совета В. Я. Кошелев, 30 мая бывший арендатор рудника Анонимного горнопромышленного Общества штейгер Л. Н. Иванов и директор-распорядитель Петро-Марьевских и Варваропольских копей Г. Ю. Лардинау, 2 июня бывший инженер при комиссии по заготовке минерального топлива для казенных железных дорог М. Н. Базькевич, 3 июня бывший член Общества Продуголь Д. А. Алчевский и 4—5 июня бывший директор распорядитель, ныне член правления Общества Продуголь Я. Д. Прядкин.

Все названные свидетели, даже и те, которые, повидимому, ничем не связаны с Продуглем, стремились представить деятельность Продугля легальною, толкуя при этом предъявляемые им документальные данные в самом благоприятном для него смысле. Такое благоприятное и притом в значительной степени однообразное истолкование свидетелями деятельности Продугля и относящихся к данному делу доку-

ментальных данных, повидимому, имеет тесную связь с той позицией, которую занял по отношению к данному делу — объединяющий и связывающий общими интересами всех южных углепромышленников — совет съезда горнопромышленников юга России. Как видно из последнего номера издания совета съезда «Горно-Заводское Дело» (№ 21—22 от 31 мая сего года), совет съезда горнопромышленников в заседании 23 мая 1914 года «подверг обсуждению вопрос о производящемся расследовании деятельности Общества Продуголь, при чем заключения его по этому вопросу сводятся к следующим положениям: существование объединительных торгово-промышленных организаций в каменноугольной промышленности вызывается основными свойствами и особенностями этой промышленности; Общество Продуголь в течение 8 лет своего существования не обнаружило ничего, что давало бы основание считать его вредным для интересов промышленности, потребителей и всей экономической жизни страны; на повышение цен и сокращение добычи Продуголь искусственно не влиял; производительность фирм-контрагентов Продугля возросла более, чем производительность фирм, не вошедших в Продуголь, и обвинение в повышении цен и сокращении добычи Продуглем основаны на незнакомстве с общим экономическим положением страны, с относящимся к этому вопросу цифровым материалом и с договором Продугля с его контрагентами, каковой представляет собою комиссионный договор для организации торговли каменным углем.

Такая позиция совета съезда горнопромышленников по отношению к Продуглю представляется вполне естественною, так как из показания одного из допрошенных свидетелей выяснилось, что в совете съезда преобладают количественно и по влиянию именно представители фирм, входящих в Продуголь, а так как совет съезда объединяет всех горнопромышленников юга России, то вполне естественно и то, что свидетели, так или иначе прикосновенные к каменноугольной промышленности, по делу о Продугле, держатся той же позиции, какую занял совет съезда, и, быть может, черпают свои объяснения по предлагаемым им вопросам в тех объяснениях, которые счел нужным дать совет съезда в своей резолюции 23 мая сего года.

При таких условиях трудно рассчитывать на то, чтобы допросом свидетелей по данному делу были выяснены исчерпывающе обстоятельства, обнаруженные осмотром документов, но, тем не менее, и из показаний немногих уже допрошенных свидетелей выясняются некоторые весьма важные данные, касающиеся себестоимости угля, доходности каменноугольных предприятий и т. п.

Так, все защитники Продугля оправдывают существование его тем, что, при отсутствии объединения, каменноугольные предприятия являются бездоходными и даже убыточными, и только объединение их, в виде организации Продугля, поддержало их. Между тем, по показанию свидетеля Кошелева, директора-распорядителя товарищества «Коренев и Шипилов», доходность этого товарищества, отправка коего

достигает 15 миллионов пудов, за последние 14 лет испытывала большие колебания, но убытка не было; напротив, в 1900 году, при капитале в 300.000 р., было выдано 114.000 р. дивиденда, т.-е. 38%, а в 1913 году, при увеличении капитала до 1.500.000 р., в дивиденд все-таки было отчислено 152.000 р., т.-е. свыше 10%.

Из данных, добытых осмотром документов, вытекает необходимость допросить, в разъяснение обстоятельств дела, около 80 свидетелей, а за исключением иностранцев, проживающих постоянно за границей, около 50 свидетелей.

Почти все главнейшие свидетели—представители каменноугольных предприятий, члены совета и правления Продугля, допрос коих представляется существенно необходимым, как оказалось по собранным справкам, проживают постоянно в Петербурге. Выезд в Петербург для допроса этих свидетелей предполагается в 20-х числах текущего июня месяца.

Прокурор харьковской судебной палаты *А. Крылов.*

5. Телеграмма упр. мин. юстиции тов. прокурора харьковской судебной палаты Ющенко от 1 июня 1914 г. № 6920 [1]).

Благоволите безотлагательно прибыть в Петербург. О дне предполагаемого приезда телеграфируйте. До получения моих указаний воздержитесь от каких-либо действий по делу Продуголь.

Управляющий министерством юстиции *Веревкин.*

Подчеркнутое прошу зашифровать. И. д. вице-директора (подпись).

6. Телеграмма тов. прокурора харьковской судебной палаты на имя управляющего министерством юстиции от 2 июля 1914 г. [2]).

Еду в Петербург четвертого июля.

Тов. прокурора харьковской судебной палаты *Ющенко.*

7. Справка по делу Продугля.

К делу Продугля.

По удостоверению наблюдающего за следствием тов. прокурора харьковской судебной палаты Ющенко за июль и август предстояло:

1) допросить до 30 свидетелей в России и до 20 за границей, в том числе Оланиона и Думера;

а) при этом имелось в виду, что лица, живущие не в России, даже будучи привлечены в качестве обвиняемых, все равно останутся вне досягаемости;

---

[1]) Телеграмма печатается с отпуска.

[2]) На телеграмме резолюция: «Желал бы переговорить с г. Ющенко завтра же».

2) произвести техническую и экономическую экспертизы для выяснения себестоимости, выгодности предприятия, зависимости увеличения цен от синдиката;

а) предполагалось главным образом использовать проф. Лутугина, авторитет коего в горном деле исключителен (председатель Вольно-Экономического общества,— впрочем, уволен по 3 пункту).

Согласно полученным тов. прокурора Ющенко от управляющего министерством 4 июля 1914 года указаниям за июль и август будет производиться экспертиза и допрос несущественных свидетелей в России, а затем вопросы о привлечении обвиняемых и производстве новых обысков и выемок, а также о допросе более существенных свидетелей, в том числе заграничных, статский советник Ющенко имеет в сентябре лично доложить г. министру, в связи с собранным за июль и август материалом.

9/VII. Вице-директор (подпись).

8. Письмо тов. министра иностр. дел на имя министра юстиции Щегловитова от 18 сентября 1914 г. № 441 [1]).

Милостивый государь
Иван Григорьевич.

Пребывающий здесь французский посол официозно обратился в министерство иностранных дел с представительством в пользу Общества Продуголь, деятельность коего служит предметом предварительного следствия по обвинению в совершении предусмотренного ст. 1160 уложения о наказаниях деяния. Названное Общество указывает, что в настоящих военных обстоятельствах государственная власть неоднократно к нему обращалась, и оно с своей стороны прилагало все старания к тому, чтобы оказать ей посильное содействие. При таких условиях и принимая во внимание политическую обстановку, Общество позволяет себе надеяться, что начатое против него судебное преследование будет прекращено.

Передавая вашему высокопревосходительству заявление французского посла, обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою уведомить министерство, каково настоящее положение дела об Обществе Продуголь и не представлялось ли бы возможным пойти навстречу пожеланиям г. Палеолога.

Присовокупляя, что одновременно с сим министерство сносится с министром торговли и промышленности, пользуюсь настоящим случаем еще раз выразить вам, милостивый государь, уверение в моем отличном почтении и искренней преданности.

А. Нератов.

---

[1]) На отношении резолюция: «Затребовать сведения о настоящем положении дела от прокурора Харьковской суд. палаты. 19/IX».

9. Отношение министерства юстиции на имя прокурора харьковской судебной палаты от 24 сентября 1914 г. № 46985.

По приказу министра юстиции первый департамент просит ваше превосходительство сообщить сведения о настоящем положении расследования о деятельности общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна Продуголь.

Зав. д. *князь Оболенский.*

За делопроизводителя *Стадницкий.*

10. Отношение прокурора харьковской судебной палаты в министерство юстиции от 2 октября 1914 г. № 7913.

В первый департамент министерства юстиции (по первому уголовному отделению).

Вследствие отношения от 24 минувшего сентября за № 46985, имею честь сообщить первому департаменту, что по делу об Обществе для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна Продуголь производится осмотр многочисленных приобщенных к делу вещественных доказательств.

Прокурор судебной палаты *А. Крылов.*

Секретарь *П. Арбеков.*

11. Письмо министра юстиции Щегловитова на имя министра иностр. дел Сазонова от 15 октября 1914 г. № 49731.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Вследствие письма от 18 минувшего сентября за № 441 имею честь уведомить ваше превосходительство, что по делу об Обществе Продуголь в настоящее время производится осмотр многочисленных документов, приобщенных к следствию в качестве вещественных доказательств, при чем вопрос о дальнейшем направлении означенного дела и, в частности о привлечении к оному кого-либо в качестве обвиняемого может быть разрешен лишь по завершении упомянутого осмотра, который в виду обширности подлежащего исследованию материала и сложности дела потребует значительного времени.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Ив. Щегловитов.

12. Рапорт прокурора харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 6 марта 1915 г. № 1909 [1]).

В дополнение к представлению от 7 июня 1914 г. за № 4850 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что предварительное следствие по делу о стачке углепромышленников и торговцев углем Донецкого бассейна, входивших в состав Общества Продуголь, производством закончено и 26 февраля текущего года за № 1656 было препровождено мною прокурору харьковского окружного суда для предложения названному суду на рассмотрение в порядке ст. 277 уст. угол. суд.

Копия заключительного от 25 февраля 1915 года постановления и. д. судебного следователя по особо важным делам харьковского окружного суда Гончарова, заведывавшего в это время, по определению суда, делами находившегося в отпуску и. д. судебного следователя по особо важным делам того же суда Гирчича, при сем представляется.

Определением харьковского окружного суда, состоявшимся 5 текущего марта, производство предварительного следствия по упомянутому выше делу, на основании ст. 277 уст. угол. суд., прекращено по недостаточности собранных улик.

Прокурор харьковской судебной палаты *А. Крылов.*

13. Письмо министра юстиции Щегловитова на имя председателя совета министров Горемыкина от 13 марта 1915 г. № 15091.

Милостивый государь
Иван Логгинович.

Имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что возникшее в округе харьковского окружного суда предварительное следствие по делу о стачке углепромышленников и торговцев углем Донецкого бассейна, входивших в состав Общества Продуголь, определением упомянутого окружн. суда 5 текущего марта прекращено, в порядке ст. 277 уст. угол. суд., за недостаточностью собранных улик.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем уважении и истинной преданности.

Ив. Щегловитов.

---

[1]) На рапорте резолюция Щегловитова: «Копию постановления я оставил у себя. Об окончании дела Общества Продуголь сообщено письмом председ. совета министров. 9/III».

Автобиографические показания М. Ф. Грачевского.

Нам уже приходилось указывать в «Красном Архиве» (печатая заявление А. А. Квятковского) на то значение, которое приобретает для исследователя среди находимых им исторических источников тот вид их, который является в полной мере новинкой источниковедения: автобиографические показания [1]). Пока не раскрыты были политические архивы для изучения, историки революционного движения имели в своем распоряжении автобиографии и такие их разновидности, как мемуары. Однако между позднее написанною автобиографиею и автобиографическим показанием разницею является не только мера длительности разрыва между фактом и рассказом о нем, но еще более и то, что показание по существу своему менее несет на себе тяжесть литературных воздействий и влияний, а тем самым является и в содержании и в форме своей более независимым и более индивидуальным документом. Среди напечатанных до настоящего времени подобного рода народовольческих автобиографических документов, среди которых первое место принадлежит показаниям В. Н. Фигнер и которые недавно обогатились незаконченными, по воле прокурора, показаниями А. Д. Михайлова, показания М. Ф. Грачевского займут свое место. Они более личны, чем, напр., таковые Михайлова. Если последний, определяя задачу свою, писал: «я подробно скажу о событиях, к которым стоял близко, о причинах, вызвавших их, и вытекавших из них последствиях, обусловивших последующие движения и события», то Грачевский ставит задачею не таким образом вообще общественно-исторически характеризовать пути революционного движения (хотя конец его показания и таков), но прежде всего выяснить свой личный путь к политической борьбе и террору, именно: «причины и мотивы, вследствие которых я стал на революционный путь и шел им последовательно до настоящего момента, переживая все фазисы революционной партии». И с такой точки зрения именно этот личный путь Грачевского социально-психологически интересен тем, что в некоторых отношениях отличен от пути других народовольцев. Грачевский — выходец из низшего духовенства; он не сопережил первых фаз интеллигентского движения и лишь в 1874 году сошелся с чайковцами, чтобы в том же 1874 году быть тюрьмою оторванным от дальнейшего с ними общения. Однако к своей деятельности 1874 года он уже был подготовлен другим путем, о котором говорит в своих показаниях: крепостным правом, картинами «освобождения крестьян», наблюдениями над деревенским кулаком, — убеждения дала ему «сама русская жизнь». Происхождение и жизненный опыт создали фанатика Грачевского, как его называет В. Н. Фигнер, которая, характе-

[1]) «Красный Архив», т. XIV стр. 159—175.

ризуя его как «непреклонного революционного деятеля», пишет, что «в этом смысле во всем движении трудно найти человека более прямолинейного и жизнь более цельную, чем его жизнь». Политически ценен печатаемый документ и тем, что он дает определенную характеристику народовольцев процесса 17-ти. Грачевский заключительными местами своего показания, предварительно «всецело обвинив правительство» за происшедший переход к террористической борьбе, устанавливает позиции народовольцев того времени, утверждая, что если «забалканские и ташкентские герои» «не вложат своей окровавленной сабли в ножны и не удовлетворят народных требований, если они, наконец, не объявят себя слугами народа пред учредительным собранием, то они должны заранее примириться с мыслью, что в раздутом ими пожаре им придется сгореть.»

Как воспоминания, особенно очерки В. Н. Фигнер и А. В. Прибылева, так и другие материалы, главным образом некоторые непубликуемые здесь показания М. Ф. Грачевского, позволяют установить основные факты его биографии, дополняющие данные его речи на суде. Родился М. Ф. в 1849 г. в семье диакона Саратовской епархии. В 1867 году поступил в Саратовскую духовную семинарию, из которой вышел в 1869 году. Выйдя из семинарии, Грачевский пробыл год народным учителем в сельской школе (так он говорил в речи на суде; в показании же 22 июня 1882 г. он указывает, что «был домашним учителем у крестьянина села Лопуховки Камышанского уезда, Михаила Яковлевича Бочкова»), а затем устроил трехклассную немецко-русскую школу для колонистов Камышина, где и сам преподавал. В 1871 году женился на ученице своей, Людмиле Ефимовне Борисовой, и поступил сперва слесарем в мастерские Грязе-Царицынской жел. дор., а потом был помощником машиниста на поездных паровозах. В 1873 году был впервые арестован, когда один из долгушинцев, Александр Сергеевич Чиков, прислал на его имя посылку с книгами и двумя прокламациями, но вскоре был выпущен и поступил опять на железнодорожную службу в качестве конторщика, а затем вновь в службу тяги помощником машиниста I класса и исправляющим должность машиниста — до мая 1874 года, когда переехал в Петербург. Здесь Грачевский держит экзамен на вольнослушателя в Технологическом институте, но тотчас же берет свои документы обратно. В. Н. Фигнер передает, что Грачевский «близко сближается с представителями кружка чайковцев» и с целью пропаганды среди рабочих, по их предложению, поступает на завод Струбинского (на Обводном канале) слесарем, где работает до ноября 1874 года. Переехавшего, по решению группы, с той же целью пропаганды среди рабочих в Москву Грачевского арестуют в январе 1875 года, и он — в заключении до конца процесса 193-х, по которому был приговорен к месяцу ареста и выпущен в январе 1878 года. В феврале он поступает помощником машиниста на Курско-Харьково-Азовскую жел. дор. и живет в Белгороде, но уходит вследствие ссоры с начальником депо в Курске. В мае-июне Грачевский — помощник машиниста I класса до половины августа, когда его арестуют в Одессе, по предписанию III отделения, и ссылают в Архангельскую губернию. Грачевский живет до августа 1879 года сперва в Холмогорах, а затем в Пинеге, откуда бежит *). Взятый в одной деревне и пробыв вновь в Холмогорах недели две-три в тюрьме, он бежит по пути

*) Побег Грачевского рассказан Л. Тихомировым в его книжке «В подполье» (рус. пер. Пб. 1907) и в «Календаре Народной Воли», Женева, 1883 г.

в Архангельск, и вновь его арестуют 5 июня 1882 года. Его народовольческая деятельность освещена данными обвинительного акта по делу 17-ти и воспоминаниями, — главным образом выше упомянутыми. Можно лишь добавить, что напечатанный в т. VII «Красного Архива» «Манифест от Исполнительного Комитета» к крестьянству был написан Грачевским в бытность его хозяином типографии и, по его же показанию, не был отпечатан, так как был «забракован». Общеизвестна трагическая смерть Грачевского в Шлиссельбурге 26 октября 1887 года.

Показания — здесь они воспроизведены по подлиннику — были даны Грачевским в течение 2 дней: 5 и 19 августа. Допрашивал Грачевского майор отд. корп. жандармов Мокиевич и тов. прокурора петербургской судебной палаты А. Ф. Добржинский.

С. Валк.

Показание М. Ф. Грачевского 5 августа 1882 г.

Зовут меня Михаил Федоров Грачевский. В дополнение всех моих прежних показаний считаю необходимым дать некоторые объяснения по поводу причин и мотивов, вследствие которых я стал на революционный путь и шел им последовательно до настоящего момента, переживая все фазисы революционной партии. Как мною уже было сказано, родился я и до 10-летнего возраста воспитывался в селе Березовке Аткарского уезда Саратовской губ. Крестьяне как этого села, так и всех окрестных сел и деревень на 20 верст в окружности состояли в крепостной зависимости, и одни из помещиков сами, живя в своих имениях, и управляли ими, другие отдавали их в аренду мелкопоместным дворянам, имения третьих управлялись «прикащиками», «управителями» немцами или мещанами или же «бурмистрами» из самих крестьян. Следовательно, в своем детстве, в период пробуждения во мне сознания, я имел возможность видеть во всей его грубой и ужасной, при детской впечатлительности, реальности крепостной гнет в разных его проявлениях; я же от природы был очень впечатлителен. Впечатлительность моя развивалась потом почти до болезненности под влиянием матери и сестры; мать любила меня и баловала больше всех своих других детей, вероятно, потому, что я был последний сын и родился в то время, когда родители были уже стары (отцу было около 55 лет, а матери 45); отец не вмешивался в мое воспитание, как кажется, сознавая всю несостоятельность свою в этом отношении. Он был религиозен до фанатизма и суровый деспот по своему характеру. Первоначальную школу (чтения и письма) я прошел под руководством матери совместно с несколькими крестьянскими детьми из более зажиточных семейств. И отец и мать мои были чрезвычайно любимы крестьянами за их крайне симпатичное, истинно христианское отношение к ним. При всяком несчастьи, при всяком горе кр[естья]не шли к ним, зная хорошо, что получат полное сочувствие, утешение, совет, а часто материальную безвозмездную помощь деньгами или хлебом. Ко всем таким беседам отца и матери с крестьянами,

очень часто сопровождавшимся горькими слезами, иногда переходившими в судорожные рыдания той и другой стороны, я прислушивался, затаив дыхание, с сильно бьющимся сердцем, чтобы не проронить ни одного слова, понимая, конечно, очень мало из слышанного. Но у меня были прекрасные комментаторы всего происходившего на моих глазах — мои товарищи по науке, крестьянские дети, которые были старше меня по возрасту, а по пониманию жизненных явлений своей среды немногим отставали от своих отцов. При помощи этих юных учителей, проверяя их лекции своими собственными наблюдениями над жизнью крестьян, в избах которых я проводил зимой не мало времени, свободного от ученья, прислушиваясь к жалобному причитанию стариков и старух, в 9—10 лет я прекрасно понимал полную сплошного беспросветного горя крестьянскую жизнь. Имея вместе с тем доступ в помещичий дом, я был очевидцем самых возмутительных сцен — как экзекуций на конюшне, так и в самом доме собственноручно раздаваемых пощечин и «потасовок». Но грубость, жестокость и возмутительную несправедливость отношений между людьми мне пришлось видеть в этом раннем возрасте не по отношению только к крестьянам: перед окнами дома моего отца «капралы» вытягивали шпицрутенами солдат, и нередко мне приходилось видеть «шальную» непослушную слезу, скатывавшуюся даже из-под седых бровей отбывавшего 20-й год службы солдата. Во время же освобождения крестьян от крепостной зависимости, для того, чтоб плотнее вбить в их бестолковые головы уставную грамоту, потребовалась целая рота солдат и т р и в о з а р о з о г; крестьян ими эмансипировали уже не на конюшне, а публично, на дворе, в присутствии священника, станового пристава, посредника, взвода солдат, а позади толпы — ревущих баб и ребят. Вот в сжатых чертах та о с н о в а моей первой нервно-психической жизни, из которой должен был развиться гражданин, общественный деятель!

Остановился я на этом периоде своей жизни потому, что он (вся сумма впечатлений этого возраста) определил мой характер, значительно повлиял на склад моего мировоззрения, ему же, в конце концов, я обязан и выбором рода занятий и деятельности; последующая жизнь, столкновения с людьми и чтение книг только дали мне ответы на все основные вопросы, поставленные мной именно в этом возрасте. Вопросы эти касались религии, нравственности, семейных и общественно-экономических отношений. Я живо помню, как мать моя с удивлением смотрела на меня, когда я, мучимый этими вопросами и не находя на них ответа, обращался к ней за их разъяснением, и как она со слезами в глазах, взяв меня за руку, подводила меня к образнице и, торжественно указывая мне на образ Спасителя, говорила: «Есть бог, есть и правда, только не здесь, не на земле, а там, на небесах, там и любовь и истина; там, перед ним, все люди равны: богатый и бедный, царь, воин и раб! А здесь, на земле, ее нет... и не ищи ее, а будешь искать — пропадешь!..» и потом, рыдая, продолжала:

«Молись горячо, искренно, проси, и он просветит тебя!..» Долго и горячо, стоя на коленах, молилась моя мать обо мне, и лицо ее светилось глубокой верой и любовью. Такой ответ мог растрогать, умилить меня, но червяка сомнений, зарождавшихся во мне, убить не мог.

Под влиянием толчков этого внутреннего червяка развивалась энергичнее наблюдательность, под его руководством собирались элементарные знания, развивалась мысль. Начался период школьной жизни с 11 лет. Нельзя не сказать, что все это время, по крайней мере первые 5 лет, пропали для меня совершенно бесполезно. У старого дьячка своего села, бывшего когда-то в семинарии, при помощи учебников, я узнал бы больше в $1^1/_2$—2 года. Зато увеличился запас опытных знаний: начиналось знакомство с новой для меня городской жизнью; выползли на сцену купец, чиновник, мещанин-кулак и ремесленник; тут же неизменно является и мужик, раз в неделю, в базарный день, и несколько раз в год в ярмарочные дни. Наблюдения в этой области жизни дали мне гораздо больше и ценнее знаний, чем школа в области науки.

Человек (сознание человеческого достоинства и решительность) развился во мне очень рано: я отчетливо помню, какой ужас и негодование меня охватили, когда мне сказали, что в школе меня будут сечь розгой; кровь бросилась мне в лицо, и я внутренно решил, что я этого сделать над собой не позволю, и судорожно сжимал свои кулачонки, что заставляло зрителей грубо смеяться, так как по ним розга гуляла не один, а сотни раз. При мысли о розге мороз пробегал по коже, я давал себе клятву, что не допущу до этого, а если?.. — выскочу из окна, убегу, а затем будь, что будет, только не дам себя сечь. Я решил, что смерть для меня не так страшна, как позор розги, и уверен, что, защищая себя от розги, не остановился бы ни перед чем. Через три года школьной жизни я самостоятельно перешел из уездного в губернский город, надеясь там добыть книг при помощи добрых людей, и надежды мои, хоть в малой дозе, да оправдались — нашлись и люди и книги, и червяку сомнений, родившемуся в деревне, взлелеянному в уездном городке, работы было вволю, — начала работать мысль. Много кумиров полетело с своих неустойчивых пьедесталов и разбилось вдребезги при малейшем дуновении на них критической мысли, над другими же приходилось долго возиться еще с тупым анатомическим ножом критики, пока, наконец, и они не были развенчаны. Для меня, как и для других сверстников, мало по малу открылся совершенно новый мир, в который мы входили с благоговейным трепетом, как в храм науки и искусств; выработались идеалы: человека, гражданина и общественного деятеля. Одни из моих товарищей, имевшие средства, отправились в высшие учебные заведения, не имевшие средств пошли прямо прилагать свои молодые силы к делу—в народные школы—с единственной целью — отдать малым, белоголовым, грязным мужичонкам свой, хоть и не особенно большой, багаж знаний, но им и этого багажа хватило бы надолго. Это было в цветущий

период жизни нашего новорожденного земства. С каким энтузиазмом мы его встретили! Как предтечу вскоре долженствовавших появиться одни вслед за другими целого ряда последовательных реформ, результатом которых, при дружном содействии всего честного и мыслящего элемента, в просыпающемся от векового сна русском обществе, в конце-концов, деревенский мужик получит образ и подобие божие, будет есть настоящий хлеб без посторонних примесей, в роде мякины, мху, древесной коры и т. п., появится на столе кусок мяса, не в виде редкого гостя в светлые праздники, а постоянным, ежедневным посетителем; и дырявый, тысячелетний его «культурлапоть» превратится, наконец, в крепкий сапог, а под образами или рядом появится полка, куда он «Белинского и Гоголя с базару понесет», а мы добавляли: и Некрасова и Пушкина. Но мы забыли, что «скоро сказка говорится, да не скоро дело делается», оттого нам со многими земскими деятелями, да и вместе с мужиком-фантазером, пришлось скоро разочароваться. Реформы как дошли до мировых учреждений, так на них и застыли, ни взад, ни вперед! Виноват, взад-то они с начала 70 годов начали-таки подвигаться, но к этому я еще вернусь потом.

Благодаря нашим «фантазиям» о последовательном ряде реформ в государственной и общественно-экономической жизни народа, начатом самою государственной властью с несомненною целью поднять благосостояние, а также умственный и нравственный уровень народа (одного без другого мы не понимали), у нас явилось страстное желание отдаться всецело на служение народу, разъяснять ему значение этих реформ, а вместе с тем приобретать знания, полезные в крестьянском быту. Это было в 68—72 годах. Весь свой скудный остаток от заработков на учительских местах мы употребляли на покупку и выписку книг и принялись за работу. Но мы упустили из виду пословицу, которая на нас и оправдалась: «заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет». Народные школы, доверенные как земствами, так и крестьянскими обществами юным силам обоего пола, поставлены были, по отзывам доверителей, хорошо, успехи были блестящие, ученики шли в школу с гораздо большей охотой, чем их отцы в кабак, родители отпускали своих детей тоже охотно. К учителям и учительницам крестьяне относились с большим уважением, а к некоторым даже с любовью. Научились босоногие ребята читать, а читать-то и нечего,— книг нет. Обращаются в земства с проектами библиотек при сельских школах для грамотных мужиков, — денег нет, а у мужика в кармане хоть шаром покати! По земскому положению, оказывается, расходы на народное образование поставлены в числе необязательных для земства расходов! Это первый удар лбом в стену, который с целым рядом других ударов решает мою участь: столкновения с попом, кулаком, волостным писарем, старшиной, становым приставом, одним словом — с капиталом и представителями власти. Ведь я пришел служить-то и отдать все свои силы не им, а мужику, — он, со всеми

его «потрохами», для меня дороже самого себя; я живу его интересами, думаю и гадаю за него и вместе с ним, страдаю за него больше, чем он, потому что понимаю больше его, — как же я ему не скажу того, что я думаю, что я вижу, что я знаю, тем более что он у меня спросит совета, разъяснения в каждом частном случае, когда приходится ему, кряхтя, вынимать последний грош из пустого кармана или, порывшись в нем и ничего не ощупав, подписывать (ставить кресты) бумажку, отдающую его труд, хлеб на корню и последнюю скотинку жадно стерегущему мужицкую нужду кулаку: — кулак всегда находит поддержку в представителях власти в борьбе с упорной часто «мужицкой фантазией» отстоять свое добро и, в конце концов, закабаляет себе все захудалое крестьянство иногда не одной, а всех деревень в целой округе; богатеет он не по дням, а по часам. В какой-нибудь десяток лет, начав с кабака, кулак выстраивает в деревне целый городок, крытый железом, превращается в крупного капиталиста — оптового торговца или заводчика, крупного землевладельца и т. п. Соединяясь друг с другом, они убивают мелкую торговлю, мелкий кустарный промысел, убивают конкуренцию всякого мелкого капитала, становятся полновластными распорядителями, властелинами деревень. Для такого кулака не существует никаких преград, перед ним все сгибается, а все, что не обладает гибкостью, с треском ломается и падает. У кулака создается, органически с ним сросшаяся, целая организованная сеть его адептов; он — этот золотой телец — уже привык к фимиаму лести и не терпит никаких противоречий; в семье и в отношениях к лицам, находящимся от него в прямой зависимости, он грубый деспот, он нередко, очень нередко, атеист, но он изредка ходит в церковь, делает пожертвования на богоугодные и филантропические дела и только перед человеком, заслужившим его доверие, иногда прорывается неудержимый сатанинский его хохот и кличка «ба-р-раны!»; в посты ест скоромное в наглухо запертой комнате. Единственный руководящий его действиями принцип — аппетит. Не могу удержаться, чтобы не обрисовать в нескольких штрихах этого современного, всепожирающего хищника, этого продукта н е д о к о н ч е н н о с т и р е ф о р м, отдавшей ему на съедение благосостояние всего крестьянского населения страны, обезземеливающей и закабалившей ему крестьян, породившей пролетариат, а с ним вместе и все его последствия. До боли в сердце горько становится при воспоминании об упреках, которые бросают в лицо русским революционерам в том, что они набрались «своих» фантазий и утопий на Западе, что оттуда они вывезли идеи о необходимости борьбы труда с капиталом и поддерживающей его властью, что они их «вычитали», русская жизнь их не дает. Я буду говорить только за себя, а не за всех русских революционеров. Мне дала эти идеи, как выводы, путем неотвязчивых дум, бессонных ночей, путем глубоких нравственных страданий, сама русская жизнь, она наталкивала меня на эти выводы, и я их не мог не сделать, если бы даже и старался противодействовать их появлению

в моей голове. Родились они в деревне в 18—19 лет, воспитались потом в городе и на железной дороге, окончательно развились и окрепли в Петербурге, доразвились в трехлетнем уединении в тюрьме. В русской действительности нигде я не встретил ни одного веского возражения, а подтверждения — всюду. Нечего и говорить, что для меня, как и для многих мало-мальски развитых людей, кумиров в 19—20 лет уже не оставалось ни одного, последним из них пал кумир абсолютной власти. Но я готов был с нею в жизни до известной степени мириться, не как с кумиром, а как с реальною силой, если бы последняя подала надежду на возможность ожидать в близком будущем продолжения реформ, пока еще масса крестьянства не окончательно разорена кулаком, ростовщиком и кабатчиком. Ни малейшего намека на такую возможность на горизонте не виделось. На горизонте сгущалась реакция. Ходатайства земств, разных городских обществ и частных лиц об открытии высших и средних учебных заведений оставались неудовлетворенными или откладывались из года в год, хотя растраты казенных сумм на это не требовалось; земства систематически отстранялись от контроля над начальными народными школами, а 2-классные школы даже по полож. о зем. учрежд., на чьи бы средства ни открывались, поступают в полное бесконтрольное распоряжение окружного инспектора министр. нар. просвещения. Ходатайства земств об облегчении возможности поступления в высшие учебные заведения, а следовательно, о расширении их прав, остаются без внимания; поступление в высшие учебные заведения затрудняется введением аттестата зрелости; оканчивающим курс в духовных семинариях преграждается путь во все высшие учебные заведения, исключая 2-х; контингент учащихся в высших учебных заведениях значительно сокращается закрытием двух первых курсов в Медико-Хирургической академии и Институте путей сообщения и уменьшением комплекта в других; корпоративные права у студентов отняты, и введены крайне стеснительные уставы; частная жизнь студентов уподобляется жизни зайца, вечно и всюду преследуемого волками и собаками, введением целой системы шпионства, покушающегося, наконец, развращать молодые силы, с неокрепшими нравственными устоями. Это — регрессивные шаги правительства по министерству народн. просвещ. Как «злоумышленник» не назовет этого усилием задушить умственную и нравственную жизнь народа? Отобранные правительством мнения от земств, высказавшихся за введение подоходного налога вместо существующей подушной подати, лежат под спудом уже несколько лет. Все крупные землевладельцы, купцы, заводчики, фабриканты, концессионеры и другие досужие аферисты пользуются широким кредитом казны иногда для «дутых» предприятий, за пустой %, сравнительно с получаемой на капитал прибылью, а крестьянин не только не имеет этого кредита, без которого никакое улучшение в его хозяйстве немыслимо, но вынужден существующим фиском кредитоваться у кулака, с оплатою 100—200% на взятый капитал. «Злая воля» непременно увидит в этом

желание правительства обезземелить крестьян, расплодить пролетариат, отдать труд в кабалу капиталу и не в отдаленном будущем сделать необходимым массовое народное восстание. Свободы печатного слова даже для мнений либерального оттенка у нас не существует, крайние мнения не могут выражаться даже в звуках голоса без опасности попасть в Восточную Сибирь; народной литературы не существует, — даже и та, какая была выпущена лет 15 тому назад, изъята из употребления, потому что в ней даются намеки, иногда прямые указания на бесцеремонный грабеж кулаком простофили-мужика. Семинаристам и гимназистам во многих местах запрещено пользоваться книгами для чтения из публичных городских библиотек; всякие коллективные жалобы, прошения, заявления, ходатайства рабочих фабрик и заводов считаются почти за бунт. Весь пролетариат, не имеющий имущественного ценза, даже при образовательном цензе не пользуется правом голоса ни в городских, ни в земских учреждениях. Железное кольцо, сдавливавшее несколько веков русскую жизнь и только что, было, несколько раздвинувшееся, начало опять стягивать этого выросшего гиганта так крепко, что затрещали его суставы, чувствуется нестерпимая боль во всех членах, а кругом воздуху мало, свету мало. Если это кольцо не раздвинется теми, кто сковал им гиганта, если не явится другой побочной силы, которая бы его раздвинула, то русский богатырь разорвет, наконец, его сам. Вера в этого богатыря в народе сильна. Критическое отношение к явлениям жизни у него проснулось, внутренний процесс умственного роста, хотя и медленнее, чем у лиц, поставленных в более благоприятные условия или с выдающимися природными способностями, но все же идет довольно быстро, — доказательством этого служат: появление и быстрое распространение рационалистических сект (штунда, шалапуты и друг.) и периодически вспыхивающие бунты. Последние так называемые анти-еврейские беспорядки, инициатива в которых неверно приписывается правительством социалистам, обнаруживают в народе рост сознания необходимости самостоятельной борьбы с эксплоатирующим его пришлым элементом, а также необходимости солидарности в этой борьбе: некоторые крестьяне разбивали дома евреев не потому, что на них были злы, а чтоб не отставать от других. А отсюда до сознания необходимости борьбы со всеми его эксплоататорами, какой бы веры и нации они ни были, переход недалек; этот процесс уже не только совершается в голове, разрабатывается теоретически, а проявляется иногда и в действиях; во время тех же антиеврейских беспорядков в некоторых местах крестьяне разбивали помещичьи усадьбы, что тоже подтверждают и стачки фабричных и заводских рабочих. Перед всеми выше мною иллюстрированными явлениями русской жизни стоял я одиноко, забившись в самую глушь в 1871—1874 г., поступив слесарем в мастерские ремонта паровозов Грязе-Царицынской железной дороги и схоронив пред тем одного товарища-учителя, не вынесшего глухой, но ожесточенной борьбы

с своекорыстием, рутиной, невежеством, с незнающим границ «аппетитом», ханженством, со всем смрадом русской провинциальной жизни; он застрелился. Я имел в это время 21 год и женился на крестьянской девице, бывшей в числе моих учениц.

Мысль о поступлении в высшее учебное заведение не покидала меня с 17 лет, но я не имел средств, и жизнь в «бурсе» разбила мое здоровье до того, что прежде всего нужно было подумать о возможности вырваться из когтей грозившей мне смерти и поправить организм настолько, чтоб он мог вынести предстоявшую борьбу с жизнью. Из четырех докторов ни один не определил верно болезни, мне пришлось разочароваться в значении латинской кухни. Отчасти под влиянием этих обстоятельств и вследствие взгляда, сложившегося у меня на нормальное воспитание и развитие человека, я решился учиться столярному ремеслу у столярного мастера-старика, который меня понял и согласился, было, на очень выгодный для меня контракт, так как я одновременно хотел продолжать самообразование, но я сделал компромисс с предрассудком, уступая слезам матери и сестер, просивших не делать этого шага, и давлению отца, и выбрал временно учительство в деревне. Этот компромисс стоил мне очень дорого; он заставил меня изменить прекрасный, взлелеянный мною план всестороннего воспитания, образования и развития, заканчивавшегося высшим учебным заведением, устранявшего необходимость вступить так рано, с неокрепшими силами, в круговорот жизни, свернуть с прямого пути на окольный. Этот шаг имел громадное значение в моей жизни, я это сознавал, но не мог его устранить: отец не соглашался без этого компромисса дать согласие на мой выход из семинарии, откуда в то время без согласия родителей учеников, по собственному их желанию, не увольняли. Приходилось выбирать между перспективою смерти или, по меньшей мере, полного физического калечества, что подтверждали единогласно врачи, и между сказанным выше компромиссом с родителями, которых так пугал (вернее, разрушал их иллюзию на мою карьеру) выбранный мной род занятий, вполне отвечавший всем моим задушевным желаниям.

Михаил Грачевский.

2.

Показание М. Ф. Грачевского 19 августа 1882 г.

Зовут меня Михаил Федоров Грачевский. Продолжаю показание, данное мной 5 августа. В числе мотивов, которыми я руководился, при выборе мною в 1871 г. при вступлении на службу железной дороги слесарного ремесла, так же как и раньше при проектированном обучении столярному ремеслу, было желание не только стоять как можно ближе в жизни к рабочей массе, где были все мои симпатии, но стать непосредственно в ее ряды и вынести на собственной шкуре все то, что приходится выносить ей. Этот мотив был даже главным в 1871 г., после

того как мне пришлось столкнуться с молодыми людьми и среднего и высшего образования на местах так называемых «либеральных профессий», с людьми «хороших стремлений», куда-то испарившихся чрез 2—3 года. Пришлось быть очевидцем того, как окружающая жизнь постепенно их втягивала в свою тину и у них не нашлось сил не только для морализующего воздействия на нее, а даже для сохранения своей нравственной чистоплотности: сначала явился полный разлад между словом и делом, а потом желание оправдать самих себя заставило петь в унисон с себе подобными и, смахнув с себя «веяние тлетворного Запада», быстро пойти по пути эгоизма. Такая неустойчивость молодой, но дряблой интеллигенции конца 60-х годов вполне убедила меня в верности моих взглядов на воспитание, образование, на подготовку молодого поколения к общественной деятельности в средних и высших учебных заведениях, находящихся под строжайшей опекой правительства.

Железная дорога, перл новейшей русской промышленности, дала мне такую массу фактов для полного выяснения соотношения общественно-экономических факторов современной русской жизни, что я забывал об утомлении после каторжного труда в мастерских и на паровозах в поездах, иногда с 3—4-часовым отдыхом в сутки; приходилось и без сна двое суток работать! А малейшая оплошность, недосмотр влекли за собой вычет из месячного жалованья в 35 р., штраф от 2—20 р. А о вежливости со стороны начальствующих лиц в обращении с подчиненными и говорить нечего! Она до того утончена, что заставляет самых нетребовательных людей иногда судорожно сжимать в своих руках тяжеловесный инструмент и, несмотря на удивительное самообладание, которым отличаются рабочие, ни на мысль о семье, нередко они не выдерживают этой вежливости. Вот путь, пройденный мной в течение пяти лет. На железной дороге я уже мог видеть «аппетиты» людей разных званий, состояний, степеней образования и даже чинов. Пред моими глазами поднялась завеса идеального полицейско-военного и капиталистического общественного и государственного строя, основание его было передо мной, я не только созерцал его,— оно меня вместе с другими давило; я сам добровольно стал под центр его тяжести, чтоб испытать его благотворное влияние на собственных мозгах. Долго ждать не пришлось результатов: чрез $1^1/_2$ года работы я увидел, что я тупею и должен на время перейти на другой, легкий труд. Нужно ли после всего сказанного говорить, что я пришел путем наблюдений и собственного пятилетнего опыта к тем же выводам, как многие: к необходимости перемены принципов, лежащих в основании существующего государственного и общественно-экономического строя, а путь для осуществления этого один — революционный, с организацией всех разбросанных по обширной русской земле недовольных существующим порядком элементов в плотно сомкнутую, солидарную, дисциплинированную партию? Под выражением «один революционный путь» я разумею то, что в России,

при полном отсутствии свободного слова, сходок, свободы организации производительных рабочих ассоциаций, при отсутствии свободы для организации рабочих кружков для борьбы с пожирающей их материальной нуждой и эксплоатирующим их кулаком и капиталистом, всякий способ проведения в жизнь справедливых принципов социализма считался и продолжает считаться правительством революционным. В начале 70-х г.г. до 77 г. русские революционеры не были бы таковыми, т.-е. не считались, не назывались бы ни одним из западно-европейских правительств революционерами, а были просто социалистами. Пользуясь свободою слова в обширном смысле и свободою действий в течение десяти лет, они сорганизовывались бы в стройную, прочную партию с идеалами и задачами, вполне достойными и отвечающими высшим стремлениям людей конца XIX века, шли бы к осуществлению своих идеалов мирным путем, путем умственной революции, и были бы оплотом «порядка», громоотводом от взрывов, поглощая в себе и сдерживая в строгих границах своей нравственной дисциплиной все бродящие силы русского народа, все недовольные элементы. Страсти превращались бы в энергию, находящую себе приложение в обширной и плодотворной области умственного и физического труда, дали бы сильный толчок своей энергичной инициативой промышленности и в 15—20 лет подняли бы финансы страны на значительную высоту. «Но не то ему пало на долю!..» Самым завзятым «фантазерам» и «утопистам» мирной пропаганды пришлось на первых своих шагах столкнуться с суровой действительностью в виде «ежовых рукавиц» и «бараньего рога» и, скрепя сердце, зажав рот, стонавший по [?] разбитым иллюзиям, постепенно уступая напору требования «ежовых рукавиц» и «бараньего рога», пришлось поставить на своем знамени девизом: «свобода или смерть!», — девиз, непривычный для русского «культурного» уха, но приятный, ласкавший своею гармонией грубое ухо рабочих. Еще в 74 г. рабочие требовали расправы своим судом со шпионами в их среде, но были от этого шага удержаны их интеллигентными товарищами,— это факт. Беспощадной войной с начавшимся умственным движением, войной, ломившей все на своем пути без разбора, поглотившей массу жертв, правительство дискредитировало себя в глазах всего русского общества и в глазах Западной Европы так, как не дискредитировала бы его ни одна беспощадная пропаганда самой тонкой и едкой сатиры [?], и русский революционер увидел, что ему ничего не остается в интересах идей свободы, как только класть беззаветно свою голову на плаху под расходившийся топор. Он это и сделал с полным самопожертвованием. Само перо выводит вопрос: кто виноват в такой постановке борьбы? Я всецело обвиняю правительство. Вот факт. В 1872—3 г.г. масса интеллигентной молодежи стремилась в народ, в среду крестьян и городских рабочих, для сближения с ним, для знакомства с ним не издалека, а вблизи, в непосредственном общении, для знакомства с его мировоззрением, бытом, идеалами, интересами

и нуждами, с одной стороны, и, с другой — чтоб втянуть в себя из этой нравственно здоровой атмосферы живые, питательные, здоровые соки в свои организмы, исхудалые, «культурные», расслабленные вековою бездельною и развратною, от этого же безделья, жизнью отцов, чтобы потом, сделав запас в области науки тех именно знаний, которые требуются, могут найти полезное приложение в жизни этого народа, пойти уже с ним по пути прогресса рука об руку, черпая друг в друге силы, пополняя недостатки одного достоинствами другого. Преступная деятельность молодежи среди народа в это время заключалась в группировке рабочих для чтения цензурных книг и лекций по истории, геометрии, элементарной физике и политической экономии, в организации библиотек для чтения и касс самопомощи. Начались огульные по всей России аресты. Интеллигенция и рабочие увидели в этой мере правительства желание изолировать рабочих и крестьян, держать их в невежестве и в рабской зависимости от кулака и капиталиста, реакционный шаг, отрезывающий последнюю возможность народной самодеятельности и приведший к выводу, что существующее правительство враждебно народному прогрессу, народному благу, что оно ищет солидарности, сливает свои интересы с народными эксплоататорами, открыто становится на их сторону, что народ может выйти из такого положения только путем упорной борьбы с правительством; самые недалекие люди, в виду бьющих в глаза фактов, правительственных мероприятий, делали такие выводы; и нечему удивляться, что чрез 2—3 года реакционной политики правительства все прогрессивные элементы интеллигентного слоя русского общества с значительною частью из рабочих масс слились в революционную партию уже не слова, а слова и действия. Огульные аресты 1875—6 и 7 г.г. без всяких основательных причин, с одиночным заключением арестованных при возмутительных санитарных и гигиенических условиях, продолжавшиеся по 3—4 г. и вызвавшие ужасный процент смертности, самоубийств, душевных болезней и умопомешательств; аресты при таких условиях для массы лиц, даже не привлеченных потом к суду за полным неимением данных для обвинения или привлеченных к суду и оправданных, агитировали общество, взывали к ненависти лучше и сильнее, чем могли бы это сделать самые талантливые ораторы. Появились факты вооруженного сопротивления со стороны партии и убийства шпионов. Политика правительства, сильно страдавшая и раньше недостатком благоразумия, потеряла всякий смысл: последовали меры одна за другой, объявлявшие войну всему русскому обществу, подрывавшие последнее доверие к правительству и возбуждавшие всех энергичных и честных граждан, истинных патриотов, к активной борьбе. Учреждение генерал-губернаторств в центральных городах России (Киев, Харьков, Одесса, Москва, Петербург, Вильно) с диктаторскою властью, объявление этих округов на военном положении, военные суды, целый ряд виселиц, достойных руки Н е р о н а, с массою администрат[ивных] ссылок, институт урядников, — строжай-

шие секретные предписания, летавшие по провинциям, как осенние листы, подхваченные вихрем, — доносы, шпионство, официальная, т.-е. чиновная, правительственная Россия и частью военная в лице забалканских героев обрушилась на всех «благодушных и мирных россиян» со всем военным пылом, не успевшим остыть от борьбы за свободу «братьев-славян», равно как и с самой их свободой, сделали свое дело. Официальная Русь работала с рвением, поистине достойным удивления, над тушением пожара, раздутого ими же самими. Под этим-то перекрестным огнем сформировалась революционная партия действия «Народной Воли» с Исполнительным Комитетом во главе, как центром ее, с выработанной и известной прокуратуре программой, в которой первые настоятельные практические задачи бьют в унисон с желаниями всех слоев русского народа.

В руках прокуратуры имеются все данные, говорящие о том, что и во мне почти с детского возраста, как и у массы других лиц партии, была искра, которую я тщательно хранил в тайниках моей души и которая, наконец, была старательно раздута усердными огнегасителями в пламя, превратившее меня ко времени ареста в обугленный труп, поступивший, наконец, в вашу лабораторию для дальнейшего химического разложения. Вдали от бурной жизни, в уединении своей камеры, я храню глубокое убеждение, что для России период возрождения настал и никакие громы забалканских и ташкентских героев не убьют его, а, напротив, если не вложат своей окровавленной сабли в ножны и не удовлетворят народных требований, если, наконец, они не объявят себя с л у г а м и н а р о д а пред собранным представительным собранием, то они должны заранее помириться с мыслью, что в раздутом ими пожаре им придется сгореть.

Михаил Грачевский.

Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г. [1]).

(Окончание.)

IV.

«ЖИЗНЬ».

Ежемесячный журнал «Жизнь» был основан в конце 1896 г. С. В. Воейковым. Сам Воейков, старший столоначальник департамента духовных дел иностранных исповеданий, служил, со времени окончания им Александровского лицея в 1881 г., в министерстве внутренних дел, к литературе прямого отношения не имел и, по отзыву его прямого начальства, «принадлежал к числу самых благонамеренных людей». Основанный им журнал должен был выходить в свет под предварительной цензурой.

Первые шаги нового журнала были в цензурном отношении вполне благополучны и не возбуждали особой бдительности со стороны подозрительной цензуры 90-х годов. В июне 1897 г. Воейков передал право на издание «Жизни» своему сослуживцу, камер-юнкеру двора, Д. М. Остафьеву [2]). В октябре 1897 г. для журнала «Жизнь» была запрещена повесть М. Васильева «Под родительским кровом», так как в этой повести, как писал цензор, «воспроизведены крупные злоупотребления помещичьей власти в крайне отталкивающем виде. Удручающее впечатление, производимое чтением этой повести, еще усиливается тем, что рассказ ведется от имени дочери, обличающей и поносящей своего отца», при чем автор старается осветить «одну лишь мрачную сторону дореформенного быта» [3]). Но в общем «Жизнь» продолжала носить тусклую окраску журналов «для семейного чтения».

С начала 1898 г. «Жизнь» незаметно стала приобретать более оппозиционный тон. Чувствовалось, что в состав сотрудников входят новые силы. Действительно, уже в апреле 1898 г. департамент полиции конфиденциально сообщил главному управлению, что «известный литератор Владимир Бонч-Бруевич, проживающий ныне в Цюрихе, отправил в редакцию журнала «Жизнь» два рассказа, под заглавием «На дне» и «Дом мертвецов», при чем в случае принятия их предлагает дальнейшее сотрудничество по доставлению разных статей». Департамент выражал надежду, что «в виду тенденциозности направления Бонч-Бруевича» произведения его подверг-

[1]) См. т. IX «Красного Архива», стр. 226—268.

[2]) Д. гл. упр. по делам печати. 1896 г., № 17.

[3]) Д. спб. ценз. ком. 1896 г., № 120.

нутся «более внимательному цензурному просмотру» [1]). Тревога на этот раз оказалась напрасной, — статей Бонч-Бруевича редакция «Жизни» в цензуру не представляла. Но усиление цензурных строгостей выразилось в том, что в июне была запрещена «Притча о богаче и бедном Лазаре» в изложении Габриэля д'Аннунцио. «Сохраняя все основные черты евангельского рассказа, — писал о ней цензор, — автор иллюстрирует их чувствительными и соблазнительными сценами восточной роскоши и распущенности. Конец притчи автор передает почти буквально словами евангелия, но в заключение прибавляет несколько подробностей от себя. По его представлению, богач из адского пламени стал издеваться над Лазарем, который не отведал его тонких блюд и крепкого вина, не разделил ласк на прекрасном ковре с двумя наложницами, Адонией и Элизамой, выбранными из трехсот, и т. п. Лазарь будто бы, увлеченный прелестью этих суетных благ, с лона Авраамова низринулся в бездну». «В виду того, что в основу этого соблазнительного рассказа положена искаженная евангельская притча, при чем автор обнаружил кощунственное к ней отношение», цензор полагал не дозволять ее к печати. Цензурный комитет согласился с ним, так как усмотрел в этом произведении «недопускаемое нарушение должного уважения к евангельскому учению».—В сентябре у «Жизни» произошли новые трения с цензурой. Редакция предполагала поместить статью К. Маркса под названием «Цена, прибыль и заработная плата». «Это — речь К. Маркса, — доносил комитету о статье цензор Осипов, — которая, по словам переводчика, по содержанию и по другим признакам может быть рассматриваема как первоначальный набросок «Капитала». В виду того, что изложение учения Маркса в общедоступной форме и распространение в недорогом журнале едва ли желательно, я полагал бы отказать этой статье в возможности к печати». Комитет определил «статью К. Маркса к печати не дозволять, так как статья эта представляет в переложенной общедоступной форме изложение вредного учения социализма и коммунизма» [2]).

С конца 1898 г. в редакции «Жизни» начались перемены, отразившиеся на содержании журнала. Остафьев пригласил М. В. Калитина, молодого человека, только что окончившего физико-математический факультет Петербургского университета, принять на себя обязанности соиздателя и соредактора журнала «Жизнь». После долгих формальностей и сношений с департаментом полиции о благонадежности Калитина он был утвержден главным управлением 5 декабря вторым редактором «Жизни». Первым шагом новой редакции была просьба о разрешении издавать «Жизнь» с наступающего 1899 г. без предварительной цензуры. Просьба эта не встретила сочувствия. Начальник главного управления, пресловутый Соловьев, отказал в ней, «в виду того, что, по имеющимся сведениям, многие из сотрудников журнала «Жизнь» принадлежат к числу лиц, литературная деятельность которых с цензурной точки зрения является далеко не безупречной». Быть может, в связи с отклонением этой просьбы Калитин 16 января 1899 г. отказался от соредакторства. На его место Остафьев пригласил в феврале М. С. Ермолаева, утверждение которого со стороны главного управления последовало лишь в апреле. Ермолаев по происхождению принадлежал к крупному поместному дворянству Саратовской губ.; ему лично принадлежало в Петровском уезде свыше 800 десятин, да в совладении

[1]) Д. спб. ц. к. 1896 г., № 120.
[2]) Там же.

с братом за ним состояло в том же уезде более 5.600 десятин. Окончив юридический факультет Петербургского университета в 1871 г., Ермолаев почти без перерыва нес обязанности почетного и участкового мирового судьи петровского округа; кроме этого, он три трехлетия избирался на должность председателя петровской уездной земской управы. Сведения об его благонадежности были благоприятны. В сентябре 1899 г. Остафьев сложил с себя обязанности редактора и всецело передал дело издания «Жизни» Ермолаеву [1]). С этого времени физиономия этого журнала окончательно выясняется, и он становится выразителем марксистского направления.

Еще в феврале 1899 г. цензура запретила статью под названием «Общественное настроение 1898 г.», запретила по формальным соображениям — на том основании, что «журналу «Жизнь» не дано права обсуждать вопросы по внутренней политике России».

Кроме общей цензуры, за «Жизнью» зорко следил еще и департамент полиции. 9 июня комитет разрешил поместить на страницах этого издания три стихотворения Тана, под названием «Весна», «Голод» и «Кто это?». Стихотворения эти сделались известны департаменту, и 16 июня начальник главного управления Соловьев получил от директора департамента полиции Зволянского следующую записку: «по докладе мною сегодня его высокопревосходительству подлинного текста стихотворения «Голод» министр поручил мне сообщить вам, что он считает появление этого произведения совершенно невозможным». Стихотворение немедленно было задержано.

К концу года редакция и сотрудники «Жизни» становятся в глазах администрации настолько подозрительными, что департамент полиции, охраняя достоинство придворного звания, с тревогой запрашивает главное управление, «принимает ли камер-юнкер высочайшего двора Остафьев какое-либо участие в этом издании»...

В июле 1900 г. департамент полиции известил нового начальника главного управления князя Шаховского, что, по полученным сведениям, «некоторые лица рассчитывают помещать в журнале «Жизнь» ряд статей, составляющих извлечение из заграничного издания «История социализма» сочинения Каутского, Лафарга, Меринга и Бернштейна; впоследствии же статьи эти предполагается выпустить отдельным изданием». Князь Шаховской немедленно предписал цензурному комитету «принять соответствующие меры». Вообще отношение комитета к «Жизни» казалось Шаховскому недостаточно строгим. Одним из ближайших его распоряжений было подтверждение комитету, «в виду крайне тенденциозного направления многих статей, появляющихся в журнале «Жизнь», установить за направлением этого издания самое внимательное наблюдение и доводить до сведения управления о всех статьях, характеризующих деятельность редакции журнала» [2]).

В конце 1900 г. ряд статей, предназначенных редакцией «Жизни» к напечатанию, подвергся запрещению. Прежде всего эта участь постигла собрание афоризмов Ф. Ницше, заимствованное из его сочинения «Jenseits von Gut und Böse».

«Отношение покойного философа, — писал цензор Елагин, на которого было возложено цензурование журнала «Жизнь», — к вопросам религии вообще и христианства в частности достаточно известно. И в данном ряду афоризмов можно уловить две общие мысли: 1) вера есть медленное самоубийство разума и 2) религия

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1896 г., № 17.
[2]) Там же.

необходима для целей дисциплинирования и воспитания, как и иные политические и экономические состояния. Для людей сильных она является средством, чтобы преодолевать сопротивление и мочь господствовать. Для людей обыкновенных религия дает чувство довольства своим положением. Религия и религиозное значение жизни озаряет светом солнца таких всегда угнетенных людей и делает их сносными для самих себя. Быть может, в христианстве и буддизме нет ничего столь достойного уважения, как искусство научить самого низменного человека становиться при помощи благочестия в высший кажущийся порядок вещей и, благодаря этому, сохранять довольство действительным порядком, который для них довольно суров,— и именно эта суровость необходима. Можно привести еще несколько выписок, характеризующих взгляды Ницше, например:

1) страсть к богу бывает разных родов: бывает мужицкая, чисто сердечная и назойливая, как у Лютера — весь протестантизм обходится без южной delicatezza. Бывает в ней восточное неистовство, как у раба, например, у Августина, который был наделен обидным недостатком всякого внешнего и внутреннего благородства. Бывает в ней женская нежность и похотливость. Во многих случаях она является довольно причудливо в виде маскировки половой зрелости девицы или юноши, иногда даже в виде истерии старой девы, а также в качестве ее последнего честолюбия: в подобных случаях католическая церковь уже неоднократно причисляла женщин к лику святых.

2) Везде, где только до сих пор проявлялся на земле религиозный невроз, мы встречаем его в связи с тремя опасными диэтическими предписаниями: одиночеством, постом и половым воздержанием.

3) Для истинно религиозной жизни (а также для ее любимой микроскопической работы самоисследования, как и для того нежного, тихого настроения, которое называется молитвой) нужна внешняя праздность или полупраздность. Современное шумливое, бездосужное, гордое собою, глупо гордое трудолюбие больше, чем все остальное, воспитывает и подготовляет к неверию и т. д.

В этом роде подобраны все афоризмы. Изложенного, полагаю, достаточно для признания всей статьи непригодной к напечатанию в подцензурном журнале».

Затем была запрещена статья «Политика фабиев и английский социализм», о которой цензор Елагин представил следующий доклад: «общество фабиев, как объясняет в примечании редакция журнала, основано в 1883—1884 г.г. с целью разработки и распространения социалистических идей. Фабии принимали деятельное участие в борьбе за проведение социальных реформ новейшего времени, стараясь развить их в духе социализма. Обществом издается целый ряд брошюр, обнимающих все направления социалистического движения в Англии. Цель этого краткого очерка, — говорит далее редакция, — дать читателю некоторое понятие о том, что представляет собой английский демократический коллективизм и каковы выставляемые им требования. Затем следуют основные принципы программы фабиев на 4—5 печатных страницах. Не входя в обсуждение этой программы по существу, — иначе пришлось бы ее переписывать почти целиком, — полагаю запретить ее». Комитет поспешил согласиться с мнением цензора.

Вместе с этим была задержана статья Барзиха под названием «Вильям Годвин». «Английский публицист, романист и историк, Вильям Годвин, умерший в 1836 г.,—докладывал о ней цензор Елагин, — является как бы родоначальником современного социализма и анархизма. Будучи последователем Руссо, Годвин во

всех несовершенствах социальной жизни обвиняет одни только учреждения и законы. Политические вопросы почти не интересуют Годвина; в государстве он видит необходимое зло, которое будет ослабевать по мере того, как в жизнь будут проникать новые начала, и наконец совершенно исчезнет вместе с религией, браком и т. п. учреждениями. Всю систему Годвина можно резюмировать в следующих немногих словах: дитя природы, человек сам создает свою жизнь, и никакие законы не будут в состоянии улучшить ее до тех пор, пока не станет лучше сам человек. Автор статьи прибавляет сюда: «мечтательный платонизм XVIII века еще сказался в этом; XIX век выработал иную формулу: «пока не наполнится брюхо, не очистится сердце». «При истории перехода от одной формулы к другой мы будем присутствовать в следующих статьях», надеется г. Барзих. Я полагаю, что и начала достаточно для признания всего труда г. Барзиха непригодным для подцензурного издания». Согласно с мнением Елагина, комитет запретил и эту статью [1]).

Для январской книги наступающего 1901 г. «Жизнь» представила отрывок из статьи графа Л. Н. Толстого «Неужели это так надо?» Отрывок этот поставил и цензора Елагина и весь комитет в немалое затруднение, — комитет не решался своею властью запретить это произведение Толстого, но не находил в себе смелости и дозволить его и поэтому предпочел прибегнуть к главному управлению.

«В означенном отрывке, — докладывал председатель цензурного комитета Катенин, — рисуется яркая картина: с одной стороны, рудокопы, несущие свой каторжный труд по 12 и 14 часов в день, измученные мужики, пашущие чужое поле на заморенных лошаденках, и каменобойцы на шоссейной дороге; с другой — три семьи, живущие в деревне и на даче. Несется мимо шахт, пахарей и дач роскошная коляска четверней: едут разряженные дочери фабриканта в компании офицера. За ними компания велосипедистов, а стороной двое верховых: мужчина на английском жеребце и дама на иноходце. Это семьи чиновника, получающего 3.000, и помещика, владеющего 2.000 десятин земли. Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видом всей этой нищеты и каторжного труда, которые их окружают. Они считают, что все так и должно быть. — «Живут же люди», думают несчастные работники, провожая глазами проехавших. И еще мучительнее представляется им их мучительное существование.

Цензор полагает, что картина эта, несмотря на азбучность концепции, достаточно тенденциозна. Подписанная графом Львом Толстым, она неминуемо обратит на себя всеобщее внимание. По содержанию цензор признает ее неудобною для помещения в подцензурном издании.

Соглашаясь с мнением цензора о недозволительности статьи «Неужели это так надо?», в виду ее тенденциозности для подцензурного издания «Жизнь», с.-петербургский цензурный комитет имеет честь представить названную статью на благоусмотрение главного управления по делам печати».

Князь Шаховской кратко ответил: «разрешена быть не может. Этот отрывок мне известен» [2]).

В марте 1901 г. от начальника главного управления последовало новое секретное указание цензурному комитету, что, «по полученным сведениям, проживающий

---

[1]) Д. спб. ц. к. 1896 г., № 120.
[2]) Д. гл. упр. 1896 г., № 17.

в Болгарии, в Софии, известный эмигрант Иван Николаев Кашинцев предполагает помещать свои статьи в журнале «Жизнь», при чем официальным корреспондентом будет указан один из его знакомых, проживающих в Софии» [1]).

Хотя первые номера «Жизни» за 1901 г. прошли сквозь цензурные теснины вполне благополучно, ни одна статья не была запрещена и не подверглась исключениям, общий тон журнала продолжал возбуждать тревогу главного управления своими статьями «в духе русского марксизма» и побуждал его скорее найти подходящий предлог, чтобы кончить с этим «беспокойным изданием». В апреле цензору Елагину дано было поручение представить подробный отзыв о всех статьях, напечатанных в последней книжке этого издания. Елагин 29 апреля сообщил следующий отзыв:

«Иван Бунин. «Туман» и «Новая дорога». Две небольшие поэтические вещицы. В первой, кроме красот природы, описывается особенное душевное состояние человека под влиянием тумана, во второй — впечатления туриста, который едет по новой железной дороге на север России. Вековые леса как будто не хотят пускать вперед поезда, но он борется и, как тигантский дракон, ползет по уклону все вперед и вперед, злобно озаряя красным пламенем угрюмую аллею неподвижных сосен.

М. Горький. «Трое». Горький, как известно, начал с босяка, возведя его чуть ли не на степень пятого сословия. Затем, исчерпав материал, перешел к психологии купца, этой зиждущей русской силы. «Фома Гордеев» — самое крупное произведение Горького. Год тому назад Горький начал новую крупную вещь «Мужик». В этой повести автор задумал, как можно было судить по первым главам, слияние «Гордеева» с «Мужиком», выросшим в интеллигента. Остальные классы предполагались к упразднению — будущность должна принадлежать только купцу и мужику при условии соглашения их интересов. Под влиянием (как рассказывают) бесед с Чеховым Горький эту затею бросил: «Мужик» остался неоконченным. В новой повести «Трое» центральной фигурой является тоже мужик Илья Лунев, вроде которого был и каторжник. Свободолюбивый, с мятежной душою, ищущий правды в жизни, как и все герои Горького, Илья убивает купца-менялу, как лишнюю и вредную гадину, но убивает, собственно говоря, случайно, под влиянием возбуждения. Затем пробует каяться перед самим собою, но в конце концов не находит этого нужным. Мало-того, бродя как-то по кладбищу, он с ожесточением плюет на могилу убитого: понапрасну испортил только ему, Илье, жизнь.

П. Маслов. «К аграрному вопросу». Статья эта, написанная тяжеловесным языком, представляет собою, так сказать, теоретический балласт книги. В прошлом году Виктор Чернов, пользуясь трудом австрийского экономиста Герца, отстаивал в «Русском Богатстве» преимущества мелкого землевладения перед крупным и громил Карла Каутского. Маслов, защищая Каутского, старается, в свою очередь, опрокинуть положения Герца — Чернова.

Е. Орлов. «Основные мотивы римской поэзии». Статья касается римской поэзии «золотого» века Августа. Автор насчитывает четыре таких мотива: пастораль, романтизм, эпикуреизм и этику, при чем в основу их кладет, конечно, факторы экономического свойства (разрушение мелкой собственности, образование крупного плантационного хозяйства и пр.). Иначе статье не к чему бы появляться на страницах «Жизни».

---

[1]) Там же.

Х. Инсаров. «Общественная и политическая борьба в Болгарии». Предполагается ряд очерков о жизни балканских государств. Настоящий очерк касается хозяйственных отношений в Болгарии, главным образом промышленного кризиса после восточной войны и настоящего, земледельческого. Статья спокойная и полная цифр.

П. Берлин. «Новости экономической литературы» (Экономические взгляды Георга Зиммеля). Это, собственно говоря, библиографическая заметка, разросшаяся в целую статью, благодаря значительности самого разбираемого труда Зиммеля «Философия денег». И автор, и критик, конечно, — последователи Маркса. Г. Берлин вообще один из самых способных и серьезных сотрудников «Жизни». Настоящий критический разбор удобопонятен для специалистов, а не для большой публики.

А. Ковров. «Король Штумм». Автор подробно рассказывает о порядках в фабричном «царстве» умершего недавно «друга» императора Вильгельма, барона Штумма. Порядки были, действительно, очень своеобразными, — нигде рабочие не были так хорошо обеспечены, как у Штумма, нигде они не пользовались таким благосостоянием. Вся беда в том, что Штумм лишал их всякой самостоятельности, ибо не терпел никаких рабочих организаций. Это последнее обстоятельство, конечно, не по душе свободолюбивому г. Коврову.

Эрих Шлайкнер. «За бортом». Новелла (с нем.). В Берлине не находит себе никакой работы молодой интеллигент и умирает с голоду. Картина производит крайне удручающее впечатление.

П. Ге. «Художественные выставки в Петербурге». Безразлична.

Д. Сатурин. «Поездка в Манчестер». Это совершенно объективное описание университетских поселений в Англии. В русской печати появляется далеко не первая статья, посвященная этому вопросу.

Э. Золя. «Труд». Несмотря на огромные исключения, последний роман Золя остается невозможным. Суть его, как известно, заключается в признании полной негодности и гнилости современного экономического строя. Буржуазное общество должно рухнуть, естественно или насильственно, золотой век сулит будущий коллективизм. Попытки к насаждению этого коллективизма и делает Лука Фроман, главная фигура. В общем роман затрагивает такие вопросы, которые замалчиваются или обходятся даже в серьезных статьях серьезных журналов.

А. Крандиевская. «Ничтожные». Отец—народник и болтун, мать — бывшая курсистка. Дети — сын и дочь — с первых дней жизни были брошены во имя «общественных интересов» на произвол судьбы, каким-то чудом выросли и доучились. От недостатка надзора, воспитания и пищи они обратились в каких-то дегенератов без всяких идеалов и здоровых стремлений. Отец и мать и на старости лет продолжают болтать и только болтать о разных «высоких» вопросах (как это и полагается «народникам»). Детям и противно, и жалко. Им нет никакого дела ни до марксизма, ни до народников; хочется жить, а жить нечем, так как душа пуста, а тело дрябло.

Андреевич. «Очерки текущей русской литературы». О Ницше г. Андреевич в последние месяцы постоянно рассказывает и скорбит о торжестве мещанства. Последняя книжка проф. Лихтенберже «Философия Ницше» понадобилась г. Андреевичу главным образом потому, что Ницше, как известно, презирал мещанство и все мещанское. С этой точки зрения наш автор и разбирает, очень длинно и скучно, книжку Лихтенберже.

М. Горький. «Песня о буревестнике». Поэма в прозе. Вещь несомненно тенденциозная, если к тому же предположить, что сам Горький желает изобразить буревестника.

В. Поссе. «Московский Художественный Театр». Статья касается столько же московского театра, сколько и Чехова. В противоположность Андреевичу, который считает Чехова безнадежным пессимистом и лучшим художественным изобразителем нашего всепожирающего мещанства и пошлости, г. Поссе находит в Чехове много искреннего оптимизма, конечно, не по отношению к мещанству.

Библиография — достаточно бесцветна.

П. Звездич. «Результаты выборов в Австрии». Статья — пригодная, собственно, для газетных отчетов. Трактует с помощью цифр об успехах и неудачах социал-демократической партии в Австрии. Написана больше для самоуслаждения автора, нежели для публики.

Аннин. «Реформа суд. уставов имп. Александра II». Автор весьма сдержанно и веско критикует предположения комиссии о переустройстве местной юстиции.

Евг. Чириков. «Провинциальные картинки». Рассказ о неудачной постройке «народного дома» в Подольске (где, очевидно, половина ассигнованных денег была украдена). Вторая часть касается столкновений петрозаводской земской управы с врачом Михайловым и таковой же истории в сенгилеевском земстве.

«Хроника внутренней жизни». Главная часть ее отведена вопросу о преобразовании нашего учебного строя. Отказываясь от определенных надежд на политику генерала Ванновского, автор рассматривает учебную реформу в связи со всеми административными мероприятиями последнего десятилетия. Во всей статье сквозит желание привлечь к разрешению назревших вопросов широкое участие общественных элементов. Конец «Хроники» посвящен дословной перепечатке писем гр. Толстой и митрополита Антония без всяких, конечно, комментарий.

В общем апрельская книга «Жизни» несколько бесцветнее предыдущих. Это и понятно, так как подписка закончилась, и с большим успехом».

13 мая 1901 г. директор департамента полиции уведомил «доверительно» князя Шаховского, что «по рассмотрении в особом совещании, образованном согласно ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела о редакторе-издателе журнала «Жизнь», кандидате прав, Михаиле Сергееве Ермолаеве, обвиняемом в политической неблагонадежности, г. министр внутренних дел постановил: воспретить Ермолаеву жительство в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях сроком на три года, считая с 7 мая 1901 г.».

Главное управление обрадовалось случаю покончить с журналом. Князь Шаховской немедленно предписал петербургскому цензурному комитету принять меры, «чтобы журнал «Жизнь», в виду постановления министра внутренних дел о г. Ермолаеве, как не имеющий более редактора, не выходил в свет впредь до утверждения нового редактора». 19 мая председатель комитета приказал прекратить прием и выдачу корректур и словесно объявил Ермолаеву, что им сделано распоряжение о приостановлении журнала «Жизнь». Редакция «Жизни», видимо, была подготовлена к постигшему ее бедствию. Еще до переговоров с председателем комитета Ермолаев 18 мая просил об утверждении нового редактора «Жизни» в лице магистранта университета, преподавателя Женских педагогических курсов, А. Е. Преснякова; через несколько дней Ермолаев подал начальнику главного управления жа-

лобу на неправильное толкование цензурою устава о печати и незакономерное устранение его от обязанностей редактора. «Принимая во внимание, — писал Ермолаев, — что ко мне неприложим ни один из пунктов ст. 123 уст. о печ., определяющих случаи потери редактором прав, я считаю сделанное распоряжение противоречащим существующим законоположениям и прошу ваше сиятельство отменить его, предписав спб. цензурному комитету взять обратно распоряжение о прекращении приема и возвращении цензорских корректур, чем фактически приостановлено издание журнала, что наносит мне громадный материальный ущерб».

Но все эти старания были тщетны. Прошение Ермолаева даже не подвергалось рассмотрению. Правда, относительно политической благонадежности предполагаемого редактора А. Е. Преснякова департамент полиции был запрошен, но дни «Жизни» были уже сочтены. Журнал этот предрешено было закрыть. В начале июня начальник главного управления предложил Елагину, как постоянному цензору журнала «Жизнь», представить подробную характеристику этого издания за все время его существования. 4 июня Елагин представил следующую характеристику «Жизни»: «Литературный, научный и политический журнал «Жизнь» выходит в свет ежемесячно с разрешения предварительной цензуры. Подписная цена на год с доставкой и пересылкой 7 руб.

С начала 90-тых годов в русской либеральной печати наибольшим успехом начинают пользоваться и даже получают преобладающее значение идеи так называемого экономического материализма, именуемого в просторечии марксизмом. Русские «ученики» Карла Маркса превзошли, однако, в своем усердии заграничных собратьев, стараясь поставить вопрос о «железных» законах капитализма на слишком крайнюю почву.

Главными органами этого «марксизма» явились у нас журналы «Новое Слово», а затем «Начало», — оба прекращенные, согласно постановлению г.г. четырех министров. Русские «ученики» разбрелись по разным редакциям, но движение, конечно, не заглохло, и не могло заглохнуть, в поисках естественного выхода.

Журнал «Жизнь» — орган несомненно марксистский, но потерявший в настоящее время свою остроту не только в силу цензурных условий, а главным образом потому, что самое движение за границей значительно смягчилось благодаря трудам Бернштейна и других «постепеновцев».

Так или иначе, успех, достигнутый журналом «Жизнь», объясняется вовсе не вопросами теории, о которой громадное большинство русской публики имеет весьма смутное понятие, а отделом беллетристики, где самую видную роль играет Максим Горький с идеалами босячества. Свежий талант и реклама сделали свое дело.

Я полагаю: 1) что успех журнала раздут искусственно и, следовательно, преходящ и 2) что цензурное ведомство вооружено достаточно сильно, дабы [противостоять всяким литературным веяниям».

8 июня министр внутренних дел представил совещанию 4 министров свой обзор деятельности журнала «Жизнь» с момента его возникновения.

«Ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Жизнь» по первоначальному плану предпринят с целью ознакомления читателей с развитием и могуществом нашей родины. Он должен был быть посвящен описанию русских святынь, исторических памятников, при чем хроника внутренней и иностранной общественной и государственной жизни должна была состоять из пересказа современных

событий, преимущественно по газетным сведениям. Издание с таким невзыскательным и невинным характером имело в виду главное управление, которое не встретило препятствий к разрешению журнала «Жизнь». Между тем этот журнал постепенно, в особенности со вступлением в соредакторство Ермолаева, принял характер весьма тенденциозный и односторонний, насаждая на русской литературной почве марксизм и собрав вокруг себя целую фалангу сотрудников из приверженцев новомодных социал-экономических доктрин. Те страницы журнала, которые должны бы быть посвящены объективному и беспристрастному обзору событий преимущественно русской жизни, наполняются длинными и quasi специальными статьями о теории ценности Маркса, изложением подробностей и фазисов той эволюции, которую переживает марксизм, равно как статьями о способах применения философско-экономических начал теории Маркса к русской действительности. Авторы статей нередко вступают в борьбу с партией народников, при чем отстаивают неизбежность будущего развития нашей родины по железным законам, открытым Марксом, вопреки историческим и традиционным началам нашей жизни. Таковы статьи Берлина, Лозинского, появляющиеся почти в каждой книжке, равно как статьи Суркова, Маслова, Богданова и др. Помимо этого, и в статьях чисто исторического и литературного характера авторы стараются провести то же миросозерцание, вдаваясь то в экономический материализм (напр. статья Е. Орлова, апрель 1901 г.), то в огульное осуждение всего литературного достояния настоящего, как служащего интересам капитализма или мещанства (напр. статья Андреевича «Литературное мещанство»), то в насмешливый и наглый поход против метафизики и религиозной мистики (статья: «В. С. Соловьев»). Конечно, авторы статей не заходят так далеко, чтобы знакомить русскую публику с марксизмом в его социал-демократической форме и окраске, — этого никогда не дозволила бы им цензура, — но, во всяком случае, развиваемые в статьях журнала научные проблемы служат идейным фундаментом для социал-демократии всего света.

Такое превращение издания из невинно-патриотического в социал-экономическое произошло не без значительного противодействия со стороны цензуры. Но этот процесс совершился незаметно и постепенно, и цензура, борясь с отдельными и более резкими проявлениями нового направления, не могла предотвратить его незаметное проникновение, тем более что все статьи по социально-экономическим вопросам, представляемые в цензуру, не выходили из пределов научных исследований по теоретическим вопросам. Но время накопило большой и тяжеловесный балласт однородного материала, значение которого выясняется только теперь, когда он наложил печать на все издание. Помимо этих статей, журнал во всем остальном представляет подобие других, так называемых либеральных, толстых журналов с тем различием, что уступает им в серьезности и яркости. Таковы в особенности провинциальные очерки Чирикова и литературное обозрение Андреевича, появляющиеся в каждой книжке. И здесь издание постепенно изменило своей первоначальной программе, несмотря на настойчивое противодействие цензуры, которая старалась удержать его в пределах программы и задерживала не мало статей. Провинциальная жизнь представлялась в тяжелом и мрачном свете, интересы личности и общества — мало обеспеченными, зато произвол начальства — беспредельным. Что касается беллетристики, то она не представляет ничего выдающегося до последнего времени, хотя нельзя не признать отчасти тенденциозного ее характера (напри-

мер статья Крандиевской «Ничтожество» и «Водотолчение» Эля). Благодаря невысоким достоинствам как беллетристических, так и научных статей журнала, равно как невысокому авторитету, каким он до последнего времени пользовался в среде образованной публики, ни спб. цензурный комитет, ни главное управление по делам печати не придавали особое значение этому изданию и не находили нужным принимать против него какие-либо чрезвычайные меры. Но в настоящее время он начинает завоевывать в публике интерес и симпатии, имея в этом году уже слишком 13.000 подписчиков и широкое распространение среди молодежи и заручившись сотрудничеством такого писателя, как Максим Горький, повесть которого «Трое», помещаемая в 1901 г. в журнале, при всех ее художественных достоинствах и жизненной правде, может быть, однако, комментирована в связи с основным направлением журнала. Вообще самая строгая и бдительная цензура, которая была применена к журналу «Жизнь», устраняя крайние проявления отрицательного направления, не может совершенно его парализовать, когда не только содержание статей, но и подбор и даже самое умолчание об известных предметах — все служит целям проводимой изданием тенденции». — В результате совещание, в состав которого входили министр внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурор синода, постановило совершенно прекратить издание журнала «Жизнь».

Журнал «Жизнь» существовал немного более года. В течение этого времени он ни разу не подвергался ни судебным, ни административным взысканиям. Высшая карательная мера, как это было применено и к «Новому Слову», и к «Началу», была проведена сразу. Приговор, касавшийся этих журналов, был напечатан в «Правительственном Вестнике» без всякой мотивировки.

После закрытия «Жизни» группа литераторов, с Поссе во главе, перенесла издание этого журнала за границу. Ревизионистские симпатии заграничной «Жизни» не могли создать ей значительного круга подписчиков, и журнал этот перестал выходить после шестого номера.

V.

«НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ».

«Научное Обозрение» вышло в свет в 1894 г. в виде еженедельного, подцензурного журнала. Первоначальная программа его была строго ограничена областью точных наук. Но еще до выхода в свет первого № редактору М. М. Филиппову удается расширить программу журнала отделом естествознания, географии, этнографии и антропологии. Эта программа существует до 1896 года. 25 октября 1896 г. программа расширяется отделами обществоведения и статистики, истории литературы, археологии, истории культуры и искусства. С этого же времени журнал превращается в ежемесячный. До ноября месяца 1895 г. в делах главного управления по делам печати, а также и в цензурном комитете не встречается материала, который указывал бы на марксистское его направление. В ноябре же 1895 г. была запрещена статья Дарвина: «Происхождение человека и подбор по отношению к полу», которая должна была выйти в виде бесплатного приложения. «Хотя это сочинение, — пишет цензор в докладе цензурному комитету, — общеизвестно, но, как отличающееся материалистическим характером, оно, по мнению цензора, не

может быть дозволено к печати» [1]). Цензурный комитет соглашается с мнением цензора, и статья к печатанию не допускается. В 1898 г. издательство журнала переходит к П. П. Сойкину. Он делает попытку выпускать «Научное Обозрение» без предварительной цензуры и расширить программу отделом словесности; но как первое, так и второе ему не удается.

С 1898 г. по 1900 г. опять не встречается никаких документов об этом журнале, и только 9 августа 1900 г. цензор Соколов по поводу статьи Булгакова «Конечная цель и движение» пишет: «Для журнала «Научное Обозрение» мне представлена статья г. Булгакова «Конечная цель и движение», где автор указывает, что прежняя конечная цель социалистического и коммунистического движения — захват политической власти после экономической катастрофы на почве концентрации и монополизации производства — благодаря работам Бернштейна оказалась призрачной. Теперь конечная цель просто движение, конечно, по пути, указанному Марксом. Статья подлежит запрещению по 95 ст. уст. о ценз. и печ.» [2]).

28 июня 1900 г. цензор представляет в цензурный комитет отзыв о статье Мижуева «О рабочем движении в Пульмане» такого содержания: «Для журнала «Научное Обозрение» мне доставлена статья г. Мижуева о рабочем движении в Пульмане. Автор излагает подробности этого движения и описывает стачки с очевидным сочувствием к одной из борющихся сторон, именно к рабочим. Статья имеет характер тенденциозный. Принимая во внимание марксистские тенденции «Научного Обозрения» и стремление раздувать рабочий вопрос в духе социализма, цензор, применительно к 95 ст. уст. о ценз. и печ., полагал бы запретить эту статью для печати». Статья эта резко ревизионистского направления. Автор Булгаков кончает статью такими словами: «Цель настоящих разъяснений есть поэтому не доказать ничтожность конечной цели и ее ненужность, но восстановить ее в логических правах, изъяв ее из конкретной действительности в царство идеала, ее духовную родину».

6 ноября 1900 г. директор департамента полиции сообщает в главное управление по делам печати князю Н. Шаховскому, что, «по полученным сведениям, в числе сотрудников журнала «Научное Обозрение» состоит известный эмигрант Георгий Валентинов Плеханов, глава социал-демократической группы «Освобождение Труда». В последнем, октябрьском, номере названного журнала, отличающегося вообще подбором статей социалистического направления, помещена статья Плеханова и Веры Засулич под псевдонимом «Н. Карелина» «Заметки читателя по поводу упразднения Туган-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли» [3]). — Эта статья была допущена цензурой. Вообще надо сказать, что сотрудники журнала лица очень известные, как-то: Г. В. Плеханов, Туган-Барановский, П. Струве, Бердяев, но ни про одну из их статей нет упоминаний в делах ценз. комитета и главного управления по делам печати.

Это объясняется тем, что журнал издавался под предварительной цензурой, и статьи часто отклонялись после словесных переговоров редакции с цензором. В 1901 году запрещены два рассказа: «Школьный омут» Кудрявцева, рисующий внутреннюю жизнь гимназии времен министра народного просвещения Толстого, и «Машина — время» Уэльса. Оба рассказа запрещены как несоответствующие утвержденной программе

[1]) Дело спб. ценз. ком., № 126, л. 7.
[2]) Дело спб. ценз. ком., № 126, л. 17.
[3]) Дело 1-го отд. гл. упр. по д. п., № 25, лист 33.

«Научного Обозрения», не включавшей отдела беллетристики. То же случилось в 1902 г. и с рассказом Зудермана: «Новогодняя исповедь друга дома».

Но в этом же 1902 году новой издательнице журнала Вере Александровне Москалевой было разрешено пополнить программу «Научного Обозрения» отделом беллетристики. Для характеристики направления журнала «Научное Обозрение» можно еще привести докладную записку редактора журнала М. М. Филиппова начальнику главного управления по делам печати от 31 декабря 1901 г. [1]) «В 1894 году я основал журнал «Научное Обозрение», который с тех пор и редактировал», — пишет Филиппов. «В 1898 г. я продал издание Сойкину, обусловив нотариальным договором, что журнал остается под моим редакторством при нем и его правопреемниках. Тем не менее, в настоящее время Сойкин ведет переговоры с компанией, имеющей во главе К. Н. Акермана, П. Ю. Шмидта, относительно продажи им журнала с обходом моих прав как редактора. Конечно, я сохраняю право гражданского иска. Но, кроме гражданских отношений, здесь есть и иные, публично-правовые и более принципиальные, касающиеся вообще редактора и издателя. Не могу быть судьею в своем деле, но обращаюсь к заступничеству вашего сиятельства. В моей редакторской деятельности есть лишь одна сторона, которая вызывала неудовольствие цензурного ведомства. Одно время в журнале отводилось слишком много места спорам о так называемом «марксизме». Как известно, однако, это направление в 1899 году раскололось на множество толков и сект, а в 1900 г. пришло к окончательному кризису. Не все это сознали в такой степени, как я: мною печатно было высказано, что даже от так называемой «критической струи» в марксизме нельзя ждать многого. В виду такого установившегося у меня убеждения, само собою вытекает, что, независимо от всякого цензурного воздействия, марксизм не может более иметь места в руководимом мною журнале. Таким образом сам собою исчез единственный источник моего разногласия с цензурным ведомством; мое же кантианство и борьба против крайностей метафизики едва ли могут быть признаны вредными с правительственной точки зрения. Твердо уповаю, поэтому, что ваше сиятельство не допустите попрания моих прав лицами, желающими, в сущности, нарушить мои имущественные интересы. Обращаюсь к вашему сиятельству, как к покровителю русской печати, чуткому к ее истинным интересам, а стало быть, и к интересам писателей, которые и без того слишком находятся в зависимости от издателей. Здесь же нарушаются даже права, утвержденные за мною правительством. Если ваше сиятельство сочтете необходимым, я могу дополнить эту записку личными разъяснениями.»

В 1903 году на страницах журнала был запрещен роман Золя «Правда». Цензорский отзыв о романе таков: «Роман этот представляет собою третью часть задуманной Золя тетралогии, т.-е. 4 евангелий, переписанных на социалистический лад. В 1900 г. появился первый роман этой тетралогии «Fecondité» (евангелие от Матфея), в прошлом 1902 г. второй—«Travail» (евангелие от Луки), первоначально признанный спб. цензурным комитетом подлежащим действию 149 ст. устава о цензуре и печати и выпущенный советом главного управления по делам печати лишь после доклада г. министру внутренних дел с огромными урезками, изменившими в значительной степени смысл романа.—«Verité» это евангелие от Марка. Содержание первых глав, напечатанных в январской книге «Научного Обозрения», следующее: население небольшого уездного города Майбуа крайне взволновано гнусным преступлением: маленький воспитанник

[1]) Дело 1 отд. гл. упр. по д. п., № 25, л. 38.

школы капуцинов Зефирин, мальчик еврейского происхождения, но католик, только что впервые причастившийся, найден в своей комнате задушенным с явными признаками скрытого садизма. Народ волнуется и грозит монахам и священникам: автор довольно прозрачно дает понять, что преступление это совершено духовным лицом. В дело вмешивается герой романа Марк Фроман, по профессии учитель светской школы, эмансипированный молодой человек, «не веривший больше ни в бога, ни в чорта и проповедывавший благодетельное (слова автора) уничтожение церкви» (стр. 24). Впрочем, по мнению Золя, «церковь перестанет существовать с того момента, когда народное образование ускользнет из ее рук» (стр. 26). Можно с уверенностью сказать, что эти мысли получат в дальнейших главах достойное точки зрения Золя развитие. В виду всего вышеизложенного, а также состоявшегося уже решения комитета, санкционированного г. начальником главного управления по делам печати, я, с своей стороны, признаю ходатайство г. Филиппова о разрешении ему довести роман «Правда» Э. Золя до конца не подлежащим удовлетворению». Цензурный комитет согласился с мнением цензора.

Приведенные документы исчерпывают весь материал, который имеется в делах ценз. комитета и гл. упр. по делам печати об этом журнале. В 1904 г., за внезапной смертью редактора М. М. Филиппова, с июня месяца этого года издание журнала «Научное Обозрение» прекращается, а 7 сентября этого же года журнал считается закрывшимся.

VI.

«МИР БОЖИЙ».

Журнал «Мир Божий», получивший впоследствии широкую известность и распространение, стал выходить в свет в Петербурге с 1891 г., под предварительной цензурой, в виде научно-популярного и литературного ежемесячного издания, предназначенного «для юношества». Издательницей его состояла Александра Аркадьевна Давыдова, вдова известного композитора и виртуоза на виолончели, Карла Юльевича Давыдова. Оба они, и покойный К. Ю. Давыдов и его жена, много работали в области педагогики, при чем последняя уже ранее состояла издательницей детского журнала «Всходы». Редактором «Мира Божьего» Давыдова пригласила Виктора Петровича Острогорского как опытного педагога, талантливого литератора, автора многих беллетристических и публицистических статей, редактировавшего в свое время журналы «Детское Чтение» и «Дело» [1]).

Крупный успех среди взрослых читателей, выпавший с первых же шагов на долю «Мира Божьего» благодаря умело и интересно составленным статьям для самообразования, заставил Давыдову и Острогорского изменить первоначальную программу этого издания «для юных читателей», сообщив ей характер, общий для «толстых» литературных и научно-популярных журналов.

Первый номер «Мира Божьего», по видоизмененной программе, вышел в январе 1894 г. и сейчас же привлек к себе внимание департамента полиции. В феврале последний уведомил начальника главного управления Феоктистова, что «неблагонамеренные лица весьма сочувственно относятся к направлению журнала «Мир Божий», признавая орган этот пригодным для пропаганды противоправительственных идей» [2]).

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1891 г., № 20.

[2]) Там же.

Предупреждение это было принято к сведению; но редакция «Мира Божьего» была настолько осторожна в представляемом ею материале, что никаких трений между нею и петербургским цензурным комитетом пока не возникало. Лишь в январе 1897 г. комитет запретил статью Людвига Крживицкого под названием «Факторы общественного развития (К анализу экономического материализма)» и сделал замечание по поводу статьи Н. Кареева «Старые и новые этюды об экономическом материализме» в том смысле, что статья, «излагая взгляды Энгельса, последователя Маркса, по существу содержания не удовлетворяет условиям подцензурной печати» [1]). Вместе с этим петербургский комитет доложил главному управлению, что «цензирующий в настоящее время журнал «Мир Божий» замечает в этом повременном издании довольно ясное стремление редакции по преимуществу разбирать вопросы экономические и общественные, придавая им несколько материалистический оттенок».

Замеченное цензурою «стремление» можно объяснить тем, что с этого времени, 1896—1897 г.г., в связи с расширением программы, в журнале начинает принимать деятельное участие М. И. Туган-Барановский, по родственным связям близко стоявший к издательнице «Мира Божьего» А. А. Давыдовой.

Цензура становилась к «Миру Божьему» более строгой. В феврале 1897 г. цензор Соколов «не находит возможным дозволить к печати стихотворение Якубовича (Мельшина) «К родине» (из ирландских мотивов О'Коннора) в виду страшных упреков и обвинений со стороны поэта по адресу родины и в виду того, что стихотворение, составленное в резких, но общих выражениях, прямого отношения к Ирландии не имеет». Комитет развил далее мысль цензора, найдя, что это стихотворение «исполнено проклятий родине за крайне тяжелую, без одного красного дня, жизнь, что, в соответствии с природой, похожей на нашу, может навести читателя на совсем нежелательные сопоставления». В июле того же года цензура задержала статью Б. Эфруси «Прогресс и бедность», так как «в этой статье проводятся идеи Генри Джорджа, в виду чего главное ее содержание составляют доктрины социализма и рабочий вопрос».

1898 и 1899 г.г. прошли в цензурном отношении для «Мира Божьего» спокойно,— по крайней мере в делах главного управления и петербургского комитета не имеется указаний на какие-либо запрещения или исключения. Зато в марте следующего, 1900 г., цензура запретила три рассказа А. И. Герцена под общим заглавием «Скуки ради». Комитет нашел, что рассказы эти, «как видно из предисловия, перепечатываются из книжек «Недели» конца 60-х годов. По существу, в цензурном отношении, ничего вредного эти рассказы не представляют. Но как произведения бывшего изгнанника они не могут быть дозволены к печати» [2]). Помимо цензуры, с «Мира Божьего» не спускал взора и департамент полиции. В конце 1900 г. он уведомил начальника главного управления князя Шаховского, что, по его сведениям, из-за границы прислано для напечатания в журнале «Мир Божий» начало перевода нецензурной книги «La cour de Russie il y a cent ans». Вскоре после того последовало новое предупреждение департамента, что «в литературных кружках известного направления озабочены помещением в одном из органов повременной печати, предпочтительно в «Мире Божьем», недавно написанного стихотворения тенденциозного содержания под заглавием «Ткачи». Заинтересованные лица весьма опасаются, что цензура означенное стихотворение не пропустит,

[1]) Д. спб. ц. к. 1891 г., № 84.
[2]) Там же.

потому что в провинции была уже попытка прочитать оное на литературном вечере, но разрешения на то не последовало» [1]).

В начале 1902 г. в журнале «Мир Божий» сменились и издательница и редактор, так как оба они, т.-е. А. А. Давыдова и В. П. Острогорский, скончались, и почти одновременно. Право издательства перешло, по наследству, к Марии Карловне Давыдовой, по мужу Куприной, дочери покойной А. А. Давыдовой, а Острогорского заменил приват-доцент Петербургского университета и преподаватель Высших женских курсов, магистр всеобщей литературы, Федор Дмитриевич Батюшков.

С началом же редактирования совпало запрещение и цензурным комитетом и главным управлением, к «благоусмотрению» которого обратился комитет, крупной статьи В. Богучарского «Из истории русской журналистики в эпоху реформ», в виду того, что по отзыву члена совета главного управления Пантелеева «отрицательное отношение к цензурным установлениям проникает всю эту работу, и цензор не может поставить свое дозволение на статье, не обсуждающей, а осуждающей действия правительства и позорящей отправление цензурой своих обязанностей. Статья г. Богучарского могла бы иметь место в каком-либо бесцензурном строго научном журнале или в бесцензурной исторической хронике, но никак не в подцензурном общем издании». Одновременно с этим запрещением главное управление сделало замечание цензурному комитету за слабое наблюдение за «Миром Божиим», указав ему на недопустимость мест, подобных помещенному в апрельской книжке журнала «Мир Божий», в отделе «Критические заметки», где говорится о деятельности Красного Креста во время голода 1899 г. следующим образом: «мы только слышали, что где-то и что-то делает Красный Крест, но больше знали об его победоносной войне с частной благотворительностью, которую он, при благосклонном содействии предержащих властей, действительно искоренил» [2]).

К этому времени, т.-е. в 1903 г., на «Мир Божий» у цензурного ведомства установился совершенно определенный взгляд, который ясно виден из следующей характеристики этого журнала, данной постоянным цензором его Н. М. Соколовым. Переход журнала к новой издательнице и к новому редактору, — пишет Соколов, — «едва ли отразится на его характере и направлении, так как, благодаря энергии А. А. Давыдовой и ее ближайшим сотрудникам, дело поставлено прочно и в коммерческом отношении представляет очень выгодное предприятие. Беллетристическим и критическим отделом заведует г. Богданович, а научным г. Агафонов. Теперь это едва ли не самый читаемый журнал в России (около 16.000 подписчиков). Первоначально на обложке журнала стояло «для юношества и самообразования», и журнал действительно стремился к этой цели. Популярные научные статьи и повести — главным образом исторического содержания — были главным материалом журнала. Потом эти слова были сняты, программа издания расширена, и «Мир Божий» стал приближаться к обычному типу толстых журналов. После закрытия журнала «Начало» выдающиеся представители русского марксизма (Туган-Барановский и Струве) пытались утвердиться в «Мире Божьем», который до них и после них отнюдь не был органом социалистов этой окраски. Впрочем, и во время их сотрудничества марксизм уже терял свое прежнее значение, и сами провозвестники этой доктрины, особенно Струве, изменили свои взгляды

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1891 г., № 20.
[2]) Там же.

и уклонились от так называемого правоверного марксизма. Теперь, когда марксизм, как теория, почти совершенно потерял кредит у молодежи, в «Мире Божьем» только изредка слышны слабые отзвуки этой доктрины. По направлению это журнал либеральный, пытающийся, насколько это возможно для подцензурного издания, критиковать современный государственный строй и проводить начала космополитизма. Материальный успех журнала, повидимому, значительно влияет на успокоение умов руководителей журнала и делает их более осторожными в выборе тем и выражений» [1]).

В августе 1903 г. подверглась сильному сокращению статья Кирика Левина «Что читает и чем интересуется наша молодежь?», разрешенная к печати лишь с большими сокращениями. В ноябре комитет запретил статью Тана «Духоборы в Канаде», на основании следующего доклада цензора Соколова: «автор полемизирует с г. Элкинтоном и Владимиром Ольховским, которые доказывают, что коммунистические взгляды духоборов в Америке пошатнулись и духоборы готовы приспособиться к американским порядкам. Г. Тан опровергает это и пытается представить в самом выгодном свете главарей духоборов-эмигрантов, особенно Веригина. Статья не может быть дозволена в подцензурном издании». В декабре того же года Соколов «затруднился дозволить» к печати статью Д. Ахшарумова под названием «Из моих воспоминаний», так как «автор ее, приговоренный к смертной казни по делу Петрашевского, был помилован и сослан в каторжную тюрьму в Херсоне. Он рисует тюрьму и ее служебный персонал самыми мрачными красками». Главное управление, на благоусмотрение которого комитет представил «Воспоминания» Ахшарумова, оказалось снисходительнее петербургской цензуры и разрешило напечатать эту статью «за исключением пяти строк, относящихся до покойного императора Николая I».

1904 г. был особенно тяжел для «Мира Божьего». Был подвергнут запрещению ряд статей самого разнообразного содержания. В феврале комитет, согласно с цензором, запретил три статьи Б. В—ра «Япония и Корея», «Пессимизм японской молодежи» и «Япония и Россия», в виду того, «что 1) при положении сначала дипломатического, потом боевого столкновения между Японией и Россией здесь приводятся утверждения, прямо противоположные объяснениям русского правительства; 2) что действия русского правительства признаются несправедливыми, а действия японского правительства—естественными, вынужденными обстоятельствами и законными, и 3) что дипломатические и военные действия рассматриваются с точки зрения исключительно японских интересов». В июне комитет запретил рассказ А. Бибика под названием «Приятели». «В железнодорожной мастерской, — докладывал о нем цензор, — два мальчика чистят котлы, затевают спор, в который вмешивается машинист. Мальчики дразнят машиниста, тот жалуется начальнику депо, и одного из них наказывают—заставляют чистить котел сверх урока. Другой, возмущенный этим, является к начальнику и протестует против наказания, но это ни к чему не приводит. Оба мальчика снова в котле, говорят о своих родителях, которые их любят, но не понимают их положения, читают книгу о Болгарии, о политической и вооруженной борьбе и кончают пожеланием убежать от родителей. Сгущенные краски в описании фабричного быта и оттенки философии и морали в духе социальном побуждают цензора признать этот рассказ не подлежащим к разрешению». Строгость цензуры продолжалась и далее. В августе комитет не дозволил статью Берлина под названием «Война и народное хозяйство». «Автор ука-

[1]) Д. спб. ц. к. 1891 г., № 84.

зывает, — пишет цензор Соколов, — что война уже отразилась печальным образом в различных отраслях русской промышленности, что подъем промышленности в некоторых отдельных отраслях отнюдь не перевешивает общего кризиса, что миллиард, нужный для окончания войны, тяжелым бременем ляжет на население. Цензор полагает, что говорить о тягостном экономическом истощении России вследствие войны — несвоевременно и поэтому полагал бы означенную статью к печати не разрешать». В октябре статья А. Б. под названием «Критические заметки» подверглась сразу двойному запрещению. Цензор Андриашев писал о ней:

«Автор статьи А. Б. (Богданович) полемизирует с г. Стародумом, поместившим в «Русском Вестнике» критическую статью о «Мире Божьем». Г. Стародум упрекает «Мир Божий» в односторонности, в том, что он не счел нужным откликнуться на многие выдающиеся события нашей государственной жизни. «Рождение наследника престола, начало войны, убиение министра, радость, забота, горе, восторг и ужас, надежда и тревога — все то, чем жило государство, а следовательно, и народ,—все это не интересует «Мир Божий» и заносится на страницах его кратко и вяло». Отвечая на эти обвинения г. А. Б. в резко определенных выражениях указывает, что огромное большинство вопросов, отмеченных г. Стародумом, были затронуты и освещены редактором «Мира Божьего», но это освещение не дошло до читателей, так как статьи были уничтожены цензурой. «От нас требовали славословия, — говорит г. А. Б., — мы молчали; от нас требовали лжи, мы молчали. Вот почему огромный ряд вопросов и не был затронут или же приходилось только удостоверять факты, предоставляя читателю самому разбираться в них».

Этим заканчивается ответ г. Стародуму, и вторая половина статьи заключает в себе страстный призыв к обновлению и общественному устроению.

Приведя почти полностью статью кн. Трубецкого «Шестидесятые годы и предстоящая реформа», помещенную в 40 № журнала «Право», а также выдержки из провинциальных газет, автор резко подчеркивает, что все зло — в нашей бюрократии. «Чиновник разросся за счет граждан до небывалых никогда еще размеров и стал как бы самодовлеющей величиной, целью an und für sich, а все остальное лишь постольку и существенно, поскольку служит чиновнику». Результат такого положения дел — это «лозунг наших дней: «Людей нет». Но откуда же им взяться, когда нормальная жизнь молодежи, шедшей естественным путем на смену старшего поколения, постоянно нарушалась? И длилось это избиение младенцев не год, не два, а начиная с времен устава 1884 года. Происходило это нередко просто вследствие непонимания руководителями тех задач, которые они должны преследовать». Приведя в виде примера непорядки в Харьковском политехническом институте, Горном институте и Высших женских курсах, г. А. Б. продолжает: «таким образом во всех 3 взятых нами случаях (а разве их было 3?) виновниками беспорядков, нарушивших правильное течение жизни этих просветительных учреждений, явилась не учащаяся молодежь, а руководители; а пострадали, конечно, не они, а все та же многострадальная молодежь». «Да,—говорит в конце статьи автор,—бюрократия с полным правом может сказать про себя: «захватило нас трудное время неготовыми к трудной борьбе» — не только на Дальнем Востоке, но и здесь, внутри России. Ни одна из задач, отнятых ею у общества, не выполнена ею. Народ обнищал и подавлен, общество угнетено и растеряно, наука, литература и печать задавлены, все общественные начинания подсечены в корне, на поверхности жизни — одна слизь, гниль и зловонные пузыри»...

Я далеко не использовал в этом докладе всех мест, обращающих на себя внимание цензора, и полагаю, что столь резкое осуждение существующих государственных порядков не может быть допущено в подцензурной прессе, в виду чего статья эта подлежит запрещению на основании ст. 96 уст. о цензуре и печати».

В свою очередь, представитель военного министерства в цензурном комитете генерал-лейтенант Дуроп докладывал: «статья А. Б. «Критические заметки», как по видимой цели и намерениям автора, так равно и по некоторым отдельным мнениям, заключающимся в ней, совершенно противоречит п.п. 1—5 инструкции. В виду изложенного признаю означенную статью неудобною к печати» [1]). В это же время на рассмотрение комитета поступила фантазия Тана под названием «Агасфер». Несмотря на то, что произведение это, чисто литературное, не касалось ни догматов, ни учения православной церкви, комитет направил его на разрешение в петербургский духовный цензурный комитет, где фантазия Тана была признана недопустимой к напечатанию.

Батюшков принес жалобу в главное управление на петербургскую цензуру. «Духовный цензор о. Александр, — писал Батюшков, — удивлен, что обработка легенды о «Вечном жиде», т.-е. совершенно апокрифное предание, была прислана на рассмотрение духовной цензуры, которой с таким произведением нечего делать. Он знает, что легенда эта издавна стала достоянием поэтов и признает ее вне ведения церкви. «Но так как уже нам прислали ее, — прибавил о. Александр, — то мы должны были высказаться против двух мест — о еврейских погромах и о войне, ибо не можем признать, что христианство в них повинно. Если несколько переделать эти два места, то и духовная цензура не будет иметь ничего против напечатания «Агасфера», только бы не присылали нам ее на просмотр». Трудно объяснить, чем руководствовался цензурный комитет, передавая «Агасфера» в духовную цензуру. Дело, во всяком случае, окончилось тем, что Тан взял свою рукопись обратно, и она полностью была напечатана тогда же в газете «Наша Жизнь».

Помимо цензурных невзгод, на «Мире Божьем» вообще тяготело подозрение в неблагонадежности. Еще в мае 1904 г. департамент полиции уведомил начальника главного управления Зверева, что, «по сообщению канцелярии иркутского военного генерал-губернатора, контора редакции «Мира Божьего» высылает бесплатно свой журнал колониям политических ссыльных, находящихся на водворении в Восточной Сибири, при чем бесплатная доставка является результатом коллективной просьбы известной колонии и вся литература высылается по адресу одного из членов колонии».

При таких условиях начался для «Мира Божьего» новый, 1905, год, в конце которого мощно разлился поток революционного движения. Признаки и симптомы его уже замечались. Администрация во многих случаях шла на уступки «духу времени». Цензура вообще смягчала свою деятельность, но в отношении к «Миру Божьему», а равно и другим подцензурным изданиям, строгости продолжались. Статьи запрещались буквально для каждой книжки журнала. В январе цензор не дозволил рассказ Яблоновского «Полотеры», так как «вся соль этого гибельного рассказа заключается в повествовании полотера о том, как его били и истязали в участке для того, чтобы вымучить сознание в краже часов, в чем он был невиновен. Возмущенный рассказом этим, слушатель его советует ему жаловаться в суд и даже предлагает ему деньги, но напуганный полотер отказывается, так как знает, что за жалобу на полицию ему еще более доста-

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1891 г., № 20.

нется». В феврале, для мартовской книжки, были запрещены сразу две статьи. Первая — «Внутреннее обозрение» — за то, что в ней «определенно выражается, что единственный исход для России из того печального положения внутренней смуты, в котором она теперь находится, есть введение представительного образа правления». Вторая статья Ларского под названием «По поводу» запрещена, так как «автор обрисовывает движение части русской интеллигенции, выразившееся в банкетах, постановлениях земских собраний и т. д., при чем, относясь сочувственно к этой форме движения, он осуждает все проявления деятельности несогласных с этим движением лиц».

В марте в комитет два раза была представлена статья Тарле «Новое толкование трактата о правах человека и гражданина», при чем оба раза (второй раз в измененном виде) запрещалась, так как, по мнению цензора, «статья эта от сделанных исправлений не изменила своего прежнего характера». В апреле цензура не дозволила к печати рассказ Осиповича под названием «Средь шумного бала». «Автор, — докладывал об этом произведении цензор, — рассказывает, очевидно, по личным воспоминаниям, о быте политических ссыльных на крайнем севере Якутской области, как они голодают и от голода грызут лошадиные кости; хлеб и сахар — редкое лакомство. Все поселенцы страшно тоскуют. Рассказ кончается описанием истерического припадка одного из членов колонии ссыльных, вызванного тоскою по свободе».

Батюшков вновь жаловался на цензуру новому начальнику главного управления Бельгарду и путем личных переговоров, как с ним, так и с председателем комитета Катениным, добился того, что рассказ этот, по исключении из него мест, указанных самим Бельгардом, был дозволен к напечатанию. 18 мая подверглась запрещению статья М. Туган-Барановского под заглавием «Движение в пользу национализации земли», на основании следующего доклада цензора Андриашева: «представлена пока часть статьи, состоящая из «теоретического вступления» и истории движения в пользу национализации земли на Западе — главным образом в Англии; в этих последних главах автор приводит основные взгляды на рассматриваемый вопрос Спенсера, вожаков чартистов О'Бриенна и О'Коннора, Милля, Госсена и, наконец, американца Генри Джорджа. В конце 3-ей главы он вкратце указывает на успехи движения в пользу национализации земли в Германии и Австралии. В «теоретическом вступлении» автор указывает, что национализация земли должна быть, после уничтожения рабства, второй ступенью к полному освобождению личности. Третьей ступенью явится уничтожение зависимости ее от капитала. Из двух последних факторов — владение землей и владение капиталом — первое является более вредным, так как владеющие землей являются лишь трутнями в общем деле создания национального богатства, между тем как капиталисты пока необходимы для развития промышленности и торговых сил страны. С другой стороны, вопрос об уничтожении частного землевладения решается проще и отразится губительно на интересах лишь одних крупных землевладельцев, лишив их той ренты, которую они получали по праву владения, а не соответственно их личному труду. Доказательством этой последней мысли и историческому очерку попыток национализации земли и посвящены последующие главы, краткое содержание которых изложено выше. В виду ст. 95 цензор не находит возможным разрешить к напечатанию статью г. Туган-Барановского». Узнав о запрещении, Батюшков 19 мая обратился в цензурный комитет со следующим прошением: «Редакция предполагала снабдить эту статью примечанием, в котором разъясняется, что журнал отнюдь не имеет в виду пропагандировать теорию, представляющуюся во многом спорной, и тут же приводит некото-

рые возражения против нее. Научно-объективное рассмотрение этой теории представляет вполне отвлеченный интерес, но в то же время идея передачи земли в государственную собственность идет вразрез с теми стремлениями к самовольному захвату крестьянскими общинами частных владений, которые служат основой аграрных беспорядков. В этом отношении национализация земли служит показателем более закономерного распределения земельной собственности, при чем государство, сохраняя за собой инициативу, может допустить и параллельное существование частной собственности. Таким образом, излагаемая теория сама по себе не подрывает существующего у нас строя, а статья дает лишь возможность несколько разобраться в различных мнениях за и против системы землевладения, о которой уже существует обширная литература и в русских переводах. Вообще статьи г. Туган-Барановского носят чисто теоретический научный характер и, снабженные прилагаемым примечанием, ничуть не могут возбудить недоразумений о непосредственной применимости разбираемой теории. В виду изложенного покорнейше прошу разрешить напечатать статью г. Туган-Барановского». Приложенное Батюшковым редакционное примечание заключалось в следующем: «печатая нижеследующие строки нашего талантливого экономиста, М. И. Туган-Барановского, редакция отнюдь не имеет в виду пропагандировать теорию национализации земли, которая, как и всякая теория, имеет и свои слабые стороны. Выделение земельного фонда, как собственности государства, от капитала и орудий производства, представляется искусственной мерой, против которой начались веские возражения, ибо, чрезвычайно усиливая доходность государственной казны, такая передача земли на правах арендного пользования частным лицам не решает вопроса о равномерном распределении доходов с обрабатываемых участков. Одна земля без орудий производства, а следовательно без оборотного капитала, ничего не приносит, и право на пользование землей не упраздняет возможных неправомерных отношений арендаторов-предпринимателей, которые должны быть и капиталистами, к наемному труду простых работников. Общинное владение землей у казаков на Урале представляет до некоторой степени прообраз практического осуществления теории национализации земли, и там же обнаруживаются многие неудобства такого распорядка. Вопрос находится также в зависимости от разных условий сельского хозяйства в той или другой местности, при чем именно в интересах этого хозяйства в некоторых местностях частная земельная собственность играет особую роль. Однако теория национализации земли уже более столетия пущена в обращение и встретила многих талантливых поборников. В виду этого знакомство с историческим очерком развития этой теории и разбор ее положительных и отрицательных сторон представляет несомненный интерес, особенно когда изложение, как в данном случае, отличается всеми качествами научной постановки вопроса, под пером вполне авторитетного в этой области писателя».

Но, несмотря на смягчающее примечание редакции, петербургский комитет «не нашел возможным отступить от определения своего о запрещении статьи Туган-Барановского». Вопрос об этом был направлен в главное управление, которое, подобно комитету, «не признало возможным разрешить к печати предназначенную для «Мира Божьего» статью г. Туган-Барановского «О национализации земли» [1]).

Еще в январе 1905 г. Куприна и Батюшков обратились в главное управление с просьбой разрешить им выпускать «Мир Божий» без предварительной цензуры, ярмо

[1]) Д. спб. ц. к. 1891 г., № 84.

которой так живо ощущалось журналом. Главное управление лишь в мае удосужилось передать это дело на заключение петербургского цензурного комитета. Комитет дал о «Мире Божьем» вполне благоприятный отзыв. «Журнал этот, — писал председатель комитета главному управлению, — принадлежит к числу наиболее либеральных подцензурных ежемесячных изданий. По содержанию каждая книжка журнала делится на три отдела. Из них первый и третий (всего до 20 печатных листов) заключают в себе беллетристические и научно-популярные статьи, и в общем не вызывали особых с цензурной точки зрения замечаний. Второй отдел (до 10 печатных листов) посвящен вопросам современности и публицистике. В этом отделе обращали на себя особое внимание резкостью тона статьи, помещаемые под рубриками «Внутреннее обозрение», «По поводу» и «Из русских журналов». Статьи эти подвергались исключениям и даже запрещению целиком. Тем не менее, имея в виду значительную цену журнала (8 руб. в год с пересылкой) и серьезный характер большей части его содержания, цензор полагает, что ходатайство издательницы и редактора может быть удовлетворено. По мнению цензора, статьи второго отдела журнала едва ли сохранят прежнюю резкость тона и публицистический задор, если за них придется отвечать самой редакции, а не цензору».

Выслушав сравнительно благожелательный отзыв комитета, в котором проглядывало, однако, желание снять с себя ответственность за опасные статьи хотя и подцензурного, но все же «наиболее либерального» журнала, главное управление, тем не менее, отказало освободить «Мир Божий» от предварительной цензуры, так как «журнал этот всегда принадлежал к лагерю наиболее оппозиционных органов печати» [1]).

Между тем запрещения продолжались своим чередом. Неудачные военные действия на Дальнем Востоке заставили внимательнее присмотреться к быту и укладу военной среды. Стали появляться многочисленные рассказы из жизни нашего военного сословия. В июле не был дозволен очерк Очевидца под заглавием «Жизнь—мгновенье», так как этот рассказ, по докладу представителя военного ведомства в цензурном комитете, генерала Дуропа, «отличается направлением ясно тенденциозным и содержит мнения, оскорбительные для нашей армии». В августе запрещен был рассказ под названием «Сто», на основании доклада того же генерала Дуропа, что «статья эта явно тенденциозна и направлена к тому, чтобы ослабить уважение общества к нашему военному сословию» [2]).

Этими запрещениями закончились взаимоотношения цензурного комитета и «Мира Божьего» как подцензурного издания. В октябре 1905 г. всякая цензура была сразу уничтожена согласованными действиями периодических и непериодических изданий, переставших считаться с какой бы то ни было цензурой и цензурным уставом. В ноябре были опубликованы наскоро состряпанные «временные правила о печати», и «Мир Божий» вступил в новую фазу своего существования уже в качестве периодического органа, выходящего в свет при «свободе печати». Однако благами этой «свободы» ему не пришлось долго пользоваться: в следующем же, 1906, году «Мир Божий» был закрыт в административном порядке.

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1891 г., № 20.
[2]) Д. спб. ц. к. 1891 г., № 84.

VII.

«ПРАВДА».

Журнал «Правда», единственное выходившее в Москве марксистское периодическое издание, возник в то время, когда горячая полемика между марксизмом вообще и народничеством, с одной стороны, и между чистым марксизмом и ревизионистами—с другой, смолкла и лишь изредка на страницах «Научного Обозрения» и «Мира Божьего» происходили последние схватки заглохшей борьбы. Журналы «Новое Слово», «Начало» и «Жизнь» были последовательно запрещены один за другим. Отдельных марксистских произведений легально на книжном рынке не появлялось. Центр боевого русского марксизма был перенесен за границу.

В это время, в 1903 г., инженер путей сообщения, Валериан Алексеевич Кожевников подал в главное управление прошение о разрешении ему издавать в Москве журнал искусства, литературы и общественной жизни, под названием «Правда» [1]). При этом В. А. Кожевников, который, по сведениям департамента полиции, представлял собою элемент вполне благонадежный, так как «был сын профессора московского университета, окончил курс в институте инженеров путей сообщения, находился на службе Московско-Казанской жел. дор., состоял членом Русского общества драматических писателей, имел недвижимую собственность в Рузском уезде и вообще в материальном отношении человек вполне обеспеченный», ходатайствовал о том, чтобы предположенный им журнал выходил в свет без цензуры. В этом вопросе он встретил противника в лице московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. «Я, с своей стороны, — писал великий князь, — не нахожу возможным разрешить Кожевникову издание и редакторство проектированного журнала без предварительной цензуры, так как со стороны публицистической деятельности он не известен и если им и написано несколько литературных произведений, то таковое относится к драматическим, что не дает возможности достаточно судить об его опытности, необходимой для ведения, в качестве редактора, периодического издания без предварительной цензуры». Вследствие этих великокняжеских соображений Кожевникову было отказано в просимом им бесцензурном журнале, и 20 мая 1903 г. было выдано свидетельство на право выпуска в свет в Москве ежемесячного издания под названием «Правда» под предварительной цензурой.

Первая книжка «Правды», вышедшая в январе 1904 г., возбудила в рассматривавшем ее цензоре московского комитета Венкстерне трепет, переходящий в ужас. «Несмотря на кратковременное существование [2]), — доносил комитету Венкстерн, — физиономия нового журнала уже настолько выяснилась, что я считаю долгом обратить на него внимание цензурного комитета. Задавшись очевидною целью создать журнал ярко либерально-оппозиционного характера, редакция обратилась за сотрудничеством в давно уже известный цензуре лагерь так называемых «молодых литераторов», работающих в либеральных органах. Оглавление первой книжки украшено именами Бунина, Телешова, Пшебышевского, Михеева, Финна, Ачкасова, Елпатьевского и др. В последних публикациях анонсируется вступление в состав сотрудников Л. Андреева, М. Горь-

[1]) Дело об издании журнала «Правда», 1 отд. главного управления по делам печати, 1903 г., № [illegible].

[2]) Вышла пока одна книжка. (*Примеч. Венкстерна.*)

кого и Скитальца. Четыре статьи из числа представленных для первой книжки пришлось устранить совершенно. Из напечатанных же большинство подвергнуто частным исключениям. Материал, представляемый для второго номера, обрисовывает стремления редакции еще ярче. По моим докладам уже запрещены комитетом статьи: «Ложь» Чирикова—очерк, рисующий быт поднадзорных, «Класс и общество» Финна — статья марксистского направления, «Пироговский съезд» д-ра Е. Ф. Но особенно характерными являются представленные для второй книги «Внутреннее» и «Иностранное обозрения». Первое из них начинается перепечаткой объявления екатеринославского губернатора к рабочему населению села Каменского по поводу происшедших там фабричных беспорядков. Далее идет речь о борьбе земских школ с церковно-приходскими, при чем роль духовенства и администрации в лице земских начальников рисуется далеко не привлекательными красками. Обширная и весьма либеральная статья о земском представительстве оканчивается заметкой: «В жизни нашего земства произошло крупное событие: по высочайшему повелению 8 января 1904 г. деятельность тверского губернского и новоторжского земства приостановкой выборного начала поставлена в исключительные условия, не предусмотренные положением о земских учреждениях». Далее следуют тексты высочайшего повеления и правительственного сообщения по поводу деятельности тверского земства. В «Иностранном обозрении» трактуется об интерпелляции немецких социал-демократов о том, на каком основании одна держава держит в городах германской империи целый штат сыщиков и на каком основании прусская полиция помогает этим сыщикам делать свое дело. Затем приводится речь Бебеля, направленная против имперской политики, обращающей мало внимания на социально-политические задачи. Автор обозрения, конечно, вполне сочувствует Бебелю и его единомышленникам, и статья кончается замечанием: «Это двуликое современное государство, которое одной физиономией всегда и неизменно улыбается имущим, а другою то грозит, то обещает неимущим, воспроизводится во всей Европе, и мы еще будем иметь случай неоднократно вернуться к характеристике различных сторон его деятельности». Из всего сказанного достаточно ясно, к какого рода вопросам тяготеет журнал «Правда», каких тенденций придерживается и что можно ожидать от него в будущем. Доводя о вышеизложенном до сведения цензурного комитета, я полагал бы не лишним осведомить о том и главное управление по делам печати».

Паническое настроение цензора передалось и московскому комитету, который, «признав количество запрещенных цензором статей слишком значительным в течение столь краткого времени издания журнала «Правда» и приняв во внимание, что делавшиеся ранее цензором неоднократные указания редакции о необходимости изменить усвоенное ею направление с радикальным и марксистским оттенком остались без надлежащего воздействия, постановил: предложить цензору, в виду такого явного и упорного противодействия редакции цензурным требованиям, усугубить строгость к названному журналу и представить обо всем изложенном на благоусмотрение главного управления».

Главное управление не разделило страхов, охвативших московскую цензуру, готовую, на основании одной книжки журнала, прибегнуть к самым крайним мерам. Рассматривавший московскую периодическую печать член совета Никольский совершенно не согласился с торопливым заключением московского комитета. «Прочитав первую книжку журнала «Правда», — докладывал начальнику главного управления Никольский, — я вынес впечатление, что хотя направление журнала и либеральное, но по со-

ставу статей и по подбору сотрудников, активно принявших участие в нем, журнал этот не представляет чего-либо особенно яркого, выдающегося в смысле радикализма в ряду существующих «толстых» журналов; большинство последних — того же направления, а некоторые несомненно радикальнее. Комитет обращает особое внимание на то, что первая книжка украшена именами «молодых литераторов», которые приведены выше, но в этих именах нет ничего такого, что могло бы внушить особое опасение для цензуры: все это, за исключением Финна, беллетристы, поэты и литературные критики, хотя и не чуждые так называемых общественных мотивов в своем творчестве, но мало опасные, а некоторые и совершенно не опасные. До некоторой степени не опасен был бы г. Елпатьевский, поименованный в списке комитета, известный своими тенденциозными рассказами на страницах «Русской Мысли» и «Русских Вед.», но в список комитета он попал по весьма странной ошибке, так как его имени нет не только в оглавлении статей, но даже и в списке сотрудников. В помещенных сочинениях указанных авторов я не усмотрел ничего тенденциозного. Особенно странным мне показалось указание комитета на имена Пшебышевского и Михеева; первый принадлежит к хорошо известным русской публике драматургам явно символического направления; его драмы переводятся с польского на русский и ставятся на русской сцене, и драма «Снег», появившаяся в 1-й книжке «Правды», давно уже разрешена драматическою цензурою и поставлена на сцене, если не ошибаюсь, в Москве в одном из театров. Самая драма мне показалась произведением высоко-художественным, чуждым тенденции. Рассказ Михеева «Смерть друга» имеет сюжетом эпоху Пелопонесской войны с действующими лицами — Периклом, Сократом, Аспазией, Эфиальтом и др. Помещенные в книжке стихотворения Бунина совершенно невинного содержания. Вообще беллетристическая часть книжки совершенно лишена тенденции, ничего похожего на радикализм нет. Гораздо более обращает на себя внимание состав публицистических статей, о которых комитет совершенно умалчивает в своей характеристике журнала. Прямо бросается в глаза то, что большое и, пожалуй, центральное место в книге предоставлено статьям философского характера, принадлежащим авторам определенного философского направления, каковы г.г. А. Луначарский, В. Ивановский и В. Рожков [1]); в органе Московского Психологического Общества «Вопросы философии и психологии» они занимают видное место, но не в ряду приверженцев господствующего направления; к ним можно причислить и А. Богданова, мне неизвестного. Все это так называемые «позитивисты» на философской и исторической почве, противники метафизического направления, представляемого школой Грота-Лопатина и выразившегося в известном сборнике «Проблемы идеализма». Если присоединить к этому А. Дживилегова, историка-педагога и публициста, сотрудника «Русских Ведом.» и «Курьера», неоднократно выступавшего со статьями против «Проблем идеализма», то можно вывести заключение, что направление журнала предполагается «реалистическое» или «позитивное», что он намерен вести борьбу с пробудившимся «идеализмом» на чисто философской и теоретической почве. Таковое направление далеко не тожественно с историческим материализмом и марксизмом. Но, несомненно, социальные и экономические вопросы входят в программу журнала и должны занять в нем видное место, это усматривается из статьи Финна «По поводу оскудения центра» и из «Внутреннего обозрения», в которой много

[1]) В деле об изд. ж. «Правда» № 14, 1903 г., на 28 л. имя Рожкова обозначено буквой «В»; следует разуметь здесь историка Н. А. Рожкова. (*Прим. Ред.*)

дается места рабочему вопросу, как он поставлен в нашем законодательстве и на практике, но суждения журнала по всему этому не выходят из шаблонных рамок наших либеральных журналов и не представляют ничего нового и интересного.

Заслуживает, как мне кажется, внимания отношение комитета к редакции «Правды». Из представления комитета видно, что последний не ограничивается дозволением или запрещением представляемых на его рассмотрение статей журнала, но и предъявляет требования редакции изменить усвоенное ею направление, но так как это требование «осталось без надлежащего воздействия», то комитет усмотрел в этом «явное и упорное противодействие цензурным требованиям». Об этом правонарушении комитет доносит главному управлению, присовокупляя, что с его стороны сделано все необходимое для обуздания редакции; очевидно, по логике комитета, главному управлению ничего не остается, как закрыть издание или, по крайней мере, принять меры весьма строгой репрессии». «Мне кажется, — продолжает Никольский, — что комитет не имеет права предъявлять изданиям требования, предполагающие за неисполнение их меры строгости, не от него зависящие, каково, напр., требование изменить направление издания, так как изменение направления издания влечет за собою изменение состава редакции и сотрудников, и ни одна редакция никогда не в состоянии будет выполнить этого требования комитета. Только ряд самых строгих репрессивных мер, принятых властью министра, может заставить редакцию произвести внутри себя и в составе сотрудников перемены. Я сомневаюсь, что наступил момент, когда необходимо к «Правде» применить столь репрессивные меры, но, во всяком случае, обязанность комитета состояла бы в сообщении управлению мотивов к изменению усвоенного журналом направления или к другому административному воздействию, принятие же на себя задачи административного (не цензорского) воздействия на редакцию со стороны комитета я считаю превышением власти, не ведущим притом к цели, возбуждающим неудовольствия среди печати и ставящим в фальшивое положение управление, которому комитет после всех «мер воздействия» предоставляет лишь обязанность или закрыть, или строго наказать издание.

По крайнему моему разумению, издание, о котором речь, не требует ни запрещения, ни каких-либо особых административных мер воздействия».

Главное управление, видимо, разделяя взгляды Никольского, ничего не отвечало московскому комитету на его тревожное представление. Вторая книжка «Правды» вызвала в московской цензуре новые опасения. Для второго номера комитет запретил две статьи; первая, под заглавием «К свету», Никандровича, была запрещена по словесному докладу цензора Венкстерна, как «содержащая в себе, помимо элемента порнографического, протест против существующего политического и экономического строя», а относительно второй, под названием «Сказание о том, как великий богдыхан Ши Хоанг-ти из рода Тсинь, властитель Тшуан-ху, признав себя властелином всего мира, пожелал уничтожить книги мудрецов (китайская легенда)», цензор Генц представил следующий доклад: «богдыхан видит во сне, что он случайно оказался один в необъятной пустыне; тяжко у него на сердце под влиянием как правительственных забот и трудов, так и охватившего его чувства одиночества. И вот ему предстали три старца: Лаодзы, Конфуций и Будда; все трое дают ему один и тот же совет: будь добр; Лаодзы видит в доброте «тао», суть бытия; Конфуций говорит, что доброта — лучший предустановленный порядок и путь к обожествлению; по мнению Будды, доброта отрезает все соблазны, открывает врата Нирваны. Но богдыхан с негодованием отвергает такой совет: «Будь

добр — значит: будь бликку, нищий. Ступи на путь великого отречения. Уйди, как Сидарта, из дворца твоего. Я муж, непреклонный, вождь. Я — Ши Хоанг-ти. Властитель я и поступаю, как властитель. Мой порядок будет на земле. Мое «тао» будет общим началом. Мою Нирвану создал я: забвение. У истины, зовущей к доброте, отсеку я руки. Я не покину и детей своих: и они будут непреклонные властители». Новое видение приснилось богдыхану: младенец в яслях; дивная жена, склоненная над яслями; маги, около стоящие, и старший из магов объясняет, что младенец этот, превосходящий Сидарту, несет в сердце своем книгу из книг — благовествование, а благая весть ее — любовь, самая великая и высокая любовь к самому малому и низшему. Чувствует богдыхан, что от взоров младенца и матери тает льдина на сердце его, умирает в душе грозный властелин земной вселенной; и ужас овладел им: как на смерть раненный зверь, закричал он во сне и проснулся в холодном поту; сжав могучие руки, страшным шепотом зашептал: «Нет, уничтожить книги. Будды от будд. Книги от книг. Доброта от доброты... Слабость от слабости»... На утро отдается приказ: «Сжечь и уничтожить все эти книги мудрости, ибо мудрость легко плодит безумие и даже покорности учит так, что рождается непокорность. Моя длань, длань великого богдыхана, одна должна указывать путь к благоразумию и единой полной покорности». Одну книгу, впрочем, богдыхан, по совету своего царедворца, велел оставить за ее древность, таинственность и непонятность: непонятное, таинственное — опора власти, ярмо повиновения. И началось уничтожение книг во всем Срединном царстве; богдыхан же весь отдался возведению великой каменной стены, начало твердыни которой и было положено им. Но и у книг мудрецов была своя богиня судьбы, с которой бессильна даже спорить воля величайшего, непреклоннейшего богдыхана и которой не преградит пути никакая стена; несколько книг верным удалось спрятать; многие удержали слова книг в головах, и поколение за поколением тайно шептали слова эти. Память изменяла людям, слова переиначивались, но образовался все-таки сук, расшатывающий и подтачивающий великую стену. Сколько лет еще простоит эта уже подгнившая стена—одной судьбе известно.

Если уже роль Христа в «легенде» дает основание для большого сомнения в китайском ее происхождении, а название сохраненной богдыханом книги «И—и—кинг» есть как будто английское I—I—King («Я, я, король»), то тем скорее только читатели «Правды» усмотрят здесь аллегорию: богдыхан это — монарх, от которого внутренний голос требует освободительных реформ, но он отгоняет от себя такие мысли; однако распространяющиеся в государстве либеральные течения, как они ни преследуются, рано или поздно сделают свое дело. А потому об изложенной «легенде» представляю как о подлежащей запрещению».

«Усматривая, что представление таковых статей с достаточной ясностью свидетельствует о нежелании редакции подчиниться неоднократно делавшимся ей указаниям цензуры» и что тенденциозное направление журнала «Правда», невзирая на сугубую строгость к нему цензуры «осталось неизменным», московский цензурный комитет вновь представил «на благоусмотрение» главного управления о «предосудительно направлении, усвоенном и настойчиво проводимом редакцией журнала «Правда». Главное управление и на этот раз продолжало хранить молчание, не поощряя сугубой строгости московского комитета, но и нисколько не умеряя ее.

В апреле московский комитет запретил рассказ Брусянина «На поле жизни», находя его «неуместным на страницах подцензурного издания», в виду того, что «местом

действия рассказа является женская сифилитическая палата в больнице и что действующие в рассказе лица принадлежат к разряду публичных женщин, что дает автору повод украсить свой рассказ циничными подробностями уличного разврата и быта публичных домов. Указанные подробности непосредственной связи с фабулой рассказа не имеют, и очевидным является расчет автора именно на этой стороне сосредоточить весь интерес читателей». Брусянин принес главному управлению жалобу на комитет. Главное управление затребовало рукопись в Петербург, и в результате московский комитет потерпел поражение. Отзыв члена совета Усова о рассказе Брусянина оказался настолько благоприятным, что главное управление разрешило автору напечатать свой рассказ, «смягчив в нем слишком резкие места».

«Собственно непристойных картин, — докладывал Усов, — картин самого разврата, картин с расчетом на соблазн, в рассказе нет; изображен же тот цинизм, с которым падшие женщины относятся к своей продажности. Обрисовав в таком виде обитательниц сифилитической палаты, автор, однако, останавливает внимание читателя на двух из них, усердно ищущих выхода из своего несчастного положения. Из них одна желает искупить свой грех и жаждет даже самоотверженной деятельности сестры милосердия. В этом обстоятельстве я усматриваю желание автора показать, что даже в такой испорченной среде сознание нравственной ответственности за свои поступки не покидает человека, а такая мысль сглаживает, на мой взгляд, то невыгодное впечатление от циничных подробностей, которыми автор счел нужным наполнить описание неприглядного быта продажной женщины. Поэтому я прихожу к заключению, что рассказ «На поле жизни» не представляет собою произведения недопустимого в печати, почему и полагал бы, что ходатайство автора, вопреки мнения московского цензурного комитета, могло бы быть удовлетворено».

С апреля 1904 г. по апрель 1905 г. в делах главного управления не имеется представлений московского цензурного комитета о журнале «Правда», не имеется также и жалоб на цензуру со стороны редакции или авторов запрещаемых статей. Конечно, отсутствие того и другого не дает еще основания предполагать, что номера «Правды» беспрепятственно выходили в свет и что цензура не накладывала своей тяжелой руки на представляемый редакцией материал, — несомненно, статьи запрещались, комитет «усугублял строгость», и дело шло своим чередом, но московский комитет после своих неудавшихся выступлений перед главным управлением о первом и втором номерах «Правды» более не прибегал к «благоусмотрению» высшего начальства, найдя, очевидно, в себе самом достаточно силы, чтобы расправиться с этим изданием своими средствами. Таким образом, вся цензурная история журнала «Правда» с апреля 1904 г. по апрель 1905 г., все перипетии борьбы его с московским цензурным комитетом протекали в стенах комитета, и материал, отображающий эту борьбу, не достиг главного управления.

Несмотря на «усугубленную строгость» комитета, главное управление и само внимательно следило за «Правдой». В ноябре 1904 г. оно сделало следующее замечание комитету: «в № 10 журнала «Правды» в отделе «Внутреннее обозрение» помещена, между прочим, статья г. Лунца о политике бывшего министра внутренних дел статс-секретаря Плеве и о ее результатах в связи с деятельностью его предшественника. Принимая во внимание тенденциозный характер этой статьи, рисующей в одних лишь мрачных красках результаты охранительной политики, главное управление по делам печати предлагает московскому цензурному комитету обратить внимание цензирующего

означенный журнал на неудобство помещения в подцензурном периодическом издании статей, по своему содержанию однородных с указанной».

Почти одновременно с этим Кожевников обратился в главное управление с просьбой «об изъятии журнала «Правда» от предварительной цензуры» «на основании того, что периодические издания, несущие добросовестно свое служение, обязаны, в виду осложняющейся внешней и внутренней жизни России, своевременно отражать текущие общественные явления»; журнал же «Правда» лишен этой возможности и, «не выполняя, таким образом, одного из существенных требований, справедливо предъявляемых к периодическим изданиям, угрожает стать предприятием безысходно убыточным». Главное управление вновь запросило по этому поводу московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, который и на этот раз «не признал возможным изъявить согласие на освобождение журнала «Правда» от предварительной цензуры, в виду сравнительной краткости времени, в течение которого издавался этот журнал, а также соображений, высказанных при первоначальном обсуждении этого вопроса».

В апреле 1905 г. редакция «Правды» принесла в главное управление жалобу на московский комитет за запрещение для четвертой книжки этого журнала статьи под названием «Внутреннее обозрение». Главное управление поручило рассмотреть эту статью члену совета Никольскому, который и представил о ней следующий доклад: «Цель статьи, как вполне ясно выражено в ее начале, — что в настоящее время смут и полного расстройства всех сторон государственной и народной жизни все акты государственной важности не только не уменьшают смуту, но даже увеличивают и по самому существу своему не могут внушить необходимого доверия. В доказательство своей мысли и в качестве материала для текущего обозрения автор берет главным образом крестьянское движение последнего времени, ознаменовавшееся крупными беспорядками. Он развертывает поражающую картину этих беспорядков, со всеми мельчайшими деталями, на основании газетных известий и слухов из всех местностей, где они происходили: на окраинах, в средней России, на юге, на Кавказе и в Закавказье. Причиною этого служит то, что мы не предупредили обнищание деревни и довели ее до последней крайности, а если и принимали меры, то лишь военные экзекуции. Но те же невозможные условия жизни правительство создало и для других слоев общества. Для полноты картины автор изображает также подробно, со всеми деталями, кровавые беспорядки и погромы в городах и представляет полный список мест, где происходили беспорядки, при чем иногда пользуется и заграничными источниками, как, напр., по делу взрыва в гостинице «Бристоль» в С. Петербурге. Главное же несчастие заключается в том, что правительство уклоняется вступить на тот единственный путь умиротворения общества и уврачевания его недугов, который указан ему обществом, именно — введение народного представительства на началах всеобщей, прямой и равной подачи голосов. Автор подробно останавливается на вопросе о созвании народных представителей в силу высочайшего рескрипта от 18 февраля; ввиду правительственного сообщения о созыве членов совещания министра внутренних дел Булыгина автор приходит к убеждению, что состав этого совещания ничего общего не будет иметь с теми desiderata, осуществить которые так долго и страстно надеялось общество. «Гора родит мышь!» — восклицает автор, — симпатии и упования мыслящей России будут искать точки своего приложения и осуществления в другом направлении, и смятение в умах всего населения многомиллионной России не только не может быть успокоено, но, весьма вероятно,

еще более усилится, как усиливается всегда недовольство при крушении дорогих надежд. «Впрочем», — замечает он, — не будем пока пророками, ибо мы живем в самой настоящей «стране волшебства», где невозможное сегодня может быть осуществлено завтра et vice versa.»

Настоящая статья, сгущая краски в изображении внутреннего положения народа, внушает читателям абсолютное недоверие к правительству и верховной власти, акты которой служат только к усилению смуты. От предстоящих реформ автор отмечает лишь «смятение в умах всего населения многомиллионной России» и если ждет спасения, то от каких-то таинственных неожиданностей в «стране волшебств», каковою он считает Россию. Запрещение этой статьи для апрельской книжки журнала «Правда» я нахожу правильным».

В мае Кожевников, совершенно минуя на этот раз московский комитет, придирчивость и строгость которого были ему достаточно известны, обратился непосредственно в главное управление с просьбой рассмотреть и разрешить для пятой книжки «Правды» «Внутреннее обозрение», отдел, представлявший собою главный предмет нападений цензуры. Хотя такой порядок, т.-е. рассмотрение рукописей не в подлежащем цензурном учреждении, а в главном руководящем цензурой органе, и не был предусмотрен законом, главное управление все же приняло присланную Кожевниковым статью. Но оттого, что «Внутреннее обозрение» рассматривалось не в московском комитете, а в главном управлении, ни Кожевников, ни «Правда» ничего не выиграли, — статья была запрещена. «Статья написана в чистом и неприкровенном социал-демократическом духе, — писал о ней Никольский. — Обозревая деятельность и программы образовавшихся в последнее время у нас политических партий и союзов, автор статьи не может удовлетвориться ни одною из этих программ. Не говоря уже о монархических партиях, над которыми он прямо глумится, он недоволен ни партией земского меньшинства, ни даже большинства, даже радикальные резолюции союза журналистов, инженеров ему не вполне по душе, хотя, конечно, он сочувствует им, насколько они имеют вообще освободительный характер. Превыше всех этих либеральных и радикальных программ, по его мнению, стоит программа и деятельность рабочей партии, пролетариата, который в настоящее время вполне сознал свои классовые интересы и предстоящую роль в наступательном движении общества. Выставленная этим классом программа и в идейном отношении шире и прогрессивнее всех других программ и в практическом отношении тактичнее и вернее ведет к достижению цели. Но, кроме этих преимуществ, есть и другое преимущество рабочей партии перед всеми интеллигентными партиями. Но об этом лучше привести слова самого автора: «требования рабочих,—говорит он,—во многих пунктах совпадают с программой радикальных элементов общества. Но отношения к этим требованиям глубоко различны. Именно, в то время как многие требования буржуазной демократии являются для нее просто только бумажным требованием резолюции и фразой, для рабочих они, как показывают факты, являются требованиями борьбы. В силу этого фактическою силой, реализующей дело демократизации русских общественных отношений, являются не «герои» различных съездов, а простая рабочая «толпа». В деле освобождения России русский пролетариат имеет доминирующее значение пред остальными общественными классами. Освободительное движение восторжествует как движение рабочих или совсем не восторжествует». На ряду с рабочим движением автор придает столь же важное значение аграрному крестьянскому движению и, основываясь на петициях крестьян, поданных правительству, находит, что и крестьяне выставляют

программу шире и прогрессивнее, чем программа наших либералов с «Вестником Европы» во главе.

Мне кажется, что статья эта, как сплошь проникнутая социал-демократическими тенденциями и видящая успехи освободительного движения только в активной борьбе рабочего класса с существующим государственным строем, не должна бы быть дозволена к помещению в журнале «Правда».

Для июньской книжки журнала «Правда» московская цензура запретила рассказ А. Гущина «Братья» на основании доклада цензора Генца, который писал о нем так: «Центральная фигура рассказа — бывший студент, революционер, явившийся домой повидать брата, только что привезенного, всего изуродованного, с театра войны. Рассказ наполнен революционными разглагольствованиями Вадима, который выставляется, однако, не только как тип: оказалось, что и брат-офицер по собственному опыту на войне убедился в правильности его взглядов и сестра тоже принимает его теории. Ночью, в час, вследствие полученного им от своего «начальства» приказания, Вадим уходит из дому на деятельность, уходит в грозу, и сам — гроза. Три яркие звездочки, засиявшие на небе, сулят надежду провожающей его сестре. Рассказ проникнут революционным духом». — Одновременно с этим московский комитет запретил статью Друга под названием «По поводу народного представительства» на основании следующего доклада того же цензора Генца: «Отмечая, что пожар уже начался и мирное течение жизни сменилось небывалым грозным возбуждением»; что «в брожении находится вся страна буквально, с верху до низу», и что единственно возможным выходом из такого положения может быть только скорейший созыв народного представительства, если, конечно, имеется в виду мирное решение выдвинутых жизнью вопросов, автор заявляет, что все перипетии ведущейся борьбы явно и несомненно указывают, что акты высочайшей воли бессильны перед пассивным, изнуряющим страну сопротивлением бюрократической армии. Эта армия, привыкшая к бесконтрольному господству над страной, не может примириться с мыслью, что ее последний час настал и что она впредь должна действовать рука об руку с народом и под надзором его представителей... Автор обозревает различные «политические партии», уже образовавшиеся в России под действием перспектив, которые открылись перед русским обществом со времени указа 12 декабря и в особенности рескрипта 18 февраля. Партия земского большинства, иначе «земско-конституционная», а именно московская группа ее («Союз освобождения»), в опубликованной ею платформе, представляет, по мнению автора, превосходную иллюстрацию людей и настроения либерально-демократического большинства интеллигентной России; правда, есть там некоторая, опасная даже, неясность относительно формы правления, но эта неясность обусловливается скорее причинами механического, чем органического, характера». Автор говорит и о партиях и течениях консервативных, и, конечно, без симпатии к ним; касается и так называемой «черной сотни», руководимой «со стороны», и в заключение сообщает о правительственном проекте народного представительства — как его передает печать: он служит де хорошим показателем того, в каком взаимоотношении находятся чаяния и ожидания русского общества и намерения центральной власти. Настоящая статья представляет, таким образом, очерк охватившего русское общество движения, возникшего, правда, вследствие двух высочайших указов, но в значительной части интеллигенции сошедшего с почвы этих указов, принцип которых — незыблемость наших основных законов, — между тем, только что вновь подтвержден в опубликованных высочайших словах,

сказанных 6 сего июня депутации земских и городских деятелей. Так как при этом конституционные вожделения самого автора вне сомнения, то я полагал бы его очерка не дозволять».

Хлопоты редакции «Правды» о разрешении этих статей не увенчались успехом, и главное управление признало их действительно «неудобными к печати».

Это был последний, оставивший след в делах главного управления, налет московской цензуры на «Правду» [1]).

В конце 1905 г. революционная волна смыла цензуру со всей ее системой административных кар и воздействий... В апреле 1906 г. была установлена так называемая «свобода печати», до которой дотянул свое существование и журнал «Правда». Хотя при новом порядке вещей положение периодической и непериодической печати мало чем улучшилось, но все же с этого времени «Правда», подобно прочим органам повременной прессы, вошла в новый фазис своей истории, на котором заканчиваются рамки, поставленные для настоящего очерка.

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1903, № 14.

Из записной книжки архивиста.

А. И. Желябов в Александровске.

Из обвинительных актов, прежде всего из обвинительного акта по делу шестнадцати (1880 г.), известны некоторые фактические детали подготовки народовольцами, и главным образом А. И. Желябовым (под именем Черемисова), неудавшегося взрыва под Александровском. Акты дознания по этому делу включают как публикуемые ниже два документа, так и протоколы допросов ряда лиц, дающие несколько любопытных штрихов к характеристике Желябова и, как увидим ниже, едва ли не вскрывающие некоторые неосуществившиеся планы народовольческого террора.

11 апреля 1880 г. в Александровске был допрошен местный «извозчик на бирже», Николай Афанасьевич Сагайдачный, который встретил Желябова в его первый приезд в этот город. Прибывший из Харькова Желябов сел к Сагайдачному вместе с другими пассажирами. По дороге он заговорил с Сагайдачным, спросил, есть ли в Александровске кожевенный завод, сказал, после отрицательного ответа извозчика, что желает таковой открыть, узнавал, есть ли здесь подходящие места и какова цена участков земли. На следующий день после приезда Желябов на том же извозчике поехал осматривать местность около Александровска. «Ездили мы с ним кругом города, — показывает Сагайдачный, — останавливались в многих местах, он вставал с повозки и при осмотре местности говорил, что ему нужно было бы занять место вблизи какой-нибудь ямы, в которую можно сваливать нечистоты». Желябов произвел впечатление на извозчика: Сагайдачный «обратил внимание, что он очень шустрый, одет он был в черный бурнус, на голове картуз, и по внешнему виду походил на купца». Официальные шаги по отводу выбранного при объезде участка Желябов предпринял в городской думе, и перед нами — показание об этом местного городского головы, Я. Н. Демогани. Он передает аргументы, выдвинутые Желябовым за устройство в Александровске кожевенного завода: отсутствие конкуренции, наличность речного и железнодорожного сообщения, дешевизна местной кожи. «Все свои доводы, — говорит голова, — Черемисов излагал вполне логично, убедительно и обнаружил в себе человека развитого, владеющего хорошо русским языком, чрезвычайно живого и знакомого с кожевенным производством» (среди книг, оставленных Желябовым после окончательного отъезда из Александровска, было и «Кожевенное производство»). Однако Желябову не удалось получить того участка, который он первоначально выбрал, саженях в 200—300 от полотна, — город опасался загрязнения реки Московки, и он взял другой, тоже намеченный уже при первом осмотре местности с Сагайдачным. Первый публикуемый автограф Желябова относится именно к данному моменту — это его заявление об отводе земли.

Дальнейшее опять в показаниях — Сагайдачного и нового персонажа — Бовенко,—у которого Желябов снимает квартиру. И здесь и там Желябов — рачительный хозяин и общительный человек. Квартиру из двух комнат с кухней, ценою в 8 рублей в месяц, Желябов снимает сроком на полгода,

заключив 10 октября контракт; извозчику, который все время называет Желябова по одному лишь имени — Тимофеем, — оставляет 10 рублей на покупку мебели.

Возвращается Желябов недели через полторы, с «женою» Марьей Петровной — А. В. Якимовой; квартира для него еще не готова, Желябов хочет остановиться в гостинице, но извозчик берет их к себе на квартиру. Дня через два Желябов переезжает к Бовенко, который, в свою очередь, был призван следователем внешне охарактеризовать этот тревожный момент жизни Желябова и сделал это, сохранив любопытные черты деловой и психологической маскировки, которою Желябов прикрывал себе пути к последующему возвращению в Александровск. «Поселившись у меня, — рассказывает Бовенко, — Черемисов занимался получением разных бумаг и планов на участок земли, ездил с землемером измерять этот участок, а жена его хозяйничала и сама готовила кушать. Спустя некоторое время после своего приезда Черемисов купил у меня повозку и у еврея Шампанского пару лошадей; он говорил постоянно о предполагаемом устройстве кожевенного завода, высказывал намерение до устройства завода открыть в моем доме шорню (еще в первый приезд Желябов говорил Сагайдачному о желании устроить также сыромятню, но будто бы дума не дала разрешения) и даже надеялся занять у меня весь дом. Жена его прожила всего недели три, а затем с ночным поездом уехала; пред отъездом, прощаясь с нами, спросила меня почему-то, какой у нас банк, городской или общественный. После выезда жены Черемисов продал мне лошадей и фургон, после того стал жаловаться, что ему жить дорого, затем получил какое-то письмо, стал тосковать и заявлять о том, что ему надо выехать, ибо к зиме он не успеет устроить завода, а жить без дела ему не расчет; недели через три после выезда жены Черемисов, уплативши мне за квартиру еще за три месяца, выехал из Александровска, объявив, что в первых числах марта он снова приедет. Таким образом, Черемисов жил у меня недель пять, а жена его недели три».

То, что вокруг Александровска у Желябова оставались еще, несмотря на ноябрьскую неудачу, какие-то планы, доказывается вторым из публикуемых документов — письмом супругов Черемисовых на имя Сагайдачного. Оно датировано 14 марта 1880 г., и Желябов вносит дальнейшую аренду за землю; он «гостинцем» поддерживает свои добрые отношения с адресатом. Сопоставление дат без труда дает возможность установить причину крушения этих планов: 9 марта начал писать свое известное заявление Григорий Гольденберг, а 11 апреля был призван дать свои показания Сагайдачный. Однако это письмо представляет интерес и само по себе. Написанное стилем мелко-мещанской среды, оно ей соответствует графикою и орфографиею. Трудно даже решить, автограф ли это Желябова: буквы крупного размера, почерк довольно старательный, выведены на четырех страницах обыкновенной почтовой бумаги, и эта старательность почерка скрадывает его индивидуальные черты, превращая его в общий почерк средне-грамотной среды. Орфография хромает нарочитыми ошибками. В письме Желябов — тот же мещанин, каким он был все время для своих александровских знакомых. Для этого письма мы сохраняем полностью орфографию его подлинника. В письме находим упоминание о другом письме, которого, к сожалению, нет в настоящее время. Маша — А. В. Якимова, Тимофей Родионович — Бовенко, Лукерья Ивановна — жена Сагайдачного. На конверте почтовый штемпель: «Москва. 19. III. 80».

1.

Заявление А. И. Желябова об отводе ему земли в Александровске.

В александровскую городскую управу ярославского мещанина Тимофея Егорова Черемисова

Прошение.

Желая устроить в г. Александровске кожевенный завод (сыромятного, ду-

бильного и иного кожевенного производства), честь имею просить городскую управу: 1) дозволить мне устройство вышеозначенного завода и 2) отвести для сего около крепости 1.200 квадратных сажен, на условиях продажи при продолжительной аренде (10 лет).

Тимофей Черемисов.

2.

Письмо А. И. Желябова Н. А. Сагайдачному.

1880 г. 14 марта.

Многоуважаемый
Николай Афанасьевичъ.

Прежде всего посылаю вамъ съ семействомъ сердечный поклонъ и пожеланіе всего лучшаго. Получили вы или нѣтъ мое письмо изъ Тамбова? Отъ васъ я не имѣю никакой вести. Какъ то вы поживаете и семейство ваше? Прошлый разъ я писалъ вамъ какъ устроился на зиму до весны. — У свояковъ безъ меня дѣло пошло изъ рукъ вонъ плохо. Стали уговаривать, поведемъ дѣло говорятъ вмѣстѣ. За управление даютъ мнѣ одну часть, за капиталъ другую, а я думаю одного изъ нихъ перетянуть къ вамъ съ собою. Что будетъ впереди увидимъ а пока многоуважаемый Николай Афанасьевичъ прошу васъ отнеситe прилогаемые двѣнадцать рублей въ управу за землю мною арендованную. Это за слѣдующее полугодіе. Получите расписку и храните у себя. Маша кланяется вамъ и цѣлуетъ Лукерью Ивановну безщетное число разъ. Черезъ полтора мѣсяца ей предстоитъ разрешиться отъ бремени и родные и думать не хотятъ чтобы она ѣхала на чужую сторону теперь. Сказано бабы.

Ну прощайте будьте здоровы. Пишите прямо въ Тамбовъ на мое имя. У насъ знакомый почтальонъ.

Уважающіе васъ
Тимофей и Марья Черем.

Передайте нашъ поклонъ Тимофею Родіоновичу съ супругою. Если квартира нанята съ мебель[ю] пусть будетъ у нихъ или возьмите къ себѣ. Лишній рубль дѣтямъ на гостинцы. Пусть насъ не забываютъ.

Сообщил *С. Валк.*

Первый транспорт литературы группы «Освобождение Труда».

Литература группы «Освобождение Труда» в течение первых лет существования ее очень медленно и малыми дозами просачивалась в пределы страны. До 1886 года по крайней мере не было привезено ни одного, в собственном смысле этого слова, транспорта. Тем не менее и народовольцы, и народники, и образовывавшееся уже тогда в стране новое течение социал-демократов были в курсе печатавшейся группой литературы; в единичных экземплярах она привозилась возвращающимися из-за границы.

Транспорт 1886 г. был организован по инициативе благоевцев и, как видно из показаний по делу последних, вызвал большие расходы, ибо провоз его, организованный Гринфестом в начале 1885 г., не удался, потребовалась вторичная организация провоза и, следовательно, повторные расходы. Но сама группа «О. Т.» по собственной инициативе делала ли попытку провоза своей литературы в целях широкого пропагандирования своей программы с первых дней своего существования? Такая попытка могла быть только в первое время существования группы, когда у последней еще оставались некоторые связи в стране. И Л. Г. Дейч в своих воспоминаниях сообщает об единственной такой попытке, если не брать в расчет того, что сам Дейч пытался переотправить в 1884 г. через Фрейбург. Эта попытка своевременно получила свое отражение и в литературных памятниках и в официальных документах. Так, Гринфест Саул, техник группы, ездивший в Россию в конце 1883 г. для организации ячеек группы и публи-

ковавший,—при содействии ранее образовавшейся в Москве и уже на протяжении более года печатавшей и пропагандировавшей марксистскую литературу самостоятельной группы [1])—

[1]) Кстати, считаю необходимым в разъяснение этого моего утверждения сделать некоторые дополнения. Дейч в 3 сборнике «Группа «Освобождение Труда» заявляет, что выпущенная московской группой брошюра об утопическом и научном социализме могла быть переводом Засулич, названная ею в издании группы «О. Т.» «Развитие научного социализма». Дейч прав в том отношении, что публикация этой работы Энгельса является решающим моментом в вопросе, была ли московская группа марксистской; поэтому он мое утверждение об ее более раннем марксизме («Историко-револ. сборник», т. II) стремится подорвать таким своим заявлением: но московской группой печатался совершенно другой перевод, сопровожденный многочисленными примечаниями переводчика, составленными по «Капиталу» Маркса. При этом его публикация сопровождалась следующим довольно знаменательным инцидентом. Первоначально этот перевод начал печататься еще в 1882 г. в декабрьском выпуске народовольческого студенческого журнала «Студенчество». В следующем номере этого журнала (январском 1883 г.) появился протест и критика этой работы Энгельса, как расходящейся с общим народовольческим миросозерцанием. И с этого момента печатание Энгельса в этом журнале было прекращено. Но с того же момента тот же перевод стал печататься, опять-таки начиная с первой главы, уже московской группой — также частями— в сборниках под названием «Социалистическое знание». А до этого, еще в 1882 г., московской группой был напечатан «Манифест коммунистической партии». Манифест напечатан сначала тоже не в переводе Плеханова, а или в самостоятельном переводе, или в переводе Бакунина (я не мог этого установить, так как перевода Бакунина не нашел). Так как этот перевод печатался группой еще в 1882 г., а месяц печатания его неизвестен, то возможно, что он был напечатан еще до выхода плехановского перевода. За это говорит то, что в дальнейшем группа при повторном издании Манифеста» воспользовалась уже плехановским переводом: при повторной публикации «Манифеста» были напечатаны также Устав и др. документы I Интернационала. Кроме того, группа издавала в 1883 г. «Гражданскую войну» Маркса; затем ею же изданы «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, «Наемный труд» в переводе Дейча и, наконец, в конце 1883 г. первая брошюра Плеханова («Социализм и политическая борьба»). Издавались и работы других иностранных авторов не антагонистичных марксизму. Брошюры этой группы имели широчайшее распространение, не меньшее, чем издания «Народной Воли». Жандармы, оказывается, находили их всюду—от Вологды до Одессы и Новороссийска, от Питера до Перми и Оренбурга; при этом они были обнаруживаемы то в одной, то в другой комбинации в зависимости от характера кружка,— то в комбинации только теоретических выпусков группы, если кружок еще не приступил к работе среди рабочих, то в комбинации агитационных, если уже началась такая работа.

письмо Аксельрода «К товарищам», в предисловии к этому письму оповещал, что доставка небольших транспортов — «сотни две-три брошюрок»— уже организована [1]). Писал это Гринфест в самом начале января 1884 г., а может быть, даже в конце декабря 1883 года. Перед этой публикацией Гринфест был в Вильно, где, по его словам, он сорганизовал кружок группы. Итак, Гринфест утверждает, что переправа уже организована, и ясно, что через Вильно, а транспортов в Россию фактически, несомненно, не поступало. В чем же дело? Из сопоставления этой публикации с рассказом Дейча видно, что транспорт, на который рассчитывал Гринфест и переправу которого организовал неоднократно упоминаемый в воспоминаниях и письмах группы «О. Т.» под именем «кенигсбергского студента» Лев Городиш,

[1]) «Историко-рев. сборн.» т. II, стр. 173.

провалился [1]) и все предприятие транспортирования через него литературы лопнуло, так как Городишу после провала пришлось во избежание выдачи прусскими властями ретироваться из Кенигсберга и почить на лоне швейцарских свобод. Ниже печатаемый документ—заключение прокурора судебной палаты С. Муравьева [2])—разъясняет и описывает, как транспорт был организован, как он провалился и в каких условиях бежал Городиш. Из документа читатель усмотрит, что организация была такова, какая могла привести транспорт только в недра департамента полиции. Городиш сделал попытку провести открыто через Вержболово 204 брошюры под вторым дном чемодана. Как бы ни был велик тот чемодан, в котором Городиш сделал такую попытку провоза, все-таки для вмещения такого большого количества брошюр пространство между днами должно быть заметно большое и расстояние между первым и вторым дном настолько чувствительное на глаз, что подделка дна не могла быть не замечена с первого же взгляда. Чувствовал ли это Городиш, может быть, еще неопытный в конспиративных делах человек, когда снаряжал настолько неконспиративно транспорт? Несомненно, он не только это чувствовал, но и вполне отдавал себе отчет в слишком малой вероятности благоприятного исхода дела. Поэтому прежде, чем решиться на отправку транспорта, он уже подготовил себе путь отступления, заблаговременно запасся хорошим и безопасным паспортом на случай побега до Швейцарии, куда он должен был, по словам Дейча, немедленно бежать из Кенигсберга, если Штольц провалится и в условленный день, а может быть даже час, не даст телеграммы. И, действительно, эта дерзкая по приемам попытка провоза транспорта в Вержболове не могла не провалиться, условленная телеграмма получена не была; Городиш благополучно бежал, предоставив наивному по части понимания российских порядков немецкому пролетарию Штольцу изворачиваться перед русскими жандармами. И долго бы наивному Штольцу не видать своего Vaterland'a, если бы не прусская полиция, постаравшаяся изобразить дело так, чтоб возможно скорее выручить подданного своей страны. Она изобразила Штольца как жертву злокозненного русского социалиста. Такая постановка вопроса прусской полицией заставила власти поторопиться с ликвидацией дела Штольца. 22 января 1884 г. он был арестован, а уже 30 марта прокурор представил свое заключение министру юстиции; последний сообщил свое мнение министру внутренних дел, 27 апреля департамент полиции согласился с мнением его, а 4 мая решение уже было направлено к исполнению, и Штольц был извергнут из Петропавловки за пределы Вержболова. Следовательно, на ликвидацию дела в данном случае потребовалось всего только 4 месяца, тогда как в обычном порядке на это ушло бы более года.

Из рассмотрения документа вытекает, что о благополучном доставлении транспорта совсем мало позаботились, организовали доставку его кое-как, интересы наивного иностранца-перевозчика были совершенно не обеспечены, и от Петропавловки он не был абсолютно ничем защищен; именно в этих двух пунктах почему-то не пошли дальше упрощенных хитростей и изобретательности, граничащих с детским легкомыслием. Ну, а Гринфест, оповестивший мир об организации транспортов, был осведомлен, со сколь неосновательным помощником имел дело? Несомненно. Он ехал в Россию для организации ячеек и транспортирования литературы группы; он, как пишет в своем письме Дейчу, сорганизовал и соц.-дем. ячейку в Вильно [1]), куда должен был доставить лите-

[1]) Сборник «Группа «Освобождение Труда», № 1. Л. Дейч называет Городиша—Городице; последняя—его действительная фамилия.

[2]) Дело департамента министерства юстиции II уголовн. отдела № 78—84—1, по архиву № 10833.

[1]) «Красная Летопись», т. II, стр. 193—199.

ратуру Штольц. Следовательно, организация транспорта принадлежит ему, и он Городиша не мог не знать. Не представляется ли после этого публикация Гринфеста об организации транспортов более чем преждевременной? Такая же неудача преследовала Гринфеста и в доставке транспорта благоевцам в 1885 г. [1]). Транспорт не пришел, а следующий транспорт 1886 г. был благополучно доставлен при посредстве Иогихеса и, очевидно, Райчина, ибо в это время техникой группы «О. Т.» ведал уже не Гринфест.

При рапорте прокурора от 30 марта 1884 г., № 434, были представлены и вещественные доказательства, т.-е. самые брошюры, которые были в следующем составе: 1) «Манифест коммунистической партии», 2) «Софья Илларионовна Бардина», 3) «Наемный труд и капитал», 4) «Программа работников» Лассаля, 5) «Социализм и политическая борьба» и 6) «Развитие научного социализма».

Заключение прокурора петербургской судебной палаты о дальнейшем направлении дознания по обвинению в государственном преступлении прусского подданного Отто Штольца.

22 января 1884 года на пограничном пункте «Вержболово» был арестован прибывший с пассажирским поездом из-за границы прусский подданный Отто Штольц, при чем поводом к аресту послужило нахождение в числе вещей названного пассажира чемодана с двойным дном, в коем оказались 204 экземпляра книг и брошюр социалистического и революционного содержания. На возникшем вследствие сего дознании спрошенный в качестве обвиняемого прусский подданный Отто Штольц, не признавая себя виновным в принадлежности к русской социально-революционной партии, показал, что задержанный при нем в Вержболове чемодан он получил в Кенигсберге от студента Кенигсбергского университета Льва Горовича с просьбой отвезти его в г. Вильно. Согласившись после долгих настояний исполнить просьбу Горовича, он отправился в Вильно на счет Горовича, который сам купил для него билет до Вержболово и сдал чемодан в багаж. По прибытии в Вильно его, Штольца, по словам Горовича, в дверях зала II класса должен был встретить один господин, который, узнав его по чемодану, взял бы таковой, а он, Штольц, по передаче чемодана немедленно возвратился бы обратно в Кенигсберг, так как в России ни знакомых, ни дел не имеет; но в Вержболове чемодан был вскрыт, и в нем оказались запрещенные книги, чего ранее он, обвиняемый, не знал, хотя еще в Кенигсберге предполагал, что в чемодане находится что-либо подозрительное.

Изложенное показание обвиняемого Отто Штольца подтвердилось дознанием, произведенным кенигсбергскою полициею; последнею, между прочим, обнаружено, что некто Лев Городиш, родом из Вильно, прибыл в Кенигсберг осенью 1882 года, где внесен был в матрикулы университета по медицинскому факультету. Принадлежа к партии социалистов, он часто ездил на русскую границу и затем, подружившись с студентом Юлием Рау, с которым имеет физическое сходство, убедил его передать ему свой паспорт, с коим и выехал в Россию в конце января или в начале февраля 1884 года. Чемодан, переданный арестованному Штольцу, по сведениям кенигсбергской полиции, ни в чем неповинному, принадлежал Льву Городишу.

О розыске Льва Городиша, в виду приведенных сведений, сообщенных кенигсбергской полицией, сделано надлежащее распоряжение департаментом полиции.

Обвиняемый Штольц содержится под стражей в С.-Петербургской крепости.

Признавая в силу вышеизложенных данных прусского подданного Отто Штольца, 27 лет, подлежащим ответственности за принятие участия в распространении письменных сочинений, в коих оспаривается неприкосновен-

[1]) См. переписку с благоевцами по этому поводу в «Ист.-Рев. сб.». т. II.

ность прав верховной власти и порицается установленный государственными законами образ правления, т.-е. за преступление, предусмотренное 13 и 252 ст.ст. улож. о наказ., я полагал бы: разрешить настоящее дело, согласно 1045 ст. уст. угол. суд., в административном порядке, с тем, чтобы подвергнуть его, Штольца, высылке за границу, с воспрещением возвращаться в пределы Российской империи.

Прокурор судебной палаты *Муравьев*.

Сообщил *Н. Сергиевский*.

Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву.

В архиве В. К. Плеве сохранилась часть переписки Плеве с А. А. Киреевым. Точнее — сохранилось несколько писем Киреева и одно открытое письмо Плеве (в копии).

Письма Киреева, относящиеся к 1903—1904 г.г., не представляют собою особого интереса. Отставной генерал по службе и славянофил новейшей формации по убеждениям, А. А. Киреев, человек крайне наивный и до курьеза близорукий в политике, усвоил себе роль как бы некоего шиллеровского маркиза Позы, благородного и бескорыстного советника, говорящего правду сильным мира сего, предостерегающего их от ложных шагов, раскрывающего пред ними скрываемые несправедливости и т. д. А. А. Киреев мечтал о мирном изживании «смуты», о воссоединении царя не только с «народом» (в этом он был и без того убежден), но и с заблудшею, погрязшею в конституционных «бреднях» интеллигенциею и т. д. Царю—сила власти, народу—свобода мнений. Все эти старинные славянофильские лозунги владели и Киреевым. К этому присоединялось природное прекраснодушие и наивная сентиментальность. На Плеве он не прочь был взирать с надеждою и хотел в нем видеть будущего реформатора русской жизни. Вместе с тем он увещевал Плеве быть либеральнее, выслушать голос «земли», при чем под «землею» Киреев иногда соглашался даже понимать только членов земских и дворянских собраний.

Что отвечал Кирееву Плеве на его длинное послание, неизвестно. Но одно ответное письмо, в копии, нашлось в архиве. В особых комментариях оно не нуждается. Читатель увидит, что, вполне сознавая «существенные изменения... с быстрым превращением натурального хозяйства в денежное», Плеве, однако, в малейшей степени не хотел считаться с «конституционной смутой», а думал отделаться новыми совещаниями «лучших людей», при чем определение того, кто именно есть «лучший человек», Плеве всегда готов был взять на себя.

Письмо характерно для момента: оно писано 31 августа 1903 года, т.-е. чрез две недели после того, как Плеве и Безобразову удалось, наконец, свергнуть Витте, и Плеве беспрепятственно мог отныне споспешествовать «маленькой победоносной войне» (как он выражался). На войну с Японией, как на средство против «конституционной смуты», Плеве возлагал тогда больше упований, чем на «лучших людей». Но об этом он Кирееву не писал. Любопытен слог Плеве: истовый и величавый речениями, именно так, как должен был, очевидно, по его мнению, изъясняться государственный муж в письме к славянофилу.

Е. Тарле.

Глубокоуважаемый
Александр Алексеевич.

Ваши письма доставляют мне всегда большое удовольствие. Последнее, хотя по содержанию укоризненное, тем не менее интересно и назидательно. Деревенский досуг позволяет мне на него вам ответить с надеждой на дальнейший обмен мыслей по злободневным вопросам, так как ваше о них мнение ценно не только как ваш личный взгляд, но и как отражение того миросозерцания, которому удалось найти этический синтез коренным основам русской жизни.

Из высказанных в вашем письме положений я вполне разделяю ваше

утверждение, что главный недуг нашей современной общественной жизни — конституционная смута. Не могу, однако, не отнестись с сомнением к вашему способу врачевания этого недуга. Вы полагаете, что все благомыслящие люди в России оставят конституционные мечты, как только в качестве правительственной программы будет провозглашена замена теперешнего бюрократического ведения дел таким строем управления, при котором на государево дело станут все пригодные для сего общественные силы России. Я в этом сомневаюсь, и сомневаюсь потому, что, если бы ваш рецепт был действителен, желательное превращение в общественном мнении совершилось бы вслед за обнародованием манифеста 26 февраля. Между тем, этого не случилось, и не случилось, по моему мнению, потому, что поход против бюрократии есть только лозунг борьбы, преследующей цели более широкие и обусловленной причинами более сложными, чем преобладание в нашем управлении чиновничьего строя над общественным.

На мой взгляд, причины эти заключаются в некоторых явлениях нашего гражданского развития за последнее полстолетие. Рост общественного сознания, как естественное последствие преобразований, раскрепостивших личность, совпал с глубокими изменениями бытовых условий и коренною ломкою народно-хозяйственного уклада. Быстро развернувшаяся социальная эволюция опередила работу государства по упорядочению вновь возникших отношений. Отсюда пошло сомнение в пригодности государственного аппарата для выполнения надвинувшихся задач управления. Отсюда возникло стремление в известной части образованного общества к государственному строю, на политической свободе основанному. В нем стали видеть панацею от всех общественных зол, наилучший способ для обеспечения совместного труда власти и народа на благо общее.

Таковы общественные течения, питающие конституционные вожделения из источника чистого, но есть у них мутные источники: во-1-х, работа политических карьеристов всякого рода, которые пользуются всеми подходящими случаями, чтобы устраивать нечто вроде общественных протестов, и, во-2-х, происки разных центробежных стремлений на инородческой подкладке. Среди этих разнообразных течений следует взять правильный курс. Необходимо с одними бороться, ставя им всяческие препоны, другие ввести в русло плодотворного государственного труда при постепенно и органически совершенствуемых нормах гражданского общежития. Я уже назвал главное, по моему мнению, средство для успокоения умов: оно состоит в том, чтобы отнять у оппозиционных элементов смысл существования зиждительною работою, на общую пользу и благо направленною.

Поприще для подобного труда столь же обширно, сколь обширна Россия с ее мировыми задачами. Запросы жизни уже перерастают существующие способы религиозно-нравственного и умственного воспитания. Народный труд, претерпев существенные изменения с упразднением крепостных отношений и с быстрым превращением натурального хозяйства в денежное, требует самого заботливого к себе отношения, дабы вновь возникающие экономические условия не вносили нестроения в обыденную жизнь. Наконец, и самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении.

Выполнение такой многообъемлющей программы, доставшейся в удел современному поколению, под силу только нашему историческому самодержавию. Только оно может соблюсти при этом справедливое соответствие между всеми пользами и нуждами. Только под его стягом может закипеть дружная работа — исполнителей его велений по долгу службы и всех лучших людей, призванных на дело долгом не только верноподданного, но и гражданским. Ведомство, монаршим доверием мне порученное, счастливо, что по указаниям государя может готовиться к этому общему труду в области вопросов, управления его касающихся. Через

несколько недель будут оглашены законопроекты по крестьянскому управлению и землепользованию, трактующие самые жизненные вопросы нашей деревни.

Позвольте окончить мне письмо общим рассуждением. Всякое правительство, а тем более отдельные лица, в состав его входящие, нуждаются для успеха их дела в общественном ободрении и содействии, но то и другое не приходят по простому призыву, на широковещательной программе основанному. Общество пойдет только за авторитетом, покоящимся на силе, знании и труде. Искусство управления состоит в умении приобрести этот авторитет.

Пользуюсь случаем, чтобы возобновить уверение в глубоком уважении и отличной преданности

В. Плеве.

Из черновых бумаг К. П. Победоносцева.

Печатаемые черновые бумаги К. П. Победоносцева найдены среди разрозненных бумаг обер-прокурорской канцелярии. Первый документ относится к моменту вступления на престол Николая II — к январю 1895 г. Это — проект знаменитой речи Николая о «бессмысленных мечтаниях». Два другие документа (по поводу указов от 18 февраля и 17 апреля 1905 г.) относятся к январю — марту 1905 г., к периоду упадка влияния Победоносцева и ожесточенной борьбы его с С. Ю. Витте. Если верить его собственным словам, в это время Победоносцев «падает духом и теряется в разуме»; не будучи в силах противодействовать начатым преобразованиям государственного строя, в ужасе от разрушения «вековых устоев русской церкви и государства», Победоносцев пытается, если не остановить, то, хоть по крайней мере, задержать слишком быстрый, по его мнению, ход законодательных преобразований, «не достаточно соображенных с историей и преданиями земли, с действительным состоянием общества и с потребностями народного быта».

В одном случае, как видно из третьего документа, Победоносцеву все-таки удалось одержать победу над Витте, но это была одна из последних его побед. Революция 1905 г. смела Победоносцева со столь долго занимаемого им поста — гонителя всяких попыток поступательного движения вперед от традиций XVII в.

Текст печатаемых документов сообщен К. Я. Здравомысловым.

Ред.

I [1]).

Я рад был слышать от вас заявления верноп[одданнических] чувств [з а ч е р к н у т о: по случаю вступления моего на престол]. Верю искренности этих [з а ч е р к н у т о: заявлений, но не могу умолчать, что] чувств: они и не могут быть иными во всех истинно русских людях, глубоко сознающих, что благо народа утверждается на единении всех сословий с самодержавною властью государя. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых зем[ских] собраниях голоса людей, увлекавшихся мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления [з а ч е р к н у т о: Обращаюсь к вам]. На вас, г.г. предводители дворянства [з а ч е р к н у т о: на вас], лежит обязанность предупреждать все подобные мечтания, гибельные для России, и не допускать публичного их выражения [з а ч е р к н у т о: Скажите]. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу нашего отечества, буду держать знамя (или: охранять начала) самодержавия столь же твердо и неуклонно, как его держал (или: охранял) в бозе почивший мой родитель.

II [2]).

15 янв[аря] [1905 г.].

В[аше] и[мператорское] в[еличество],

Манифест прекрасно написан — как редко пишутся. Появление его вполне благовременно. В нем нельзя убавить и изменить ни единого слова. Только в одном месте, где сказано: мы призы-

ваем всех благомысл[ящих] людей всех сосл[овий] и сост[ояний] [поставлен знак?], во избежание недоразумений, я прибавил бы: «каждого в своем звании и на своем месте».

Это прекрасно. Но народ ждет действия *) [зачеркнуто: власти] и распоряжения властей. Более, чем когда-либо, необходимо, чтобы установленные власти действовали *), чтобы люди, состоящие на службе и на содержании государства, не [зачеркнуто: противо] действовали против госуд[арственной] власти. Вот чем смущаются в народе верные сыны России, верующие в силу самодержавной власти, и опасаются слишком быстр[ых] законодат[ельных] преобразований, недостаточно соображенных с историей и преданиями земли, с действительным состоянием общества и с потребностями народного быта.

Да поможет милосердный бог вашему величеству вместе со всем верным народом пережить и преодолеть настоящую смуту.

У всех на душе горячая слезная молитва о вашем величестве: в собраниях, так наполняющих церкви и монастыри, в глухих селах и деревнях, в избах и углах, где свое [зачеркнуто: горькая скорбь] горе нужды и скорби сливается воедино со скорбью народною.

III [3]).

Смута, господствующая ныне в умах, лишает возможности успокоить мысль свою и обдуматься посреди всеобщего волнения и стремления к быстрым преобразованиям. Человек, подобный мне, свидетель и во многом участник событий, совершавшихся в течение 4-х царствований, падает духом и теряется в разуме.

Позволяю себе, однако, обратить внимание вашего в[еличест]ва на крайнюю важность рассуждений, с такою быстротою происходящих ныне по предметам важнейших преобразований, связанных с вековою историей и русской церкви [и] русского государства. Быстрое и неглубокое их разрешение грозит опасностью подорвать самые основы, на коих держится вся жизнь государственная и народная.

Особливо сказать это должно о рассуждениях, клонящихся к уравнению вероисповеданий и к переменам в церковном устройстве.

Освобождение р[имско]-католич[еского] духовенства от ограничений, вынужденных историч[ескою] потребностью, с предоставлением ему полной свободы действовать в народе, грозит нам не только стеснением православной церкви, но и ополячением многочисленного русского населения в искони русском крае. Одно уже полуторагодичное управление князя Мирского [4]), человека чуждого и рус[ской] истории и русскому быту, внесло в Северо-З[ападный] край такую смуту, какую трудно будет успокоить. Предоставление свободы действия р[имско]-кат[олической] иерархии и армии ксендзов, захватывающей народную совесть, дает им в руки такую власть, с которою и рус[ской] церкви и русскому государству невозможно будет бороться, и последствия будут гибельны и для ц[еркви] и для государства.

Задумывается предоставление свободы мусульманской пропаганде [5]). Это дело страшное. Ислам — громадная сила, ни на минуту не опускающая своего оружия, и с этою силой непрестанная борьба завещана вековою историей и опытом всякой европейской госуд[арственной] власти. Мус[ульманская] религия не имеет себе подобной по интенсивности веры и фанатизма [зачеркнуто: и по единству ее], объединению ее во всем мусульм[анском] мире. Борьба с нею на духовной почве невозможна, и всякая дух[овная] миссия против нее бесплодна и бездейственна. Сила эта растет и объединяется во всем мус[ульманском] мире. Все государства, имеющие у себя многоч[исленное] мус[ульманское] население (Англия, Франция), не перестают держать его в строгой дисциплине надзора и предупреждения. Но там пропаганда ислама грозит госу[дарст]ву не воздействием на местное немусульм[анское] и цивили-

*) Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

зованное население, но взрывами дикого мятежа, всегда готовыми вспыхнуть под влиянием той или другой фанат[ической] секты или вновь явившегося пророка. Совсем иное у нас, особливо на восточных окраинах и в вост[очных] областях наших, где находится вперемежку с рус[ским] населением масса татар и инородцев — мордвы, чуваш, черемис, вотяков и т. п. Вся эта масса под влиянием тайной и искусной пропаганды татар-проповедников, разъезжающих под видом купцов и ремесленников, и в сходстве языка и домашн[его] быта дает им удобную возможность действовать на народ или языческий, или только по имени крещеный еще со времен покорения Казани. Никто, до последнего врем[ени], не мог и не умел воздействовать на них, для их обрусения, по совершенному незнанию языка их и быта. Начались массовые отпадения, и тогда лишь, лет 30—40 тому назад, основаны были крещено-татарские школы, поставившие задачею— действовать прежде всего на душу их, на их языке, понятным богослужением, учением, чтением св[ященного] писания и учительных книг. Школы эти действуют успешно и разрастаются, но должны погибнуть под напором мус[ульманской] проп[аганды], когда ей предоставлена будет свобода, — и тогда вся масса инородцев, мало по малу омусульманясь, составит в среде русских губерний (Казанская, Пензенская, Сарат[овская], Нижегородская, Уфимская, Оренб[ургская] и др.) громадную мусульманскую силу. Между тем мусульм[анство] здесь уже растет, имея в центре своем (в Уфим[ской] губ[ернии]) центральную а к а д е м и ю [з а ч е р к н у т о: ежегодно], выпускающую ряды проповедников и состоящую в постоянной связи с азиатскими и африканскими центрами мусульманства

Наконец, и особливо, должно опасаться возникающих попыток внесть, под предлогом свободы, радик[альное] преобразование и в наше православное церковное управление. Верьте, ваше в[еличество], что это может грозить опасностью и церкви и государству. Церковь всегда была опорою государству, и государство опорою церкви. Отделение церкви от государства будет гибелью и для церкви и для государства в России.

От древнего времени мы ушли далеко и не можем вернуться в XVII столетие. Но в последние его годы, годы смуты, боярских и дворянских интриг из-за власти, дошло до того, что власти церковные восстали на государство. Петр, приступив к преобразованию всего строя государственного, видел, что так дольше итти не может при новых порядках и устройством синода закрепил и упрочил связь церкви с государством. Зная историю, я всегда думал, что это было дело мудрое, благое и для церкви и для государства, а опыт всей моей деятельности, за 25 лет в настоящей должности, еще утвердил меня в этом мнении. Церковные дела и людей знаю близко, без пристрастия, и убежден, что основы этого учреждения надобно охранять для блага России: иначе, при нынешнем потрясении умов, опять пойдет смута, гибельная и для церкви и для государства.

Между тем вчера, в заседании ком[итета] м[инистров], в коем я по болезни не присутствовал, г. председатель заявил, что он, с с о и з в[о л е н и я] в а ш е г о в[е л и ч е с т]в а*), и м е е т внесть это дело в комитет, по предварительном объяснении с митроп[олитом], который сообщил ему самые вопросы, подлежащие разрешению. Однако обо всем том неизвестно ни м н е *), обер-прокурору св. синода, ни самому св. синоду, так что представляется весьма странным приготовление такого дела в неизвестности от лиц и учреждений, до коих оно прямо касается.

П р и м е ч а н и я.

1. Проект речи печатается по черновику, написанному карандашом К. П. Победоносцевым. Текст речи, произнесенной Николаем II 17(29) января 1895 г. на приеме, несколько

*) Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

отличается от проекта Победоносцева. Предполагалась, судя по контексту, ответная речь, обращенная лишь к предводителям дворянства. Но, как известно, словесного «заявления верноподданнических чувств» на приеме 17 января не было; кроме того, состав представлявшейся депутации был расширен: представлялись не только депутаты от дворянства, но и депутаты от земств, городов и казачьих войск. Отсюда — изменение первой фразы: «я рад видеть представителей всех сословий». Вторая фраза проекта сильно сокращена: опущены слова — «благо народа утверждается на единении всех сословий с самодержавной властью государя». В печатном тексте речи говорится лишь о чувствах, «искони присущих каждому русскому». «Мечтания» земств, выразившиеся в конце 1894 г. в известных тверском и других земских адресах, Победоносцевым квалифицированы не были. Николай II квалифицировал их «бессмысленными». Было ли это выражение в том экземпляре речи, с которого считывал Николай II, неизвестно; современники утверждали, что «мечтания» назывались лишь «несбыточными». Фраза проекта об обязанности предводителей дворянства «предупреждать» подобные «гибельные для России» мечтания и не допускать их «публичного выражения» естественно выпала с изменением состава депутации. Наконец, в последней фразе лишь текстуальные изменения: «благо нашего отечества» заменено «благом народным», а «в бозе почивший родитель» заменен «незабвенным покойным».

Текст речи Николая II цитируется по «Правит. Вестнику» № 14 от 18 (30) января 1895 г. Хорошее фактическое описание приема дает земец А. А. Савельев в своих воспоминаниях—«Два восшествия на престол русских царей», напечатанных в журнале «Голос Минувшего» 1917, № 4, стр. 91—104.

2. Второй документ — письмо К. П. Победоносцева Николаю II, написанное после прочтения проекта манифеста 18 февраля (3 марта) 1905 г. в связи с рескриптом Булыгину, — печатается по черновику-автографу. В тексте манифеста, напечатанном в «Правит. Вестнике» № 39 от 18 февраля (3 марта) 1905 г., поправка, внесенная Победоносцевым, имеется. Обращает на себя внимание дата письма — 15 января, повидимому, это описка Победоносцева.

3. Печатаемый третий документ, по всей вероятности, — черновик того всеподданнейшего доклада или докладной записки на высочайшее имя, с которой Победоносцев выступил против попыток обновления православной церкви. Вероисповедный вопрос, во исполнение указа 12 декабря 1904 г., был подвергнут обсуждению в январе 1905 г. в комитете министров, под председательством С. Ю. Витте; в результате обсуждения и явился высочайше утвержденный 17 апреля 1905 г. («Прав. Вестник» 1905 г., № 86) указ об укреплении начал веротерпимости. Против этого указа, еще находившегося в стадии обсуждения, и мечет громы Победоносцев в первой половине своей записки. Кроме того, в феврале 1905 г. С. Ю. Витте в особое совещание и в комитет министров была внесена написанная либеральными церковными деятелями записка «О современном положении православной церкви», нашедшая дополнение и поддержку в другой записке «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви», внесенной в то же совещание петербургским митрополитом Антонием (Вадковским). Вот против этих обеих записок, ставивших своею задачею ослабление связи между церковью и государством и перестройку церкви на общественных началах, и повел борьбу Победоносцев («особливо должно опасаться возникающих попыток внесть, под предлогом свободы, радикальное преобразование и в наше православное церковное управление»). Не ограничиваясь словесной борьбой с С. Ю. Витте и митроп. Антонием, Победоносцев добился того, что 13 марта 1905 г., по высочайшему повелению (результат печатаемой записки), вопрос о преобразованиях православной церкви был изъят из обсуждения особого совещания и комитета министров и передан на рассмотрение синода. Это

была одна из последних побед Победоносцева, сметенного со своего поста революцией 1905 г.

Печатаемый документ, как показывает последний абзац, датируется первою половиною марта 1905 г., во всяком случае, до 13 марта, когда последовало изъятие вопроса из комитета министров.

Более подробно об этом эпизоде см. в кн. Б. Титлинова, «Церковь во время революции». П., 1924, с. 11 и сл. и в кн. «Историческая переписка о судьбах православной церкви» (М., 1912 г.), где напечатаны записки С. Ю. Витте, митр. Антония и другие соответств. документы.

4. Святополк-Мирский, Петр Дмитриевич,—кн., б. министр. внутр. дел; в 1902—1904 г.г.— генерал-губернатор виленский, ковенский и гродненский.

5. Против ислама в пределах российского государства Победоносцев, вместе со своей креатурой, Ник. Ив. Ильминским, вел особенно энергичную борьбу. Упоминаемая в докладе мусульманская «центральная академия», по всей вероятности, — уфимское медрессе, являвшееся центром мусульманской учености для Приволжского и Уральского края.

«Записка, достойная внимания».

К концу 1916 года правительство Николая II уже окончательно утратило свой авторитет в глазах народа.

Не только в Госуд. Думе, но даже и в Госуд. Совете, являвшемся до тех пор ревностным охранителем монархических начал, образовался так называемый прогрессивный блок, настойчиво требовавший от Николая замещения его министров лицами, пользующимися доверием страны. Такие же требования предъявляли и разные крупные общественные организации. Вся печать, за исключением официальных органов и получавших субсидии из рептильного фонда министерства внутренних дел, поддерживала эти требования, несмотря на исключительно тяжелые условия, в которые она поставлена была военной цензурой.

Но правительство Николая уже потеряло всякую способность понимать голос народа и, надеясь на полицию и считавшуюся преданною престолу армию, решило ни в каком случае не удовлетворять этих требований и даже сократить и без того уже куцые права народа.

Главным подстрекателем народного недовольства считалась Госуд. Дума, но раскассировать ее без всякого повода было невозможно: она была нужна ради союзников по империалистической войне, которые, устраивая России займы и оказывая кредиты, считались с мнением Думы.

Поэтому необходимо было, чтобы требования о разгоне Думы исходили из среды собственных депутатов или от таких широких общественных организаций, как избирательные округа и т. п.

Само собою разумеется, что лица, которым жилось при царском режиме тепло и уютно, поспешили притти на помощь правительству и выступили с соответствующими петициями.

Правда, петиции эти бывали иногда без подписей и вызывали даже сомнение в том, что они действительно исходили из тех кругов, от лица которых говорили, но правительство, нимало не считаясь с этим, давало им движение и пыталось проводить рекомендуемые ими меры.

Типичнейшим образцом таких петиций и отношения к ним правительства Николая может служить приводимая ниже записка от «православно-русских киевлян», поданная царю через Щегловитова всего за месяц до падения царского режима.

В конце января 1917 года среди членов Госуд. Думы стали ходить слухи, что кем-то из депутатов крайней правой фракции подана царю особая записка, в которой, якобы от лица «православно-русских кругов гор. Киева», подавался совет «поставить Государственную Думу

на указанное ей законом место» и принять ряд мер к обузданию общественных организаций и прогрессивной печати.

Несмотря на усиленные старания, депутаты не могли выяснить ни автора записки, ни содержания ее и потому пришли к убеждению, что слухи об этой записке распускаются с единственной целью напугать Думу возможностью разгона и тем заставить ее быть послушною правительству. Такие слухи, действительно, распускались время от времени, но в данном случае, как теперь выяснилось, они имели фактическую основу.

Подобная записка была найдена в делах бывшего совета министров, с собственноручными пометками и резолюциею Николая, а также с двумя дополнительными документами, из которых с точностью можно установить и личность автора и те мероприятия, которые повлекла она за собой.

В составлении этой записки, как оказывается, принимал большое участие (если не написал ее единолично) член Госуд. Думы от г. Киева священник Михаил Митроцкий.

Митроцкий был личностью не совсем неизвестной в контр-революционных кругах. Еще будучи студентом Киевской духовной академии, он организовал там в 1905 году группу «Союза русского народа», которая, состоя всего из 11 человек на 200 слишком учащихся, терроризовала профессорскую и студенческую корпорации и произвела на «патриотической» почве целый ряд самых возмутительных скандалов. За свои непозволительные выходки Митроцкий несколько раз получал выговоры от академической инспекции и дважды приглашался к смешанному третейскому суду из профессоров и студентов, от которого, однако, оба раза уклонился.

Во время ревизии Киевской дух. академии, произведенной по особому распоряжению Николая II в 1908 году архиепископом волынским Антонием Храповицким и повлекшей за собою увольнение целого ряда профессоров и студентов, Митроцкий оказался одним из информаторов «преосвященного» ревизора, которому доставлял даже перлюстрированные письма товарищей.

Основанный на его информации доклад Антония оказался такой гнусной и грязной сплетней, что даже ректор академии епископ Платон, человек далеко не левых убеждений, решился написать в синод, что ему стыдно за архиерейский сан ревизора [1]).

По окончании курса Митроцкий принял священнический сан и при помощи киевских «союзников» пробрался в Госуд. Думу в качестве депутата от города Киева, где примкнул по внешности к фракции националистов, в действительности же работал в теснейшем единении с крайними правыми.

В начале русско-германской войны, во время перерыва думской сессии, Митроцкий уехал вместе с архиепископом Евлогием в Галицию, где так держал себя по отношению к униатскому населению, что даже тогдашний верховный главнокомандующий вел. князь Николай Николаевич был вынужден предложить ему немедленно удалиться за пределы фронтовой полосы.

С открытием последней думской сессии, когда Госуд. Дума стала настойчиво требовать у царя смены правительства, Митроцкий принял живейшее участие в закулисной работе крайних правых, старавшихся добиться роспуска Думы, и с этой целью составил упомянутую записку и передал ее председателю Госуд. Совета Щегловитову для представления царю.

Хотя эта записка никем не была подписана и представляла собою только проект той петиции, с которой будто бы думают обратиться к императору «православно-русские круги гор. Киева», однако Щегловитов все же представил ее Николаю, при следующем письме:

«Ваше императорское величество
всемилостивейший государь.

Один из членов Государственной Думы — священник Митроцкий, при-

---

[1]) О всех этих подробностях см. дело канцелярии синода за 1908 год, № 263, т. IV, стр. 22 и т. д.

мыкающий по своим политическим убеждениям к группе националистов, передал мне записку, которая, по его словам, будет подана правительству от русских кругов Киевской губернии с множеством подписей. В записке этой изложены весьма трезвые мысли о мерах, необходимых для противодействия надвинувшемуся политическому психозу, который угрожает исконным началам нашей государственности.

Почитаю, с своей стороны, верноподданническим долгом представить указанную записку вашему императорскому величеству как новое доказательство того, что истинные сыны нашей родины мыслят вовсе не так, как о том от имени всей страны решаются докладывать вашему величеству многие лица.

Вашего императорского величества верноподданный статс-секретарь

Щегловитов».

14 января 1917 года.

Записку эту Николай прочел с большим вниманием, что можно видеть из многочисленных отчеркиваний, сделанных на полях его рукою, и 17 января 1917 года, находясь в Царском Селе, передал ее последнему председателю Совета Министров князю Голицыну со следующей резолюцией:

«Записка, достойная внимания».

Этого было достаточно, чтобы, несмотря на анонимность и темное происхождение записки, последний кабинет счел возможным иметь о ней суждение. Во всеподданнейшем докладе, от 20 янв. 1917 г., Голицын сообщает: «записка несомненно заслуживает внимательного соображения, и, во исполнение высочайшего предуказания, затронутые в ней вопросы будут подвергнуты подробному обсуждению в одном из ближайших заседаний Совета Министров. В частности, долгом поставляю отметить, что один из возбужденных составителями записки вопросов о необходимости обязательного привлечения к ответственности городских голов за допущенные ими в собраниях противоправительственные речи и постановления уже получил свое разрешение: особым секретным циркуляром министра внутренних дел вменено губернаторам в обязанность привлекать к законной ответственности председателей городских дум и земских собраний за допущение политических резолюций противоправительственного содержания».

Февральская революция, однако, помешала этому «подробному обсуждению».

М. Паозерский.

«Православно-русские круги г. Киева и Киевской губернии, объединенные беззаветной преданностью своему государю и горячей любовью к отечеству, по тщательном обсуждении внутреннего состояния России, пришли к мысли о необходимости, в силу патриотического долга, представить высшей власти свои коллективные соображения о современном положении страны и о тех мерах, осуществление которых усилило бы духовную мощь России и дало бы ей полное внутреннее успокоение.

Прежде всего православные киевляне категорически утверждают, что подавляющее большинство трудового населения сел и местечек — крестьяне, мещане, сельское духовенство, мелкие землевладельцы, чиновный класс и русские помещики, словом все, что представляет собой в юго-западном крае к о р е н н о й [1]) русский народ, несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой печатью, попрежнему остается глубоко консервативным во всех областях своей политической, социально-общественной и религиозной жизни, попрежнему твердо придерживается традиционных воззрений на самодержавие русских царей, как на единственный источник предержащей власти в русском государстве.

В противоположность политическим идеалам коренного русского народа, местные кадетско-еврейские интеллигентные круги, действуя по указке вожаков прогрессивного большинства Государственной Думы и давно сорга-

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

низованной антигосударственной лиги земцев, упорно и совершенно беззастенчиво дискредитируют существующий государственный строй. Левая пресса, симулируя общественное мнение и делая дерзкие выпады против высшей власти, создает в крупных центрах чрезвычайно удушливую атмосферу. Восхваляемая на всю Россию разрушительная работа темных сил «прогрессивного» блока и вожаков «общественных» организаций становится, наконец, опасной для спокойствия народных масс и требует к себе самого серьезного отношения со стороны всех, кому дорога духовная мощь государства в столь критический момент.

Православные русские круги г. Киева, встревоженные полным отсутствием строго обдуманного и правильно организованного плана решительной борьбы с антигосударственными силами, поднимающими в стране смуту и способствующими усилению продовольственной разрухи, считают своим патриотическим долгом обратить внимание правительства на следующие недопустимые явления с точки зрения государственных интересов [1]).

1. Никакое учреждение, существующее в государстве, никакие организации, преследующие общественные интересы, ни отдельные лица, ни группы политических деятелей, никто не смеет расстраивать действующего государственного аппарата в момент величайшей опасности для страны, когда враг посягает на ее целость и даже на ее независимое существование. Все несогласное, все недовольное должно умолкнуть перед страшной угрозой русскому народу и его потомству. История дает нам поразительный пример политического такта и партийного терпения в лице римского сената, когда Ганнибал угрожал нанести Риму сокрушительный удар. Римский сенат, веками привыкший к власти, во имя внутреннего спокойствия и спасения государства, сделал над собою величайшее усилие, когда вышел навстречу выскочке - плебею в самом худшем значении этого слова, Варрону, виновнику величайшего позора и неисчислимых бедствий для Рима. А наша Государственная Дума, едва только начавшая первый период своей жизни, объявляет бойкот министрам, открыто подстрекает страну к активному неповиновению существующей власти. Вместо того, чтобы всеми силами поддерживать и защищать то кормило правления, какое оказалось в действии в самом начале военной бури, большинство Государственной Думы открыто выражает вслух всей России дерзкое требование смены не только лиц, но всей системы нашего государственного строя. Разрушая с думской кафедры престиж власти, члены Государственной Думы, при молчаливом согласии президиума последней, осмелились поносить и высших иерархов русской церкви. Они действовали в этом случае вполне сознательно, ибо помнят, что во все смутные эпохи на Руси святители церкви смело становились поперек дороги всяким «перелетам» и изменникам народа.

Русские православные люди, подлинная страна в лице мирно трудящихся классов, устали, наконец, от беспрерывных угроз, осуждений и брани по адресу высшей власти. Они начинают роптать на Государственную Думу за явное нежелание честно исполнить свой долг пред царем и отчизной. Они негодуют на председателя Думы, сознательно низводящего думскую кафедру на степень всероссийской революционной трибуны. Они страстно желают внутреннего мира, полного единения всех классов и сословий и дружного труда на армию и флот ради победы над врагом. Всем мирным русским людям кажется странным и непонятным то отношение правительства к бунтующему большинству Государственной Думы, каким несомненно умаляется в глазах народа как центральная, так и провинциальная власть.

Во имя блага отечества, во имя победы над врагом киевские православные русские круги, обращая мысленные взоры к державному хозяину русской земли, просят министров, окружающих его трон, поставить Госу-

[1]) Весь абзац собственноручно отчеркнут Николаем II.

дарственную Думу на указанное ей основными законами место и заставить ее президиум не допускать, — по крайней мере, до окончания войны, — никаких эксцессов, разрушающих мир в стране и подрывающих авторитет существующей власти [1]).

2. История человечества еще не знает примера, чтобы городское самоуправление в какой-либо стране стало в оппозицию к существующей государственной власти, чтобы оно публично выражало недоверие к высшему правительству в ту самую пору, когда эта страна, истекая кровью в борьбе с лютым врагом, больше всего нуждается в полном единении и в сильной власти. А между тем московская городская дума на всех стогнах своего города печатно объявляла своим гражданам, что «нынешнее» правительство не пользуется доверием страны. Примеру Москвы последовали многие самоуправления провинциальных губернских городов. По почину Москвы и под руководством ее «служилых» людей началась самая бессовестная подделка под голос народа. В нужные моменты, при нажатии кнопок общегородского союза сыплются в центр из периферий, как из рога изобилия, тысячи телеграмм, так или иначе осуждающих центральную власть. Реально существующая инсценировка общественного мнения приняла благодаря еврейско-кадетской печати совершенно сказочный характер. Одних она пугает, других вводит в заблуждение, а третьих — втягивает в сферу своих темных влияний.

Русские интеллигентные круги г. Киева, в интересах спокойствия страны, находят необходимым просить правительство сделать распоряжение о том, чтобы местные власти обязательно привлекали городских голов к уголовной ответственности по законам военного времени за все допущенные ими в собраниях речи и постановления, подрывающие авторитет и доверие к существующей власти и ко всей системе государственного управления [2]).

[1]) Весь абзац отчеркнут Николаем II.

[2]) Весь абзац отчеркнут Николаем II.

3. Так называемые общественные организации, под которыми разумеются общеземские и общегородские союзы, а также беженские комитеты, стяжали себе в народе и даже в интеллигентных национальных кругах самую дурную славу. Народ видит, что в эти организации ушло все, что убоялось службы на фронте и что не мыслит добра России. Люди, отличавшиеся на местах полным национальным индиферентизмом, вдруг облачились в полувоенные мундиры защитного цвета и стали почти хозяевами края. Евреи и поляки, остававшиеся в тени до начала военных действий, вместе с русскими людьми определенной политической окраски наполнили «общественные» организации и, ворочая колоссальными суммами казенных денег, оказались в роли диктаторов уездов и целых губерний.

Простой народ никогда не забудет, как во время устройства в нашем крае окопов агенты «общественных» организаций платили вдвое и втрое за все продукты, за подвозку материалов и за поденные работы. В селах и местечках имеются тысячи доказательств того, что «земские офицеры» не жалели казенных денег. Безумная трата денег во время окопных работ была первым этапом на пути к продовольственной разрухе. В дальнейшем усилении этой разрухи виноваты те же «общественные» организации вместе с агентами министерства земледелия. Не они ли в самом начале минувшего лета, когда цены на хлеб, на сало и мясо были немного выше нормальных, совершенно неожиданно и без всяких разумных оснований сразу повысили таксу в виде «твердых цен» на 30—50 процентов? Эти безумные выпады в хозяйственной жизни края были вторым фазисом в деле искусственного развития продовольственной разрухи. Печальное положение ближайшего к фронту тыла, в смысле продовольственной разрухи, не может измениться к лучшему до тех пор, пока право бесконтрольного распоряжения всеми продовольственными запасами известной территории не будет изъято из рук безответственных агентов «общественных организаций». В Киеве, например, еврей Соломон

Франкфурт, оказавшийся в роли уполномоченного министерства земледелия по снабжению армии салом, своими манипуляциями в области реквизиции транзита жировых веществ по железным дорогам довел все население края, частные лазареты и даже военный госпиталь (на 10 тысяч кроватей) до такого состояния, за которым могут последовать печальные эксцессы. Другой еврей Зельман Копель, агроном киевского уездного земства, по распоряжению последнего, за несколько дней до праздника рождества Христова реквизировал приготовленный для населения Бородянской волости весь сахар. Ропот и негодование населения, оставшегося на праздниках без сахара, нисколько не беспокоит ни уездную земскую управу, ни ее агента-еврея Копеля. Сотни подобных евреев, многие агенты «общественных» организаций, не говоря уже об уполномоченных министерства земледелия, совершенно бесконтрольны и так забронированы от запросов, вмешательства и жалоб со стороны населения края, что последнему остается только молчать и страдать... На местах зарегистрировано огромное количество фактов, дающих основание допустить существование сознательной тенденции у «общественных» организаций — вносить расстройство в жизнь тыла и создавать атмосферу всеобщего недовольства.

Общее мнение негодующего по этому случаю русского народа таково: необходимо немедленно изменить систему отношения правительства к общеземским и общегородским учреждениям в том смысле, что работа открытых ими учреждений должна быть признана государственно-необходимой, обязательно производящейся только за государственный счет, но непременно от имени правительства и под тщательным контролем его доверенных лиц. План постепенной, но незамедлительной замены руководящих лиц и реального хозяйственного контроля должен быть разработан и осуществлен как можно решительнее и скорее. Далее, все военно-обязанные, находящиеся на службе во всех «общественных» организациях и уездных земских управах, исключая председателей последних и руководителей отдельных учреждений, непременно должны быть призваны на действительную военную службу. Этого требует народная совесть, не желающая мириться с тем, что «общественные» организации оказались какими-то нейтральными учреждениями, освобождающими русских граждан от воинской повинности в столь критический для России момент [1]). Все взятые на военную службу могут быть легко заменены женщинами, ветеранами и, вообще, неспособными к действительной службе на фронте. Наконец, в отношении «общественных» организаций следует осуществить еще одну безусловно-необходимую меру. Мы имеем в виду то обстоятельство, что вследствие полного отсутствия правительственного контроля в прошлом, когда зарождались «общественные» организации, последние установили для своих учреждений бесконечные штаты, кошмарные сметы и безумно-разорительные для страны оклады содержания, подъемные, суточные и разъездные. Агенты общественных организаций сами удивляются баснословным размерам своего жалованья и всяких добавочных, щедро отпускаемых начальством. Идея справедливости и интересы казны требуют того, чтобы штаты и оклады содержания в «общественных» учреждениях на все время их существования до окончания войны были пересмотрены и установлены в полном соответствии с учреждениями, ведающими аналогичные дела [2]). Во всяком случае, огромное количество мелких и крупных частей сложного аппарата общеземских и общегородских организаций, созданных за счет государственного казначейства, немедленно должны быть переданы в ведение специального правительственного органа по продовольственному делу. Этого требует [2]) спокойствие России, это долг правительства как ответственного института за вну-

[1]) Первые четыре фразы абзаца отчеркнуты Николаем II.

[2]) Фразы: «Идея справедливости... аналогичные дела» и «Этого требует... на оборону» отчеркнуты Николаем II.

тренний порядок в стране и за планомерную работу на оборону.

4. Продовольственное дело можно организовать очень просто и несложно. В этом деле необходимо строго разграничить функции исполнительные от руководящих. Первые принадлежат городским и земским управам, а также всем мелким участковым комитетам, которые на местах могут быть призваны к жизни при широком участии местного духовенства. Руководящие функции принадлежат исключительно областным и губернским продовольственным советам, возглавляемым на местах высшими властями. В эти советы должно входить по четыре представителя от уездных предводителей дворянства, от уездных городских голов, от уездного духовенства, мировых посредников и по одному представителю от каждой уездной земской управы. Областным и губернским советам вменяется в обязанность иметь самые точные сведения о наличном запасе продуктов в своем районе и своевременно разрабатывать план продовольственного обеспечения. Исполнение же этого плана лежит на обязанности городских и земских управ, а также участковых комитетов. Для урегулирования транзита, для правильного распределения недостающих на местах продуктов и координирования деятельности губернских советов по всей России необходимо создать высший правительственный орган, о котором сказано раньше. Членами этого органа должны быть лица, избранные по одному от всех губернских продовольственных советов.

5. Не менее беспокоит русских людей на местах и то состояние ежедневной прессы, какое наблюдается в настоящее время во всей России [1]). Вся она, за весьма незначительным исключением, поддерживает свое существование на еврейские и, более того, на интернациональные капиталы, принадлежащие нерусским банкам. Неудивительно, что эта пресса с каждым днем усиливает свой злостный, антинациональный, противоправительственный и противоцерковный характер. Неудивительно, что кадетско-еврейские газеты, будучи в тесном союзе с главарями общеземских и общегородских организаций и действуя вполне солидарно с лидерами большинства Государственной Думы, напрягают все усилия к тому, чтобы перевоспитать русское общество в духе своих политических идеалов. Подхватывая на-лету все, что так или иначе дискредитирует правящие круги и консервативные элементы, эти газеты очень часто симулируют мнение страны, чтобы сбить с толку умеренные круги, чтобы революционировать огромные массы трудящегося люда. Осмеивая и забрасывая грязью патриотически-стойких людей и целые сословия, за которыми привыкло итти все многочисленное деревенское население России, вожди и вдохновители революционной прессы, подобно германцам, попирают все божеские и человеческие законы. Для них не существует в России ни святынь, ни исторических прав, ни национальных устоев. Ненавидя все русское, все национально-православное, уходящее корнями в глубину веков, они упорно внушают читателям свою заветную мечту — добиться ответственного министерства, как первого этапа по пути к осуществлению республиканского трафарета.

Долг правительства немедленно осуществить следующие две меры. Во-первых, необходимо издать на все время военных действий закон, безусловно воспрещающий печатание речей, резолюций и статей, направленных против системы управления или существующего строя, а также призывающих к недоверию правительству и осуждающих иерархов русской церкви и тем смущающих совесть народа. Во-вторых, правительство обязано заполнить тот печальный пробел в условиях интеллектуальной жизни широких народных масс, какой является самым уязвимым местом для всех враждебных и нерусских влияний. Мы говорим о полном отсутствии на местах русских национальных газет. Народ вынужден читать кадетско-еврейскую прессу, вынужден знакомиться с жизнью России

[1]) Весь пятый отдел записки отчеркнут Николаем II.

в ложном освещении ее внутренних врагов. День за днем, слово за словом, ложь за ложью, и революционная пресса верно идет к намеченной цели. Было время, когда наше правительство, в лице покойного Столыпина, сознало свой долг перед русским народом, когда оно, правда, очень несмело, создавало на местах за счет государственного казначейства настоящие русские органы печати, вполне отвечающие духу, воззрениям и чаяниям коренного русского народа. Теперь, когда Россия, несомненно, переживает величайший исторический момент своего существования, когда рядом с опаснейшим натиском немцев идет внутри России самая жестокая борьба за все русское, искони-святое, начиная с языка и веры и кончая прерогативами царского престола, теперь правительство должно помочь русскому народу иметь общественный язык, должно дать средства на издание дешевых русских газет в нескольких крупных городских центрах. Направленные во все села, деревни и даже хутора, напечатанные к тому же популярным языком, газеты эти будут для народа национально-политической школой. Народ жаждет сведений с поля битвы. Народ хочет иметь сведения о том, что делается в России и с кем ему по дороге. Вот почему необходимо как можно скорее начать издание русских народных газет в таких крупных городах, как Киев, Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Москва, Нижний-Новгород и Самара. Каждая газета должна обслуживать несколько губерний. Например, киевская газета может быть направлена при самой срочной пересылке во все населенные пункты Киевской, Полтавской, Черниговской, Подольской и Волынской губерний. Затраченные на это просветительное дело казенные деньги принесут такую же пользу государству, какой мы ожидаем от народных школ и народных читален. Наконец, нельзя не учесть и того обстоятельства, что армия в буквальном смысле наводняется левой прессой. Все военные части юго-западного фронта должны получать из Киева национально-русские газеты и здоровую литературу. Наши культурно-просветительные силы охотно принимают на себя издательские функции, если на это будут отпущены средства.

6. Русские национальные круги г. Киева крайне обеспокоены отсутствием подготовительных мер к выборам в 5-ю Государственную Думу. От состава и национального блока этой Думы будет зависеть многое в грядущих судьбах России. Не допуская и мысли о продлении полномочий нынешней Государственной Думы по причине ее абсолютного нежелания работать в условиях существующего государственного строя, русские национальные круги г. Киева, на основании опыта прежних лет, находят безусловно необходимым немедленно приступить прежде всего к детальной разработке плана выборов на местах и затем уже к очень сложным работам в центре, от которых будет зависеть осуществление всего выборного проекта. Подготовительные работы на местах потребуют для своего осуществления значительных перемен, затраты средств и много времени. Необходимо по каждой губернии выяснить и точно определить, при каком наличном составе административных лиц и при каких условиях самой техники выборов можно гарантировать благополучный исход выборного дела в известный момент.»

ВЦИК в июльские дни 1917 г.

Конец июня (ст. ст.) 1917 г. был ростом реакции как в тылу, так и на фронте. В тылу — предприниматели категорически отказывали рабочим в удовлетворении их экономических требований, систематически не признавали рабочих организаций и их постановлений, организованно готовились к открытому локауту и т. д. — именно это время ознаменовано рядом крупнейших конфликтов, проходивших под руководством профсоюзов.

Росло крестьянское движение, охватывавшее все более широкие районы; для подавления этого движения Временное Правительство принимало чрезвычайные меры, вплоть до применения вооруженной силы, — июльские циркуляры Церетели лишь окончательно оформили эти меры; обострялся все более национальный вопрос и т. д. На фронте — после неудачного наступления 18 июня — готовились к новому наступлению. Нежелание солдат воевать усугублялось и здесь чрезвычайными мерами Временного Правительства, которые завершились в июльские дни приказами о расформировании революционных полков, введением смертной казни и т. д.

Особенно напряженное настроение было в это время в Петрограде. Здесь были наиболее организованы и рабочие и предприниматели. Здесь же был, с одной стороны, и наиболее революционно-настроенный гарнизон, от которого Временное Правительство стремилось «разгрузить» Петроград приказами об отправке на фронт наиболее революционных частей, и, с другой стороны, такие полки, как Семеновский, Преображенский, Измайловский и др., среди которых еще не были изжиты традиции старых царских времен. После наступления 18 июня усиливавшейся контр-революцией делалось все возможное для того, чтобы «довести рабочих и солдат до той степени раздражения, когда движение принимает уже неорганизованный, разбросанный характер», — предупреждала «Правда» 23 июня 1917 г. Возмущение росло буквально изо дня в день и вылилось в Петрограде в грандиозную демонстрацию не менее чем в 500.000 человек, прошедшую под лозунгом «Вся власть Советам». «Взглянем на факты,—писал Ленин в своей брошюре «К моменту», — 2 и 3 июля движение нарастает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, наступлением. Кадеты уходят, играя в «поддавки» и ставя ультиматум эсерам и меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, расплачиваться за поражение и за возмущение масс. Большевики 2 и 3 июля удерживают от выступления. 3-го вечером движение переливает через край»... и в ночь на 4 июля ЦК и ПК, Общегородская конференция большевиков, рабочая секция Совета приняли решение вмешаться в движение и придать ему организованный характер. 4 же июля начинается подавление движения, погромы... И меры к «водворению порядка» принимаются не только Временным Правительством, но и меньшевистско-эсеровским ВЦИК'ом, который выполняет предъявленный им ультиматум ушедших министров-кадетов. «Весь день 3 июля, — говорил меньшевик Войтинский на объединенном заседании ВЦИК'а 5 июля, — ушел у нас на то, чтобы стянуть войска, чтобы укрепить Таврический дворец... У нас была задача втянуть хоть несколько рот, верных делу революции, для защиты всероссийских центральных органов... Одно время у нас совершенно не было сил. У выходных дверей Таврического дворца стояло только 6 человек, которые не в силах были сдерживать толпу. Первая часть, пришедшая нам на помощь, — это броневые машины. Мы вызвали их не демонстрировать броневики, а как боевую силу. У нас было твердое решение в случае насилия со стороны вооруженной банды — открыть огонь»[1]). Это «твердое решение» было вызвано прежде всего страхом перед революцией, сознанием своего полного отрыва от революционных рабочих и солдат, страхом перед возможным низвержением. Об этом откровенно заявил эсер Саакиан на объединенном заседании ВЦИК'а 5 июля. Он говорил: «Тов. Мартов не знает психологии Петрограда: сегодня низвергнут трех министров-капиталистов, а завтра Чернова и Церетели, а послезавтра и нас, вместе с тов. Мартовым. Положение петроградского пролетариата тяжелое— это взрывчатый материал. В Петрограде авторитетны Ленин, Коллонтай,

[1]) Разбивка наша. — *В. М.*

Троцкий, но провинция с ними не помирится»....

Публикуемые нами документы —распоряжения и просьбы ВЦИК'а о присылке войск, броневых автомобилей, орудий и т. д. — лишь дополняют общую картину расправы. Конечно, этих распоряжений было значительно больше, — лишь небольшая часть их сохранилась в Архиве Октябрьской Революции в делах президиума ВЦИК'а (инвентарный № 2475), [1]) многие дошли до нас лишь в копиях, но у нас имеются некоторые данные для утверждения, что число их было значительно больше. Достаточно обратить внимание на то, что исходящий № первого «приказа» ЦИК'а, очевидно, от 4 июля,— 6224, а последний публикуемый нами документ от 5 июля имеет исходящий № 6685. Конечно, некоторая часть промежуточных номеров пришлась в эти дни на вызовы войск.

Рукописные подписи, имеющиеся в подлинниках, напечатаны у нас курсивом. Самый материал расположен в хронологическом порядке; в тех случаях, когда на документах даты не имеется, мы их располагали в порядке исходящих номеров, но считаем нужным отметить, что этот порядок не вполне заменил хронологический порядок рассылаемых распоряжений: предписания 5 июля броневому дежурному автомобилю и в арсенал имеют исходящие номера 6478 и 6479, а от 4 июля в орудийный завод и командиру Гвардейского флотского экипажа — 6482 и 6487. В конце приводится—резолюция объединенного заседания бюро ВЦИК'а, как некоторый итог его деятельности в июльские дни. Эта резолюция в несколько иной редакции имеется в протоколах бюро ВЦИК'а (см. «Известия» № 110 от 6/VII 1917 г.).

В. Меллер.

1.

Михайловский манеж запасного броневого автомобильного дивизиона.

По постановлению Исполнительного Комитета предлагаю немедленно исполнить приказание главнокомандующего войсками петроградского военного округа о высылке двух броневых автомобилей в распоряжение коменданта Таврического дворца поручика Грекова.

Член бюро Исполнительного Комитета Сомов.

6224. Июля...

2. [1])

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов настоящим удостоверяет, что автомобильная база Временного Правительства находится в полном распоряжении Совета, и потому без его разрешения ни одна машина не может выводиться какой бы то ни было группой.

Председатель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов *Чхеидзе.*

6259.

3.

В Преображенский полк.

Предписание.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов предписывает полковому комитету Преображенского полка выслать в Таврический дворец в распоряжение Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сто двадцать человек для смены караула в несении охраны Таврического дворца.

Член Исполнительного Комитета *М. Бройдо.*

Член секретариата *А. Дроздова.*

6275. Июля...

4.

В Волынский полк.

Предписание.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов предписывает полковому комитету Волынского полка выслать в Таврический дворец в распоряжение Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Сол-

[1]) Здесь приведены все телеграммы и предписания, имеющиеся в разных местах этого дела.

[1]) Без адреса.

датских Депутатов сто двадцать человек для смены караула в несении охраны Таврического дворца.

Член Исполнительного Комитета *М. Бройдо.*

Член секретариата *А. Дроздова.*

6276. Июля...

5.

Полковнику Трестеру.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов просит вас в порядке наибольшей срочности мобилизовать все машины автомобильной школы и выслать достаточное количество их в Исполнительный Комитет немедленно. Для переговоров по этому вопросу посылается товарищ П. Н. Иванов.

Член Исполнительного Комитета Бройдо.

Член секретариата Дроздова.

6278. Июля...

6.

Броневому отделу 1-й запасной автомобильной роты.

Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов просит прислать в его распоряжение 4 (четыре) броневых машины в Государственную Думу.

Председатель Н. Чхеидзе.
За секретаря Евреинов.

6421. Июля 1 [1]).

7 [2]).

Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Р. и С. Д. просит прислать в его распоряжение девять (9) броневых машин в Государственную Думу.

Петроград, июля 4 дня 1917 г.
Председатель.
Секретарь.

6424.

[1]) Так в подлинном.

[2]) Без адреса и подписей.

8.

Комитету запасного батальона гвардии Измайловского полка.

Петроградский Исполнительный Комитет Сов. Раб. и Солд. Деп. требует немедленно прислать из состава запасного батальона 400 вооруженных солдат для несения караулов по охране Таврического дворца. В соответствии с этим уже отдано вам распоряжение штаба округа и для личных пояснений отправился т. Гоц.

Председатель Исполнительного Комитета Чхеидзе.
За секретаря.

6453. Июля 4.

9.

В ротный комитет Главного артиллерийского сухопутного полигона.

Исполнительный Комитет предлагает строго следить за тем, чтобы ни одно орудие без приказа Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов не было выдано помимо требования Комитета.

200 человек должны быть наготове по первому требованию Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов прибыть для охраны Таврического дворца.

Требование будет подписано Чхеидзе, Дан, Гоц, Либер или Скалов—члены Исполнительного Комитета.

Член Исполнительного Комитета Скалов.
За секретаря А. Дроздова.

6454. Июля 4.

10.

В исполнительный комитет Ораниенбаумской стрелковой школы [1]).

Временный военный комитет при Центральном Всероссийском Испол-

[1]) Такое же предписание имеется в комитет 2-го пулеметного полка; исходящий номер—6457.

нительном Комитете просит комитет о назначении и присылке в Таврический дворец в распоряжение Центрального Всероссийского Исполнительного Комитета отряда в 500 человек, по возможности вооруженных: 250 человек винтовками, а остальных пулеметами.

Председатель Центрального Всеросс. Испол. Комит. [1]).
За секретаря А. Дроздова.

6456. Петроград. Июля 4 дня 1917 г.

11.

В запасный батальон гвардии Семеновского полка.

Испол. Ком. Петрогр. Совета Раб. и Солд. Деп. просит немедленно прислать для несения караула по охране Таврич. дворца одну роту.

Председатель Испол. Ком. [1])
Секретарь.

6461 а. Петроград . . . . дня 1917 г.

12.

В орудийный завод.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает орудийному заводу выдать находящееся у них 3-дюймовое орудие, с передком и снарядами, как принадлежащее батарее конно-гвардейск[ой] артиллерии, уполномоченному на то от Исполнительного Комитета подателю сего, старшему фейерверкеру Мазуркевичу.

Председатель Исполнительного Комитета *Чхеидзе*.
За секретаря *Дроздова*.

6482. Июля 4.

13.

Командиру Гвардейского флотского экипажа [2]).

В виду особо тревожных событий, угрожающих революции, Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает вам с получением сего выслать в распоряжение коменданта Таврического дворца всех свободных от нарядов солдат для охраны Исполнительного Комитета.

Председатель *Чхеидзе*.
Секретарь *Филиппова*.

6487. Петроград. 4 июля 1917 г.

14.

Предписывается броневому автомобилю, несущему дежурство при Исполнительном Комитете, в 8 часов утра 5 июля сопровождать наряд людей, отправляющихся за 3-дюймовым орудием, находящимся на Литейном проспекте.

Член Исполнительного Комитета.
Секретарь *Филиппова*.

6478. Петроград, 5 июля 1917 г.

15.

Предписание в арсенал.

Настоящим ИКСС и РД предписывает выдать представителю броневого дивизиона, шоферу Гардину, из склада оружия 24 револьвера с патронами к ним, 50 штук на каждый.

Председатель Сомов.
За секретаря Дроздова.

6479. 5 июля 1917 г.

16.

В ротный комитет 12-й роты 2-го пулеметного запасного полка.

Временный военный комитет при Центральном Исполнительном Комитете Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов сообщает ротному комитету, что всякое приказание должно быть дано за подписью генерала Половцева и полков-

[1]) Подписи не имеется.
[2]) На подлинном печать И. К. С. Р. и С. Д.

ника Балабина, скрепленное подписью одного из членов Центрального Исполнительного Комитета, на то уполномоченных: Либера, Гоца, Войтинского, Анисимова, Филипповского, Борисова, Соколова, Скалова и Бинасика.

Председатель Исполнительного Комитета *Чхеидзе*.
Секретарь.

6490. Июля.

17.

Р е з о л ю ц и я.

Одобряя решение правительства объединить все действия военных и гражданских властей по восстановлению и поддержанию революционного порядка в петроградском военном округе, соединенное заседание бюро Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановило уполномочить т.т. Авксентьева и Гоца вступить в возможно тесные сношения с представителями Временного Правительства в целях полного согласования действий в намеченном направлении.

Тов. председателя Исполнительного Комитета *Либер-Гольдман*.
За секретаря *Анисимов*.

6685.

Учет департаментом полиции опыта 1905 года.

Мимо департамента полиции не мог, конечно, пройти тот факт, что с конца 1910 г. в революционном движении в России начинается заметный поворот. Число стачек увеличивается из месяца в месяц и вслед за летними экономическими стачками 1910 года следует непрерывное и интенсивное движение 1912 года.

Уже в конце 1911 года департамент полиции опасается скорого вооруженного восстания. В деле департамента полиции, именуемом «Записки о важнейших событиях в области розыска, представляемые г. министру внутренних дел» (особый отдел, № 171 за 1914 г.), имеются «справки» по всем революционным партиям и отраслям движения, представленные 11 ноября 1911 года, повидимому, товарищу министра или министру внутренних дел и где в «справке» о революционном движении в армии и во флоте читаем следующий весьма характерный абзац: «Революционные деятели всех оттенков, постоянно враждующие по программным вопросам, стремятся к объединению на почве распропагандирования войск, придавая сему особое значение, так как практика последних государственных переворотов в Турции, Персии и Португалии указала, что решающее значение в исходе революции принадлежит армии, при чем все организации обращают особое внимание на офицерский состав и на необходимость усиления пропаганды в войсках, с таким расчетом, чтобы подготовить вооруженное восстание, которое некоторые приурочивают к лету 1912 года». Как известно, департамент не ошибся: летом 1912 года произошли волнения в целом ряде воинских частей, главным образом в Балтийском и Черноморском флотах.

Что же касается специально рабочего движения, то его общая картина за 1912 год характеризовалась столь сильным подъемом, что обозреватели правительственной и кадетской печати с тревогой ожидали 1913 г., ибо он, по их мнению, мог принести столь сильный подъем рабочей энергии, что призрак 1905 года стал бы вновь реальностью.

И, правда, 1913 год как по числу забастовок, так и по числу участвовавших в них рабочих лишь немногим уступает 1905 и 1906 годам.

Одновременно с началом экономического стачечного подъема в рабочих кругах стало заметно стремление к организации своих сил. Распад профессиональных союзов приостанавливается, и рабочие с необыкновенной настойчивостью и упорством восстанавливают таковые, а также и почти

все рабочие общества, закрытые в предшествовавшие годы.

Документ, печатаемый под № 1, обнаруженный нами в архиве департамента полиции в деле «О профессиональных союзах» (особый отдел, № 17 за 1913 год) ярко характеризует именно этот период, и, кроме того, он интересен как страница из истории организации центрального бюро профессиональных союзов. На этом документе имеется следующая резолюция черным простым карандашем от 5 августа 1913 года без подписи — повидимому, директора департамента полиции: «господин министр изволил обратить внимание на серьезность вопроса и возможность забастовки. Нужно внимательно следить за данными агентуры повсеместно и предлагать делать ликвидации без промедления». Судя по этой резолюции, министерство внутренних дел пытается уже отказаться от своей излюбленной «тактики выжидания»: лишь тогда производить аресты, когда вокруг той или иной революционной организации, уже успевшей окрепнуть, сконцентрируется значительное количество работников. Следующие документы подтверждают этот вывод, показывают не случайность данной резолюции, а говорят о том, что департамент полиции начинает нервничать. Именно, в документе № 5 находится определенное предписание департамента полиции подавлять всякие преступные замыслы в области революционного движения «в самом их зародыше, не ожидая развития преступного намерения». Это лишь перефразировка предыдущей резолюции.

В том же, 1913, году в департаменте заводится дело «О выработке и принятии мер к предупреждению возможности повторения революционного движения 1905 года» (особый отдел, № 220), откуда мы и воспроизводим 2, 3, 4 и 5 документы, которые не нуждаются в комментариях. Они ярко свидетельствуют о том, что изучением успехов и недочетов революции занимались не одни только революционные социал-демократы.

Между документами № 1 и последующими имеется непосредственная связь. В документе № 2 есть прямо ссылки на документ № 1. Общая мысль, объединяющая их в одну группу, несмотря на то, что они попали в разные дела, заключается в опасении всеобщей забастовки. Конечно, ссылка на то, что конгресс анархистов в Париже имел влияние на развитие идеи о всеобщей забастовке в России, вызывает только улыбку. Движение в России после Ленского расстрела сразу же выступает под руководством социал-демократии и выступает как сознательное движение, а не идет ощупью, чем оно и отличается от движения после 9 января [1]), хотя в остальном этот момент и был «весьма похож на осень 1905 года», как говорит начальник петербургского охранного отделения.

Интересно отметить в записке № 2, что охранное отделение учитывает связь рабочего движения с поднятием активности либеральных и оппозиционных кругов общества. Этот рост активности буржуазии, конечно, чрезвычайно тщательно регистрировался департаментом полиции. Так, в деле за 1913 г, под заглавием «Записки о важнейших событиях в области розыска, представляемые г. министру вн. дел» (особ. отдел, № 171), имеется «отчет по особому отделу департамента полиции о заслуживающих внимания переписках за последнее время» (ноябрь [?] 1913 г.); здесь приводится сообщение по агентурным данным о негласном совещании членов кадетской партии 5—6 октября 1913 года в Москве. В этом совещании принимали участие центр. комитет партии, московский городской комитет и члены районных комитетов партии, прибывшие в Москву на юбилей газеты «Русские Ведомости». По вопросу о настроении на местах присутствовавшими было констатировано полевение общества, и, в результате прений, совещание пришло к убеждению, что задачи кадетской партии и фракции Госуд. Думы, в частности, должны вылиться в форму вскрытия реакционной политики правительства и направлены к резкой критике

[1]) Невский. История РКП (б). Краткий очерк, 2-е издание, с. 364.

правительственных законопроектов и мероприятий. Это — маленький кусочек из истории традиционной тактики кадет.

На документе № 3 мы останавливаться не будем. Он интересен не в отношении сообщаемых им фактов, а как образец оценки революции 1905 года охранным отделением.

Документ № 4 взят из того же дела, и он явился, повидимому, последней каплей, вынудившей департамент полиции выпустить циркуляр от 26 ноября 1913 года (документ № 5), но спасти царское правительство этот циркуляр уже не мог.

Мих. Корбут.

1. Доклад петербургского охранного отделения министру внутр. дел от 4 августа 1913 года. № 15782.

Секретно.

Еще в июне месяце сего года в отделение стали поступать сведения, что среди петербургских рабочих возникла мысль об устройстве осенью сего года всеобщей петербургской, а если удастся, то и всероссийской забастовки. Таковую забастовку предполагалось приурочить ко времени внесения в Государственную Думу законопроектов о печати и реформе полиции.

Для проведения этой забастовки в Петербурге должен был сформироваться особый стачечный комитет, кадром для коего должно было явиться нелегальное центральное бюро профессиональных союзов.

Первое собрание центрального бюро профессиональных союзов должно было состояться 21 июля в лесу около Парголова, но таковое собрание не состоялось благодаря неправильно расставленнымъ патрулям.

Второе собрание центрального бюро должно было состояться сегодня тамже, но также не состоялось, так как в Парголове и его окрестностях маневрировали войска и было собрано много полиции. Однако еще вчера в помещении союза печатников состоялось предварительное собрание, в числе 11 человек, представителей всех профессиональных союзов в Петербурге, за исключением союзов мраморщиков и булочников, на каковом собрании было выяснено, что в настоящее время настроение рабочих сильно приподнято. Обстоятельствами, создавшими такое настроение, на собрании выставлялись: 1) забастовка бакинских рабочих, 2) репрессии против рабочей печати, так как накануне, т.-е. 2-го сего августа, постановлением с.-петербургского окружного суда были закрыты газеты «Рабочая Правда» и «Живая Жизнь», возникшие вместо ранее закрытых «Правды» и «Луча», и 3) сведения о якобы состоявшемся в Париже конгрессе анархистов, на коем было постановлено организовать во Франции всеобщую забастовку. В виду этого на собрании было предложено и решено использовать таковое настроение рабочих и устроить всеобщую забастовку не осенью, а теперь же. Днем забастовки было намечено 15 сего августа, и длительность забастовки была намечена трехдневная; кроме того, было решено по возможности распространить забастовку и на другие города.

Когда выяснилось, что предполагавшееся сегодня в Парголове собрание центрального бюро профессиональных союзов состояться не может, было принято считать постановления вчерашнего предварительного собрания окончательными, но предварительно распространения сведений о таковых постановлениях в рабочие круги устроить совместное собрание представителей профессиональных союзов с представителями местных революционных организаций (как социал-демократической, так и партии социалистов-революционеров) для обсуждения деталей осуществления намеченной забастовки и выработки коллективного призыва к рабочим.

Означенное собрание состоялось сегодня, в 5 часов дня, в помещении Общества женской взаимопомощи (Рузовская, 13, кв. 6).

Командированным нарядом полиции в указанном помещении были задержаны следующие лица: 1) резчик по дереву, крестьянин Тверской губ.

Кашинского уезда, Бобровской волости, деревни Буршево Андрей Яковлев Пешков; 2) футлярщик по коже, кр. С.-Петербургской губ., Лужского уезда, Городецкой вол., дер. Кукуевки Сергей Иванов Григорьев; 3) слесарь кр. Костромской г., Кологривского уезда, Спасской волости, дер. Коровино Максим Абрамов Лебедев; 4) литейщик, кр. Калужской губ., Малоярославского уезда, Угодско-Заводской вол., села Передаль Кирилл Потапов Широков; 5) переплетчик, мещанин г. Дисны, Виленской губ. Шмуил Хацкелов Лившин; 6) столяр, кр. Киевской губ., Звенигородского уезда, Виноградской вол. и села, Никон Васильев Заемов; 7) переплетчик, мещанин г. Валдая, Новгородской губ., Сергей Александров Павлов; 8) наборщик, мещанин г. Старой-Руссы, Новгородской губ. Сергей Васильев Марков; 9) наборщик, кр. Тверской губ., Осташковского уезда, Дубковской вол., дер. Утицы Александр Михайлов Сахаров; 10) наборщик, кр. С.-Петербургской губ., Ямбургского уезда, Ратчинской вол., дер. Кайболова Федор Николаев Николаев; 11) булочник, кр. Тверской губ., Бежецкого уезда, Радуховской вол., дер. Бор Павел Тимофеев Синицын; 12) слушатель Психо-Неврол. Инст., кр. Таврической губ., Днепровского уезда Игнатий Иванов Задорожный; 13) портной, кр. Тамбовской губ., Шацкого уезда Агищевской вол. Михаил Матвеев Выборнов; 14) фальцовщица, кр. Ковенской губ., Шавельского уезда, Радзивиловской вол., дер. Монкишки Елена Матеушова Дакнис; 15) печатник, кр. Смоленской губ., Юхновского уезда, Ветковской вол., дер. Малые Ермаки Степан Флоров Гаврилов; 16) монтер, кр. С.- Петербургской губ., Гдовского уезда, Константиновской вол., дер. Нарницы Осип Миронов Миронов; 17) башмачник, кр. Лифляндской губ., Верроккского уезда, Ильцинской вол. Христиан Петров Тиканик; 18) переплетчик, кр. Тверской губ., Новоторжского уезда, Никольской вол., дер. Чудин Николай Иванов Брусов; 19) футлярщик по коже, кр. Смоленской губ., Гжатского уезда, Ново-Покровской вол., дер. Степанцево Василий Давыдов Лебедев; 20) переплетчик, мещанин г. Медыни, Калужской губ. Георгий Васильев Чашин, и 21) портниха, кр. Костромской губ., Чухломского уезда, Вахтомской вол. Анна Иванова Хватова.

Из числа поименованных лиц Михаил Лебедев и Никон Заемов известны отделению, как члены Петербургского комитета Рос. Соц.-Дем. рабочей партии; Игнатий Задорожный является представителем партии социалистов-революционеров. Из остальных же 18 лиц об 11 имеются в отделении более или менее неблагоприятные в политическом отношении сведения.

Все задержанные лица заключены под стражу и в их квартирах производится обыск.

Независимо сего, мною сделано распоряжение об аресте еще 6 лиц, а именно: 1) печатника, кр. Рязанской губ., Спасского уезда, Троицкой вол. Якова Денисова Мелешина; 2) чертежника, кр. Виленской губ., Трокского уезда, Запушинской вол. Ивана Юрьева Пульяновского; 3) приказчика колбасной лавки, мещанина Новгородской губ., упрощенного [sic!] Крахинского общества Павла Павлова Казакова; 4) сына провизора Якова Львова Абрамовича (учащийся); 5) чернорабочего, мещанина гор. Переяславля Петра Николаева Михайлова и 6) приказчика мясной лавки, кр. Ярославской губ., Угличского уезда, Алексея Григорьева Батурина, известных отделению, как члены центрального бюро профессиональных союзов, кои, повидимому, случайно не присутствовали на сегодняшнем собрании.

Полковник *фон-Котен*.

2. Копия записки начальника Петербургского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 3 октября 1913 г. № 19832.

Секретно.

Вследствие предложения от 1 сего октября за № 104634, по вопросу

о возможности всеобщей забастовки в С.-Петербурге, имею честь доложить вашему превосходительству нижеследующее:

Возможность всеобщей забастовки в С.-Петербурге в настоящее время представляется мне весьма вероятной, так как настоящий момент весьма похож на осень 1905 года. Подобно тому, как в первую нашу революцию, рабочее движение, начавшись с событий 9 января 1905 года, постепенно расширялось и все ширилось, ни на минуту не затихая, а, наоборот, постепенно усиливалось, пока не разразилось взрывом октября—декабря 1905 года, так и нынешняя революционная волна, постепенно нарастая, к настоящему моменту достигла уже значительной степени напряжения. Эта широкая стачечная волна постепенно захватывает все более и более широкие круги рабочих, и неудовлетворительность [sic!] рабочих масс своим положением все нарастает. В последнее время эти массы находятся в таком состоянии, что достаточно самого малейшего повода, чтобы заставить их бастовать. Поводы для забастовки бывают самые разнообразные: суд над матросами, репрессии на рабочую печать, увольнение какого-нибудь их рабочего, иногда даже резкий окрик мастера на кого-нибудь из рабочих. Особенно напряженное настроение рабочих масс определилось летом текущего года, и тогда уже возникла идея об организации всеобщей забастовки всех фабрик и промышленных заведений Петербурга, а если возможно, то и во всей России. Недоставало повода к этому, и недоставало удобного момента для начала забастовки. Все предположения по этому вопросу сводились к мысли о всеобщей забастовке в октябре, то-есть ко времени открытия осенней сессии Государственной Думы и внесения в Думу законопроектов относительно печати и о реформе полиции.

Однако момент, достаточно удобный для немедленного проведения всеобщей забастовки, определился уже в августе. Таковым моментом, как указывалось в записке моей от 4 августа сего года за № 15782, явились забастовки рабочих в г. Баку и возникшая одновременно забастовка трамвайщиков в г. Тифлисе. Необходимо отметить, что в среде рабочих существует мнение, будто бы все крупные, широкие забастовки в России начинаются именно из Баку. Это обстоятельство в связи с происходившим в то время в Париже конгрессом анархистов, на котором было принято решение о всеобщей забастовке во Франции, побудило местные радикальные рабочие круги обсудить мысль о возможности проведения забастовки теперь же, не дожидаясь октября. С этой целью образовался стачечный комитет, который собрался 3 августа и вынес предположительное постановление об объявлении на 15 августа в С.-Петербурге всеобщей забастовки. Окончательное решение этого вопроса было отнесено на собрание, назначенное на 4 августа в Обществе женской взаимопомощи, как о том мною подробно было доложено вашему превосходительству в вышеуказанной записке за № 15782. Как известно, означенное собрание мною было арестовано, почему мысль о всеобщей забастовке на 15 августа провалилась. Этой ликвидацией охранному отделению удалось отсрочить вопрос о всеобщей забастовке в Петербурге на неопределенное время, но, конечно, не уничтожить возможность нового возникновения этого вопроса.

Трамвайная забастовка в Москве дала идее о всеобщей забастовке в Петербурге новый импульс. При получении в Петербурге первых же известий о московской забастовке и в Петербурге обнаружилось серьезное брожение как в среде трамвайных служащих, так одновременно и в среде почтово-телеграфных служащих, а последнее время и в некоторых других предприятиях, имеющих общественное значение, как, например, на городских газовых станциях, а также и на водопроводе. Подобно 1905 году, в воздухе стали носиться идеи об объединении в союзы служащих самых разнообразных категорий, как-то: почтово-телеграфных, железнодорожных, трамвайных, водопроводчиков, газовых рабочих и т. п.

Союзы эти нарождаются, как грибы после хорошего дождя, и притом нарождаются большей частью совершенно самостоятельно, так сказать, путем самозарождения.

В данное время в учебных заведениях идет забастовочная волна по поводу суда над Бейлисом, и весьма возможно, что эта волна пройдет и через рабочие массы и явится даже поводом к всеобщей забастовке.

Весьма характерно, что либеральные и оппозиционные круги общества, которые после репрессий 1905 года попритихли и ограничивались исключительно легальной деятельностью в Государственной Думе, в настоящее время, подобно 1905 году, стали проявлять свое настроение и иными путями, ярким примером чему служит недавно закрытый съезд городских деятелей в Киеве, на котором А. И. Гучков прочел свою известную резолюцию.

Таким образом в ближайшем будущем вполне возможны попытки к объявлению всеобщей забастовки в Петербурге, каковая забастовка может легко распространиться также и на многие предприятия общественного значения, как-то: на железные дороги, почту, телеграф, трамваи, водопроводы, электрическое освещение и т. д.

Меры к освещению настроения служащих всех перечисленных категорий отделением принимаются, и пока забастовочное настроение определяется лишь в среде трамвайных служащих, как то видно из моих докладов вашему превосходительству.

Из предупредительных мер возможны и отделением принимаются дезорганизация партийных групп — социалистов-революционеров и социал-демократов. Что же касается принятия каких-либо предупредительных мер в виде ликвидации профессиональных организаций, то их можно считать бесполезными, так как нынешнее забастовочное настроение носит характер своего рода психоза; в некоторых случаях ликвидации могут оказаться даже и вредными, так как в данное время настроение таково, что ликвидация может только ускорить взрыв забастовочного движения.

Полковник *фон-Котен.*

3. Записка петербургского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 8 октября 1913 года. № 20172.

Секретно.

Во исполнение личного приказания, докладываю вашему превосходительству, что по вопросу о наростании в 1905 г. революционного движения в С.-Петербурге и системы мер, которые были приняты столичной полицией и, в частности, охранным отделением в целях предупреждения и прекращения революции, собраны следующие сведения.

Революционное движение, обусловленное многообразными социально-экономическими и политическими причинами, постепенно нарастая под влиянием неудач минувшей русско-японской войны, достигло своего высшего напряжения к моменту массового выступления пролетариата 9 января 1905 года. Кровавые события этого дня, которые унесли большое число жертв, пострадавших частью случайно, внесли громадное возбуждение во все слои общества, а в особенности в среду рабочих и учащейся молодежи, каковые слои общества и в обычное время представляют вообще наиболее восприимчивую среду для целей революционной пропаганды. Последняя получила широкий розмах и большую интенсивность движения.

Вслед за событием 9 января 1905 года последовал ряд частичных и общих забастовок столичных фабрично-заводских и ремесленных рабочих, а в высших учебных заведениях начались волнения и митинги, которые совершенно остановили ход учебных занятий. Вскоре после 9 января правительственным распоряжением были временно закрыты все высшие учебные заведения, но в начале февраля ректор С.-Петербургского университета, уступая настоятельным просьбам студентов, испросил у министра народного просвещения разрешение устроить в стенах университета студенческую сходку с целью обсуждения вопроса о возобновлении занятий. Сходка со-

стоялась 7 февраля в актовом зале университета при участии до 5000 чел., в числе коих находились не только студенты университета, но лица из состава профессуры, много студентов других учебных заведений и большое число рабочих, пропущенных студентами на сходку помимо разрешения педелей, которые были оттеснены толпой от входов в университет. Эта сходка приняла явно революционный характер: портрет государя императора был уничтожен, и сходкой были вынесены резолюции с требованиями: о созыве Учредительного Собрания, прекращения войны и даровании свободы слова, печати, собраний, стачек и проч., а также о прекращении учебных занятий до осени.

Подобные же сходки учащихся, с разрешения и без разрешения начальства, повторялись затем и в стенах других высших учебных заведений, и затем большая часть студенчества разъехалась по домам в провинцию, а из числа оставшихся многие отдались революционной работе среди рабочего класса.

В последующем, при участии объединенных сил центральных и местных организаций эс-деков и эс-эров, в ближайшее время, сорганизовались две инициативные преступные группы: Союз Союзов и Совет Рабочих Депутатов для объединения и руководства рабочим и революционным движением с целью насильственного достижения конституции. Задача эта облегчалась распоряжением самого правительства, обнародовавшего высочайший указ 27 августа 1907 г. об автономии университетов и других высших учебных заведений, которые благодаря этой мере с осени того же года превратились в места политических и рабочих митингов.

Настроение революционного движения в С.-Петербурге в последующее время завершилось общей политической и рабочей забастовкой, которая, начавшись 13 октября на Московско-Архангельской ж. д., распространилась повсеместно в России и захватила трудовое население Петербурга 15 октября. Общая забастовка прекратилась вслед за изданием высочайшего манифеста 17 октября, но революционная смута продолжалась еще с той же силой впредь до ареста 26 ноября председателя Совета Рабочих Депутатов, помощника присяжного поверенного, Георгия Носаря (Хрусталева) и 3 декабря того же 1905 года, в помещении Вольно-Экономического Общества, всего состава Совета Рабочих Депутатов, в числе до 250 человек, чем и закончился в Петербурге наиболее острый период борьбы пролетариата за обладание властью.

Наростание революционного движения в 1905 году сопровождалось образованием боевых дружин при местных организациях эс-эров и эс-деков, раздачей оружия организованным рабочим и боевыми выступлениями членов этих дружин против войск, полиции и отдельных представителей власти.

Принятые охранным отделением меры борьбы против означенного революционного движения распадаются на две группы: меры предупредительные и меры репрессивные. К числу предупредительных мер относятся:

1) наблюдение через полицейских надзирателей за рабочим населением вообще и, в частности, за течением жизни на фабриках, заводах, в городских предприятиях, на всех столичных вокзалах, в железнодорожных мастерских, типографиях и других промышленных предприятиях;

2) Наблюдение через полицейских надзирателей за учащимися в высших учебных заведениях и за происходящим в стенах таковых; за местами сношений учащихся, каковы: кухмистерские, портерные и вообще заведения трактирного промысла, концерты, лекции и вечера;

3) наблюдение полицейских надзирателей в порученных им районах за населением вообще, в особенности за лицами, обнаружившими свою политическую неблагонадежность, и, в частности, наблюдение за гостиницами, меблированными комнатами и населенными квартирами, в которых можно было ожидать проживания лиц без прописки;

4) наружное наблюдение за членами революционных организаций с целью выяснения связей;

5) агентурное освещение работы революционных организаций и, в частности, всего происходящего на митингах и собраниях политического характера, а также в рабочих обществах.

Так как состав секретных сотрудников и самого охранного отделения оказался мал и не соответствовал подъему революционного движения того времени, то бывший начальник отделения, ныне генерал-майор Герасимов в июле 1905 года ходатайствовал перед департаментом полиции об усилении сумм, отпускаемых на содержание отделения, и таковые были увеличены на 43 тысячи рублей в год, в том числе 19.900 рублей на жалование секретным сотрудникам, число которых было увеличено.

Что же касается репрессивных мер, принятых охранным отделением к подавлению революционного движения в 1905 году, то таковые выражались в целом ряде ликвидаций преступных групп и в арестах отдельных лиц. В частности, кроме вышесказанного Совета Рабочих Депутатов, в течение года было ликвидировано до 20 групп социал-демократической партии и столько же — партии социалистов-революционеров; из числа последних около половины представляли собой боевые организации, задержание которых сопровождалось отобранием по обыску оружия, взрывчатых веществ и готовых к действию метательных снарядов, а в некоторых случаях и вооруженным сопротивлением.

Полковник *фон-Котен*.

4. Рапорт начальника финляндского жандармского управления на имя директора департамента полиции от 13 ноября 1913 г. № 3994.

Секретно.

Получены сведения по агентуре, что в приходе «Паргас», Або-Бьернеборгской губернии, 22 ноября нов. ст. сего года члены правления местного рабочего общества были созваны в помещение дома общества для ознакомления с настоящим политическим положением.

Председатель правления организации Густав Коски заявил собравшимся, что им получены касающиеся политического положения следующие указания: продолжающийся уже в течение нескольких лет политический гнет, начавший угрожающим образом за последнее время расширяться, не вызывает удивления, что более пессимистически настроенные, не видя конца репрессиям, уже проявляют признаки отчаяния. Именно теперь разные признаки в империи указывают на приближение момента нового периода рабочего освободительного движения, которое в империи переживало тяжелый кризис.

Ведя беспрестанную борьбу с контрреволюцией, оно за последнее время стало обнаруживать особенное оживление, выраженное в форме забастовок как на экономической, так равно и на политической почве. Явления этого рода носят симптоматический характер, свидетельствуя, что рабочие массы вновь начинают организовываться, и следует надеяться, что возобновленная борьба достигнет желаемой цели.

Полковник (подпись).

5. Секретный циркуляр департамента полиции от 26 ноября 1913 г. № 107030.

Совершенно секретно.

Циркулярно.

Начальникам губернских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка и г.г. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск.

По получаемым в департаменте полиции сведениям, революционные партии разных направлений заметно развивают свою преступную работу в пределах империи, а поэтому, учитывая означенное обстоятельство, департамент полиции находит нужным напомнить, что обстоятельства настоящего момента вызывают настоятельную необходимость подавления всяких преступных замыслов в области революционного движения в самом их заро-

дыше, не ожидая развития преступного намерения [1]).

Находя, что уменьшение общей силы репрессии за счет количества случаев обнаружения преступных замыслов революционных групп даст при применении предупредительного метода значительный выигрыш в общей силе подавления революционного движения, департамент полиции просит вас, милостивый государь [2]), ликвидировать революционные группы, как скоро агентура даст вам определенные и достоверные сведения о наличности преступной деятельности, а наружно наблюдение осветит связи и взаимоотношения заподозренных лиц.

На-ряду с этим департамент полиции просит вас, милостивый государь, принять меры к усилению в качественном отношении имеющейся у вас агентуры и к более энергичной и глубокой разработке получаемых сведений и результатов наблюдения.

Директор *Белецкий*.
За заведывающего особым отделом
подполковник *Энгбрехт*.

---

[1]) Первоначальный текст циркуляра несколько отличался от настоящего, а именно, в черновике первый абзац имеет такое продолжение: «хотя бы такая тактика грозила недостаточностью улик для предъявления формального обвинения», что было потом вычеркнуто.

[2]) Здесь в черновике было вставлено: «не задерживать ликвидацией революционных групп и отдельных лиц без особых к тому оснований и производить таковые» — дальше шли слова «как скоро агентура» и т. д. Обе эти вставки были вычеркнуты товарищем министра внутренних дел.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.
Ответственная редакция: Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. С предисловием М. Н. Покровского.	3— 29
Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину. С предисловием Б. А. Романова.	30— 48
Китайская революция 1911 года. С предисловием А. Ивина	49—104
К истории Ясского совещания. С предисловием А. И. Гуковского.	105—118
Продуголь. С предисловием А. И. Гайстер	119—148
Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. С предисловием С. Н. Валк	149—162
Марксистская периодическая печать. (Окончание.)	163—194

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

А. И. Желябов в Александровске. Сообщил С. Н. Валк.	195—197
Первый транспорт литературы группы «Освобождение Труда». Сообщил Н. Л. Сергиевский.	197—201
Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву. Сообщил Е. В. Тарле. . . .	201—203
Из черновых бумаг К. П. Победоносцева	203—207
«Записка, достойная внимания». Сообщил М. Паозерский. . . .	207—214
ВЦИК в июльские дни 1917 г. Сообщил В. Л. Меллер.	214—219
Учет департаментом полиции опыта 1905 г. Сообщил М. Корбут . .	219—227

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив». Исторический журнал. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче. Т.т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.

2. «Архивное Дело». Журнал, посвященный вопросам теории и практики архивного дела. Под редакцией М. С. Вишневского, В. В. Максакова и А. А. Сергеева. Выпуски I, II, III—IV, V—VI, VII, VIII—IX.

3. Русско-Германские отношения. Сборник секретных документов. С предисловием М. Н. Покровского.

4. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.

5. Русско-Польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого.

6. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

7. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

8. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

9. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.

10. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

11. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

12. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

13. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

14. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского.

15. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».

16. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей.

17. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. В мемуарах и переписке членов царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

18. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

19. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. И. Невского.

20. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. Владимировой.

21. Рабочее движение в годы войны. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием М. Г. Флеера.

22. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием Б. А. Романова.

23. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

24. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

25. Рабочее движение в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

26. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.

27. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

28. Последние дни колчаковщины. С предисловием А. А. Ширямова.

29. Пугачевщина. Т. I. Под ред. и с предисловием М. Н. Покровского.

30. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.

31. Переписка Николая и Александры Романовых. Т.т. III, IV и V. С предисловием М. Н. Покровского.

32. Письма Победоносцева к Александру III. Т.т. I и II. С предисловием М. Н. Покровского.

33. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.

34. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. Максакова.

35. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.

36. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под редакцией В. П. Полонского.

37. Дневник В. Н. Ламздорфа. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна.

38. Ф. М. Достоевский. «Исповедь Ставрогина» (неизданные главы из романа «Бесы») и «Житие великого грешника» (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

39. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

40. Дневник А. Г. Достоевской.

41. Письма Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева. С предисловием Н. Ф. Бельчикова.

42. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

43. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)

44. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.

45. Сборник материалов и статей по архивному делу.

46. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу. 2-е издание.

47. Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 3-е издание.

48. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.

49. Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г. Под ред. Н. Бельчикова и В. Максакова.

Материалы и исследования по истории восстания декабристов.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I — следственные дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М. А. Бестужева. (Вышел в свет.)

2. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II — следственные дела А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. (Вышел в свет.)

3. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. III — следственные дела А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

4. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. IV — следственные дела П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. (Печатается.)

5. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V — следственные дела П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. (Вышел в свет.)

6. Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского пехотного полка. (Печатается.)

7. Восстание декабристов. Т. VII. Русская Правда П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

8. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Мод-

залевского и А. А. Сиверса. (Вышел в свет.)

9. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. (Вышел в свет.)

10. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. (Вышел в свет.)

11. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». (Вышло в свет.)

12. С. С. Мильман. П. И. Пестель.

13. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)

14. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. (Печатается.)

15. Опись архивных дел.

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. Лозовского.

1. Рабочее движение 70-х г.г.

2. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского. (Вышло в свет.)

3. Рабочее движение 1881—1895 г.г. (Печатается.)

4. Стачечное движение 90-х г.г.

5. Рабочее движение начала 900-х г.г.

6. Революционное движение 1898—1905 г.г. (Печатается.)

7. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. С предисловием Б. А. Романова. (Вышло в свет.)

8. Ленские события. С предисловием В. Владимировой. (Вышло в свет).

9. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Г. Флеера. (Вышло в свет.)

---

1. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Киселева.

2. Пугачевщина. Тт. I, II, III. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Т. I — вышел в свет, т. II— печатается, т. III — подготовляется.

3. Политические процессы 60-х годов. В. П.

4. Политические процессы 70-х и 80-х г.г. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.

5. Крестьянские движения до 60-х г.г. XIX стол. (Печатается.)

6. Дело 1 марта 1887 г. (Дело П. Шевырева, Александра Ульянова и др.) (Печатается.)

7. Процесс Каракозова. 2 тома.

8. Материалы по истории «Народной Воли».

9. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче. (Печатается.)

10. Студенческое движение 1905 г.

11. Революционное движение в армии и флоте.

12. Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

13. Русский империализм на Дальнем Востоке.

14. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.

15. Материалы к роману «Преступление и Наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.

16. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.

17. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.

18. Письма И. С. Тургенев к П. В. Анненкову. Под ред к ней П. Н. Сакулина.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Письма Некрасова и Достоевского. — Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко. — Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны. — Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича. — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович. — Генерал Алексеев и М. В. Родзянко. — Подкуп китайских сановников Ли Хун-чжана и Чжан Ин-хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. — Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене. — Письма С. Л. Перовской. — Воспоминания А. Г. Достоевской. — **Из записной книжки архивиста:** Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России. — Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г. — Дневник А. А. Половцева. — Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Отзвуки польского восстания 1863 г. — Письма К. П. Победоносцева. — Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста:** Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — Достоевский в Твери. — Речь Щапова. — Революционное движение в войсках во время мировой войны. — Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и др.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина. — Русско-германский договор 1905 г. — Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.) — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. — Верховное командование в первые дни революции. — Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича. — **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и «шпионские забавы». — Казнь П. П. Шмидта, Частника и др. — В. Чернов и июльские дни. — Распутин в освещении охранки. — От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное Правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. — Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — **Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов. — Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание). — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson».—Достоевский «Преступление и Наказание». — Омские события при Колчаке. — **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной Воли». — Неизданные письма Л. Толстого Ислявиным. — Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль».

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. — Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г. — Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.). Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича). — Октябрьский переворот и Ставка. — Омские события при Колчаке (окончание). — Указы Пугачева и его коллегии. — Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г. — Пенсионная практика Временного Правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнение во флоте в 1915 г. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Показание А. Д. Протопопова. — Октябрьский переворот и Ставка (окончание). — Вокруг Гатчины. — Записка А. К. Бошняка.—Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г. — **Из записной книжки архивиста:** «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона. — Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. — Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы. — Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. — Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова. — Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. 1 созыва после Октября. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. — Из дневника в. кн. Константина Николаевича. — 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы. — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен. — М. Корф в полемике с Герценом. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914—1916 г.г. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 г. — Проект манифеста о событиях 9 января. — Манифест 17 октября. — Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы в 1905 г. — Аграрное движение в 1905 г. — по отчетам Дубасова и Пантелеева. Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца «Потемкин-Таврический», б) «Георгий

Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 г. в донесениях русского посла. — **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г. — Письма Николая II к Дубасову. — К убийству Н. Э. Баумана. — Подвиги барона Меллера-Закомельского. — К истории 9 января 1905 года. — Из бумаг Д. Ф. Трепова. — Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья. — Восстание Черниговского полка. — Записка Н. И. Тургенева. — М. Ф. Орлов и 14 декабря. — «Практич. начала полит. экономии» Пестеля. — К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным. — Заговор в Зерентуйском руднике. — **Из записной книжки архивиста:** П. И. Пестель. «Конституция Госуд. завет». — Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г. — Солдаты Моск. полка о 14 дек. 1825 г. — Казнь моряков-декабристов. — Из писем и записок В. Ф. Раевского. — О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов. — Месяцеслов на 1827 г. — Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание. — Бакунин в 40-е годы. — Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд. — Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. — Новое о Нечаеве. — Автобиограф. заявление А. А. Квятковского. — Письмо Баранникова. — Аграрное движение в 1917 г. — К истории последних дней царского режима. — **Из записной книжки архивиста:** Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого. — Москва в марте 1881 г. — Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г. — Письмо ген. Буланже Александру III. — К истории манифеста 6 авг. 1905 г. — Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая Балканская война. — Март—май 1917 г. — Февральская революция и европейские социалисты. — Гирш Леккерт и его покушение. — Из архива Щегловитова. — К истории «хождения в народ». — Новое о Нечаеве. — Имущественное положение декабристов. — **Из записной книжки архивиста:** Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. Думы. — К истории аграрных мероприятий 1906 г. — Из писем ген. Левашова Куропаткину. — К истории покушения А. Ульянова и др. — Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. — Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. — Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая Балканская война (оконч.). — Февральская революция и европ. социалисты (оконч.). — Романовы и союзники в первые дни революции. — К истории восстания киргиз в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. Думы. — Записки современника о 1861 г. — П. И. Пестель по письмам к нему родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — **Из записной книжки архивиста:** О докализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. — Экономич. перспективы франко-русского союза после мировой войны. — Письмо ген. Стесселя ген. Глазову. — Революция 1905—1906 г.г. в донесениях иностр. дипломатов. — Один из замыслов Ф. М. Достоевского. — Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Политическое положение России накануне Февр. революции в жандармском освещении. — Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 г.г. — Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. — Безобразовский кружок летом 1904 г. — К истории аграрной реформы Столыпина. — Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. — Бакунин (новые материалы). — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — **Из записной книжки архивиста:** Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. — Письмо Ф. Яцевича. — Донесения С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. — Письма Медникова Спиридонову. — Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. — Экспедиция ген. Иванова на Петроград и др.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“

Журнал по вопросам теории и практики архивного дела, издаваемый Центрархивом РСФСР

В 1927 году выйдет 4 тома.

Подписная цена 6 руб. в год.

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР.

Москва, улица Маркса и Энгельса, д. № 3.

Содержание I—IX выпусков „Архивного Дела“.

Выпуск I.

Историк-археограф-архивист. С. В. Рождественского. — Образование архивиста на Западе. Д. Н. Егорова. — К вопросу о составлении перечня изданных русских актов. Н. П. Лихачева. — Западно-европейские периодические издания по архивному делу. И. П. Пузино. — Архивные обзоры. С. Н. Валка. — Из семинария по архивоведению. В. В. Шереметевского. — Летопись архивной жизни провинции за 1920 г. М. С. Вишневского. — Первая Всероссийская конференция архивных деятелей. — Архив помещиков Опочининых. С. Талантовой. — Некрологи. — Библиография.

Выпуск II.

Политическое значение архивов. М. Н. Покровского. — Долговечны ли наши архивы? А. А. Гераклитова. — Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова. — Архивная терминология: I. Ленинградский проект архивной терминологии. II. Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии. В. В. Шереметевского. — Архивы в музеях. В. П. Алексеева. — Архивный музей в Ленинграде. Н. — Московский Исторический Архив. М. К. Любавского. — 200-летие б. Московского главного архива министерства иностранных дел. С. К. Богоявленского. — Архив Ф. М. Достоевского. Н. Б. — Узаконения и распоряжения по архивному делу. — Хроника архивной жизни в РСФСР. — Первая Всебелорусская конференция. В. И. Пичеты. — Литература по архивному делу за 1917—1923 гг. Н. Ф. Бельчикова. — О библиографическом указателе по иностранной архивной литературе. И. И. Любименко. — Отзывы о книгах.

Выпуск III—IV.

Архивное дело в Рабоче-Крестьянском государстве. М. Н. Покровского. — Некоторые итоги. В. В. Максакова. — Съезд архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г. в Москве. М. М. Константинова. — Резолюции Съезда архивных деятелей РСФСР. — О приемах издания историко-революционных документов. С. Н. Валка. — Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова. — Инвентаризация поступлений в Архиве Октябрьской Революции. А. М. Рахлин. — К истории фонда следственной комиссии и верх. угол. суда по делу декабристов. С. Н. Чернова. — Архивное дело в СССР и на Западе: Центрархив РСФСР. — Положения и циркуляры. Правила постановки архивной части в действующих учреждениях. Хроника архивной жизни. — Центрархив УССР — Первое Всеукраинское совещание архивных работников. — Центрархив БССР. — Центрархив ССР Грузии. — Положение архивного дела на Западе. — Общегерманский Госуд. Архив. И. И. Любименко. — Литература по архивному делу. Н. Ф. Бельчикова. — Публикации историко-революционных материалов. — Справочный отдел.

Выпуск V—VI.

Пять лет архива Октябрьской революции. В. В. Максакова. — Итоги и перспективы работы Ленинградского Центрального Исторического Архива. И. Л. Маяковского. — Научное использование архивных материалов ЕГАФ. Е. М. Нерсисьяна. — Архив, библиотека и музей. И. Л. Маяковского. — К вопросу о недроблении архивных фондов. Я. Н. Ждановича и М. К. Любавского. — Работа Поверочной и Разборочных комиссий. С. К. Богоявленского. — О правилах издания исторических текстов. А. И. Андреева. — Топографические указатели к архивным фондам.

М. С. Вишневского. — Учет архивной работы. Н. Ф. Бельчикова. — Выбор здания под архивохранилище. А. С. Боланчук. — Центральный Межевой Архив. С. П. Троянского. — Архивное дело в СССР и на Западе. — Центрархив РСФСР. — Хроника архивной жизни. — Из инструкторских отчетов и корреспонденций с мест. — Районирование Юго-Восточного края и архивное строительство. А. П Гиваргизова. — Архивы Сибири. Д. Г. Истнюка. — Астраханское губархбюро. Е. Ф. Сенковского. — 1-я Нижегородская губернская архивная конференция. Д. Истнюка. — Рижский Государственный Архив. Инны Любименко. — Архив немецкого рейха в Потсдаме. Инны Любименко. — Археография в годы революции. Н. Ф. Бельчикова. — Публикации историко-революционных материалов. — Отзывы о книгах.

Выпуск VII.

На очереди. В. В. Максакова. — Регистратура и архив. Н. В. Русинова. — Архив, библиотека и музей (оконч.). И. Л. Маяковского. — О правилах издания исторических текстов. А. И. Андреева. — Архивохранилище Нар. Хоз., Права, Культуры и Быта. Е. В. Тарле. — Провинциальные архивы Франции со времени мировой войны. Henri See. — Условия труда архивных работников. В. А. Домбровского. — Архивное дело в СССР и на Западе. — Н. Н. Авдеев (некролог). — Датский ученый об архивах Советской России. — Из отчета о заграничной командировке летом 1925 г. И. И. Любименко. — Из архивной жизни Чехо-Словакии. В. И. Пичеты. — Рейнско-Вестф. Эконом. архив в Кельне. И. И. Любименко. — По поводу одного проекта рационализации арх. дела. А. Р. Иодко. — Отзывы о книгах.

Выпуск VIII—IX.

Военно-Исторический Архив. И. В. Хрипача. — Регистратура и архив (окончание). Н. В. Русинова. — К вопросу об организации научно-справочных библиотек при архивохранилищах. М. Ахуна. — Фото-кино Архив. Л. Левина. — Парижский Национальный Архив. Ж. Буржен. — Декреты, циркуляры, инструкции по архивному делу. — Хроника архивной жизни. — Архивы Центральных учреждений. Н. В. Русинова. — Архивное дело на Дальнем Востоке. Е. Ф. Сенковского. — Передача архивных материалов Украине. Ж. — 1 Всеукраинский съезд архивных работников. В. А. Домбровского. — Архивное дело в Польской Республике. В. И. Пичеты. — Опыт с экранами на выцветание. С. К. Богоявленского. — К вопросу о топографических указателях (письмо в редакцию). А. Вязигина. — Ответ т. Вязигину. М. С. Вишневского. — Обзор документальных публикаций (январь — март 1926 г.). С. Н. Валка. — По журналам. Б. И. Анфилова. Отзывы о книгах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРЫ РОМАНОВЫХ
1916—1917

ТОМ III
С предисловием М. Н. Покровского.
Стр. 512+4 нен. Ц. 5 р.

ТОМ IV
С предисловием М. Н. Покровского.
Стр. 438. Ц. 4 р.

„Распутин — настоящий „герой" публикуемой переписки. Она впервые дает ясный, точный и окончательный ответ на вопрос, чем был этот человек для царской семьи и кто в действительности управлял романовской империей в последние годы ее существования". (Из предисл. М. Н. Покровского.)

ТОМ V
С предисловием М. Н. Покровского.
Стр. 301. Ц. 3 р.

★

КРАСНОВ, В.

ХОДЫНКА
РАССКАЗ НЕ ДО-СМЕРТИ РАСТОПТАННОГО.
(К 30-летию катастрофы на Ходынском поле. 1896—1926.)
Стр. 62. Ц. 30 к.

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР
Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56,
Ленинград, „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-34-18
И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ",
ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ",
а в пределах УССР — **ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ РСФСР, КНИГА—ПОЧТОЙ**
ул. Свердлова, 14,
высылают немедленно по получении заказа КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, имеющиеся на книжном рынке.
Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) **пересылка бесплатно.**

Исполнение заказов быстрое и аккуратное.
Каталоги, проспекты и бюллетени высылаются по требованию бесплатно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ПАДЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Редакция П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

ТОМ I. *Стр. 434.*

Содержание. Допросы А. Н. Хвостова, Е. А. Климовича, А. Д. Протопопова, С. С. Хабалова, А. Т. Васильева, Б. В. Штюрмера, В. Л. Бурцева, А. Н. Наумова, кн. М. М. Андроникова.

ТОМ II. *Стр. 440.*

Содержание. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Кафафова, М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова.

ТОМ III. *Стр. 507.*

Содержание. Допросы и показания А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. Е. Виссарионова, Н. С. Чхендзе.

ТОМ IV. *Стр. 535.*

Содержание. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого.

ТОМ V. *Стр. 480.*

Содержание. Допросы и показания. Г. Е. Рейна, графа Фредерикса, И. М. Золотарева, В. Ф. Джунковского, Б. В. Штюрмера, Н. А. Маклакова, С. Е. Виссарионова, А. Д. Протопопова, С. П. Белецкого, М. В. Челнокова, ген. Н. И. Иванова, Н. Н. Покровского, Ф. А. Головина, С. Е. Крыжановского, А. А. Хвостова.

ТОМ VI. *Стр. 416.*

Содержание. Допросы и показания гр. П. Н. Игнатьева, гр. С. И. Велепольского, Н. В. Плеве, А. М. Хвостова, А. А. Рейнбота (Резвого), кн. В. М. Волконского, И. Н. Лодыженского, Н. Е. Маркова, А. А. Нератова, А. Н. Веревкина, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, Д. Н. Дубенского.

ТОМ VII.

Содержание. Допросы и показания Лодыженского, Маркова, Шингарева, Коковцова, Родзянко, Щербтова, Ледницкого, Лядова, Шувалова и др.

ВСЕГО 7 ТОМОВ. ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМА I, II, III, IV, V, VI.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ВСЕГО ИЗДАНИЯ 20 руб.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА.

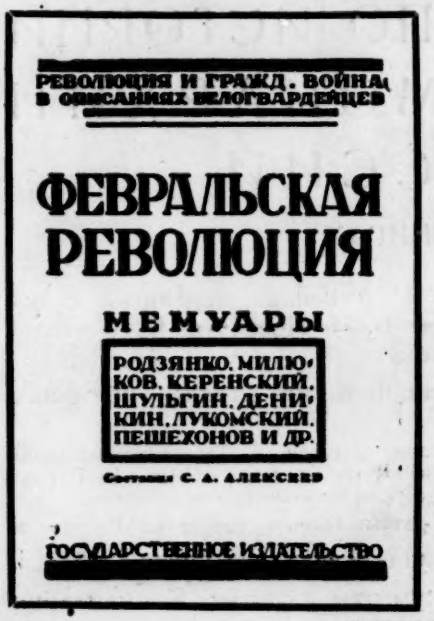
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток 2 руб. 50 к. и приполучение каждого тома налож. платежом по 2 руб. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Отделом Подписных и Периодических изданий Торгсектора Госиздата; **Москва, Воздвиженка, 10,** Телеф. 4-87-19, 5-88-91, **Ленинград, проспект 25 Октября, 28,** телеф. 5-44-56 в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями и во всех почтово-телеграфных конторах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ



РЕВОЛЮЦИЯ
и
ГРАЖДАНСКАЯ
В О Й Н А
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Составил С. А. Алексеев.

В 5 ТОМАХ

РАЗМЕРОМ ОКОЛО 30 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ КАЖДЫЙ

МЕМУАРЫ

Родзянко, Шульгина, Милюкова, Керенского, Деникина, Лукомского, Краснова, Авксентьева, Зензинова, Вырубовой, Карабчевского, Дана и др.

ТОМ I. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
Стр. XXXIV+515.

ТОМ II. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
Стр. 432.

ТОМ III. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
Стр. 480.

ТОМ IV. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГЕ И ЗАПАДЕ

ТОМ V. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ И НА СЕВЕРЕ

Вышли из печати I, II, III и V т.т.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 12 руб. 50 коп. без пересылки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток **1 р. 50 к.** и при получении каждого тома наложенным платежом по **2 р. 20 к.**

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Отделом Подписных и Периодических изданий Торгсектора Госиздата: **Москва, Воздвиженка, 10,** телеф. 4-87-19 и 5-88-91. **Ленинград, проспект 25 Октября, 28,** телеф. 5-44-56, в книжных магазинах, киосках провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями и во всех почтово-телеграфных конторах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ

в 7 КНИГАХ

Николай II и великие князья. Родственная переписка с последним царем. Предисловие В. И. Невского. Вступительная статья В. П. Семенникова.

В. П. Семенников. За кулисами царизма (Архив Тибетского врача Бадмаева.)

Содержание: Распутин—Иллодор—Бадмаев. 2. Тибетская медицина (лечение наследника). 3. Закулисная роль Бадмаева в 1916—1917 г. г. 4. Авантюра на Дальнем Востоке. 5. Концессионные предприятия.

Приложение: „Мои мысли и размышления"— сочинение Распутина.

Дневник Андрея Романова (бывшего великого князя). 1915 г.

Монархия перед падением. Документы и статьи. Комментарии В. П. Семенникова. В 2-х томах.

В. П. Семенников. — Политика Романовых накануне революции.

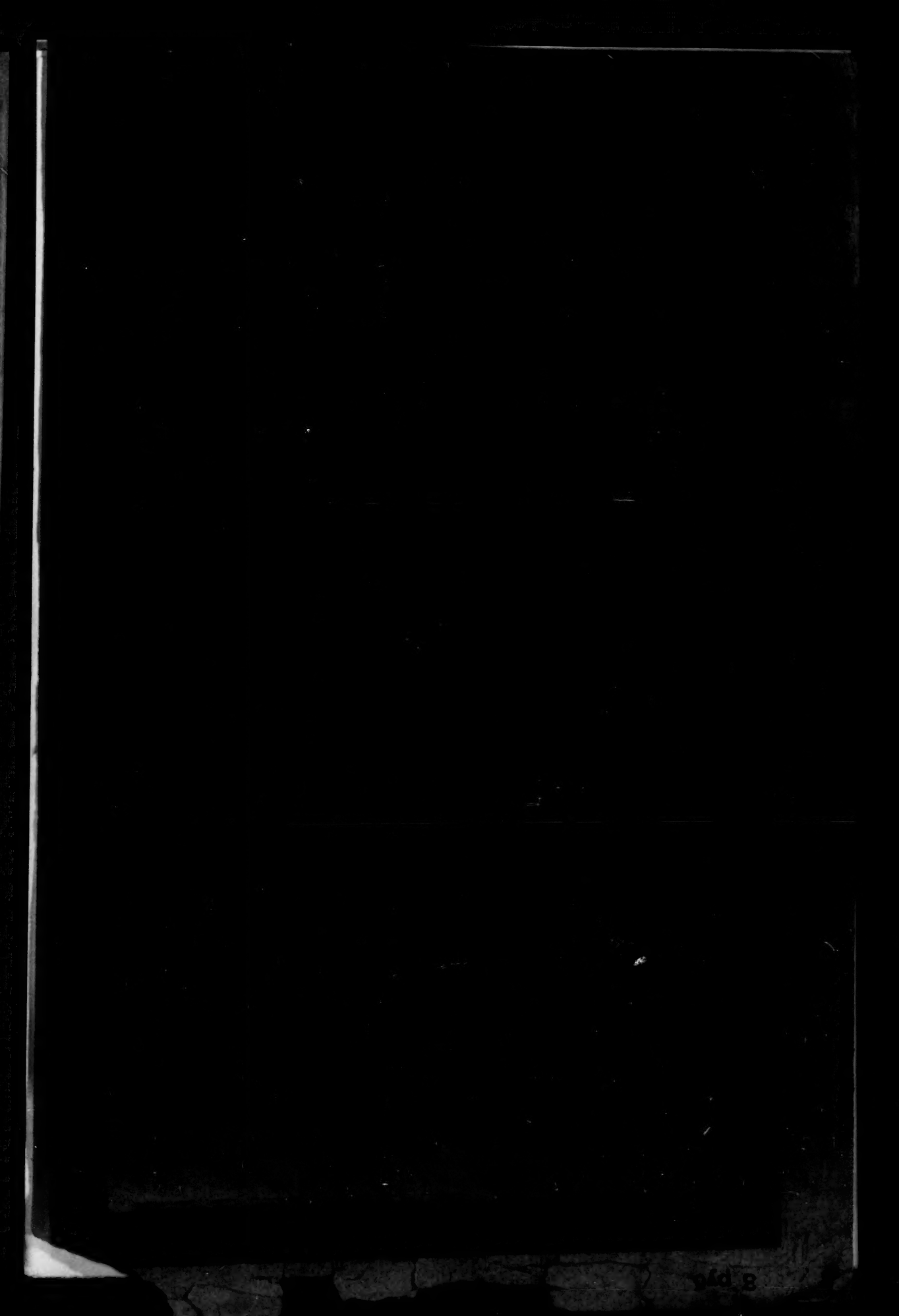
Содержание: а) Романовы и сепаратный мир. Глава 1. — Миссия. Васильчиковой. Глава. 2. — „Стокгольмское свидание" Протопопова. Штюрмер. Отношение Романовых к „союзникам". Глава 3. — Последняя попытка сепаратного мира (февраль 1917 г.). б) Распутин и банки. Глава 1. — „Дело" гр. Татищева. Глава 2. — Манус и К° (связи с германским капиталом). Глава 3. — „Дело" Рубинштейна и Манасевича-Мануйлова и участие в них А. Романовой. в) Смена верховного командования, как поворотный этап политики.

Революция 1905 г. и самодержавие.

Цена всей библиотеки по подписке — 12 руб.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток — 1 р. 50 к. и при получении 3 посылок (одна—3 тома и две по два тома) наложенным платежом по 3 р. 50 к. или при получении каждого тома—1 р. 50 к.

Пересылка за счет подписчика.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ 6 ТОМОВ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Отделом Подписных и Периодических изданий Торгсектора Госиздата: **Москва, Воздвиженка, 10,** телеф. 4-87-19 и 5-88-91, **Ленинград, проспект 25 Октября 28,** телеф. 5-44-56, в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями и во всех почтово-телеграфных конторах.